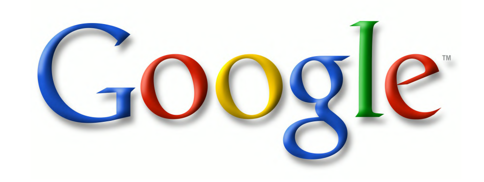

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Popov, A. N.

СНОШЕНІЯ

РОССІИ съ РИМОМЪ

съ 1845 по 1850 годъ.

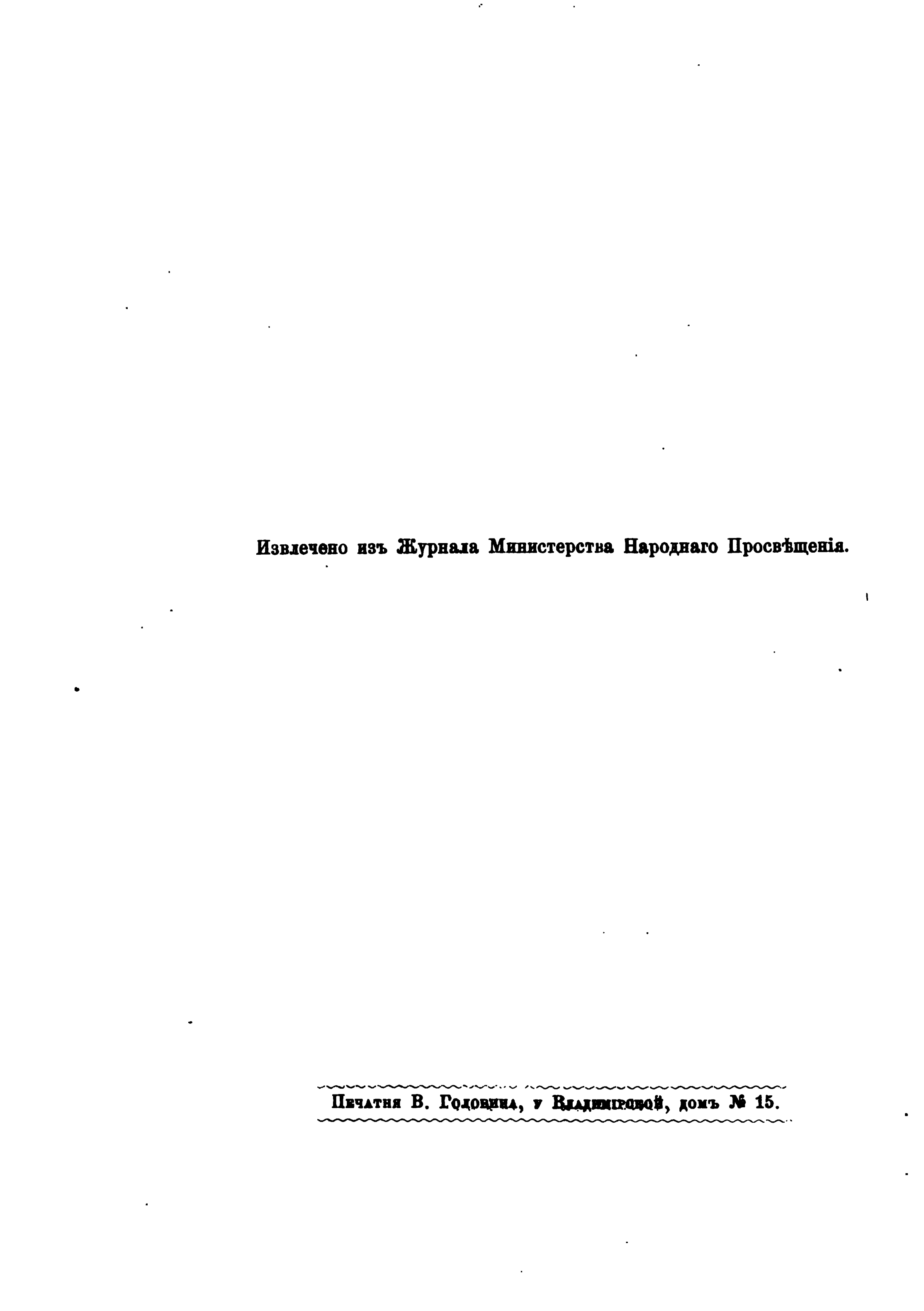

сочиненіе

А. Н. ПОПОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Печатня В. Головина, у Владимирской, домъ № 15.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ РИМОМЪ СЪ 1845 ПО 1850 ГОДЪ.

I.

Пріѣздъ императора Николая Павловича въ Римъ, въ 1845 году, представляется важнымъ историческимъ событіемъ, съ котораго начался новый періодъ нашихъ отношеній къ Риму, окончившійся только въ настоящее время.

Слабое здоровье императрицы Александры Θеодоровны потребовало въ этомъ году заграничнаго лѣченья и продолжительнаго пребыванія въ тепломъ климатѣ. По назначенію врачей, она должна была провести зиму въ Сициліи на дачѣ близъ Палермо. Продолжительность разлуки побудила императора посѣтить августѣйшую супругу его въ Палермо, и онъ прибылъ туда въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Тамъ уже возникла мысль о посѣщеніи Рима, на обратномъ пути въ Россію. Такимъ образомъ путешествіе, предпринятое исключительно съ семейною цѣлію, получило важное политическое значеніе. Императоръ сообщилъ о своемъ намѣреніи бывшему при немъ канцлеру графу Нессельроду. Въ это время находился въ Палермо и нашъ посланникъ при Римскомъ дворѣ Бутеневъ, пріѣхавшій туда привѣтствовать императора. Намѣреніе посѣтить Римъ, и слѣдовательно, имѣть свиданіе съ папою составило предметъ внимательныхъ соображеній обоихъ дипломатовъ, и затѣмъ графъ Нессельродъ счелъ необходимымъ представить эти соображенія императору въ особомъ докладѣ 29-го октября 1845 года.

„Предполагаемое Вашимъ Величествомъ свиданіе съ папою“ — писалъ онъ — „съ цѣлію возстановить въ удовлетворительномъ видѣ наши отношенія къ Риму составляетъ событіе такой важности по своимъ послѣдствіямъ, какъ для внѣшней политики имперіи, такъ и для внутреннихъ ея отношеній, что я считаю долгомъ представить нѣкоторыя соображенія“. Оба дипломата принадлежали къ числу тѣхъ

лицъ въ Россіи, которыя весьма желали возстановить дружелюбныя отношенія съ Римомъ. Впрочемъ, миръ, во что бы то ни стало, хотя и былъ имъ желателенъ, однако же не могъ не внушать и опасеній за свои послѣдствія. Увлекаясь заботами текущаго времени, они приписывали всю вину нашихъ враждебныхъ отношеній къ Риму неблагоразумнымъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіямъ нашего министерства внутреннихъ дѣлъ и отклоняли вниманіе отъ важныхъ историческихъ вопросовъ, стоявшихъ неразрѣшимою задачею между нами и Римомъ. Тѣмъ не менѣе присутствіе этихъ вопросовъ они однако же чувствовали; они полагали только, что для достиженія мира съ Римомъ необходимо сдѣлать уступки требованіямъ папы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали, что эти уступки должны имѣть предѣлъ, перейдти который значило бы пожертвовать достоинствомъ своего государства или правами господствующей церкви. При личномъ свиданіи, въ простомъ разговорѣ, возможно было случайно перейдти этотъ предѣлъ, когда бы рѣчь пошла о подробностяхъ, о многочисленныхъ частныхъ вопросахъ, составлявшихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ предметъ споровъ и пререканій между нашимъ правительствомъ и Римскою куріей. Конечно, русскія чувства императора, вѣроятно, предохранили бы его отъ этой случайности гораздо болѣе, нежели отвлеченныя соображенія дипломата, не основанныя на русскомъ патріотизмѣ и православіи; но необходимо было обозначить предѣлы возможныхъ переговоровъ и сложить съ себя такимъ образомъ отвѣтственность за послѣдствія.

„Чтобъ опредѣлить характеръ этого свиданія", сказано въ докладѣ, „и указать на средства, которыя могли бы привести къ предположенной цѣли, слѣдуетъ уяснить себѣ наше положеніе въ отношеніи къ Риму. Затрудненія, которыя представляются въ этомъ случаѣ, заключаются отчасти въ лицахъ, отчасти въ самомъ дѣлѣ. Папа исполненъ самыми доброжелательными чувствами и лично благорасположенъ къ Вашему Величеству; но онъ старикъ простосердечный, хотя и не лишенный здраваго смысла. Безъ сомнѣнія, ваше присутствіе, ваши рѣчи, исполненныя откровенности и заботъ о судьбѣ католической церкви, произведутъ сильное впечатлѣніе на этого почтеннаго первосвященника и убѣдятъ его, что вы желаете мира и благоденствія этой церкви. Но кардиналъ Ламбрускини, представитель партіи, господствующей въ священной коллегіи, такъ далеко и такъ давно увлеченъ фанатическою ревностію, что нельзя надѣяться привлечь его на свою сторону только увѣреніями, какъ бы ни были они опредѣлительны. Въ немъ глубоко укоренилось недовѣріе къ русскому правительству, вслѣдствіе продолжительныхъ враждебныхъ отношеній и тѣхъ потерь, которыя претерпѣлъ католицизмъ въ Россіи. Это чувство скоро изгладиться не можетъ. Между тѣмъ кардиналъ Ламбрускини и его партія сами вѣрятъ и поддерживаютъ въ другихъ

мнѣніе, что въ Россіи и Царствѣ Польскомъ систематически и постоянно совершается преслѣдованіе католицизма подъ прикрытіемъ августѣйшаго имени Вашего Величества. Это мнѣніе, выраженное въ аллокуціи 1842 года и поддерживаемое клеветами, распускаемыми нашими врагами, нашло себѣ новую пищу въ многочисленныхъ ложныхъ извѣстіяхъ, повторяемыхъ во всѣхъ газетахъ. Въ настоящее время оно особенно усилилось, не смотря на то, что служитъ отголоскомъ лишь давнихъ обвиненій, направленныхъ противъ насъ католическою Европой. Однако же въ виду такихъ предубѣжденій, Вашему Величеству невозможно давать папѣ никакихъ другихъ болѣе опредѣленныхъ обѣщаній, кромѣ тѣхъ, о которыхъ вы изволили сообщить мнѣ словесно. Если вы ограничитесь лишь заявленіемъ, что въ ваши виды никогда не входило желаніе разрушить католическую церковь и принудить милліоны вашихъ подданныхъ перемѣнить вѣру, и что вы желаете напротивъ того согласиться съ Римскимъ престоломъ именно съ тою цѣлію, чтобы поднять достоинство священнослужителей и возстановить іерархію католической церкви, то этимъ будутъ обозначены предѣлы вашимъ великодушнымъ намѣреніямъ, вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ совѣсти. Какой бы пріемъ ни встрѣтили эти увѣренія, выраженныя хотя и въ общихъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе положительныя, они будутъ блистательнымъ опроверженіемъ тѣхъ клеветъ, которыми осыпаютъ Ваше Величество. Къ этому можно присовокупить и другое соображеніе, которое должно убѣдить Ваше Величество въ необходимости не выходить изъ области общихъ выраженій. Намъ еще не извѣстны тѣ новыя обстоятельства, на которыя жалуется папское правительство; мы знаемъ только, что оно намѣрено представить ихъ намъ, подтвердивъ доказательствами, и выразить свои требованія.

„Очень можетъ быть, что папа словесно или письменно выразитъ эти требованія Вашему Величеству. Не соблаговолите ли признать необходимымъ отклонить всякое разсмотрѣніе этихъ требованій, во всякомъ случаѣ основанныхъ на показаніяхъ, недостойныхъ вѣроятія, и не дозволите ли получить эту бумагу вашему министру, поручивъ ему объявить, что заключающіяся въ ней обвиненія будутъ подвергнуты строгому изслѣдованію, о послѣдствіяхъ котораго Римская курія будетъ увѣдомлена въ свое время.

„Возможна и другая случайность, на которую также слѣдуетъ обратить вниманіе, а именно: вслѣдствіе разговора съ Вашимъ Величествомъ, папа можетъ поручить кардиналу Ламбрускини открыть со мною переговоры съ тою цѣлію, чтобы привести въ исполненіе тѣ увѣренія, которыя будутъ словесно сообщены папѣ Вашимъ Величествомъ, и установить такимъ образомъ по крайней мѣрѣ главныя основанія для соглашенія между обоими правительствами“.

Если бы государь дозволилъ вступить въ такіе переговоры, то канцлеръ полагалъ принять въ основаніе ихъ слѣдующія начала: 1) оставить и забыть всѣ взаимныя пререканія, которыя были послѣ польскаго возмущенія; 2) считать совершившимся фактомъ присоединеніе уніатовъ къ православной церкви и отобраніе церковныхъ имуществъ, и не возвращаться болѣе къ этимъ вопросамъ, и 3) признать, что латинская церковь въ Имперіи будетъ управляться на основаніи

своихъ каноническихъ правилъ и постановленій. Это послѣднее основаніе, по мнѣнію графа Нессельрода, не представляло ничего новаго и въ принципѣ было всегда признаваемо нашимъ правительствомъ. Но при предстоявшихъ переговорахъ оно представляло бы „двойную выгоду: вопервыхъ, дало бы возможность избѣжать переговоровъ о свободныхъ сношеніяхъ нашего латинскаго духовенства съ папскимъ престоломъ, которыхъ такъ часто требуетъ Римскій дворъ, и вовторыхъ, дозволило бы возстановить тотъ порядокъ и способъ назначенія епископовъ, которому слѣдовали прежде какъ съ той, такъ и съ другой стороны, и послѣ оставленія котораго эти дѣла представляютъ столько затрудненій".

Вопросъ о назначеніи епископовъ казался нашему канцлеру иностранныхъ дѣлъ до такой степени важнымъ, что при этомъ же докладѣ онъ счелъ нужнымъ представить государю особую о томъ записку. Съ точки зрѣнія дипломата, занятаго заботами дня, этотъ вопросъ, возбуждавшій наибольшее количество споровъ и пререканій, почти никогда не прерывавшихся, былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ. Установить для случаевъ назначенія епископовъ опредѣленный порядокъ, одинаково обязательный для той и другой стороны, и тѣмъ устранить возможность пререканій на будущее время казалось дѣломъ необходимымъ и крайне важнымъ.

„Въ церкви латинской, также какъ и въ греческой", писалъ въ своей запискѣ графъ Нессельродъ, „епископскій санъ непосредственно ведетъ начало отъ Іисуса Христа (l'épiscopat est l'effet d'une émanation directe du Christ), передаваясь непрерывно чрезъ апостоловъ и ихъ законныхъ преемниковъ. Епископской санъ можетъ быть сообщаемъ не иначе, какъ высшею церковною властію. Эта власть въ церкви русской сосредоточивается въ св. синодѣ, а въ церкви латинской въ лицѣ папы [1]). Поэтому самая сущность дѣла показываетъ, что вмѣшательство въ этихъ случаяхъ свѣтской власти должно быть ограничено лишь представленіемъ (proposition) кандидатовъ, и исполненіе лежащихъ на епископѣ обязанностей ни въ какомъ случаѣ не можетъ начаться ранѣе каноническаго посвященія (institution canonique) этихъ кандидатовъ, то-есть, со дня сообщенія назначенному епископу власти, проистекающей отъ Іисуса Христа. Свѣтская власть должна сознаться въ своемъ безсиліи въ этомъ случаѣ и откровенно признать то начало, внѣ котораго могутъ быть только смуты для совѣсти и расколы въ церкви. Только посвященный епископъ можетъ пользоваться извѣстными правами (jura propria), которыя сопряжены съ его саномъ. Таковы суть: миропомазаніе (confirmation), посвященіе священниковъ, и даже епископовъ,

[1]) Кажется, нѣтъ нужды указывать, что сопоставленіе синода съ папою въ отношеніи къ посвященію епископовъ совершенно невѣрно.

если на то будетъ дано полномочіе папою, назначеніе аббатовъ и аббатиссъ, приготовленіе священнаго мура (chrisma), освященіе храмовъ и алтарей и благословеніе кладбищъ и священныхъ сосудовъ. То, что совершается въ настоящее время въ Греціи, доказываетъ, что связи, соединяющія отдѣльную церковь съ ея общимъ средоточіемъ, не могутъ быть неправильно прерваны. Тщетно хотѣлъ Аѳинскій синодъ отдѣлиться отъ патріарха. Такъ какъ этотъ синодъ не былъ признанъ патріархомъ, то ему и недостаетъ власти посвящать новыхъ епископовъ.

«Это начало сохраняется неизмѣнно во всѣхъ первобытныхъ церквахъ, и если мы желаемъ дѣйствовать добросовѣстно и согласно съ нашими собственными взглядами, то должны будемъ признать это начало и въ нашихъ отношеніяхъ къ латинской церкви. Изъ этого слѣдуетъ, что недостаточно одного назначенія свѣтскою властію для того, чтобъ епископъ могъ пользоваться правами, сопряженными съ его саномъ. Для этого необходимо утвержденіе папы (confirmation), каноническое посвященіе (installation canonique). Въ видахъ Его Величества Государя Императора—поддержать въ своей имперіи латинскую церковь и даже поднять ее. Можетъ ли быть достигнута эта цѣль, если эта церковь останется безъ епископовъ, кои одни имѣютъ право исполнять изложенныя выше обязанности, безъ которыхъ никакая церковь существовать не можетъ? Вопросъ о назначеніи епископовъ представляется наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ, по которымъ слѣдуетъ достигнуть соглашенія съ Римскимъ дворомъ. Допустивъ съ нашей стороны нѣкоторыя облегченія, возвратившись именно къ тому порядку, которому слѣдовали до 1836 года, и который одинъ только возможенъ и примѣнимъ къ дѣлу, одинъ только и принятъ всѣми католическими правительствами, мы получимъ возможность устроить это дѣло удовлетворительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ. Въ то же время никакой другой образъ дѣйствій не былъ въ состояніи такъ обличить враговъ Россіи, которые клевещутъ, будто ея Императоръ имѣетъ намѣреніе разрушить латинскую церковь въ своемъ государствѣ, между тѣмъ какъ если оставить вопросъ о назначеніи епископовъ безъ разрѣшенія, то это предположеніе получитъ видъ вѣроятности. Скажутъ: если Императоръ отвергаетъ единственный способъ замѣщенія епископскихъ мѣстъ, которыя въ настоящее время почти всѣ вакантны въ его имперіи,—то не служитъ ли это доказательствомъ, что онъ желаетъ незамѣтнымъ образомъ довести до разрушенія все зданіе католической церкви“.

Графъ Нессельродъ обращалъ особенное вниманіе императора на вопросъ о назначеніи епископовъ потому особенно, что во взглядахъ на этотъ вопросъ онъ расходился съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

„Мнѣ казалось особенно необходимымъ“, писалъ графъ въ докладѣ 29-го октября, „опредѣлить точнѣе нашъ взглядъ на этотъ вопросъ, потому что я опасаюсь, что въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій смотрятъ на него не съ настоящей точки зрѣнія. Этотъ департаментъ именно убѣжденъ, что для нашего правительства совершенно все равно, управляется ли католическая церковь епископами, или епископскія мѣста остаются не занятыми, или что мы можемъ обойдтись безъ согласія папы и можемъ устроить дѣла католической церкви въ имперіи, какъ намъ будетъ удобнѣе. Эти начала выра-

жены между прочимъ въ отношеніи, которое я только-что получилъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ“.

Въ 1844 году умеръ Виленскій епископъ Клонгевичь, и мѣсто его занялъ епископъ Цивинскій, бывшій его суффраганомъ съ правомъ преемства въ будущемъ (cum futura successione). Но его предмѣстникъ, по уполномочію папы, съ 1840 года получилъ на опредѣленный срокъ особыя права разрѣшать монашескіе обѣты и браки въ близкихъ степеняхъ родства, и притомъ могъ или самъ пользоваться этими правами, или передавать ихъ другимъ. Клонгевичь передалъ ихъ своему суффрагану. Цивинскій обратился съ прошеніемъ [1]) къ папѣ утвердить за нимъ тѣ же права. Бутеневъ, въ виду многихъ вопросовъ, подлежавшихъ переговорамъ съ Римскою куріей, и не желая усложнять ихъ новыми, возвратилъ назадъ прошеніе Цивинскаго, увѣдомивъ, что такія права, даруемыя духовнымъ властямъ, суть личныя и не могутъ переходить къ преемникамъ. Поэтому слѣдуетъ просить, чтобы вновь папа даровалъ эти права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *отпущеніе* (sanatio) за управленіе епархіей до утвержденія папою [2]).

Такъ какъ папа утвердилъ Цивинскаго епископомъ-суффраганомъ съ правомъ преемства и такъ какъ по вступленіи на епископскую каѳедру за смертью Клонгевича онъ былъ утвержденъ указомъ императора, то Л. А. Перовскій, устраняя вопросъ объ утвержденіи папою Цивинскаго въ санѣ епископа, управляющаго епархіей, выразилъ только взглядъ, на испрашиваемыя имъ особыя права. „Въ этомъ случаѣ“ — писалъ онъ къ графу Нессельроду [3]) — „не представляется никакой нужды въ настояніи съ нашей стороны къ полученію отъ папы просимыхъ епископомъ властей, потому что онѣ для правительства не нужны; а если могутъ быть полезны, то для той церкви, которой папа начальникъ“.

Увѣдомляя затѣмъ, что прошеніе Цивинскаго онъ отправилъ въ Римъ только для того, чтобъ исполнить желаніе латинскаго духовенства, Л. А. Перовскій заключалъ: „Слѣдовательно; въ этомъ случаѣ все равно, какого содержанія послѣдуетъ отзывъ папы, который по полученіи и будетъ объявленъ Цивинскому, если только въ немъ не окажется чего-либо противнаго законамъ государственнымъ“.

И дѣйствительно, представленіе объ утвержденіи въ епископскомъ званіи Цивинскаго, назначеннаго суффраганомъ съ правомъ преемства,

---

[1]) Отъ $^{7}/_{19}$ апрѣля 1845 года.

[2]) Нота $^{14}/_{26}$ іюля 1845 года.

[3]) Отношеніе отъ 24-го августа 1845 года.

который поэтому могъ законно управлять епархіею, не представлялось дѣломъ необходимости для нашего правительства, но развѣ только простою учтивостью. Что же касалось до испрашиваемаго утвержденія за нимъ уполномочій, которыми былъ снабженъ его предшественникъ, то еще менѣе было нужно особенно ходатайствовать объ этомъ передъ папою. Но графъ Нессельродъ воспользовался этимъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ для того, чтобы выставить противоположность его взглядовъ со своими. Представляя это отношеніе императору, онъ присовокуплялъ: „Поддерживать подобныя начала и въ то же время заботиться о соглашеніи съ св. престоломъ, значитъ желать двухъ несовмѣстимыхъ явленій, преслѣдовать двѣ противоположныя цѣли. Не смотря на то, я считаю долгомъ совѣсти представить Вашему Величеству, что необходимо выйдти изъ ложнаго положенія, въ которое ставятъ насъ, въ отношеніи къ католической Европѣ, наши двусмысленныя отношенія къ Риму".

Лишь только вопросъ о способѣ и предѣлахъ предстоявшихъ съ папою переговоровъ былъ обсуженъ и разсмотрѣнъ, тотчасъ же Бутеневъ былъ отпущенъ изъ Палермо обратно въ Римъ, съ порученіемъ извѣстить папское правительство о скоромъ пріѣздѣ императора. Но еще прежде того, едва только дошелъ слухъ, что государь прибылъ въ Палермо, въ Римѣ проявилась увѣренность, что онъ увидитъ императора въ своихъ стѣнахъ, и потому онъ волновался ожиданіемъ. Правительственныя лица раздѣлялись на двѣ партіи: одни желали пріѣзда государя и надѣялись, что личное его свиданіе съ папой устроитъ болѣе удовлетворительнымъ образомъ взаимныя отношенія между обоими правительствами. Эта партія была немногочисленна; но во главѣ ея стоялъ самъ папа. Напротивъ того, другая многочисленная партія, и въ лицѣ кардинала статсъ-секретаря господствовавшая въ священной коллегіи, не только не желала сближенія съ Россіей, но вела дѣла къ окончательному и полному разрыву. Пріѣздъ императора, безъ сомнѣнія, могъ повредить работѣ этой партіи, и притомъ въ такое время, которое казалось ей наиболѣе благопріятнымъ для дѣйствій противъ Россіи. Не задолго до прибытія императора пріѣхала изъ Парижа въ Римъ пресловутая аббатисса Мечиславская, въ сопровожденіи двухъ польскихъ ксендзовъ, и не только была принята папою, но и удостоилась получить его благословеніе, а священная коллегія поручила предсѣдателю пропаганды Рилло [1]) произвести слѣд-

[1]) Депеша нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Римѣ г. Устинова въ Палермо, отъ $^{2}/_{14}$ ноября.

ствіе по ея дѣлу. Эта гнусная продѣлка польской эмиграціи, о которой трубили въ то время газеты всей Европы, была принята подъ особенное покровительство Рима. Папа принималъ непосредственное участіе въ слѣдствіи; а кардиналъ Ламбрускини говорилъ объ этомъ происшествіи съ раздраженіемъ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нашему посланнику передъ самымъ его отъѣздомъ въ Палермо, придавая полную вѣру нелѣпымъ до безобразія разказамъ [1]). Ламбрускини всѣми способами хотѣлъ отклонить пріѣздъ государя въ Римъ, и съ этою цѣлію, но подъ видомъ привѣтствія, былъ посланъ въ Палермо одинъ изъ ревностныхъ его помощниковъ — монсиньоръ Сантучи.

„Отправленіе Сантучи въ Палермо", — писалъ къ графу Нессельроду нашъ повѣренный въ дѣлахъ, управлявшій посольствомъ въ отсутствіе Бутенева [2]), — „какъ совершенно несогласное съ желаніями папы, подало поводъ къ очень жаркимъ спорамъ между папой и кардиналомъ статсъ-секретаремъ. Хотя послѣдній и одержалъ полную побѣду, успѣвъ устроить отправленіе Сантучи, тѣмъ не менѣе онъ былъ пораженъ, какъ увѣряютъ, рѣшительными выраженіями, въ которыхъ папа опровергалъ мнѣніе кардинала относительно пріѣзда императора въ Римъ. Его святѣйшество даже прямо выразилъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ взгляда своего министра и оставляетъ за собою свободу, когда сочтетъ нужнымъ, дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ какъ предлагалъ ему кардиналъ Ламбрускини, и принимать не тѣ мѣры, которыя онъ совѣтовалъ, а другія".

Въ то время, когда въ средѣ римскихъ правительственныхъ лицъ и въ обществѣ, находившемся въ ближайшихъ съ ними сношеніяхъ, боролись противоположныя мнѣнія объ ожидаемомъ пріѣздѣ Русскаго императора въ Римъ, а дипломаты разныхъ европейскихъ государствъ еще не успѣли получить особыхъ наставленій отъ своихъ правительствъ, одинъ представитель дружественной намъ державы, австрійскій посланникъ графъ Лютцовъ, сильно суетился и распускалъ различные слухи.

„На этотъ случай" (то-есть, на случай пріѣзда императора въ Римъ), писалъ тотъ же повѣренный въ дѣлахъ къ канцлеру [3]), „который въ глазахъ людей благомыслящихъ и миролюбивыхъ представляется залогомъ, обезпечивающимъ на будущее время наши отношенія къ Риму, противная партія, руководящаяся мелкими и эгоистическими разсчетами, смотритъ, какъ на происшествіе неблагопріятное и прискорбное по своимъ послѣдствіямъ. Кардиналъ Ламбрускини, наиболѣе исключительный представитель австрійской политики въ Римѣ, служитъ самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ этой послѣдней партіи.

[1]) Депеша Бутенева въ Палермо, отъ $^{16}/_{28}$ ноября.

[2]) Г. Устиновъ, частное письмо отъ $^{2}/_{14}$ ноября.

[3]) Офиціальная нота отъ того же числа.

До меня дошли подробныя объ этомъ свѣдѣнія, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Австріи будетъ крайне непріятно, если наши отношенія къ Риму улучшатся. Графъ Лютцовъ говоритъ во всеуслышаніе, что Русскій императоръ не можетъ пріѣхать въ Римъ при настоящихъ обстоятельствахъ, не повредивъ своимъ вѣрно понимаемымъ выгодамъ и не нарушивъ приличій въ отношеніи къ святому престолу при теперешнемъ положеніи дѣлъ. Лица, принадлежащія къ первой партіи, къ которымъ присоединяется и самъ папа, разсуждаютъ совершенно иначе. Они желаютъ, чтобы государь посѣтилъ Римъ, и видятъ въ этомъ посѣщеніи залогъ возможнаго, если не непремѣннаго соглашенія. Монсиньоръ Сантучи, который служитъ только эхомъ кардинала Ламбрускини, какъ мнѣ сообщили, получилъ тайкомъ наставленіе отъ кардинала дать почувствовать въ Палермо, что время, избираемое императоромъ для поѣздки въ Римъ, не благопріятно. Личные взгляды папы и пробудившаяся сильная дѣятельность противъ австрійской партіи свидѣтельствуютъ, очевидно, о положеніи дѣлъ. Впрочемъ, всѣ, къ какой бы кто партіи ни принадлежалъ, уже свыклись съ мыслію о пріѣздѣ нашего государя".

Этотъ пріѣздъ представлялся всѣмъ въ Римѣ какъ-бы роковою необходимостію, предотвратить которую хотя и можно попытаться, но безъ надежды на успѣхъ.

Такъ думалъ и кардиналъ Ламбрускини, давая тайныя наставленія Сантучи и вслѣдъ за тѣмъ признавъ необходимымъ совершенно перемѣнить свой способъ обхожденія съ нашимъ посланникомъ. Дѣйствительно, императоръ не думалъ испытывать почву, не задавалъ себѣ вопроса, благопріятно ли время для посѣщенія Рима, и не обращая никакого вниманія на грязную продѣлку съ Мечиславскою, рѣшился ѣхать въ Римъ и поручилъ заявить о томъ офиціально римскому правительству. Покорился роковой необходимости и австрійскій посланникъ; но желая показать свое непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, онъ началъ распускать слухи, что императоръ хочетъ говорить съ папой и испрашивать какихъ-то особенныхъ разрѣшеній по случаю предстоявшаго брака великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, разказывалъ даже напередъ, что папа намѣренъ отвѣчать императору, и что онъ не хочетъ назначить переводчикомъ при личныхъ переговорахъ съ государемъ кардинала Ламбрускини, потому что это будетъ непріятно императору. Слухи объ этомъ дошли и до Палермо. Узнавъ о нихъ, императоръ немедленно поручилъ графу Нессельроду написать уже возвратившемуся въ Римъ Бутеневу, чтобы послѣдній объявилъ кардиналу статсъ-секретарю, что эти слухи лишены всякаго основанія:

„Изъ словъ графа Лютцова, объявлявшаго, что папа намѣренъ отвѣчать государю, видно, что онъ думаетъ, будто императоръ коснется вопроса о

бракѣ великой княжны Ольги Николаевны. Необходимо разрушить это заблужденіе. Императоръ никогда не смѣшиваетъ частныхъ интересовъ своего семейства съ интересами имперіи, никогда онъ не пожертвуетъ обязанностями государя привязанностямъ отца. Самое предположеніе, что онъ можетъ возбудить такой вопросъ, глубоко его возмущаетъ и внушаетъ негодованіе. Если императоръ воспользуется случаемъ, приведшимъ его по пути въ Римъ, то единственно для того, чтобы дружелюбно и откровенно переговорить съ папой и прійдти къ соглашенію съ тою цѣлію, чтобы обезпечить своимъ подданнымъ католическаго исповѣданія духовный миръ, спокойствіе совѣсти и блага той религіи, которую будто бы онъ преслѣдуетъ, какъ говоритъ клевета, и которую напротивъ онъ желаетъ поднять и покровительствовать ей всѣми мѣрами".

Поручая нашему посланнику объявить это всѣмъ, графъ Нессельродъ въ то же время писалъ о Ламбрускини:

„Если дѣйствительно папа не хочетъ назначить его переводчикомъ, полагая, что это будетъ непріятно императору, то вамъ извѣстно изъ отзыва о немъ самого государя, что онъ вовсе не питаетъ къ нему никакого непріязненнаго чувства и не отклоняетъ сношеній съ нимъ. Напротивъ того, Его Величеству угодно даже, чтобъ онъ присутствовалъ при его свиданіи съ папою, какъ бы онъ ни былъ неблагорасположенъ къ Россіи, какъ увѣряютъ. Сильный чистотою своихъ намѣреній, государь не имѣетъ никакихъ поводовъ избѣгать сношеній даже съ тѣмъ изъ членовъ священной коллегіи, который слыветъ за человѣка, питающаго самыя несправедливыя къ нему чувства. Напротивъ того, онъ приглашаетъ его искренно и надѣется доказать ему, до какой степени не основательны тѣ предубѣжденія, которыя въ послѣднее время привели наши отношенія къ Риму къ такимъ прискорбнымъ столкновеніямъ" [1]).

Получивъ депешу канцлера, Бутеневъ потребовалъ свиданія у кардинала статсъ-секретаря и получилъ его немедленно.

„Правда ли, какъ о томъ разказываютъ въ городѣ, что государь имѣетъ намѣреніе одарить богатыми подарками папу и всѣхъ кардиналовъ?" Такимъ вопросомъ встрѣтилъ Бутенева кардиналъ Ламбрускини, нѣсколько взволнованный этимъ слухомъ. Чѣмъ болѣе приближался пріѣздъ императора въ Римъ, тѣмъ болѣе волновался городъ, и враги Россіи распускали слухи одинъ другаго нелѣпѣе. Расположеніе папы давало всѣмъ предчувствовать возможность соглашенія его съ русскимъ правительствомъ. Въ виду этого обстоятельства, казавшагося возможнымъ и для самого Ламбрускини, богатые подарки перетолковали бы въ подкупъ, цѣною котораго русское правительство пріобрѣло благорасположеніе Рима.

„Ничего подобнаго мнѣ неизвѣстно; ни о какихъ подаркахъ и

---

[1]) Депеша изъ Палермо отъ 12/24 ноября 1845 года.

рѣчи не было въ Палермо!“ отвѣчалъ Бутеневъ. Этотъ отвѣтъ видимо успокоилъ кардинала, а сообщеніе, что государь не имѣетъ намѣренія говорить съ папой о бракѣ своей дочери, онъ выслушалъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Вопросы о смѣшанныхъ бракахъ всегда затруднительны въ сношеніяхъ съ Римскимъ дворомъ. Когда же Бутеневъ объявилъ ему желаніе императора, чтобъ онъ присутствовалъ въ качествѣ переводчика при его свиданіи съ папою, то это такъ польстило самолюбію кардинала, что онъ разсыпался передъ нашимъ посланникомъ въ чрезвычайныхъ любезностяхъ. Еще прежде, въ первое по возвращеніи Бутенева изъ Палермо свиданіе его съ Ламбрускини, говоря о прибытіи государя въ Римъ, кардиналъ статсъ-секретарь замѣтилъ: „Папа не говоритъ по французски, а Его Величество, вѣроятно, недостаточно владѣетъ итальянскимъ языкомъ. Его святѣйшество весьма сокрушается, что не можетъ свободно бесѣдовать съ императоромъ, и поэтому долженъ былъ позаботиться о способномъ и достойномъ довѣренности переводчикѣ, каковъ кардиналъ Мецофанти, который довольно свободно говоритъ даже по русски, какъ и на большей части новыхъ и древнихъ языковъ“.

„Я замѣтилъ“, — писалъ Бутеневъ графу Нессельроду, — „конечно, не показывая вида, заднюю мысль въ томъ, что кардиналъ Ламбрускини поспѣшилъ напередъ заявить, кто будетъ назначенъ переводчикомъ при совѣщаніи императора съ папою. Чтобъ убѣдиться въ этомъ еще болѣе, я отвѣтилъ, улыбаясь, что его эминенціи всего естественнѣе было бы въ этомъ случаѣ быть переводчикомъ между двумя высокими собесѣдниками, тѣмъ болѣе, что онъ такъ свободно изъясняется по французски. По выраженію лица я примѣтилъ, что угадалъ мысль кардинала Ламбрускини, потому что онъ началъ отклонять мое замѣчаніе въ выраженіяхъ весьма учтивыхъ, но рѣшительныхъ, говоря, что въ виду его офиціальнаго положенія и обычаевъ, принятыхъ при Римскомъ дворѣ, онъ самъ считаетъ долгомъ уклониться отъ этой почетной обязанности въ такихъ обстоятельствахъ и будетъ просить его святѣйшество избавить его отъ нея, а Его Величество не лишить его чести и дозволить ему представиться при иномъ случаѣ. Конечно, я не настаивалъ на этомъ вопросѣ, который случайно возникъ при разговорѣ, и котораго я коснулся, выразивъ только личное мое мнѣніе, потому только, что очевидно было тайное желаніе кардинала. Если позволено выразить скромное мое мнѣніе, то мнѣ кажется, что выгоду этого назначенія перевѣсило бы опасеніе, чтобы сдержанные пріемы обхожденія кардинала Ламбрускини не оказали стѣснительнаго вліянія на откровенность и примирительное направленіе самого папы [1])“.

Такимъ образомъ мнѣніе государя вполнѣ согласовалось съ тайнымъ желаніемъ самого кардинала статсъ-секретаря. Безъ сомнѣнія

[1]) Нота отъ $^{10}/_{22}$ ноября въ Палермо.

однако же, не одно самолюбіе внушало Ламбрускини это желаніе, но именно намѣреніе имѣть вліяніе на папу, и такъ - сказать, не выпускать его изъ своихъ рукъ при столь важномъ случаѣ, какъ свиданіе съ Русскимъ императоромъ.

Итакъ, приближеніе минуты этого свиданія столь сильно дѣйствовало на Римъ, что и заклятый врагъ Россіи желалъ снискать расположеніе Русскаго государя. Самъ папа, зная отношенія кардинала къ Россіи и не раздѣляя его воззрѣній на посѣщеніе Рима Русскимъ императоромъ, дѣйствительно колебался, назначить ли его переводчикомъ; а между тѣмъ переводчикъ былъ необходимъ, ибо папа не говорилъ по французски. Скрывая, конечно, настоящую причину, Ламбрускини объяснилъ Бутеневу, что папа не желалъ бы частному своему разговору съ императоромъ придать официальное значеніе, поручивъ ему, статсъ-секретарю, быть переводчикомъ. Онъ полагалъ назначить кардинала Бернетти, но остановился тоже, потому что Бернетти былъ также статсъ - секретаремъ. Въ настоящее время онъ колеблется между кардиналами Меццофанти и Антономъ. Но эти колебанія, конечно, окончились, когда сдѣлалось извѣстнымъ мнѣніе императора, и Ламбрускини дѣйствительно присутствовалъ въ качествѣ переводчика при свиданіи государя съ папою [1]).

По возвращеніи своемъ изъ Палермо Бутеневъ нашелъ значительную перемѣну въ Римѣ. Ламбрускини уже не упоминалъ болѣе о Мечиславской. Папа призывалъ къ себѣ Рилло, и выслушавъ докладъ о похожденіяхъ монахинь - самозванокъ, о ихъ чудесахъ и видѣніяхъ, заподозрилъ и такъ слишкомъ явный подлогъ. Австрійскій посланникъ старался увѣрить Бутенева, что онъ только и заботится о выгодахъ Россіи. По городу ходили разнородныя вѣсти, и ожиданіе въ скоромъ времени увидѣть императора возрастало все болѣе и болѣе. Въ лицѣ его какъ будто бы являлся вновь, давно забытый Римомъ его властелинъ, восточный императоръ, и Римъ невольно преклонялся передъ законною властью.

„Совпаденіе пріѣзда государя", писалъ Бутеневъ къ графу Нессельроду въ Палермо [2]), „съ безобразными и нелѣпыми выдумками, которыя распространяются всѣми газетами о польскихъ монахиняхъ, и за которыя съ жадностію ухватились фанатики и люди неблагонамѣренные, можетъ отчасти объяснить смущенное состояніе, озабоченность и безпокойство папы и его ближайшихъ совѣтниковъ. Къ этому надобно присовокупить праздныя соображенія од-

[1]) Депеша Бутенева въ Палермо отъ $\frac{\text{24-го ноября}}{\text{6-го декабря}}$ 1845 года.

[2]) Депеша изъ Рима, отъ $^{10}/_{22}$ ноября 1845 года.

нихъ и неприязненныя предположенія другихъ какъ въ Римскомъ высшемъ обществѣ, такъ и въ иностранномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ любопытство и радостное, очень явно выражаемое ожиданіе народныхъ массъ, въ которыхъ пребываніе великаго князя наслѣдника оставило живое и неизгладимое воспоминаніе. Всѣ эти обстоятельства въ совокупности находятъ неистощимую пищу въ приближеніи событія, которое само по себѣ необычайно въ исторіи древнѣйшаго и знаменитѣйшаго города въ мірѣ, и которому современныя обстоятельства придаютъ еще большее политическое значеніе и интересъ, обращающій на себя, можно сказать безъ преувеличенія, вниманіе всей Европы. Не придавая важности различнымъ неблагопріятнымъ слухамъ, я избѣгалъ и говорить о нихъ, не войдя напередъ въ непосредственныя сношенія съ папскимъ статсъ-секретаремъ. Послѣ перваго моего свиданія съ кардиналомъ Ламбрускини, на другой день по моемъ пріѣздѣ, я могъ уже замѣтить, что не только бо́льшая часть слуховъ, ходившихъ по городу, были вымышлены, но что произошло улучшеніе, если и не искреннее, то весьма замѣтное въ расположеніи къ намъ перваго министра папы. Къ обычной, но нѣсколько чинной, его учтивости пріема на этотъ разъ присоединились не очень свойственныя ему предупредительность и вѣжливость въ обращеніи и рѣчахъ. Послѣ обычныхъ учтивостей я поспѣшилъ исполнить непосредственное приказаніе, которое удостоился получить отъ императора при моемъ отправленіи, и увѣдомилъ кардинала, что Его Величество не поручалъ мнѣ ничего особеннаго, съ своей стороны, сообщить папѣ, потому что и мнѣ, когда я оставлялъ Римъ, отправляясь въ Палермо, не было дано отъ его святѣйшества никакого порученія къ императору. Такой приступъ къ дальнѣйшимъ нашимъ переговорамъ, хотя я употребилъ все стараніе, чтобы слова мои не походили на упрекъ, замѣтно смутилъ моего собесѣдника, и онъ старался не безъ затрудненія придумать какія-нибудь оправданія, ссылаясь на поспѣшность моего отъѣзда и недостатокъ времени, чтобъ испросить на этотъ счетъ приказаній папы. Не желая продолжать его смущеніе настаиваніемъ на этомъ обстоятельствѣ, я началъ говорить о томъ, что государь, проѣзжая по Италіи, предполагаетъ проѣхать чрезъ Римъ, и по обыкновенію во время своего проѣзда посѣщая государей, намѣревается также повидаться съ св. отцемъ и пробыть нѣсколько дней въ Римѣ, чтобъ осмотрѣть его достопримѣчательности. „Общественная молва давно уже извѣстила о скоромъ прибытіи императора“— отвѣчалъ кардиналъ Ламбрускини—„и я считаю себя счастливымъ, что слышу достовѣрное подтвержденіе этой молвы и могу донести о томъ его святѣйшеству, который употребитъ всѣ старанія, чтобы принять Его Величество съ должною предупредительностію и уваженіемъ и засвидѣтельствовать, какую высокую цѣну онъ и городъ Римъ придаютъ столь высокому и лестному посѣщенію“.

Не переставая увѣрять, что папа не пощадитъ никакихъ усилій для достиженія этой цѣли, кардиналъ просилъ Бутенева помочь ему совѣтами, какія распоряженія слѣдовало бы сдѣлать по этому случаю, чтобъ угодить государю. Между прочимъ, онъ спрашивалъ, не слѣдуетъ ли приготовить особый дворецъ для пріема императора и особое помѣщеніе для его свиты, не назначить ли высшихъ сановниковъ изъ

свѣтскихъ или духовныхъ лицъ папскаго двора, чтобъ они находились въ распоряжении государя во все время его пребыванія въ Римѣ, а равно не назначить ли антикваріевъ и ученыхъ для сопровожденія государя по музеямъ и библіотекамъ, затѣмъ какія слѣдуетъ отдавать военныя почести и т. п. Нашъ посланникъ, который на этотъ счетъ уже получилъ приказанія отъ самого императора, отклонилъ съ благодарностію эти учтивыя предложенія, выраженныя кардиналомъ отъ лица папы и объявилъ Ламбрускини слѣдующее: „Государь императоръ путешествуетъ incognito, подъ именемъ генерала Романова, и повсюду уклонялся отъ церемоніальныхъ встрѣчъ, пріемовъ и почестей; онъ остановится въ домѣ посольства, для чего я уже получилъ приказаніе сдѣлать нужныя приготовленія". Затѣмъ кардиналъ просилъ сообщить извѣстія объ императрицѣ, говоря, что папа очень былъ обрадованъ, получивъ извѣстіе, что пребываніе на югѣ уже оказало благодѣтельное вліяніе на ея здоровье. Онъ прибавилъ: „Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что хотя часть тѣхъ предложеній, которыя отклонены въ отношеніи къ императору, будутъ приняты, когда императрица посѣтитъ Римъ".

Договоривъ о подробностяхъ путешествія и пріема императора въ Римѣ, кардиналъ Ламбрускини вдругъ перемѣнилъ рѣчь, и въ выраженіяхъ весьма умѣренныхъ заговорилъ объ общихъ вопросахъ нашей политики съ Римскимъ дворомъ, присовокупивъ желаніе, чтобъ этотъ пріѣздъ произвелъ благодѣтельное вліяніе на взаимныя отношенія между двумя правительствами. „Я ограничился"—продолжаетъ Бутеневъ — „отвѣтомъ, что также надѣюсь на осуществленіе желаній кардинала, хотя и не совсѣмъ опредѣленно выраженныхъ, и далъ ему полную свободу выражать свои соображенія, не стараясь способствовать ихъ развитію и не представляя возраженій".

Цѣль свиданія нашего посланника съ кардиналомъ Ламбрускини заключалась единственно въ томъ, чтобъ объявить о пріѣздѣ императора въ Римъ, и поэтому Бутеневу не было необходимости вступать въ переговоры о вопросахъ, составлявшихъ предметъ нашихъ дипломатическихъ переговоровъ съ папскимъ правительствомъ. Избѣжать такихъ объясненій, доведенныхъ въ послѣднее время до крайней степени раздражительности самимъ же кардиналомъ статсъ-секретаремъ, слѣдовало и потому, что предстоящее свиданіе императора съ папою внушало надежду на перемѣну ихъ къ лучшему. Конечно, это понималъ и кардиналъ Ламбрускини; но на сколько нашему дипломату не слѣдовало начинать такіе переговоры, на столько же пап-

папскому министру необходимо было, хотя и въ общихъ чертахъ, обратиться къ нимъ, именно при измѣнившихся обстоятельствахъ, чтобы постараться смягчить и сгладить то непріятное впечатлѣніе, которое они должны были оставить въ нашемъ посланникѣ. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Бутенева:

„Я замѣтилъ“, писалъ онъ, „что кардиналу хотѣлось свои разсужденія о политическихъ вопросахъ связать съ послѣднимъ разговоромъ, который я имѣлъ съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Палермо, и смягчить то впечатлѣніе, которое онъ долженъ былъ произвести на меня. Хотя онъ и не сказалъ ни одного слова о польскихъ монахиняхъ, но очевидно, намекалъ на это дѣло, говоря, что желалъ бы, чтобъ его слова были надлежащимъ образомъ поняты, въ ихъ дѣйствительномъ смыслѣ, когда онъ былъ вынужденъ обстоятельствами выражать мнѣ жалобы его святѣйшества на *преслѣдованія* католиковъ въ Россіи. Развивая эту мысль, онъ старался убѣдить меня, что папа не только никогда не сомнѣвался въ великодушныхъ и правосудныхъ намѣреніяхъ нашего августѣйшаго монарха, но и не полагалъ въ основаніе своихъ жалобъ *частныхъ случаевъ*, почти всегда передаваемыхъ невѣрно и въ преувеличенномъ видѣ. Притомъ, жестокія и стѣснительныя мѣры въ подобныхъ случаяхъ всегда могутъ быть объяснены излишнею ревностію, дурно понятою, или личными увлеченіями второстепенныхъ чиновниковъ при приведеніи въ исполненіе предписаній верховной власти, особенно въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія. Собственно говоря, не на эти частныя преслѣдованія направлены жалобы его святѣйшества, но на общую систему мѣръ, принятыхъ въ Россіи и Польшѣ въ отношеніи къ католической церкви, къ духовенству и къ отправленію богослуженія, изъ коихъ нѣкоторыя возведены въ государственные законы. Въ этомъ именно смыслѣ его святѣйшество и не можетъ не видѣть въ нѣкоторомъ смыслѣ преслѣдованія католицизма,—преслѣдованія, вошедшаго уже въ законы, изданные у насъ въ послѣдніе годы и поставившіе церковь, духовенство и свободу богослуженія въ такое ненадежное и грустное положеніе. При такомъ положеніи дѣлъ, глава католицизма не могъ оставаться равнодушнымъ, не могъ молчать и отказаться отъ усилій улучшить условія существованія римской церкви въ Россіи и милліоновъ католиковъ, находящихся въ подданствѣ Его Императорскаго Величества. Самъ государь не можетъ не признать въ этомъ случаѣ законными заботы папы въ пользу духовной его паствы, и не можетъ въ этой законной заботливости видѣть поступки, внушенные недовѣріемъ или нерасположеніемъ къ императорскому правительству. Точно также не по недовѣрію его святѣйшество принужденъ былъ отказывать въ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ, представленныхъ на епископскія каѳедры. Въ какой мѣрѣ папа убѣжденъ, что императоръ есть единственный и лучшій судья политическихъ и даже нравственныхъ качествъ тѣхъ кандидатовъ, которыхъ онъ удостоиваетъ избранія въ епископы, въ такой же мѣрѣ онъ льстить себя надеждою, что императоръ не откажетъ, съ своей стороны признать его верховнымъ и полномочнымъ судьею каноническихъ и духовныхъ качествъ этихъ кандидатовъ. Онъ не можетъ утверждать ихъ въ епископскомъ званіи иначе, какъ по внутреннему убѣжденію, въ виду исключительной и личной отвѣтственности передъ Богомъ. Онъ не мо-

жетъ отказаться отъ того, чтобы не согласовать своего образа дѣйствій въ этихъ случаяхъ съ этими началами, точно такъ же, какъ не можетъ и объявлять причины отказа, не уронивъ своего достоинства, какъ главы католической церкви.

„Я не позволялъ втянуть себя въ этотъ разговоръ, какъ уже сказано начатый кардиналомъ Ламбрускини, и даже не прерывалъ его, развѣ только немногими необходимыми словами, не нарушавшими роли слушателя, которую я принялъ на себя съ тою цѣлію, чтобы не предупреждать будущихъ объясненій, несравненно болѣе важныхъ, нежели мои. Но я считаю однако же долгомъ отдать вамъ подробный отчетъ (говоритъ Бутеневъ, обращаясь къ графу Нессельроду) объ этомъ разговорѣ, по моему мнѣнію столько же замѣчательномъ по умѣренному тону, сравнительно съ прежнимъ, и по соображеніямъ высшаго рода, сколько и по желанію, явно обнаруженному, смягчить впечатлѣніе тѣхъ рѣзкихъ и неумѣренныхъ требованій, которыя папа такъ недавно предъявлялъ. Это примирительное направленіе и вообще хорошее расположеніе папы и его правительства въ отношеніи къ намъ передъ пріѣздомъ императора въ Римъ выразились и въ другихъ явленіяхъ второстепенныхъ, но весьма знаменательныхъ для того, кому извѣстенъ здѣшній ходъ дѣлъ. Укажу только на нѣкоторыя. Я узналъ, что папа приказалъ представить ему и немедленно исполнить прежде всѣхъ другихъ дѣла по прошеніямъ о правахъ и церковныхъ отпущеніяхъ (les grâces et les dispenses ecclésiastiques), поступившимъ изъ русскаго посольства, которыхъ накопилось значительное количество, оставивъ всѣ подобныя дѣла, еще болѣе многочисленныя, поступившія отъ посланниковъ и миссій католическихъ державъ. Въ числѣ этихъ дѣлъ нѣкоторыя были довольно щекотливы по своему существу, какъ, напримѣръ, права довольно широкія, испрашиваемыя администраторомъ Варшавской архіепархіи въ отношеніи къ разрѣшенію смѣшанныхъ браковъ. Это прошеніе, шесть мѣсяцевъ тому назадъ представленное папскому правительству, оставалось не разрѣшеннымъ подъ различными предлогами, а теперь рѣшено въ благопріятномъ для насъ смыслѣ вмѣстѣ со всѣми другими, по особому приказанію папы, какъ мнѣ извѣстно. Точно также я узналъ, что онъ приказалъ приготовить иллюминацію купола св. Петра и фейерверкъ въ крѣпости св. Ангела, которые дѣлаются исключительно во время праздниковъ Свѣтлаго Воскресенія и теперь будутъ устроены въ видѣ особеннаго исключенія по случаю пріѣзда государя. Далѣе предписано всѣмъ смотрителямъ правительственныхъ музеевъ и памятниковъ древности привести все въ наилучшій порядокъ по случаю этого же пріѣзда“.

Такимъ образомъ папское правительство употребляло всѣ способы, чтобы заслужить благосклонность императора. Въ это же время посѣтилъ Римъ Его Высочество принцъ П. Г. Ольденбургскій. Папа и кардиналъ Ламбрускини принимали его съ изысканною предупредительностію и любезностію. Мало того: перемѣна, происшедшая въ поведеніи папскаго правительства въ отношеніи къ Россіи, отразилась и на графѣ Лютцовѣ.

„Впечатлѣніе, которое я вынесъ послѣ долгаго разговора съ кардиналомъ

статсъ-секретаремъ", — писалъ Бутеневъ къ графу Нессельроду", — было подкрѣплено и въ нѣкоторомъ отношеніи дополнено разговоромъ, который я имѣлъ вслѣдъ затѣмъ съ австрійскимъ посланникомъ. Независимо отъ политическаго вліянія, которое онъ имѣетъ на папское правительство и которое въ послѣднее время, послѣ революціонныхъ вспышекъ въ Римини, усилилось еще болѣе, онъ находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ кардиналомъ Ламбрускини. Графъ Лютцовъ подтвердилъ мнѣ, какъ своимъ способомъ обращенія, такъ и нѣкоторыми конфиденціальными извѣстіями, что дѣйствительно отношенія папы къ намъ значительно улучшились. При этомъ случаѣ онъ хотѣлъ дать мнѣ замѣтить, что и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ этому улучшенію, стараясь объяснить какъ самому папѣ, такъ и его совѣтникамъ, какія благія и выгодныя послѣдствія они могутъ извлечь изъ присутствія государя, котораго добрыя намѣренія достаточно извѣстны. Передавая мнѣ эти извѣстія, графъ Лютцовъ по особому довѣрію сообщилъ мнѣ, что онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ не только по личному своему побужденію, но и по внушенію своего кабинета. Въ недавнее время онъ сообщилъ ему свои соображенія о томъ, какую великую важность слѣдуетъ придавать посѣщенію императоромъ Рима во время его путешествія по Италіи. Говоря объ этомъ посѣщеніи, князь Меттернихъ полагаетъ, что оно будетъ имѣть самыя благопріятныя послѣдствія. Графъ Лютцовъ, знакомый съ воззрѣніями на этотъ предметъ папы и кардинала Ламбрускини, сообщилъ мнѣ между прочимъ, что выборъ Мецофанти въ качествѣ переводчика между двумя государями еще не рѣшенъ окончательно. Онъ еще можетъ быть замѣненъ кардиналомъ Бернетти, которому папа отдаетъ даже преимущество, какъ прелату, который лично извѣстенъ императору и пользовался его благоволеніемъ во время своего чрезвычайнаго посольства въ Россію. Наконецъ, графъ Лютцовъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны, началъ говорить о дѣлѣ польскихъ монахинь, пріѣхавшихъ въ Римъ изъ Парижа, которыхъ мнимое мученичество въ Россіи подвергнуто здѣсь слѣдствію, производящемуся весьма тайно, о дѣлѣ, о которомъ Ламбрускини не сказалъ ни слова при свиданіи со мною. Это слѣдствіе, хотя еще и не оконченное, однако же, по словамъ австрійскаго посланника, привело скорѣе къ тому, что значительно уменьшило силу перваго впечатлѣнія и увеличило сомнѣнія въ справедливости самаго происшествія, а не увеличило того значенія и важности, которыя придавало ему первоначально папское правительство. Показанія монахинь о видѣніяхъ и подозрительное сопутствованіе ихъ двумя польскими ксендзами изъ Парижа возбудили здѣсь подозрѣнія и сомнѣнія о происхожденіи и цѣли этой гнусной продѣлки".

Нашъ посланникъ сообщаетъ графу Нессельроду эти извѣстія о заботахъ и стараніяхъ графа Лютцова въ нашу пользу и о добромъ расположеніи Вѣнскаго кабинета безъ всякихъ оговорокъ. Полагаемъ, что онѣ были бы излишни: поведеніе австрійскаго посланника, перекачнувшагося такъ скоро съ одной стороны на другую, не должно было бы обмануть русскихъ дипломатовъ.

Такъ ожидали въ Римѣ Русскаго императора, который, наконецъ, и прибылъ туда 1/13 декабря и пробылъ до 5/17 числа того же мѣсяца.

„Не смотря на то, что императоръ путешествовалъ инкогнито, Римское народонаселеніе повсюду встрѣчало высокаго путешественника съ такимъ энтузіазмомъ, который невозможно описать", — говоритъ очевидецъ [1]). — „Улицы, примыкающія къ дому русскаго посольства (palazzo Giustiniani), въ которомъ онъ останавливался, по цѣлымъ днямъ были наполнены тысячами лицъ различныхъ классовъ, ожидавшихъ мгновенія его увидать и ему поклониться. Когда онъ ѣздилъ по городу или посѣщалъ общественныя гулянья, такія же толпы стекались на его пути съ усердіемъ и восторгомъ. Въ самый день пріѣзда императоръ посѣтилъ папу, который вышелъ къ нему на встрѣчу, окруженный всѣмъ своимъ духовнымъ и свѣтскимъ дворомъ въ парадныхъ платьяхъ и ввелъ его въ свой кабинетъ. Ихъ бесѣда продолжалась болѣе часу и отличалась въ высокой степени взаимнымъ прямодушіемъ и благосклонностію. Это незабвенное свиданіе, единственное въ лѣтописяхъ Ватикана, произвело сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, возбудило чрезвычайное вниманіе всего города и займетъ важное мѣсто въ исторіи. Папа, не смотря на incognito государя и на обычаи, постоянно соблюдаемые при Римскомъ дворѣ, хотѣлъ немедленно отдать визитъ императору и отказался отъ этого намѣренія только по желанію государя, внушенному внимательностію къ лѣтамъ и слабости восьмидесятилѣтняго первосвященника. Статсъ-секретарь Ламбрускини, многіе прелаты и другія высшія лица просили позволенія явиться, чтобы засвидѣтельствовать императору свое почтеніе. Они были приняты благосклонно и очень остались довольны пріемомъ, о чемъ можно было судить по тому, какъ они вышли изъ пріемной государя по окончаніи аудіенціи. Декабря 5/17, въ день своего отъѣзда, императоръ снова посѣтилъ папу, чтобы проститься съ нимъ. Это послѣднее свиданіе происходило тѣмъ же порядкомъ, какъ и первое, и отличалось такою же взаимною вѣжливостію и благоволеніемъ. Во время этихъ двухъ посѣщеній Ватикана, государя сопровождали: князь Волконскій, графъ Орловъ и другія лица его свиты. Графъ Нессельродъ пріѣхалъ въ Римъ два дня спустя послѣ императора и былъ принятъ папой одинъ и весьма благосклонно. Все свободное время государь посвящалъ осмотру Римскихъ достопримѣчательностей. Художники нашли въ немъ покровителя, бѣдные — щедраго благотворителя".

Непосредственныя сношенія императора съ папой опредѣляются личною ихъ бесѣдою и тѣми документами, которыми они размѣнялись между собою. При первомъ свиданіи, 1/13-го декабря, папа собственноручно передалъ императору записку, въ которой, въ 22 статьяхъ, были изложены требованія Рима. При послѣднемъ свиданіи, 5/17-го того же мѣсяца, императоръ также собственноручно передалъ ему свой отвѣтъ на эту записку, подробно объяснивъ на словахъ его содержаніе. Что касается до личной бесѣды между императоромъ и папою, то ея подробности, можетъ-быть, и были своевременно записаны, но конечно, хранятся въ архивахъ Ватикана. Общій же ея ха-

1) Письмо Бутенева изъ Флоренціи, отъ 9/21 декабря 1845 года, къ графу Воронцову-Дашкову.

рактеръ достаточно можетъ-быть опредѣленъ на основаніи предварительныхъ совѣщаній, которыя мы изложили, и свидѣтельствъ самого императора и папскаго правительства.

Цѣль нашего государя заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ личнаго свиданія съ папою разсѣять предубѣжденіе Римскаго двора, внушенное ему врагами Россіи, будто бы императорское правительство рѣшилось постепенно, рядомъ мѣръ, напередъ разчитанныхъ въ этихъ видахъ, окончательно разрушить латинскую церковь въ предѣлахъ Имперіи и Царства Польскаго. Этою цѣлію объясняли всѣ частные случаи, которые называли преслѣдованіями, случаи, по большей части выдуманные,—какова, напримѣръ, исторія съ польскими монахинями,—или значительно искаженные и преувеличенные. Извѣстія объ этихъ случаяхъ усердно доставлялись папскому правительству враждебно расположенными къ Россіи Поляками, какъ изъ самой Россіи и Царства Польскаго, такъ равно и эмигрантами. Тяжелое впечатлѣніе, которое производили на папское правительство эти извѣстія, поддерживалось католическими державами Европы, и особенно — дружественно къ намъ расположенными, какъ, напримѣръ, Австріей. Вѣстовщики старались съ намѣреніемъ чернить въ глазахъ Рима всѣхъ лицъ, сколько-нибудь не враждебныхъ нашему правительству. Къ этимъ-то случаямъ постоянно придирался папскій кабинетъ въ сношеніяхъ съ нашимъ, и особенно — по вопросу о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ кандидатами, избранными нашимъ правительствомъ. Если Россія и принимала карательныя мѣры, то противъ враждебныхъ ей подданныхъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и носили сутану или монашескія рясы. Русское правительство карало мятежниковъ, а не исповѣдниковъ латинскаго ученія и не духовныхъ лицъ. Это-то различіе и желалъ объяснить папѣ императоръ.

Русское правительство не только не преслѣдовало латинскаго исповѣданія вообще, не только просто терпѣло его, но даже шло далѣе: оно старалось поддержать чистоту этого исповѣданія и оградить его въ своихъ предѣлахъ отъ вторженія ложныхъ ученій. Въ 1845 году нашему посланнику въ Римѣ было поручено [1]) сообщить папскому правительству, что императоръ порицаетъ новое религіозное движеніе, развивающееся въ Германіи, — неокатолицизмъ, проповѣдываемый Ронге, и будетъ преслѣдовать его, если онъ окажется въ Имперіи или въ Царствѣ Польскомъ, „потому что это ученіе вноситъ смуты въ

[1]) Нота графа Нессельрода Бутеневу, отъ 5-го іюля 1845 года.

нѣдра римской церкви". Въ то же время Бутеневу было сообщено, чтобы при переговорахъ о назначеніи епископовъ на вакантныя каѳедры, онъ указалъ на слѣдующее обстоятельство, свидѣтельствующее о необходимости скорѣйшаго утвержденія представленныхъ нашимъ правительствомъ кандидатовъ [1]).

„Если бы въ этомъ отношеніи могло возникнуть какое-нибудь сомнѣніе со стороны кардинала Ламбрускини, то достаточно указать ему на то, что въ прошломъ году 5.000 католиковъ отдѣлились отъ своей церкви и приняли другое исповѣданіе. Изслѣдуя причины подобныхъ совращеній, мы приходимъ къ убѣжденію, что это слѣдуетъ приписать отсутствію епископовъ, которые могли бы имѣть вліяніе на свою паству. Мы заявляемъ этотъ фактъ святому престолу въ доказательство нашего искренняго желанія предотвратить подобные случаи".

Наше правительство не только желало оградить чистоту латинскаго ученія, но преобразовывая духовныя учебныя заведенія, стремилось къ тому, чтобы воспитать латинское духовенство въ качествѣ служителей алтаря Христова, а не политическихъ проповѣдниковъ и коноводовъ мятежа. Для этой послѣдней цѣли оно, конечно, нуждалось въ содѣйствіи Рима и искало его. Это обстоятельство объясняетъ и желаніе императора войдти въ личныя сношенія съ самимъ главою латинской церкви.

Такія цѣли, хотя, безъ сомнѣнія, не исполнимыя для свѣтскаго правительства и едва-ли умѣстныя въ отношеніи къ терпимому лишь исповѣданію, вовсе не свидѣтельствовали однакожъ о преслѣдованіи латинской церкви и о желаніи разрушить ее. Такой взглядъ на латинскую церковь, вѣроятно, и выразилъ императоръ въ бесѣдѣ съ папой, и призывая его дѣйствовать совокупно, допустилъ избраніе лицъ для занятія епископскихъ мѣстъ по предварительному съ нимъ соглашенію.

Папскій дворъ, съ своей стороны, уже дѣлалъ значительную уступку, и казалось, намѣревался оставить прежній путь своей политики, такъ что нашимъ дипломатамъ казалось возможнымъ достигнуть прочнаго съ нимъ соглашенія. Вся его политика въ отношеніи Россіи съ тридцатыхъ годовъ, подъ главнымъ руководствомъ кардинала Ламбрускини, заключалась именно въ придиркахъ къ частнымъ случаямъ, изъ коихъ каждый возводился на степень преслѣдованія вообще латинства, или въ колебаніяхъ, происходившихъ отъ недовѣрія къ русскому правительству, внушаемаго наговорами и доносами неблагонамѣренныхъ людей. Но въ послѣднемъ, передъ пріѣздомъ императора въ Римъ,

[1]) Нота отъ того же числа.

свиданіи нашего посланника съ Ламбрускини, кардиналъ уже прямо отступалъ, безъ сомнѣнія, по настоянію папы, отъ этой политики и выводилъ ее на болѣе правильный путь.

Что бы ни говорили между собою въ стѣнахъ Ватикана императоръ и папа, но послѣдствія ихъ бесѣды казались самыми благопріятными для отношеній нашихъ съ Римомъ. Папа остался чрезвычайно доволенъ свиданіемъ съ императоромъ и поспѣшилъ открыто выразить свое удовольствіе священной коллегіи. По обычаямъ папскаго двора ежегодно, въ декабрѣ мѣсяцѣ, собирается особая консисторія, для постановленія кардиналовъ и епископовъ и для заявленія папой о наиболѣе важныхъ для латинской церкви происшествіяхъ. Въ этомъ году собраніе консисторіи было отложено, и вмѣсто декабря 1845 года, было назначено на 7/19 января 1846 года именно для того, чтобы папа могъ, не откладывая до будущаго года, сказать въ этомъ засѣданіи о посѣщеніи Рима Русскимъ императоромъ. Въ этой консисторіи папа не произнесъ аллокуціи, какъ бываетъ обыкновенно, но открылъ собраніе слѣдующею рѣчью: „Я не могу, достопочтенная братія, не воспользоваться случаемъ, сказать вамъ о событіи столь важномъ и необычайномъ, какъ пріѣздъ въ Римъ Его Величества императора Всероссійскаго и короля Польскаго. Слѣдуя по пути въ Италію, посѣтивъ Палермо и Неаполь, онъ прибылъ въ Римъ и благосклонно поспѣшилъ посѣтить меня, выразивъ знаки благорасположенія и вниманія, которые меня глубоко тронули. Принявъ, съ своей стороны, этого августѣйшаго монарха съ должнымъ вниманіемъ и учтивостію, мы обнялись съ нимъ съ чувствомъ взаимной дружбы, и я выразилъ Его Величеству полное удовольствіе, которое доставило мнѣ его присутствіе; я счелъ себя счастливымъ, что могъ прямо и непосредственно поручить его покровительству и вниманію интересы церкви, духовенства и его католическихъ подданныхъ. Августѣйшій императоръ принялъ мои ходатайства съ большимъ вниманіемъ и благорасположеніемъ и выразилъ мнѣ воззрѣнія, которыя внушаютъ мнѣ твердыя надежды ко благу католической церкви. Я приглашаю васъ, достопочтенная братія, соединиться со мною въ молитвахъ ко Всевышнему, чтобъ исполнились эти надежды, дорогія для всего католическаго міра“.

На другой день послѣ произнесенія папой этой рѣчи, кардиналъ Ламбрускини поспѣшилъ сообщить подлинный текстъ ея нашему посланнику для доставленія нашему правительству. Прочитавъ рѣчь, кардиналъ прибавилъ: „Слова папы произвели не только глубокое

впечатлѣніе на присутствовавшихъ въ консисторіи, но безъ сомнѣнія, они окажутъ вліяніе повсюду, просвѣтятъ умы и предохранятъ отъ злонамѣренныхъ внушеній“. „Въ отвѣтъ на благодарность, которую я изъявилъ кардиналу“, пишетъ Бутеневъ въ Петербургъ, „за то, что онъ пособилъ мнѣ изъ прямаго источника почерпнуть любопытныя свѣдѣнія для сообщенія моему правительству, онъ возразилъ, что сочтетъ себя счастливымъ, если императоръ почтитъ своимъ одобреніемъ какъ чувства, такъ и побудительныя причины, заставившія такъ говорить его святѣйшество“ [1]).

Изложеніе переговоровъ императора съ папой, обнародованное его преемникомъ Піемъ IX въ 1866 году, въ обвинительной запискѣ римскаго правительства противъ Россіи, также подтверждаетъ, что именно таковъ былъ общій характеръ бесѣды между ними, — если устранить желаніе выставить впередъ папу и его тѣнью прикрыть императора, желаніе, весьма простительное Риму, хотя неудачное, если вспомнить, что папою былъ Григорій XVI, а императоромъ Николай I.

„Оканчивался 1845 годъ“, — сказано въ этой запискѣ, — „когда императоръ Николай I прибылъ въ Римъ, чтобы лично переговорить съ первосвященникомъ, блаженной памяти Григоріемъ XVI. На счастливую встрѣчу могущественнѣйшаго монарха съ главою церкви всѣ благонамѣренные люди смотрѣли, какъ на благопріятное для религіи событіе, обѣщающее лучшую будущность для католиковъ въ предѣлахъ Россіи. Въ этомъ достопамятномъ разговорѣ св. отецъ прежде всего заявилъ императору, что на его пріѣздъ и личное съ нимъ свиданіе онъ смотритъ какъ на особенное дѣло Божественнаго Промысла, что взоры всей Европы обращены теперь на ихъ встрѣчу въ Ватиканѣ, отъ которой онъ ожидаетъ облегченія для своей души, стѣсненной тяжкою участью многочисленныхъ католиковъ Имперіи. Напомнивъ императору, какъ заботился св. престолъ о томъ, чтобы подданные Его Величества были ему послушны и повиновались въ государственномъ порядкѣ, и какъ много разъ торжественно онъ поучалъ ихъ соблюдать эти обязанности, первосвященникъ присовокупилъ, что возвѣщая подданнымъ воздавать кесарево кесарю, онъ позволяетъ себѣ напомнить Кесарю, что Божіе должно быть воздаваемо Богови. Императоръ въ своемъ безпристрастіи не могъ не согласиться съ возвышенными словами, говоря, что такъ же, какъ и его святѣйшество, онъ исповѣдуетъ необходимость воздавать кесарево кесарю, а Божіе Богови. Онъ объявилъ, что будетъ исполнителемъ, въ этомъ отношеніи, постановленій св. отца и потребуетъ, чтобъ его подданные уважали его власть. Тогда его святѣйшество обратилъ вниманіе императора на многіе законы имперіи, которые не соотвѣтствуютъ той цѣли, чтобы внушать вѣрнымъ уваженіе, которое они должны питать къ церкви и къ ея видимому начальнику, выражая ему соболѣзнованіе и

[1]) Нота Бутенева изъ Рима отъ $^{11}/_{13}$-го января 1846 года.

скорбь по случаю этихъ законовъ, которые стѣсняютъ исповѣданіе католической вѣры. Императоръ просилъ св. отца указать ему на такіе законы, чтобъ онъ могъ исправить ихъ недостатки. Его святѣйшество привелъ въ общихъ выраженіяхъ всю совокупность многочисленныхъ постановленій, которыя препятствуютъ епископамъ свободное отправленіе ихъ пастырскихъ обязанностей, запрещаютъ вѣрнымъ безпрепятственно сноситься съ св. престоломъ, свободно исповѣдывать католическую вѣру, нарушаютъ святость браковъ и препятствуютъ исполненію евангельскихъ совѣтовъ. Онъ не упустилъ замѣтить между прочимъ, что если и встрѣчаются плачевныя злоупотребленія со стороны вѣрныхъ, и даже лицъ духовныхъ, то это потому, что стѣснительные законы имперіи, препятствуютъ свободѣ епископской юрисдикціи и высшему вліянію верховнаго пастыря на эту часть его паствы и не дозволяютъ прибѣгать къ тѣмъ дѣйствительнымъ средствамъ, которыя власть первосвященника употребляетъ въ отношеніи къ другимъ государствамъ, даже не католическимъ по исповѣданію, гдѣ это вліяніе оказывается безъ стѣсненій, а тѣмъ не менѣе вѣрные отличаются покорностью законамъ гражданскимъ и строгимъ соблюденіемъ предписаній церкви".

Это послѣднее разсужденіе, вѣроятно, относится ко временамъ Пія IX и напоминаетъ его посланія къ нашему правительству, какъ увидимъ далѣе. Приводимый нами разказъ о свиданіи императора съ папою соотвѣтствуетъ содержанію записки, которую Григорій XVI подалъ императору, а въ ней нѣтъ ничего подобнаго, и едва-ли этотъ папа могъ выразить его и на словахъ.

„Для того, чтобы съ большею точностію (продолжаемъ выписку изъ записки правительства Пія IX) опредѣлить императору словесныя указанія, св. отецъ передалъ ему записку, въ которой были подробнѣе изложены указанныя имъ обстоятельства. Онъ просилъ обратить на нее благосклонное вниманіе, говоря, что онъ передаетъ ее не столько въ его руки, сколько поручаетъ его сердцу. Въ этой запискѣ перечислено краткое содержаніе многихъ указовъ и постановленій, нарушающихъ права, собственность и преимущества церкви, упомянуты многія грустныя происшествія, возникшія при исполненіи императорскихъ законовъ, выражены правдивыя сѣтованія св. отца на то, что долгое время многія епископскія каѳедры остаются вакантными, и присовокуплено, что въ виду тяжелой отвѣтственности передъ Богомъ и церковью онъ долженъ назначать на эти каѳедры только лицъ достойныхъ и не запятнанныхъ.

„Императоръ принялъ записку св. отца съ особенною благосклонностію и обѣщалъ внимательно прочесть. Дѣйствительно, посѣтивъ снова св. отца 17-го декабря, онъ вошелъ въ разсужденіе о представленной ему запискѣ и сказалъ, что не смотря на то, что занимался ею, онъ не можетъ однакожь отвѣчать подробно, но что онъ это сдѣлаетъ по возвращеніи въ Петербургъ. Пока онъ просилъ его святѣйшество въ видѣ первоначальнаго отвѣта, въ общихъ чертахъ, принять записку, которую и передалъ въ его священныя руки.

«Впрочемъ, императоръ, во время разговоровъ увѣрилъ, что прекратитъ всѣ злоупотребленія въ своихъ областяхъ, и очень радъ, что узналъ о нихъ

отъ его святѣйшества; что на будущее время въ важномъ вопросѣ выбора епископовъ не будетъ уже болѣе допускаемо отступленій отъ того порядка, на который указала мудрость первосвященника, что онъ искренно заботится о томъ, чтобы въ приличномъ и почтенномъ состояніи сохранить католическую церковь въ Россіи и Польшѣ; что наконецъ онъ не преминетъ сдѣлать для своихъ католическихъ подданныхъ все, не противное кореннымъ законамъ Имперіи. Это послѣднее выраженіе подало св. отцу поводъ замѣтить императору, что во всѣхъ законодательствахъ право отмѣнять и измѣнять законы принадлежитъ той власти, которая эти законы устанавливаетъ, между тѣмъ какъ наоборотъ въ церкви католической нѣкоторые законы восходятъ ко времени ея основанія, неразрывно соединены съ ея божественнымъ установленіемъ и потому непремѣнны и священны. Развивая эту мысль, св. отецъ замѣтилъ, что обѣщаніе императора сдѣлать *все, что возможно*, служитъ для него утѣшеніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сразу далъ понять государю, что принимаетъ его слова во всей ихъ широтѣ, безъ стѣсненія законами Имперіи, и что поэтому онъ полагаетъ, что императоръ сдѣлаетъ все, что передъ Богомъ и требованіями правосудія онъ долженъ сдѣлать. Въ тѣхъ видахъ, чтобы благопріятныя расположенія, обнаруженныя императоромъ, не остались безъ послѣдствій, св. отецъ окончилъ бесѣду словами: «Необходимо, чтобы католическіе подданные императора узнали, что онъ намѣренъ обезпечить имъ спокойствіе и миръ». На это Его Величество отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ *сомнѣваться не можетъ*. На этомъ словѣ св. отецъ прекратилъ бесѣду, и послѣ оказанныхъ знаковъ уваженія, коими обязанъ высокій и могущественный монархъ намѣстнику Іисуса Христа, въ заключеніе этой достопамятной бесѣды св. отецъ далъ лобзаніе мира императору при всемъ благородномъ собраніи, въ знакъ полной довѣренности, съ которою онъ выслушалъ утѣшительныя обѣщанія Его Величества въ пользу милліоновъ католиковъ, находящихся подъ его властью“.

Конечно, въ настоящее время трудно провѣрить и утвердить бóльшую или меньшую степень достовѣрности каждой подробности этой замѣчательной во всякомъ случаѣ бесѣды. На разказъ папскаго правительства слѣдуетъ смотрѣть съ осторожностію. Но дѣйствительное историческое значеніе словесныхъ переговоровъ императора и папы окончательно опредѣляется тѣми документами, которые они передали другъ другу. Эти два важные документа послужили основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ между нашимъ правительствомъ и Римскимъ дворомъ, и потому мы считаемъ необходимымъ обратиться къ подробному ихъ разсмотрѣнію.

II.

Императоръ, за два дня до пріѣзда графа Нессельрода въ Римъ, получилъ изъ рукъ папы записку, которую разсматривалъ весьма внимательно, какъ доказываютъ его замѣчанія, писанныя карандашемъ

на поляхъ подлинной рукописи этого документа. Мы постараемся изложить его содержаніе, и притомъ въ связи съ замѣчаніями государя, такъ какъ въ нихъ личный взглядъ его выразился съ большею ясностію, нежели могъ выразиться въ офиціальномъ отвѣтѣ, который потомъ онъ вручилъ папѣ, потому что эти замѣчанія предлагались только для домашняго, такъ-сказать, руководства его дипломатической канцеляріи при изготовленіи офиціальнаго отвѣта на записку папы.

„Папа всегда питалъ довѣріе къ правосудію Его Императорскаго Величества и надѣялся, что будетъ оказана справедливость требованіямъ католической церкви. Бреве къ польскимъ епископамъ и письма его къ императору могутъ служить тому доказательствомъ". Такъ начинаетъ свою записку Григорій XVI и съ первыхъ же словъ заявляетъ справедливость всѣхъ притязаній латинской церкви въ отношеніи къ Россіи, которыя постоянно выражалъ Римскій дворъ. Но это ужь обычный образъ выраженія папскихъ канцелярій. Римъ, въ отношеніи къ тѣмъ требованіямъ, которыхъ несправедливость будетъ доказана, и къ тѣмъ притязаніямъ, которымъ удовлетворить невозможно, въ послѣдствіи или хранитъ молчаніе, или повторяетъ ихъ съ увѣренностію въ отказѣ, но никогда не признается ни въ своихъ ошибкахъ, ни въ несправедливости и неумѣренности требованій. Потому, не обращая особеннаго вниманія на этотъ приступъ, слѣдуетъ разсмотрѣть самыя требованія, изложенныя въ запискѣ. Въ ней прежде всего указано на два направленія политики Римскаго двора: „Папа не менѣе всякаго другаго государя желаетъ поддержанія общественнаго спокойствія и порядка въ каждомъ государствѣ. Онъ никогда не забывалъ, дѣйствительными и самыми торжественными способами, напоминать и внушать католикамъ, разсѣяннымъ по всѣмъ государствамъ міра, священную обязанность, возлагаемую на нихъ католическою вѣрою, пребывать вѣрными ихъ государямъ и покоряться съ безпрекословнымъ повиновеніемъ, въ порядкѣ гражданскомъ, всѣмъ законамъ государства. Доказательства этой истины заключаются не только въ указанномъ бреве къ польскимъ епископамъ, который такъ былъ непріятенъ либераламъ, но и въ енцикликѣ 15-го августа 1832 года ко всѣмъ пастырямъ католическаго міра, которая надѣлала такого шуму въ газетахъ, будто бы вызванная настояніями Россіи. Другое доказательство твердости, съ какою папа при всякомъ случаѣ поддерживалъ это католическое правило, состоитъ въ томъ, что депутатъ отъ революціоннаго польскаго правительства, тайно отправленный въ

Римъ, чтобъ испросить покровительство святаго престола, былъ торжественно порицаемъ за дерзость — явиться въ Римъ съ подобнымъ порученіемъ и былъ высланъ вонъ. Справедливость этого факта можетъ засвидѣтельствовать князь Гагаринъ, если онъ живъ. Но если, съ одной стороны, святой престолъ твердо и постоянно внушаетъ католикамъ божественную заповѣдь воздавать кесарево кесарю, то съ другой стороны, онъ считаетъ своею обязанностію ходатайствовать передъ кесаремъ, чтобы католики могли свободно воздавать Божіе Богови. Никогда папа не нарушалъ ни той, ни другой обязанности. Въ отношеніи къ первой, указанныя бреве и енциклика служатъ доказательствомъ. Вторую подтверждаютъ ходатайства и просьбы папы, съ которыми онъ прибѣгалъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, къ самому Императору, и съ глубокимъ прискорбіемъ усматривалъ, что онѣ остаются безъ послѣдствій. Однако же, какъ свѣтская власть устроиваетъ государственный и гражданскій порядокъ въ своихъ державахъ, такъ все, чтò касается религіи и отправленія богослуженія и обрядовъ католическихъ, зависитъ, по Божественному опредѣленію, отъ власти духовной, то-есть, отъ церкви. Поэтому всѣ представленія папы Императору касаются исключительно различныхъ *законовъ,* разрушительныхъ въ отношеніи къ католической вѣрѣ и противныхъ католическимъ началамъ, законамъ церкви, и вслѣдствіе этого, божественному ея строенію, и болѣе важныхъ *случаевъ,* послѣдовавшихъ отъ приведенія въ исполненіе этихъ законовъ на огромныхъ ространствахъ имперіи, подвластной русскому монарху. Папа не могъ воздержаться отъ этихъ представленій, не нарушивъ въ высшей степени существенныхъ обязанностей своего апостольскаго служенія. Со всѣхъ концевъ міра католики всѣхъ народностей обращаютъ свои взоры на общаго ихъ отца и пастыря. Всѣ прибѣгаютъ къ нему съ просьбами о помощи и о защитѣ вѣры. Папа оказался бы виновнымъ, если бы презрѣлъ свое апостольское призваніе, оставилъ ихъ безъ вниманія и не поспѣшилъ къ нимъ на помощь, пользуясь всѣми, находящимися въ его распоряженіи средствами. Въ качествѣ главы католической церкви, папа не можетъ считаться *чужестранною* властью для католиковъ, въ какой бы странѣ земнаго шара они ни обитали. Его духовная власть простирается на всѣхъ ихъ; всѣ они его дѣти, всѣ подчиняются законамъ церкви. Управленіе церковью не можетъ слѣдовать за различными видоизмѣненіями государственнаго управленія и подчиняться имъ, потому что оно блюдетъ устройство церкви, дарованное ей ея Божественнымъ Основателемъ.

Государи свѣтскіе могутъ отмѣнять или измѣнять свои законы, но святой престолъ не можетъ ни измѣнять началъ католической вѣры, ни произвольно отмѣнять правила церковной дисциплины. Законы и указы Императора, противъ которыхъ возставалъ и возстаетъ святой престолъ, или состоялись недавно, или возобновили собою силу дѣйствія прежнихъ распоряженій. Очень легко отмѣнить ихъ или прекратить исполненіе, не нарушая пользъ и достоинства государства. Но законы католической церкви восходятъ напротивъ того ко времени ея основанія, къ отцамъ церкви, къ соборамъ. Нельзя молчать, когда ихъ нарушаютъ, иначе разрушится весь духовный порядокъ въ церкви; поэтому сохраненіе этихъ законовъ составляетъ для папы долгъ совѣсти передъ Богомъ, церковію и всѣмъ католическимъ міромъ".

Правительство Пія IX, въ своей обвинительной запискѣ противъ нашего правительства, въ 1866 году, повторило ту же мысль о различіи законовъ, издаваемыхъ свѣтскими правительствами, отъ законовъ церкви, но благоразумно выпустило указаніе на соборы и на отцевъ церкви. Дѣйствительно, въ ученіи отцевъ церкви до раздѣленія церквей и въ постановленіяхъ соборовъ нѣтъ возможности отыскать доказательства для подтвержденія вообще папскихъ притязаній, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя папы выражали въ отношеніи къ нашему правительству. Но нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что папы указываютъ только на законы, изданные свѣтскою властію, и какъ будто вовсе не признаютъ существованія постановленій и правилъ нашей церкви, точно также основанныхъ на Священномъ Писаніи, на ученіи отцевъ церкви и на постановленіяхъ соборовъ и восходящихъ ко времени основанія христіанства; между тѣмъ нѣкоторые изъ законовъ государственныхъ, противъ которыхъ они возстаютъ, составляютъ только подтвержденіе постановленій церкви. Григорій XVI хотя и называетъ возвращеніе уніатовъ къ православію отступничествомъ (apostasia), но вообще умалчиваетъ о нашей церкви. Преемникъ же его, напротивъ того, прямо называетъ ее расколомъ, схизмою, и слѣдовательно, не признаетъ за нею права на законное существованіе.

Заявивъ напередъ, что возраженія будутъ касаться нѣкоторыхъ *законовъ* и *случаевъ*, происшедшихъ при приведеніи ихъ въ исполненіе, Григорій XVI переходитъ къ указанію на эти законы: „Изъ числа законовъ и постановленій, противныхъ католической церкви, противъ которыхъ не могъ и не можетъ не возставать святой престолъ, мы укажемъ въ общихъ чертахъ на нѣкоторые:

1. „Таковы: а) новый уставъ консисторій 23-го декабря 1842 года, по которому епископы подчинены сужденіямъ консисторій до такой степени, что можно сказать: консисторія пишетъ, а епископъ только подписываетъ (consistorium scribit, episcopus subscribit tantum)". Противъ этой статьи рукою Императора отмѣчено: „Совершенно несправедливо; на дѣлѣ существуетъ противное".

„б) Указъ 30-го ноября 1843 года относительно семинарій, по которому въ сущности онѣ изъяты изъ вѣдомства епископовъ и подчинены правительственнымъ распоряженіямъ, какъ въ отношеніи къ ученію, такъ и въ отношеніи къ дисциплинѣ". Послѣ этого Императоръ замѣтилъ: „Все это зависитъ отъ коллегіи или консисторіи, которая существуетъ со временъ Императрицы Екатерины. Въ ея отношеніяхъ къ епископамъ ничего измѣнять не слѣдуетъ".

Императоръ, конечно, понялъ, какъ видно изъ этого замѣчанія, что въ сущности дѣло шло о духовной коллегіи, которая существуетъ въ Россіи для управленія дѣлами латинскаго духовенства и которой Римъ никогда не хотѣлъ признать, а не объ указѣ 30-го ноября 1843 года, которымъ не установлялось ничего новаго. Духовная коллегія, еще во времена митрополита Сестренцевича, окончательно устроенная почти въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ находится теперь, была непріятна Риму, какъ по воспоминанію объ этомъ прелатѣ, такъ и потому, что составляла мѣстное средоточіе управленія латинскою церковію въ Имперіи. Со времени возсоединенія Бѣлоруссіи Римъ не желалъ учрежденія особой высшей латинской іерархіи въ Россіи, но хотѣлъ, напротивъ того, чтобы латинскія церкви и приходы управлялись епископами, находившимися внѣ предѣловъ Имперіи, въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ. Уступивъ въ этомъ случаѣ твердымъ настояніямъ императрицы Екатерины, Римъ стремился къ тому, чтобы каждая епархія самостоятельно управлялась своимъ епископомъ, непосредственно подчиненнымъ папской власти, точно также, какъ монашескіе ордена подчинялись бы непосредственно и независимо отъ епископовъ своимъ генераламъ, находившимся въ Римѣ. Безъ сомнѣнія, русское правительство не могло согласиться ни на то, ни на другое. Цѣль Рима, съ одной стороны, заключалась въ томъ, чтобы раздробивъ управленіе латинскою церковію между различными властями, по возможности въ большемъ числѣ отдѣльныхъ епархій, затруднить и устранить надзоръ и вмѣшательство свѣтской власти; а съ другой, въ томъ, чтобы сосредоточить общую власть надъ ними непосредственно въ своихъ рукахъ. Въ виду этой цѣли Римъ не-

охотно уступалъ настояніямъ русскаго правительства, возводя Сестренцевича въ санъ митрополита, и на требованія признать за нимъ высшія права въ сравненіи съ другими епископами, права примаса, отвѣчалъ сообщеніемъ подобныхъ правъ не вполнѣ и временно, въ видѣ особыхъ и исключительныхъ полномочій (delegatio) со стороны папы. Препятствуя учрежденію прочнаго мѣстнаго средоточія для управленія латинскою церковію въ Россіи, долженствовавшаго устранить неудобства непрерывныхъ сообщеній съ такимъ отдаленнымъ средоточіемъ власти, какъ Римъ, папы всегда стремились къ тому, чтобъ учредить постояннаго папскаго нунція при нашемъ дворѣ, въ лицѣ котораго, какъ полномочнаго представителя папы, и сосредоточилось бы главное управленіе латинскою церковію въ Россіи. Безъ сомнѣнія, русское правительство не могло уступить подобнымъ требованіямъ и дозволить въ своемъ государствѣ образовать особое государство, независимое отъ верховной власти Имперіи. Учрежденіе духовной коллегіи и было прямымъ отказомъ на притязанія Рима. Поэтому папы не признавали и не могли признавать ея существованія, не отказавшись отъ своихъ притязаній. Указанія папской записки на новый уставъ консисторіи и на указъ 30-го ноября 1843 года были только предлогомъ къ тому, чтобы возобновить возраженія противъ духовной коллегіи. „Такія постановленія", продолжаетъ поэтому записка папы, „составляютъ только развитіе или послѣдствія общихъ началъ, нарушающихъ права и божественную власть церкви и заключающихся въ законахъ и указахъ, которые приведены въ подтвержденіе аллокуціи (1842 года іюля 22-го). Очевидно, что существуетъ полная система, выражающаяся въ законахъ, направленныхъ къ той цѣли, чтобы воспретить епископамъ отправленіе ихъ священныхъ пастырскихъ обязанностей, отнять у нихъ завѣдываніе дисциплиною, богослуженіемъ, литургіей, преподаваніемъ, семинаріями, однимъ словомъ, отнять у нихъ управленіе ихъ церквами, подчинивъ ихъ консисторіямъ, духовной коллегіи, и наконецъ, министерству, чтобы сдѣлать изъ нихъ простыхъ исполнителей высочайшихъ повелѣній". Папская власть стремилась въ продолженіе вѣковъ подорвать всякую самостоятельность мѣстныхъ церквей и подчинить ихъ безусловно Риму. Эта самостоятельность мѣстныхъ церквей главнѣйшимъ образомъ основывалась на значеніи епископскаго сана, одинаковаго по существу у всякаго епископа съ самимъ папою. Достигнувъ наконецъ этой цѣли, уничтоживъ самостоятельное значеніе епископской власти и превративъ всѣхъ латинскихъ епископовъ міра въ простыхъ, второстепенныхъ чиновниковъ папскаго двора,—ибо надъ ними воз-

вышалась священная коллегія кардиналовъ,—папа вдругъ становится ихъ защитникомъ передъ русскимъ правительствомъ, которое никогда не угрожало уничтоженіемъ ихъ правъ, а напротивъ того, постоянно стремилось поддержать ихъ, какъ увидимъ далѣе.

2. „Точно также противны католицизму законы, воспрещающіе свободное обнародованіе папскихъ буллъ и подъ страхомъ наказаній, весьма строгихъ, запрещающіе католикамъ всякія сношенія съ святымъ престоломъ, прежде нежели поводъ къ сношенію будетъ заявленъ и одобренъ епископомъ и правительствомъ, и это запрещеніе распространяется даже на вопросы совѣсти и покаянія. Эти законы, чрезвычайно суровые и угнетающіе, явно стремятся къ тому, чтобы разорвать связи католиковъ со святымъ престоломъ, средоточіемъ католическаго единства, потому что католики не желали ли бы объявлять епархіальному начальству и чрезъ его посредство правительству внутреннія и сокровенныя сомнѣнія, тайныя нужды и тревоги совѣсти“. Противъ этой статьи Императоръ замѣтилъ: „Это основано на правилахъ, установленныхъ въ Имперіи гораздо прежде меня, ибо такъ продолжается четыре царствованія и не мною установлено“.

Дѣйствительно, папская записка впадаетъ въ явное противорѣчіе. Начавъ съ того, что будетъ говорить противъ постановленій русскаго правительства, *недавно установленныхъ* или *только-что возобновленныхъ*, она исчисляетъ такія распоряженія, которыя возникли съ первыхъ лѣтъ установленія латинской іерархіи въ Россіи, то-есть, съ 1772 года. Тѣ же немногія новыя постановленія, на которыя въ ней указано, не только не выражаютъ угнетенія или преслѣдованія, но какъ уставъ консисторій и указъ о семинаріяхъ, составляютъ повторенія, въ отношеніи къ частнымъ вопросамъ, давно уже существовавшихъ правилъ. Признавъ необходимымъ въ виду такого важнаго событія, какъ личные переговоры папы съ императоромъ, сойдти съ поприща дипломатическихъ споровъ о частныхъ случаяхъ на основаніи извѣстій, большею частію ложныхъ и всегда преувеличенныхъ, съ поприща, такъ-сказать, политическихъ сплетень, и возвести переговоры до болѣе важныхъ предметовъ, до самыхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Имперіи въ отношеніи къ латинской церкви, Римскій дворъ сталъ на почву зыбкую и ненадежную. Въ продолженіе многихъ лѣтъ говоря постоянно и неумолкаемо о преслѣдованіяхъ этой церкви именно въ *послѣднее* царствованіе, онъ долженъ былъ говорить и о законахъ, состоявшихся именно въ это царствованіе. Между тѣмъ такихъ законовъ, которые постановляли бы новыя правила, не существовавшія

прежде, или не составляли бы простыхъ выводовъ изъ принятыхъ уже въ предшествовавшемъ законодательствѣ оснований, вовсе не оказывалось. Поэтому, въ противность выраженному въ началѣ записки заявленію, пришлось говорить о правилахъ, издавна принятыхъ нашимъ законодательствомъ въ отношеніи къ латинской церкви. Къ числу таковыхъ принадлежатъ и слѣдующія два указанія записки на наши законы:

3. „Чтобы не останавливаться на многихъ другихъ законахъ укажемъ на тѣ, равнымъ образомъ противные католичеству, которые, подъ страхомъ отлученія отъ служенія, запрещаютъ священникамъ крестить дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ родители, и допускать до причастія тѣхъ, кои уже пріобщались хотя однажды предъ тѣмъ по греческому обряду. Законъ, крайне предосудительный для католической религіи и стремящійся отрывать отъ нея исповѣдниковъ даже путемъ таинствъ".

4. „Законы, нарушающіе или присвоющіе власть святаго престола, суть тѣ, которые относятся до монашескихъ орденовъ. Посредствомъ этихъ законовъ монашествующіе изъяты изъ-подъ власти ихъ генераловъ, монастыри раздѣлены на разряды, уничтожены, ихъ имущества присоединены къ государственнымъ, монашествующіе разогнаны и пр. Цѣль этихъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы привести монастыри въ полное разстройство, а потомъ и совершенно уничтожить ихъ". Въ отношеніи къ указанію на законы о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ Императоръ замѣтилъ: „Въ отвѣтъ на это я спрошу: будетъ ли дозволено въ Римѣ, Неаполѣ или гдѣ-либо въ странахъ римско-католическихъ по исповѣданію, священнику иностраннаго исповѣданія, даже по желанію родителей, обратить римско-католическаго ребенка въ протестантское или греческое исповѣданіе? Это одинъ изъ законовъ государства, на который моя власть не простирается, если бы даже моя совѣсть могла съ этимъ примириться". Въ отношеніи же указанія на постановленія о монастыряхъ онъ замѣтилъ лишь: „Это требуетъ словесныхъ объясненій; здѣсь слишкомъ много бы пришлось писать".

Этимъ ограничиваются всѣ указанія записки на законы, будто-бы изданные противъ латинской церкви въ царствованіе Императора Николая I. Папа, говоря въ началѣ этой записки, что всѣ его возраженія касаются единственно законовъ, прибавляетъ немедленно: „и *болѣе важныхъ случаевъ,* возникшихъ отъ исполненія этихъ законовъ". Оставивъ себѣ возможность выхода, онъ поспѣшилъ воспользоваться имъ и остальную часть записки посвятилъ разсужденіямъ объ этихъ частныхъ случаяхъ.

„Переходя отъ законовъ къ дѣйствіямъ, — гласитъ далѣе записка, — и не говоря уже о тѣхъ, которые употреблялись какъ средства для поощренія отступничества греко-уніатовъ и къ стѣсненію свободнаго исповѣданія вѣры даже въ отношеніи къ латинянамъ, достаточно обратить вниманіе на недавнее происшествіе въ Грузіи, состоявшее въ изгнаніи апостольскихъ миссіонеровъ даже изъ восточныхъ областей, подвластныхъ Россіи. Въ продолженіе 180 лѣтъ они свободно завѣдывали Армянами-католиками въ Грузіи. Іюня 2-го 1844 года, къ величайшему прискорбію этихъ добрыхъ католиковъ, губернаторъ области объявилъ имъ, чтобъ они не вмѣшивались ни въ какія дѣла. Затѣмъ, онъ объявилъ имъ, что если они желаютъ оставаться въ странѣ, то должны находиться въ зависимости отъ Могилевской консисторіи и не входить ни въ какія непосредственныя сношенія ни съ какою заграничною духовною властью, то-есть, со святымъ престоломъ. Такъ какъ совѣсть воспрещала имъ согласиться на такое требованіе, то они и были изгнаны. Ихъ обвиняютъ въ прозелитизмѣ въ пользу католической религіи. Но въ сущности они исполняли свое священное призваніе, которое состоитъ въ томъ, чтобы проповѣдывать Евангеліе всякой твари (praedicare Evangelium omni creaturae) и научать всѣ языки (docere omnes gentes). Впрочемъ они исполнили эту обязанность in omni patientia et doctrina, не употребляя ни хитростей, ни насилія, ни коварныхъ обольщеній. Всякій былъ свободенъ слушать ихъ или нѣтъ и слѣдовать ихъ религіознымъ совѣтамъ и наставленіямъ“.

Противъ этой статьи Императоръ замѣтилъ: „Это совершенно ложно. Миссіонеры водворились въ этихъ областяхъ самопроизвольно и безъ разрѣшенія. Распоряженіе о томъ, чтобъ они подчинялись кореннымъ законамъ, дѣйствующимъ въ Россіи въ отношеніи къ римской церкви, состоялось вслѣдствіе жалобъ на нихъ народонаселенія за производимыя ими смуты въ церкви. Но такъ какъ они не хотѣли подчиниться этимъ законамъ, то и были удалены изъ страны“. Въ 1845 году, при усложнившихся отношеніяхъ къ Риму по случаю назначенія новыхъ епископовъ, русское правительство, приписывая это обстоятельство недовѣрію къ нему папскаго кабинета, рѣшилось въ первый разъ послѣ аллокуціи 1842 года войдти въ разсмотрѣніе всѣхъ требованій Рима съ искреннимъ желаніемъ прійдти къ соглашенію. Когда переговоры коснулись уже всѣхъ вопросовъ и приняли направленіе, подававшее нѣкоторую надежду на благополучный исходъ, нашъ посланникъ въ Римѣ неожиданно получилъ конфиденціальную ноту отъ кардинала Ламбрускини съ новыми укориз-

нами противъ русскаго правительства. Въ концѣ 1844 года Римъ получилъ жалобу отъ капуциновъ, издавна водворившихся въ Грузіи въ качествѣ латинскихъ миссіонеровъ, что русское правительство требуетъ отъ нихъ подчиненія Могилевскому епархіальному начальству. По поводу этой жалобы кардиналъ Ламбрускини въ нотѣ отъ 11-го декабря просилъ, чтобы наше правительство взяло назадъ распоряженіе, будто бы противное требованіямъ совѣсти этихъ миссіонеровъ. Прежде нежели Бутеневъ получилъ свѣдѣнія изъ Петербурга, въ Римъ пришли новыя свѣдѣнія отъ тѣхъ же миссіонеровъ объ ихъ удаленіи изъ Грузіи. По этому поводу въ конфиденціальной нотѣ къ нашему посланнику отъ 2-го апрѣля 1845 года, кардиналъ Ламбрускини писалъ: „Правительство папы ужъ обращалось къ императорскому правительству съ просьбою, чтобъ оно отмѣнило распоряженіе, направленное противъ миссіонеровъ въ Грузіи, и тѣмъ самымъ предотвратило великую несправедливость въ отношеніи къ католикамъ латинянамъ и Армянамъ этой страны. Однакожъ эта надежда которую до настоящаго, времени питалъ святой отецъ, не только не осуществилась, какъ доказываютъ недавнія извѣстія о приведеніи уже въ исполненіе этого распоряженія правительства; но его грусть еще болѣе усилилась вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, какія были употреблены въ этомъ случаѣ. Грустно было его святѣйшеству убѣдиться, изъ достовѣрныхъ извѣстій, что въ торжественный день Новаго года эти благочестивые миссіонеры вооруженною рукою были принуждены выйдти изъ храма, въ которомъ считали себя неприкосновенными, и окруженные стражею, должны были оставить это священное убѣжище. Ни просьбы, ни стоны толпою собравшихся на это зрѣлище католиковъ не заставили смягчить жестокости принятыхъ мѣръ, и пасомыхъ почти силою отторгли отъ тѣхъ, кто своею апостольскою ревностію и заботами успѣлъ заслужить ихъ любовь и благодарность“. Въ заключеніе этого трогательнаго описанія, со словъ, конечно, самихъ миссіонеровъ, папскій статсъ-секретарь, требуя, чтобы русское правительство отмѣнило свое распоряженіе, замѣчаетъ: „И такія насильственныя мѣры были приняты противъ нѣсколькихъ мирныхъ миссіонеровъ, виновныхъ только въ томъ, что они слѣдовали внушеніямъ совѣсти и отказались дать обѣщаніе противиться обязанностямъ, возложеннымъ на нихъ католическою религіей и ихъ особыми обѣтами“.

Это происшествіе случилось въ Грузіи во время управленія князя М. С. Воронцова. Достаточно, кажется, назвать это лицо, просвѣщенный образъ мыслей котораго извѣстенъ не одной Россіи, но и всей

Европѣ, чтобы понять, что эта мѣра не была простымъ гоненіемъ на латинскую церковь, а была вызвана иными обстоятельствами. Латинскіе миссіонеры въ Грузіи поселились издавна, еще съ дозволенія грузинскихъ царей, для обращенія Армянъ въ римско-католическое исповѣданіе. Они принадлежали къ ордену младшихъ капуциновъ (capucinorum minorum) и состояли въ непосредственной зависимости отъ римской пропаганды. Еще въ XVIII столѣтіи они имѣли двѣ церкви, въ Тифлисѣ и въ Гори; но за покушеніе совратить въ латинство патріарха Антонія, произведшее смуты въ Грузіи, царь Таймуразъ, въ половинѣ этого столѣтія, отнялъ у нихъ церкви и отдалъ православнымъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ префектомъ миссіонеровъ въ 1806 г. главнокомандующему въ Грузіи, князю Циціанову, тамъ находилось только два монаха — префектъ Франческо-Антоніо изъ Падуи, который жилъ въ Тифлисѣ, и еще патеръ, жившій въ Гори, Маріо изъ Колонна и двѣ монахини. Въ Тифлисскомъ приходѣ считалось 243 души, а въ Гори 210, да въ Цхинвалѣ считалось до 30 Армянъ-католиковъ. Церквей не было нигдѣ, и богослуженіе отправлялось въ тѣхъ же домахъ, гдѣ жили сами священники. Незначительныя церковныя имущества, состоявшія изъ нѣсколькихъ лавокъ и домовъ, и бѣдность прихожанъ не давали средствъ къ развитію дѣятельности миссіонеровъ. Грузинскіе цари давали имъ въ пособіе по 300 руб. сер., а пропаганда доставляла изъ Рима 1.500 піастровъ въ годъ. Но съ присоединеніемъ Грузіи къ Русской имперіи прекратилось первое пособіе, а со времени Наполеоновскихъ походовъ въ Италію прекратилось и второе.

Въ 1801 году находившійся при нашемъ дворѣ папскій уполномоченный въ дѣлахъ командоръ Бенвенути обратился къ нашему правительству съ просьбой о высылкѣ одного изъ этихъ миссіонеровъ въ Римъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ возвратить имъ отнятыя у нихъ церкви. Въ отвѣтъ на это прошеніе, вице-канцлеръ князь Куракинъ извѣстилъ главнокомандующаго, что императоръ приказалъ просьбу миссіонеровъ исполнить, „предоставя мѣстному его усмотрѣнію, дабы сіе быть могло безъ всякихъ непріятныхъ слѣдствій“ [1]). Но слѣдствія такого поступка могли быть, дѣйствительно, непріятныя, потому что эти церкви уже около 50 лѣтъ тому назадъ были обращены въ православныя. Поэтому генералъ Кноррингъ не рѣшился привести въ исполненіе желаніе миссіонеровъ, и воспользовавшись предоставленнымъ ему правомъ

[1]) Отношеніе отъ 27-го февраля 1802 года.

принять въ соображеніе мѣстныя обстоятельства, увѣдомилъ, что такой поступокъ поколебалъ бы довѣріе къ русскому правительству всего православнаго народонаселенія Грузіи. „Сколько я ни склонялъ“, писалъ онъ къ князю Куракину, „католикоса Грузинскаго и знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ къ уступленію католикамъ собственности ихъ, но всѣ отозвались, что симъ господство въ Грузіи вѣры греческой, во исповѣданіе которой ужь обращены оные оба храма, нарушится [1])“. Представленіе Кнорринга было уважено, и онъ получилъ предписаніе, „чтобы помянутыя церкви оставлены были въ настоящемъ ихъ положеніи“ [2]). Но лишь только на мѣсто Кнорринга былъ назначенъ новый главнокомандующій, князь П. В. Циціановъ, миссіонеры обратились къ нему и представили ему прошеніе на Высочайшее имя. Посылая его государю, Циціановъ писалъ: „Поелику пребываніе сихъ миссіонеровъ въ Грузіи произвело уже чувствительную степень просвѣщенія между Армянами, коихъ обращать въ римско-католическую вѣру получили они здѣсь издревле отъ царей позволеніе, и притомъ пріемля въ уваженіе и то обстоятельство, что между войсками Вашего Императорскаго Величества находится въ Грузіи до 1.000 человѣкъ римско-католическаго исповѣданія, то долгомъ считаю донести, что хотя возвращеніе прежнихъ имъ церквей сопряжено съ великими препятствіями и даже невозможностію, по представленнымъ предмѣстникомъ моимъ политическимъ причинамъ, въ чемъ я удостовѣрился по развѣдываніямъ моимъ отъ католиковъ и другихъ почтенныхъ духовныхъ особъ; — но жалостное положеніе сихъ миссіонеровъ заслуживаетъ милостиваго воззрѣнія Вашего и Всемилостивѣйшаго вознагражденія другими способами. Изъ таковыхъ я нахожу удобнѣйшимъ даровать имъ способное мѣсто въ Тифлисѣ изъ числа казенныхъ, для устроенія церкви и другихъ принадлежащихъ къ оной зданій, и на первыя иждивенія оной отъ неизрѣченныхъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества Высочайше назначить нѣкоторую сумму денегъ, для подкрѣпленія падающаго и полезнаго ихъ въ Грузіи существованія“. Князь Циціановъ не только считалъ полезнымъ обезпечить существованіе латинской церкви въ Грузіи, но даже и расширить дѣятельность миссіонеровъ: „По устроеніи же и обезпеченіи бѣднаго ихъ состоянія, я полагаю, что уже не противно будетъ человѣколюбивой системѣ россійскаго правленія, на терпимости вѣръ основанной, позво-

[1]) Отношеніе отъ 28-го іюля 1802 года.

[2]) Отношеніе князя Куракина отъ 24-го іюля; см. Акты Кавказской археогр. коммиссіи, I, №№ 689 - 694.

лить имъ проповѣдываніе и обращеніе въ христіанскую вѣру сопредѣльныхъ Грузіи магометанъ и нѣкоторыхъ идолопоклонническихъ поколѣній, въ чемъ, безъ сомнѣнія, яко люди ученѣйшіе и примѣрнаго поведенія, миссіонеры сіи окажутъ болѣе успѣховъ, нежели *россійскіе и грузинскіе* проповѣдники, въ подвигу сему неприлежные и у горскихъ народовъ доселѣ немного успѣвшіе". Казалось бы, такое положеніе дѣлъ должно было бы вызвать со стороны русскаго начальника края заботу о томъ, чтобы приготовить болѣе надежныхъ и ученыхъ *россійскихъ* и *грузинскихъ* проповѣдниковъ господствующей въ имперіи вѣры, и противопоставить ихъ латинскимъ миссіонерамъ; но особыя понятія о терпимости вѣроисповѣданія, свойственныя весьма многимъ государственнымъ людямъ того времени, привели его къ совершенно инымъ заключеніямъ. Терпимостію, возможною именно съ устраненіемъ всякой преднамѣренной и систематически направленной пропаганды со стороны терпимыхъ лишь исповѣданій, оправдывается обезпеченіе и расширеніе проповѣди одного изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій. Но предлагая такія мѣры, князь Ціціановъ не могъ не понимать однако же, что непосредственная зависимость этихъ миссіонеровъ отъ Рима, пополненіе ихъ новыми пришельцами, чуждыми странѣ и посылаемыми туда по распоряженію римской пропаганды, не было согласно съ тѣми правилами, которыхъ постоянно держалась Россія въ отношеніи къ папскому правительству, и представляло нѣкоторыя опасности въ политическомъ отношеніи. Считая вообще полезнымъ *пребываніе* въ Грузіи латинскихъ миссіонеровъ, онъ въ этомъ же донесеніи государю прибавлялъ, „что пребываніе упомянутыхъ миссіонеровъ, принадлежащихъ къ римской пропагандѣ, содѣлается по многимъ соображеніямъ еще *полезнѣйшимъ,* когда они зависимы будутъ непосредственно отъ духовнаго римско-католическаго правленія, на особенномъ основаніи въ Россійской имперіи учрежденнаго, въ чемъ они съ своей стороны не оказываютъ ни малѣйшаго противорѣчія и готовы, принявъ надлежащія предписанія отъ россійскаго духовнаго правленія, отклониться отъ Рима и прежнихъ, тѣснѣйшихъ обязанностей ихъ и отношеній съ пропагандою" [1]).

Безъ сомнѣнія, князь Ціціановъ сообщилъ императору о согласіи миссіонеровъ подчиниться духовнымъ властямъ, установленнымъ въ

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Ціціанова 12-го іюня 1803 года. Акты Кавказской археогр. коммиссіи, II, стр. 280 и 281, № 549.

имперіи, и прервать такимъ образомъ непосредственную зависимость и сношенія съ Римомъ, на основаніи ихъ собственныхъ ему заявленій. Но заявляя нашему главнокомандующему объ этой готовности, въ виду ожидаемыхъ пособій и расширенія своихъ правъ, они на время благоразумно умолчали о томъ *условіи,* при которомъ только могутъ они привести свою готовность въ исполненіе, а именно: если папа и римская пропаганда изъявятъ на то свое согласіе.

Къ мысли о необходимости подчиненія римскихъ миссіонеровъ въ Грузіи общему въ имперіи управленію латинскою церковію должно было прійдти и потому уже, что православное духовенство Грузіи получало увѣдомленія изъ Константинополя о сношеніяхъ этихъ миссіонеровъ съ враждебными Россіи державами, и особенно съ Франціей. Нашъ посланникъ въ Константинополѣ, извѣстный Анд. Як. Италинскій [1]), увѣдомилъ самого князя Циціанова, что двое ихъ такихъ миссіонеровъ, отправившихся въ Грузію, „въ проѣздъ свой чрезъ Константинополь частыя имѣли сношенія съ французскимъ министромъ, тамъ находящимся, и потому надобно имѣть надъ ними надзоръ". Объ этомъ обстоятельствѣ князь Циціановъ сообщилъ въ частномъ письмѣ къ товарищу канцлера графа Воронцова, князю Чарторыйскому, прибавляя: „По симъ-то обстоятельствамъ, по мнѣнію моему, нужно было бы сношеніе съ Римомъ здѣшнихъ духовныхъ подчинить духовному начальству, въ Россіи пребывающему, и прислать сюда хотя двухъ монаховъ изъ капуциновъ для вящшаго единодушія съ здѣшними, кои онаго же ордена, и которые, особливо почтенный пріоръ Антоній, на сіе подчиненіе согласенъ, *лишь бы изъ Рима имѣлъ на то разрѣшеніе.* Нужно, чтобъ они добраго житія были, добраго поведенія и молодыхъ лѣтъ, дабы могли научиться языку, такъ какъ и здѣшніе, опредѣляя на содержаніе церквей хотя по 2.000 рублей сер. въ годъ; поелику прихожане столь бѣдны, что содержать ихъ не могутъ. Здѣшніе духовные принадлежатъ къ пропагандѣ, и съ давнихъ лѣтъ пребывая, научась языку, пользуются достаточнымъ довѣріемъ отъ Армянъ тѣмъ паче, что искусствомъ врачеванія многимъ помогаютъ" [2]).

Между тѣмъ канцлеръ графъ Воронцовъ увѣдомилъ главнокомандующаго Грузіей, 12-го іюня 1803 года, что государь разрѣшилъ отвести мѣсто въ Тифлисѣ для построенія римско-католической церкви,

---

[1]) Письмо его отъ $^{2}/_{14}$ ноября 1803 года.

[2]) Акты Кавказ. арх. коммиссіи, II, № 550, 14-го апрѣля 1804 года.

а „на первыя иждивенія заимствовать нужныя деньги изъ экстраординарной суммы, въ распоряженіи его имѣющейся“. Назначивъ для этой цѣли 6.000 руб., князь Циціановъ увѣдомилъ о томъ князя Чарторыйскаго и доносилъ государю, что „каковая работа, въ прославленіе священнаго имени неизрѣченнаго ко всѣмъ милосердія и терпимости вѣръ Вашего Императорскаго Величества, возымѣла начало свое 25-го марта мѣсяца 1804 года“. Но въ то же время князь получилъ отношеніе С.-Петербургской римско-католической коллегіи, въ которомъ митрополитъ Сестренцевичъ, основываясь на указѣ 10-го августа 1804 года, „которымъ повелѣно принять ему въ свое попеченіе и вѣдѣніе все духовенство римскаго исповѣданія, въ подданствѣ россійскомъ находящееся“, требовалъ свѣдѣній о римскихъ католикахъ и ихъ духовенствѣ въ Грузіи и распоряженія о томъ, „чтобы всѣ римско-католическіе духовные во всѣхъ духовныхъ своихъ надобностяхъ относились къ нему, предсѣдательствующему въ коллегіи и въ Россіи римскихъ церквей митрополиту, яко мѣстному епархіальному архіерею, или въ его Могилевскую консисторію, не отваживаясь впредь никакихъ дѣлать отношеній за границу ко внѣшнему духовному начальству“. Предложивъ объ этомъ пріору Антонію, князь Циціановъ получилъ отъ него требуемыя коллегіей свѣдѣнія о римско-католической церкви въ Грузіи. Что же касалось до вопроса о подчиненіи миссіонеровъ митрополиту Сестренцевичу, то они отвѣчали, что они „присланы сюда отъ пропаганды и состоятъ въ непосредственной ея зависимости, а потому, по повелѣніямъ пропаганды, не могутъ состоять въ его зависимости и быть ему подсудными“ [1]).

„Справедливость безпокойства моего“, — писалъ князь Циціановъ къ князю Чарторыйскому, — „дабы паства католическая или совсѣмъ не лишилась своихъ пастырей, или не осталась бы безъ наставниковъ, убѣждаетъ меня испрашивать ходатайства вашего, дабы доколѣ церковь сія будетъ управляема духовными особами отъ пропаганды, присланы были молодые капуцины сего ордена, а католическому здѣсь духовенству назначено опредѣленное жалованье, тѣмъ паче, что оно не имѣетъ здѣсь почти никакихъ доходовъ, а здѣшніе патеры, пользовавшись только оными отъ пропаганды, нынѣ пользуются отъ лѣченія“. Въ отвѣтъ на это князь Чарторыйскій увѣдомилъ князя Циціанова: „Такъ какъ ваше сіятельство полагаете пребываніе сихъ

---

[1]) Тамъ же №№ 553, 554, 555 и 557; отношеніе кн. Циціанова римско-католической духовной коллегіи, отъ 28-го февраля, и письмо къ князю Чарторыйскому отъ того же числа 1805 года.

миссіонеровъ въ Грузіи полезнымъ и имѣющимъ большое вліяніе на знатное количество католицкихъ Армянъ, то я не оставлю предложить митрополиту Сестренцевичу мнѣніе ваше о присылкѣ въ Грузію нѣсколькихъ капуцинскаго ордена молодыхъ людей съ назначеніемъ имъ приличнаго жалованья, дабы пріобучить ихъ къ языку и обращенію съ жителями края, прежде нежели старые миссіонеры отправятся обратно въ Римъ; доколѣ же прекратившіяся сношенія россійскаго двора съ Римомъ не возымѣютъ обыкновеннаго своего теченія, кажется, что для успокоенія упомянутыхъ миссіонеровъ достаточно будетъ, если здѣшняя консисторія перестанетъ настоятельно требовать отъ нихъ зависимости, которой по принятымъ пропагандою правиламъ они безъ согласія папы признать не могутъ. О чемъ, предварительно, для успокоенія ихъ вы сообщить имъ можете, что здѣшнее духовное начальство не будетъ ихъ тревожить повторительными требованіями“ [1]).

Съ того времени, и до 1844 года, дѣйствительно, ихъ и не тревожили этими требованіями, не смотря на то, что даже князь Циціановъ считалъ возможнымъ покровительствовать этимъ миссіонерамъ именно при томъ условіи, чтобъ изъять ихъ изъ непосредственной зависимости Рима и подчинить латинскимъ духовнымъ властямъ, установленнымъ въ имперіи, и что двадцать лѣтъ спустя на необходимость этой мѣры указывалъ генералъ Ермоловъ.

Наконецъ, эта мѣра и была принята по настоянію князя Воронцова. Князь былъ извѣстенъ Риму; еще передъ отъѣздомъ въ Грузію, онъ провелъ тамъ зиму 1844 — 1845 годовъ, и вѣроятно, не разъ сообщалъ о дѣйствіяхъ латинскихъ миссіонеровъ въ Грузіи. Оставляя Римъ, онъ написалъ нашему посланнику слѣдующее письмо: „Вы можете быть увѣрены, что терпимость до послѣдней степени, покровительство и вниманіе въ отношеніи къ различнымъ исповѣданіямъ ввѣряемаго моему управленію края не только будутъ признаваемы мною неизмѣнными началами, но и приведеніе ихъ въ исполненіе будетъ лишь выраженіемъ Высочайшей воли, которую Самъ Императоръ выразилъ мнѣ при моемъ отправленіи. Поэтому я не допущу ничего, на что духовные и христіане всѣхъ исповѣданій и особенно принадлежащіе католической церкви могли бы жаловаться во время моего управленія. Но я долженъ сознаться, что представляется только одно затрудненіе: это—духъ прозелитизма, которымъ часто бываютъ заражены

---

[1]) Тамъ же, № 556, отношеніе отъ 22-го апрѣля 1805 года.

священники и вообще духовенство католическое. Что касается до духа и попытокъ къ прозелитизму, я считаю себя обязаннымъ, и по моему положенію, и по личнымъ моимъ убѣжденіямъ, противодѣйствовать ему и прекращать его всѣми средствами не только въ томъ случаѣ, когда этотъ прозелитизмъ будетъ направленъ противъ нашей господствующей церкви, но равно и противъ другихъ христіанскихъ исповѣданій и русскихъ подданныхъ въ этихъ странахъ. За этимъ исключеніемъ духовенство и исповѣдники латинской церкви найдутъ съ моей стороны покровительство, заботы и вниманіе, къ которымъ обязываетъ меня мое положеніе, а равно и прямыя приказанія моего государя въ отношеніи къ нимъ въ равной степени со всѣми другими обитателями и подданными его обширной монархіи".

Очевидно, что письмо было написано княземъ Воронцовымъ въ виду уже извѣстныхъ ему дѣйствій латинскихъ миссіонеровъ на Кавказѣ. Бутеневъ, получивъ ноту кардинала Ламбрускини отъ 2-го апрѣля, не счелъ нужнымъ отвѣчать на нее письменно, съ одной стороны, потому что еще не получалъ никакихъ свѣдѣній о самомъ происшествіи, а съ другой, потому что тонъ, въ которомъ она была написана, предвѣщалъ возвращеніе къ едва-едва затихшимъ раздражительнымъ преніямъ съ папскимъ правительствомъ. За то Бутеневъ поспѣшилъ повидаться съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе о характерѣ полученной ноты, Ламбрускини началъ увѣрять, что самъ папа, котораго совѣсть возмущена этими извѣстіями, заставилъ его написать ее, и что онъ самъ, кардиналъ, желалъ вести дѣло словесно.

„Когда я прочелъ письмо ко мнѣ князя Воронцова", — писалъ Бутеневъ къ нашему правительству, извѣщая объ этомъ свиданіи, — „кардиналъ Ламбрускини былъ видимо пораженъ этимъ изложеніемъ образа мыслей (de cette profession de foi), столь же благоразумнымъ и твердымъ, сколь благороднымъ и благосклоннымъ, что не только не показалъ досады за рѣзкое порицаніе прозелитизма римской церкви, но началъ какъ-бы мимоходомъ и съ особенною вѣжливостію нѣсколько оправдывать и объяснять его. Онъ говорилъ: надо различать случаи обращенія; что касается до побужденій ложной ревности, искусственныхъ средствъ и нравственнаго насилія, то онъ самъ первый готовъ громко порицать ихъ; но бываютъ обращенія и по внутреннему призванію, свободному и непосредственному". Въ заключеніе свиданія кардиналъ просилъ Бутенева сообщить ему копію съ письма князя Воронцова для того, чтобы показать его папѣ.

Собравъ всѣ возможныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ католическихъ миссіонеровъ въ Грузіи и о мѣрахъ, принятыхъ княземъ Воронцовымъ, наше правительство сообщило эти свѣдѣнія Бутеневу. „Я долженъ начать замѣчаніемъ", — писалъ къ нему графъ Нессельродъ, — „что императорское правительство во всѣ времена признавало за неизмѣнное начало не допускать къ отправленію богослуженія и требъ иностранныхъ духовныхъ лицъ, исключая лишь особенные случаи, напримѣръ, еслибъ оказалось необходимымъ подать духовную помощь иностранцу, языка котораго не разумѣлъ бы ни одинъ изъ мѣстныхъ духовныхъ. Тѣмъ болѣе никогда право духовной юрисдикціи и управленія не предоставлялось въ Россіи иностранцамъ. Между тѣмъ католическіе миссіонеры проникли въ Грузію прежде водворенія тамъ русскаго правительства. Оно не препятствовало имъ оставаться и терпѣло ихъ дѣятельность до тѣхъ поръ, пока они не позволили себѣ нарушать коренные законы государства наглыми дѣйствіями совращеній, нарушившихъ миръ другихъ исповѣданій, и злоупотребленіями, которыя возстановили противъ нихъ даже Армянъ римско-католическаго исповѣданія до такой степени, что они настоятельно требовали покровительства правительства, чтобъ удалить гибельное вліяніе этихъ миссіонеровъ и подчинить духовное управленіе армянскою церковью лицу армянскаго происхожденія. Конечно, правительство не могло не обратить вниманія на ихъ просьбы; но не прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ и желая примирить враждующія стороны, правительство предложило миссіонерамъ сохранить всѣ преимущества мѣстнаго духовенства съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они приняли наше подданство и подчинились общимъ законамъ, дѣйствующимъ во всей имперіи въ отношеніи къ римско-католическому духовенству. Они не только не согласились принять это предложеніе, но позволили себѣ жаловаться Риму, что оно противно ихъ долгу и совѣсти. Всякое частное лицо, проживающее въ чужомъ государствѣ, обязано подчиняться дѣйствующимъ тамъ законамъ. Возможно ли было бы терпѣть такого человѣка, который объявилъ бы, что эти законы противны его совѣсти, и показалъ бы явную рѣшимость не исполнять ихъ? Но если такія превратныя понятія могли бы быть опасными въ частныхъ лицахъ, то они получаютъ еще бо́льшую важность, когда дѣло идетъ о такихъ лицахъ, какъ миссіонеры, распространяющіе посредствомъ проповѣди тотъ духъ, которымъ сами одушевлены. Въ странѣ, столь отсталой въ отношеніи къ просвѣщенію, населенной неспокойными народами разнаго происхожденія и разныхъ религій, которыхъ нравы

и обычаи не легко подчиняются порядку и законности, примѣръ такого явнаго неповиновенія законамъ, возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству со стороны лицъ, облеченныхъ священнымъ званіемъ, которые и проповѣдываютъ народу съ каѳедры, обращаясь къ религіознымъ его чувствамъ, могъ повлечь за собою гибельныя послѣдствія. Послѣ того, какъ они отказались подчиниться законамъ, дѣйствующимъ въ имперіи въ отношеніи къ римскимъ католикамъ, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ удалить ихъ изъ Грузіи. Письмо, написанное потомъ князю Воронцову начальникомъ миссіонеровъ, котораго грубость выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, сопротивленіе, оказанное ими при исполненіи рѣшенія правительства, и водворившійся миръ въ армяно-католической церкви послѣ ихъ удаленія, подъ управленіемъ туземнаго архимандрита Шагулова, доказываютъ, что правительство такъ и должно было поступить" [1]).

Конечно, если бы такіе поступки миссіонеровъ можно было приписать только ихъ личнымъ качествамъ и понятіямъ, то Римскій дворъ не возобновилъ бы переговоровъ объ этомъ происшествіи. Но ихъ дѣйствія были тѣсно связаны съ воззрѣніями самого Рима, и потому папа счелъ нужнымъ упомянуть о немъ въ запискѣ, поданной Императору, оправдывая миссіонеровъ и обвиняя наше правительство. Мы потому именно и останавливаемся съ особеннымъ вниманіемъ на этомъ случаѣ, въ которомъ выражается особенный взглядъ Рима на другія государства, и на Россію по преимуществу, какъ страну православную. Во время существованія Польскаго королевства, всѣ Армяне римско-католическаго исповѣданія подчинялись власти Львовскаго армянскаго архіепископа. Съ присоединеніемъ же къ Россіи областей отъ Польши они подчинились управленію Сестренцевича; но Римъ не признавалъ этого правильнымъ, потому, какъ онъ говорилъ, что онъ утвержденъ епископомъ и потомъ митрополитомъ для *латинянъ,* а не для *всѣхъ католиковъ*, и самозванно присвоивалъ себѣ эту власть. Поэтому, въ видѣ уступки Риму, въ 1809 году былъ избранъ армянскимъ епископомъ Христофоровичъ; но папа въ бреве отъ 22-го марта этого года утвердилъ его не епархіальнымъ епископомъ, но апостольскимъ викаріемъ, обладавшимъ правами не въ качествѣ епископа, но по уполномочію папы. Не смотря на это, Сестренцевичъ признавалъ его епархіальнымъ и устроилъ ему капитулъ, составляющій необходимую принадлежность ординарнаго епископа. По его смерти Римскій дворъ утвер-

---

[1]) Нота Бутеневу отъ 5-го іюля 1845 г.

дилъ его преемникомъ Бурдіана, тоже въ качествѣ своего викарія, но Сестренцевичъ запретилъ ему дѣйствовать и въ 1822 году назначилъ другаго. Такимъ образомъ въ отношеніи къ армянскимъ епископамъ римско-католическаго исповѣданія существовало разногласіе между русскимъ правительствомъ и папскимъ дворомъ. Объясняя это разногласіе въ 1842 году, когда Россія предлагала папскому правительству поставить епископа для Армянъ, кардиналъ Ламбрускини писалъ нашему посланнику слѣдующее [1]): „Святой престолъ предпочитаетъ учрежденіе апостольскаго викарія вмѣсто одного и даже двухъ (одного именно для Грузіи) епархіальныхъ епископовъ, потому что это обычай, который онъ постоянно соблюдаетъ, чтобы никогда не давать твердаго образованія (une forme stable) установленіямъ, которыя по сущности своей не прочны (précaires) и зависятъ отъ мѣста и обстоятельствъ. Лишь только установлена епархія, и надобно дать ей епископа, то духовная связь его съ своею епархіей становится уже неразрывною, исключая случаи, прямо предусмотрѣнные священными канонами. Прежде, нежели установить епархію и назначить ей епископа, необходимо, чтобы прочно было составлено народонаселеніе, которое должно образовать епархію. Этого нельзя сказать о всѣхъ Армянахъ Грузіи, значительная часть которыхъ начала тамъ утверждаться съ недавняго времени, оставляя свои родныя области, находящіяся подъ властью Турціи. Поэтому, съ одной стороны, нельзя напередъ разчитать, сколько ихъ можетъ переселиться, а съ другой, при первыхъ начаткахъ христіанства, только-что возникающаго, чаще оказываются случаи необходимости отступать отъ общихъ правилъ епархіальнаго управленія, и это нельзя довѣрить ординарному епископу“.

Такимъ образомъ Римъ относился къ русскому Закавказью точно такъ же, какъ онъ относится къ странамъ, населеннымъ дикими, языческими племенами, управляемыми столь же варварскими правительствами, какъ и они сами. Онъ посылаетъ туда миссіонеровъ для проповѣди Евангелія и постепеннаго образованія духовной паствы, изъ которой со временемъ могли бы образоваться правильные приходы и наконецъ епархіи. Необходимыя послѣдствія этого взгляда состоятъ въ томъ, что съ одной стороны, миссіонеры не должны подчиняться законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ той страны, въ которой находятся, а съ другой, непремѣнно должны употреблять всѣ усилія къ умноженію паствы, къ прозелитизму. Выходя изъ такого взгляда, Римъ и не соглашался на постановленіе особаго епископа для

[1]) Записка Ламбрускини отъ $^{16}/_{28}$ іюля 1842 года.

Армянъ-католиковъ въ Грузіи, а папа рѣшился оправдывать передъ императоромъ беззаконныя дѣйствія миссіонеровъ. Если такой взглядъ и вполнѣ согласенъ съ общими свойствами латинской церкви, то весьма естественно и то, что русское правительство не могло ему подчиниться.

„Мы не имѣемъ однако же намѣренія“ — продолжаетъ папская записка — „смѣшивать законы и указы со способами ихъ исполненія, сопровождавшимися столь возмутительными явленіями. Законы проистекаютъ отъ государя; приведеніе ихъ въ исполненіе есть дѣло подчиненныхъ чиновниковъ. Очень можетъ случиться, что законы будутъ приведены въ исполненіе такими способами, которыхъ не одобрилъ бы государь и о которыхъ онъ можетъ вовсе не знать. Поэтому мы далеки отъ того, чтобы обвинять императора въ жестокости и способахъ, принятыхъ при исполненіи законовъ; можно быть увѣреннымъ, что это зависитъ отъ самовольства исполнителей, а не отъ воли и намѣреній Его Величества. Но тѣмъ не менѣе желательно, чтобы приняты были дѣйствительныя мѣры для предупрежденія подобныхъ злоупотребленій“.

Ошибки и даже злоупотребленія при исполненіи, въ частностяхъ, такого важнаго и многосложнаго дѣла, какъ то, на которое намекаетъ папская записка (то-есть, возсоединеніе уніатовъ), весьма естественны и возможны въ отдѣльныхъ случаяхъ. Невозможно требовать, чтобы каждый исполнитель, по личнымъ своимъ качествамъ и степени просвѣщенія, вполнѣ соотвѣтствовалъ значенію того дѣла, въ которомъ долженъ былъ принимать непосредственное участіе. Если ничтожное число миссіонеровъ-капуциновъ способно было увлечься до такихъ злоупотребленій, о которыхъ мы говорили, и Римскій дворъ не могъ предупредить ихъ, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что при огромномъ количествѣ исполнителей распоряженій русскаго верховой власти на огромномъ пространствѣ имперіи почти невозможно и предупредить ихъ. Но дѣло не въ самыхъ злоупотребленіяхъ, всегда и повсюду возможныхъ, а въ томъ, какъ относится къ нимъ верховная власть. Папа, какъ мы видѣли, безусловно оправдывалъ всѣ дѣйствія миссіонеровъ; не такъ отнесся къ этому указанію папы Русскій императоръ. Противъ этой статьи онъ замѣтилъ: „Всѣ злоупотребленія преслѣдуются и будутъ преслѣдоваться, и я буду очень благодаренъ его святѣйшеству, когда онъ укажетъ ихъ мнѣ, если случайно окажутся такія, которыя мнѣ не извѣстны. Это можетъ случиться вездѣ“.

Указаніе на эти злоупотребленія, ответственность за которыя папское правительство такъ тщательно отклоняетъ отъ лица Императора, весьма важно въ другомъ отношеніи. Приписывая происхожденіе всѣхъ законовъ въ Россіи единственно волѣ государя, отъ котораго такимъ образомъ исключительно зависитъ и ихъ отмѣна, папа старался разъединить его съ православною церковью, нравами и обычаями народа; приписывая всѣ ошибки и злоупотребленія единственно исполнителямъ предначертаній государя, папа стремился уединить его отъ его же подданныхъ, отъ Русскаго государства. Этотъ пріемъ не новъ: со времени преобразованій Петра Великаго онъ составляетъ постоянную тактику враговъ Россіи, желающихъ внести смуту во внутреннюю ея жизнь, разъединяя интересы и виды государя съ историческими интересами и видами государства и народа.

„Нельзя также отрицать“, — продолжаетъ папская записка, — „что разказы и изложенія происшествій, ихъ свойствъ и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ, не совсѣмъ вѣрны и преувеличены. Это часто случается, когда дѣло идетъ о происшествіяхъ сложныхъ, совершавшихся въ странахъ отдаленныхъ, сообщеніе съ которыми такъ затруднено и гдѣ существуютъ противоположныя партіи. Однако же невозможно отвергать самыхъ фактовъ и ихъ существеннаго значенія; въ извѣстіяхъ о нихъ могутъ быть преувеличены ихъ свойства, произвольныя и жестокія; но цѣль, къ которой направлены самые законы, не можетъ подлежать сомнѣнію. Говорятъ, что папа не получаетъ вѣрныхъ свѣдѣній, что его обманываютъ. Но если нѣкоторыя извѣстія, доходящія до него путемъ общей гласности, подтвеждаются потомъ подробными описаніями происшествій; если тѣ, которые ихъ отвергаютъ, съ своей стороны не доказываютъ, что они ложны; если папѣ не предоставляютъ возможности имѣть своего посланника, чтобы повѣрить ихъ на мѣстѣ, — то какъ же можетъ онъ удостовѣриться, что ложно все, что ни разказываютъ, и на этомъ успокоиться?“

На этотъ вопросъ Императоръ замѣтилъ: „Если я что отрицаю, то я всегда могу доказать свое отрицаніе, и доказать не трудно, если только меня будутъ слушать“.

„Но жалобы святаго престола“ — говоритъ папа — „основаны не столько на этихъ происшествіяхъ, сколько на самыхъ законахъ и указахъ, подавшихъ къ нимъ поводъ. Эти законы ставятъ католическую церковь въ рабское положеніе, находятся въ явномъ противорѣчіи съ началами и постановленіями этой церкви и стремятся отдѣлить католиковъ отъ средоточія католическаго единства“.

На эту статью Императоръ замѣтилъ: „Это отдѣленіе произойдетъ само собою, независимо отъ моей воли, если папа не поможетъ мнѣ дѣйствительными способами поддержать его власть“.

„Существованіе же этихъ законовъ“, — продолжаетъ развивать свою мысль папская записка — „не возможно подвергнуть сомнѣнію, потому что они обнародованы. Противъ нихъ-то много разъ возражалъ папа, и теперь, при благопріятномъ случаѣ прибытія Его Императорскаго Величества, онъ возобновляетъ свои требованія и живѣйшія настоянія объ ихъ отмѣнѣ и неисполненіи, съ твердою увѣренностію въ справедливости и правосудіи Его Величества и съ увѣренностію, что онъ благосклонно приметъ его просьбы. Дѣйствительно, это будетъ поступокъ, который сдѣлаетъ честь возвышеннымъ чувствамъ такого могущественнѣйшаго государя, поступокъ, который даруетъ миръ его католическимъ подданнымъ, поступокъ, который успокоитъ папу и церковь, поступокъ наконецъ, который изъ путешествія императора содѣлаетъ эпоху незабвенную, счастливую и благословенную для всего католическаго міра“.

„Я сказалъ папѣ“, — замѣтилъ при этомъ Императоръ, — „что его желанія, на сколько это можетъ зависѣть отъ меня, онъ можетъ считать ужь исполненными; но я не могу разрушить установленія государства, точно такъ, какъ папа не можетъ разрушить каноническіе законы“.

Въ заключеніи записки папа говоритъ и о вопросѣ объ утвержденіи епископовъ, который доставлялъ такъ много хлопотъ и заботъ нашей дипломатіи въ сношеніяхъ съ Римомъ: „Еще предметъ скорби для святаго отца составляетъ продолжительное вдовство стольких епархій, остающихся безъ епископовъ, и онъ всегда скорбитъ душею, когда совѣсть воспрещаетъ ему исполнять желанія Его Величества въ отношеніи къ избираемымъ кандидатамъ. Многіе изъ тѣхъ, которыхъ представилъ императоръ, были уже признаны достойными и получили каноническое утвержденіе. Если другіе не были утверждены, то это потому, что они не обладали необходимыми для того по канонамъ качествами. Впрочемъ изслѣдованіе и сужденіе о качествахъ необходимыхъ для лицъ, предназначаемыхъ къ занятію епископскихъ каѳедръ, составляетъ не только неотъемлимое право папы, но и обязанность, отъ которой онъ не можетъ отказаться, не измѣнивъ своему призванію. Всѣ священные каноны и Тридентскій соборъ вмѣняютъ ему въ непремѣнную обязанность не возводить на епископскія каѳедры лицъ, которыхъ онъ не считаетъ достойными. Онъ отвѣчаетъ въ этомъ

случаѣ передъ Богомъ и церковію. Впрочемъ, папа нерѣдко отказываетъ въ утвержденіи и тѣмъ, которые назначаются католическими государями. Ограничиваясь послѣднимъ столѣтіемъ, можно указать примѣры при Піѣ VI, Львѣ XII и теперешнемъ папѣ, и всѣ государи, соображаясь съ сужденіемъ главы церкви, избирали другихъ кандидатовъ. Безъ сомнѣнія, папа не изберетъ такого лица, которое могло бы быть подозрительно императору въ политическомъ отношеніи. Но точно также онъ не можетъ дать каноническаго поставленія тѣмъ, которые подозрительны святому престолу въ отношеніи къ ученію религіи или нравственности. Нельзя не надѣяться, что императоръ въ своемъ правосудіи не захочетъ подвергнуть совѣсть папы испытаніямъ, столь для него тягостнымъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что папа, съ своей стороны, окажетъ всевозможное вниманіе къ императору, не теряя изъ виду грозной отвѣтственности передъ Богомъ относительно выбора пастырей церкви".

„Этого я только и желаю", написалъ Императоръ противъ послѣднихъ строкъ. Признавая справедливыми соображенія папы, онъ сверхъ того замѣтилъ: „Это неоспоримо; но я не вижу средствъ помочь дѣлу; я предлагаю тѣхъ, которыхъ, по увѣренію духовенства, считаю достойными этого сана; если они не заслужатъ одобренія папы, то у меня нѣтъ другихъ, чтобы предложить, — не потому, чтобы не желать или не хотѣть, но потому, что нѣтъ обладающихъ нужными качествами въ виду весьма ограниченнаго числа способныхъ людей. Я надѣюсь, что со временемъ они будутъ, когда академія, для которой прошу особенно папскаго покровительства, приготовитъ достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, на что̀ я надѣюсь и чего отъ души желаю" [1]).

Въ концѣ записки Императоръ написалъ: „Итакъ, его святѣйшество можетъ быть увѣренъ, что никто, на всемъ пространствѣ Русской имперіи, не озабоченъ болѣе искренно и съ убѣжденіемъ, чтобы поставить римскую церковь въ положеніе достойное и почтенное, какъ тотъ, кого Провидѣніе поставило во главѣ имперіи. Все, что̀ можетъ быть сдѣлано согласно съ желаніями святаго отца и что̀ не противно кореннымъ законамъ имперіи, будетъ сдѣлано. Но есть такіе предметы, которые не исполнимы въ настоящее время, безъ предварительнаго объясненія цѣли, въ виду которой многія мѣры были приняты. Свѣдѣнія, которыя пожелаетъ получить его святѣйшество, будутъ ему всегда безъ замедленія доставлены, и желательно, чтобъ

---

[1]) Записка папы отъ 13-го декабря 1845 года.

избѣжать недоразумѣній, непріятныхъ и всегда неосновательныхъ, чтобы прежде насъ выслушивали, а потомъ судили, то-есть, прежде нежели довѣрять всему тому, въ чемъ обвиняютъ русское правительство, необходимо повѣрить прямо чрезъ него, въ какой степени справедливо то, что̀ утверждаютъ. Тогда уже не трудно будетъ дойдти до соглашенія".

Приведенныя замѣчанія Императора свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о томъ, что онъ дѣйствительно желалъ прійдти къ соглашенію съ Римомъ и съ его содѣйствіемъ возвысить положеніе латинской церкви, отклонивъ ея духовенство отъ участія въ политикѣ, а еще болѣе въ заговорахъ и мятежахъ; а съ другой, что официальный отвѣтъ папѣ составляетъ лишь простое изложеніе въ видѣ записки собственноручныхъ замѣчаній Императора. Этотъ отвѣтъ, переданный имъ лично папѣ, былъ слѣдующій:

„Императоръ съ полнымъ вниманіемъ разсмотрѣлъ конфиденціальную записку, которую вручилъ ему его святѣйшество, изложивъ въ ней свои желанія относительно католической церкви въ Россіи и Польшѣ. Краткость пребыванія Его Величества и отсутствіе документовъ, на которые ссылается записка первосвященника, не дозволяютъ ему войдти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ затронутыхъ въ ней вопросовъ. Въ бесѣдѣ, исполненной взаимной откровенности и искренности, которую онъ имѣлъ съ святымъ отцомъ, и въ совѣщаніи съ кардиналомъ Ламбрускини, императоръ поспѣшилъ дать объясненія, какъ вообще о всѣхъ вопросахъ, такъ и о нѣкоторыхъ въ особенности, которыя должны убѣдить святой престолъ въ чистотѣ и законности его расположенія и видовъ въ отношеніи католической церкви въ его государствахъ.

„Есть другіе вопросы, которые не могутъ быть разрѣшены въ настоящее время; это именно тѣ, которые относятся къ постановленіямъ и указамъ, почитаемымъ Римскимъ престоломъ болѣе или менѣе несогласными съ каноническими постановленіями Римской церкви.

„Императору необходимо со всею подробностію разсмотрѣть ихъ по возвращеніи въ Петербургъ, тщательно собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы взвѣсить значеніе требованій святаго престола, и изыскать, въ духѣ благорасположенія и пріязни, средства къ соглашенію по возможности желаній папскаго двора съ своими обязанностями какъ государя, покровителя господствующей церкви въ Россіи, и съ общимъ законодательствомъ имперіи.

„Чтобы дать понять значеніе этого соображенія, довольно указать на

14-ю статью лит. С. записки. Святой престолъ жалуется на запрещеніе латинскимъ священникамъ крестить дѣтей, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Не говоря о религіозныхъ сомнѣніяхъ (scrupules) и личныхъ убѣжденіяхъ императора, Его Величество не считаетъ себя въ правѣ измѣнить это постановленіе, потому что этою отмѣною были бы явно нарушены права и каноны господствующей церкви. Впрочемъ взглядъ святаго отца на этотъ вопросъ не различается отъ взгляда императора. Пусть его святѣйшество спроситъ самого себя: не точно ли также онъ дѣйствовалъ бы въ подобномъ случаѣ? Согласился ли бы, напримѣръ, папа обнародовать законъ, который дозволялъ бы священнику греческому или протестантскому крестить въ Римѣ дѣтей, рожденныхъ отъ брака, въ которомъ одинъ изъ супруговъ былъ бы католикомъ?

„Святой престолъ, весьма справедливо и безпристрастно установляя различіе между сущностью распоряженій, проистекающихъ изъ повелѣній правительства, и злоупотребленіями, которыя иногда второстепенные исполнители могутъ себѣ дозволить при ихъ примѣненіи на дѣлѣ, выражаетъ желаніе, чтобы противъ этихъ злоупотребленій были приняты дѣйствительныя мѣры. Въ этомъ отношеніи виды императора не могутъ подлежать и сомнѣнію. Онъ готовъ заявить самымъ торжественнымъ образомъ, что всякое злоупотребленіе строго преслѣдуется и будетъ преслѣдоваться въ его государствѣ. Его Величество будетъ весьма признателенъ верховному первосвященнику за тѣ указанія, которыя въ этомъ отношеніи онъ благоволитъ ему сообщить, и которыя доставили бы императорскому правительству возможность напасть на слѣдъ злоупотребленій, ускользавшихъ отъ его бдительности.

„Императоръ надѣется, что соглашеніе, такъ счастливо установившееся въ отношеніи къ способу назначенія епископовъ, устранитъ съ этого времени затрудненія, которыя въ этомъ отношеніи испытывало императорское правительство, и дастъ ему возможность замѣстить вакантныя епископскія каѳедры. Императоръ намѣренъ въ этомъ отношеніи строго слѣдовать указанному самимъ папою пути, отъ котораго впрочемъ лишь по недоразумѣнію было отступлено въ послѣднее время, какъ императоръ и объяснилъ словесно его святѣйшеству".

Въ заключеніе императоръ проситъ святаго отца быть вполнѣ увѣреннымъ, что никто болѣе его, не желаетъ искренно поддержать значеніе и достоинство римской церкви въ предѣлахъ Россіи и Польши. Въ мольбахъ ко Всевышнему, которыя возноситъ императоръ, онъ одинаково выражаетъ заботу о всѣхъ народахъ, безъ различія вѣроиспо-

вѣданій, судьбы которыхъ ввѣрены его попеченію Божественнымъ Провидѣніемъ.

„Все, что *возможно сдѣлать* для исполненія желаній святаго отца, не противорѣча кореннымъ законамъ имперіи и не нарушая правъ и каноновъ господствующей церкви, *будетъ сдѣлано*. Императорское слово можетъ быть въ этомъ случаѣ ручательствомъ его святѣйшеству. Но, какъ замѣчено выше, есть предметы и требованія, не подчиняться которымъ не зависитъ отъ воли императора. Они относятся къ такой области, въ которой нарушеніе допущено быть не можетъ; чтобы понять ихъ настоящее значеніе, необходимо объяснить себѣ цѣль, въ виду которой была принята та или другая мѣра, и особенныя обстоятельства, которыя неизбѣжно вынудили къ нимъ прибѣгнуть. Всѣ свѣдѣнія, которыя папа пожелаетъ имѣть, будутъ ему немедленно доставлены. Императоръ питаетъ утѣшительную надежду, что эти откровенныя объясненія между двумя правительствами прекратятъ на будущее время всѣ недоразумѣнія, препятствовавшія до сихъ поръ установленію добраго согласія и взаимной довѣренности, которую императоръ горячо желаетъ поддерживать въ отношеніяхъ своего кабинета съ кабинетомъ его святѣйшества“ [1]).

Эти два важные документа мы привели вполнѣ, потому что они послужили основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ Русскаго двора съ Римомъ. Изъ нихъ нельзя уже не замѣтить, что двѣ самостоятельныя и независимыя одна отъ другой силы выступили тутъ лицемъ къ лицу: одна предъявляетъ притязаніе на полновластіе, передъ которымъ всѣ должны преклоняться, другая охраняетъ свою государственную и народную самостоятельность и неприкосновенность православной церкви; одна, льстя личнымъ качествамъ императора, стремится къ тому, чтобы вынудить у него уступки въ ущербъ государственному и церковному значенію Россіи, другая тщательно удаляетъ свои личныя и семейныя отношенія и выдвигаетъ впередъ свое значеніе, какъ представительницы имперіи. Правительство Пія IX, разказывая [2]) о свиданіи императора съ папой, утверждаетъ, что когда императоръ обѣщалъ *сдѣлать* для римской церкви *все*, что не противно кореннымъ законамъ имперіи и правамъ и постановленіямъ господствующей церкви, то папа отвѣчалъ, что обѣщаніе *сдѣлать все* служитъ ему утѣшеніемъ, но онъ принимаетъ это обѣщаніе безъ со-

---

[1]) Письмо императора отъ 17-го декабря 1845 года.

[2]) Записка отъ 15-го ноября 1866 года.

провождающихъ его условій. Принадлежитъ ли эта оговорка папѣ Григорію XVI, или ему подсказало ее правительство его преемника, это все равно: такъ долженъ былъ говорить Римскій дворъ. Съ другой стороны, императоръ не могъ отказаться отъ условій, имъ заявленныхъ. Конечно, во время непродолжительнаго пребыванія въ Римѣ, онъ не могъ входить въ подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ, въ которыхъ выражались притязанія Римскаго двора; но опредѣленіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ только и могло послѣдовать взаимное по нимъ соглашеніе, и указаніе для примѣра на вопросъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ совершенно ясно и опредѣлительно выразили основныя начала и очертили границы будущихъ дипломатическихъ переговоровъ. Строгое сохраненіе правъ и постановленій господствующей церкви и неприкосновенность коренныхъ законовъ государства, вотъ предѣлы, далѣе которыхъ не могли и не должны были простираться уступки. Только въ этихъ предѣлахъ, сохраняя неприкосновеннымъ достоинство церкви и государства, императоръ обѣщалъ все, что могло бы удовлетворить папу и успокоить совѣсть его подданныхъ, принадлежащихъ къ латинской церкви.

Такое взаимное отношеніе двухъ договаривающихся сторонъ уже предвѣщало будущій ходъ и вѣроятный исходъ переговоровъ. Очевидно, споръ уже былъ возведенъ до *общихъ началъ;* переговоры же о нихъ наше правительство, въ нотѣ отъ 31-го января 1841 года къ нашему посланнику въ Римѣ, считало дѣломъ „труднымъ и почти невозможнымъ“, для достиженія соглашеній.

III.

„Уѣзжая самъ изъ Рима и желая болѣе вникнуть въ требованія святаго престола и удовлетворить пламеннымъ желаніямъ общаго отца вѣрныхъ, императоръ Николай I поручилъ графу Нессельроду остаться нѣсколько времени въ Римѣ для соображенія съ большею подробностію возраженій святаго престола противъ различныхъ законовъ и правительственныхъ мѣръ. Этотъ важный государственный сановникъ, исполняя приказанія своего государя, собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Кардиналъ статсъ-секретарь доставилъ ему подробный перечень императорскихъ постановленій, разрушающихъ каноническое управленіе церкви, препятствующихъ свободному отправленію католической религіи и лишившихъ церковь законной собственности и всѣхъ условій ея независимаго существованія“. Такъ сказано въ запискѣ правительства Пія IX.

Дѣйствительно, указанія папы на дѣйствовавшіе у насъ законы были слишкомъ кратки и неопредѣленны, и потому необходимо было получить болѣе подробныя свѣдѣнія отъ Римскаго правительства. Графъ Нессельродъ оставался въ Римѣ до $^5/_{17}$ января 1846 года и имѣлъ нѣсколько свиданій съ кардиналомъ Ламбрускини съ тою цѣлію, чтобы неопредѣленныя и общія указанія папы на несогласіе многихъ постановленій нашего законодательства съ канонами латинской церкви опредѣлить подробными указаніями на каждое изъ такихъ постановленій. Эти указанія должны были послужить основою для разсмотрѣнія всѣхъ притязаній Римскаго двора, къ которому императоръ обѣщалъ папѣ приступить немедленно по возвращеніи въ Петербургъ. Кардиналъ Ламбрускини, по желанію графа Нессельрода, поручилъ составить объ этомъ записку монсиньору Корболи-Бусси, пользовавшемуся славой одного изъ ученѣйшихъ канонистовъ въ Римѣ. Эта записка была разсмотрѣна нашимъ канцлеромъ въ совѣщаніи съ папскимъ статсъ-секретаремъ, въ присутствіи какъ самого составителя, который дополнилъ каждое ея положеніе словесными объясненіями, такъ и нашего посланника въ Римѣ тайнаго совѣтника Бутенева. Но въ виду предположеннаго нашимъ правительствомъ обсужденія всѣхъ вопросовъ въ Петербургѣ, канцлеръ, конечно, не могъ входить въ преждевременныя совѣщанія о каждомъ изъ нихъ порознь. „Въ моихъ переговорахъ съ кардиналомъ Ламбрускини" —доносилъ онъ императору изъ Рима— „я не входилъ въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ требованій папскаго правительства. Я особенно заботился о томъ, чтобы разсѣять столь укоренившіяся въ Римѣ ложныя понятія о намѣреніяхъ и видахъ Вашего Величества въ отношеніи къ католической церкви въ Вашихъ владѣніяхъ. Съ этою цѣлію я объяснялъ причины, которыя принудили наше правительство прибѣгнуть къ нѣкоторымъ мѣрамъ послѣ польскаго мятежа, въ отношеніи къ духовенству, принимавшему въ немъ участіе и враждебному къ правительству, мѣрамъ, которыя въ глазахъ святаго престола могли казаться направленными вообще противъ латинской церкви. «Не смѣшивайте»—говорилъ я кардиналу—«положеніе Русскаго императора съ положеніемъ всѣхъ другихъ не-католическихъ государей, у которыхъ нѣкоторая часть подданныхъ принадлежитъ къ этому исповѣданію. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что мы только-что покончили съ возмущеніемъ, въ которомъ духовенство принимало дѣятельное участіе; затѣмъ, задача, которая предстоитъ разрѣшенію нашего императора, гораздо затруднительнѣе и щекотливѣе, нежели, напримѣръ, для протестантскаго го-

сударя. Устроить совмѣстное существованіе въ одной и той же имперіи двухъ церквей, которыхъ основныя начала одни и тѣ же, и каноны одинаково обязательны, — задача трудная для разрѣшенія. Не во власти императора измѣнять законы господствующей церкви, и вы не можете измѣнить свои каноны; какимъ же способомъ прійдти намъ къ соглашенію по вопросамъ, которые по самой сущности своей не разрѣшимы?» Это соображеніе я выразилъ съ цѣлію положить рѣзкую границу между началами догматическими, не измѣняемыми въ обѣихъ церквахъ, и вопросами, подлежащими свѣтскому законодательству, а равно и вопросами, относящимися до церковной дисциплины, которые одни представляютъ возможность разрѣшенія, удовлетворительнаго для обѣихъ сторонъ. Вопросы о смѣшанныхъ бракахъ и крещеніи дѣтей, отъ этихъ браковъ происшедшихъ, послужили мнѣ поводомъ къ этому соображенію. Кардиналъ не возражалъ рѣшительно; онъ признавалъ затрудненіе, происходящее отъ взаимнаго отношенія двухъ церквей, и ограничилъ свои желанія лишь тѣмъ, чтобы при наложеніи наказаній за нарушенія нашихъ законовъ руководились снисходительностію; что латинская церковь въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ исключительно къ наказаніямъ духовнымъ и гораздо менѣе строгимъ, нежели наши. Вашему Величеству предстоитъ рѣшить, въ какой мѣрѣ это желаніе можетъ быть удовлетворено“ [1]).

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, бо̀льшая часть разсужденій при совѣщаніяхъ нашего канцлера съ папскимъ статсъ-секретаремъ касалась вопросовъ, изложенныхъ въ запискѣ Корболи. Эта записка [2]) раздѣлялась на три части. Въ первой изъ нихъ перечислены *законы, несогласные съ каноническимъ управленіемъ церкви.* Вопервыхъ, тутъ указывается въ этомъ смыслѣ на отношеніе отъ 16-го декабря 1812 г. канцлера графа Румянцева къ митрополиту Сестренцевичу-Богушу. Въ немъ сказано, что „по точному смыслу многихъ узаконеній епископамъ, священникамъ и вообще подданнымъ римско-католическаго исповѣданія воспрещено, подъ страхомъ уголовныхъ наказаній, всякое сношеніе, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, съ Римскимъ дворомъ и вообще съ властями, находящимися внѣ предѣловъ имперіи“. Изъ этихъ словъ, говоритъ Корболи, очевидно выходитъ, что всякое непосредственное сношеніе римскихъ католиковъ съ главою церкви считается преступленіемъ, заслуживающимъ самаго строгаго

[1]) Донесеніе графа Нессельрода изъ Рима, отъ 4-го января 1846 года.

[2]) Exposition des principales lois impériales, qui sont contraires à la discipline et à la divine constitution de l'église catholique.

наказанія; что это запрещеніе, выраженное такъ рѣшительно, относится не только до сношеній съ папою, какъ съ иностраннымъ государемъ, но и какъ съ главою церкви, слѣдовательно, распространяется на всѣ дѣла вѣры и даже на тайны совѣсти. Можетъ-быть, скажутъ, что сношенія римскихъ католиковъ съ Римомъ свободно допускаются, потому что именно съ этою цѣлію и учреждено императорское посольство въ Римѣ. Но когда существуетъ только один установленный способъ сообщенія, то этимъ самымъ доказывается, что сообщенія не свободны, и чѣмъ болѣе этому способу придается исключительное значеніе, тѣмъ справедливѣе жалобы святаго престола на то, что не допускается его постоянный представитель въ Петербургѣ.

Вовторыхъ, инструкція для дѣлопроизводства въ римско-католическихъ духовныхъ консисторіяхъ, отъ 23-го декабря 1842 года, какъ по общему направленію, такъ и по нѣкоторымъ частнымъ правиламъ, представлялась Римскому двору несогласною съ каноническими правилами. Въ ней было принято за основаніе, что въ консисторію должны поступать всѣ безъ исключенія дѣла епархіи, и что всѣ ея члены имѣютъ одинаковое право голоса; въ случаѣ же разногласія въ мнѣніяхъ между консисторіей и епископомъ, дѣло должно переходить въ министерство внутреннихъ дѣлъ и С.-Петербургскую римско-католическую коллегію. На консисторію возложены обязанности по сношеніямъ со всѣми властями и учрежденіями, какъ высшими, такъ и низшими, какъ свѣтскими, такъ и духовными, при чемъ дѣла предлагаются епископу лишь для подписанія. Она даетъ слишкомъ большое вліяніе секретарю какъ на докладъ и разсмотрѣніе дѣлъ, такъ и на изложеніе и исполненіе рѣшеній. Не постановлено и того, чтобы секретарь былъ изъ духовныхъ лицъ, а случалось даже, что въ нѣкоторыхъ консисторіяхъ бывали секретарями не только свѣтскіе люди, но даже и не римско-католическаго исповѣданія. Сверхъ того, отсутствіе епископа не прерываетъ занятій консисторіи, изъ чего выходитъ на дѣлѣ, что консисторія дѣйствуетъ въ то время, когда епископская каѳедра остается вакантною, и капитульные викаріи не пользуются правомъ юрисдикціи. Всѣ эти правила, стѣсняя свободу епископской власти — сказано въ запискѣ — противны канонамъ церкви. „Неизмѣнное устройство церкви требуетъ, чтобъ епископъ былъ единственнымъ судьею всѣхъ церковныхъ дѣлъ въ своей епархіи. Онъ судитъ или лично, или при помощи своего викарія, имъ самимъ избираемаго и смѣняемаго. Апелляція по дѣламъ спорнымъ приносится суду митрополита, а апелляція на его судъ святому престолу. Тридентскій соборъ даетъ сверхъ того право еписко-

намъ отрѣшать духовныхъ лицъ отъ ихъ должностей по причинамъ, *имъ извѣстнымъ,* или какъ называютъ канонисты,—et informata conscientia, не наблюдая установленнаго для того порядка. Когда епископская каѳедра вакантна, тогда право юрисдикціи переходитъ къ капитулу, который однако же, на основаніи правилъ того же собора, пользуется имъ не иначе, какъ чрезъ постояннаго викарія, избраннаго въ продолженіе восьми дней послѣ смерти епископа. Таковъ законный порядокъ церковной юрисдикціи, безъ соблюденія котораго всѣ дѣйствія суда и его рѣшенія не могутъ имѣть силы. Между тѣмъ консисторіи учреждены въ силу положенія, утвержденнаго свѣтскою властью, и до такой степени независимы отъ власти епископовъ, что это положеніе допускаетъ даже возможность несогласія въ мнѣніяхъ между епископомъ и консисторіей и установляетъ въ этомъ случаѣ третьяго благопримирителя въ духовной С.-Петербургской коллегіи, которой существованіе никогда не было и не могло быть признано законнымъ со стороны святаго престола".

Втретьихъ, указомъ сената отъ 17-го апрѣля 1841 года постановлено: „Дозволеніе римско-католическимъ властямъ принимать отъ разведенныхъ православнымъ судомъ супруговъ при смѣшанныхъ бракахъ отъ лицъ римско-католическаго исповѣданія прошенія о разводѣ и по римскому закону дано быть не можетъ" [1]). Это постановленіе — замѣчено въ запискѣ — находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ догматическимъ канономъ Тридентскаго собора, которымъ осуждено мнѣніе, утверждавшее, что дѣла о разводахъ не подлежатъ церковнымъ судамъ. Этотъ соборъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ суды римско-католическіе [2]).

Вчетвертыхъ, въ уставѣ семинарій 30-го ноября 1843 года, хотя и постановлено въ первой статьѣ, что епархіальная семинарія непосредственно подчинена епископу во всемъ, что касается до преподаванія, соблюденія порядка и хозяйства; но вслѣдъ за тѣмъ предписано, что всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ совѣтомъ, котораго члены или непосредственно назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, или утверждаются имъ безъ всякаго участія епископа. Даже назначеніе преподавателей поручено этому совѣту, а не епи-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14467. Въ изданіи аллокуціи 1842 года и въ запискѣ Корболи этотъ указъ помѣченъ 22-го мая (*Gall-Morell,* doc. № LXXXI); ср. Св. Зак. т. X, ч. 1, ст. 74.

[2]) Canones conc. Trident. Sessio XXIV, can. XII: «Si quis dixerit causas matrimoniales non spectare ad judices ecclesiasticos, anathema sit».

скопу. Не предписано однако, чтобъ они избирались изъ лицъ духовныхъ, или по крайней мѣрѣ, римско-католическаго исповѣданія. Допускались и свѣтскія лица, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не римскіе католики, къ преподаванію наукъ, находящихся въ связи съ религіей, какъ напримѣръ, словесности и исторіи. Представитель отъ правительства долженъ присутствовать при семинарскихъ экзаменахъ даже тѣхъ молодыхъ духовныхъ, которые поступаютъ въ монахи. Каждая семинарія получаетъ программу преподаваемыхъ въ ней наукъ изъ римско-католической духовной коллегіи. Постановленіями Тридентскаго собора строго поручено совѣсти епископовъ наблюдать за дисциплиной и преподаваніемъ въ семинаріяхъ, а также назначать и увольнять преподавателей. Эта необходимая ихъ обязанность ведетъ за собою то непремѣнное правило, чтобы власть ихъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не была ограничиваема. Тотъ же самый соборъ установилъ правила и объ управленіи хозяйственною частію и дисциплиною въ семинаріяхъ [1]).

Впятыхъ, новое затрудненіе создано для епископовъ при посвященіи и назначеніи священниковъ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 20-го декабря 1844 года, которымъ такъ-называемые правительствомъ приходы перваго и втораго разряда предписано давать только лицамъ, обучавшимся въ духовной академіи, единственно по волѣ императора переведенной въ Петербургъ изъ Вильны, гдѣ была основана властію папы. Это преимущество, дарованное свѣтскою властью ученикамъ академіи, ограничиваетъ свободу епископовъ, то-есть, церковную власть, которой исключительно принадлежитъ право судить о качествахъ лица, посвящаемаго на пастырское служеніе.

Вшестыхъ, указомъ 16-го февраля 1832 года уничтожено званіе провинціаловъ монашескихъ орденовъ въ отношеніи къ Базиліанскому ордену. Эта мѣра въ послѣдствіи была распространена и на всѣ монашескіе ордена, когда указомъ 16-го декабря 1842 года епископамъ было поручено наблюденіе надъ монастырями въ своихъ епархіяхъ, чрезъ посредство визитаторовъ [2]). „Такимъ образомъ монашествующіе подчинены *незаконнымъ* властямъ, потому что верховные первосвященники установили для нихъ особое управленіе, вслѣдствіе котораго всѣ монастыри каждаго ордена находились въ подчиненіи провинціаламъ, кои въ свою очередь зависѣли отъ генераловъ или отъ другой церковной власти, назначенной святымъ врестоломъ съ этою

[1]) Sessio XXIII, cap. XVIII de reform.

[2]) *Варадиновъ*, Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ, т. II, кн. 2, стр. 730.

цѣлію. Устраненіе монаховъ отъ прямой зависимости ихъ отъ главныхъ начальниковъ орденовъ и было существенною причиной паденія дисциплины, потому что епископы не обращали на нихъ достаточнаго вниманія или не знали въ надлежащей степени уставовъ и постановленій каждаго изъ монашескихъ орденовъ, чтобъ имѣть возможность употребить нужныя мѣры для уничтоженія безпорядковъ среди монашества".

Вторая часть записки посвящена исчисленію постановленій, которыя препятствуютъ римскимъ католикамъ свободно отправлять свое исповѣданіе въ Россіи. Тутъ поименованы:

Вопервыхъ, указъ 21-го мая 1840 года, который присуждаетъ всякаго, перешедшаго изъ господствующей церкви въ римскій католицизмъ, къ потерѣ имѣній и къ заключенію въ монастырь [2]).

Вовторыхъ, другой сенатскій указъ 1832 года, который осуждаетъ на удаленіе отъ должности всякаго духовнаго или священника римско-католическаго, участвовавшаго, хотя бы посредствомъ убѣжденія или обученія, въ обращеніи въ католицизмъ кого-либо изъ принадлежавшихъ къ господствующей церкви. Но католическіе священники въ этомъ случаѣ исполняютъ лишь заповѣдь Іисуса Христа: „проповѣдите всѣмъ языкамъ", и обязаны употреблять всѣ средства къ просвѣщенію тѣхъ, которые не принадлежатъ еще къ католической церкви. Они исполняютъ впрочемъ свою обязанность in omni patientia et doctrina, не прибѣгая ни къ соблазну, ни къ насилію.

Втретьихъ, 6-го февраля 1840 года, по предложенію оберъ-прокурора синода, министръ внутреннихъ дѣлъ далъ предложеніе римско-католической духовной коллегіи такого содержанія, что впредь уже не будетъ никакого различія между греко-уніатами и православными. Послѣдствіями такого правила должно быть то, что тѣ греко-уніаты, которые не пожелаютъ обратиться въ католиковъ, но захотятъ оставаться при своемъ исповѣданіи, подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ и обратившіеся въ католицизмъ изъ господствующей вѣры.

Вчетвертыхъ, одинъ указъ 1839 года запрещаетъ католическимъ священникамъ допускать къ причастію тѣхъ, кто хотя однажды пріобщался по греческому обряду. Такія лица не могутъ ужъ отдѣляться отъ господствующей церкви. Поэтому римскіе католики, которые согласились хотя однажды, вслѣдствіе соблазна или насилія, къ принятію святыхъ даровъ отъ православнаго священника, подпадутъ уже нака-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 13280 а.

занію, которымъ угрожаетъ этотъ указъ. Многіе документы, приложенные къ папской аллокуціи іюля мѣсяца 1842 года, убѣждаютъ, что къ подобнымъ насиліямъ прибѣгало православное духовенство и низшіе чиновники правительства.

Впятыхъ, постоянныя настоянія министра внутреннихъ дѣлъ принудили С.-Петербургскую духовную коллегію объявить по всѣмъ епархіямъ приказъ отъ 6-го іюня 1842 года, въ силу котораго всѣ римско-католическіе священники обязываются доставлять духовенству господствующей церкви свѣдѣнія о своихъ прихожанахъ, которыхъ семейства (всегда бывшія римско-католическими) перешли изъ уніи въ латинство. Если католическіе священники уклонятся отъ этой обязанности, или духовенство господствующей церкви выразитъ сомнѣніе въ отношеніи вѣрности доставляемыхъ ими свѣдѣній, то они должны представлять метрическія книги. Цѣль этого распоряженія заключается въ томъ, что всѣ, кто лично самъ или его предки принадлежали къ уніи когда-либо, должны, по убѣжденію, если возможно, или силою быть присоединены къ господствующей церкви. Такимъ образомъ священники римско-католической церкви должны сдѣлаться доносчиками на вѣрныхъ членовъ своей духовной паствы и содѣйствовать къ достиженію цѣли отторженія отъ лона католической церкви рожденныхъ въ ней и желавшихъ оставаться ей вѣрными.

Вшестыхъ, въ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ указъ 20-го августа 1832 года не признаетъ дѣйствительными такихъ браковъ, совершенныхъ католическими священниками, если брачащіеся не были вновь повѣнчаны православнымъ священникомъ. Изъ этого вытекаетъ, какъ необходимое послѣдствіе, то, что русскія власти могутъ присудить разводъ въ тѣхъ случаяхъ, когда латинская церковь считаетъ бракъ законнымъ и нерасторгаемымъ. Указъ 1839 года запрещаетъ римско-католическимъ священникамъ крестить дѣтей, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, хотя бы этого хотѣли сами родители; а законъ 6-го февраля 1840 года предписываетъ священникамъ не препятствовать заключенію смѣшанныхъ браковъ. Въ защиту этихъ постановленій обыкновенно говорятъ, что то же самое предписываетъ и римская церковь, то-есть, чтобы дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, были крещены и воспитаны въ римско-католическомъ исповѣданіи. Но если эта церковь, согласно съ своими правилами, требуетъ, чтобы такія дѣти были воспитаны въ римско-католическомъ ученіи, когда она принуждена въ силу особыхъ обстоятельствъ терпѣть подобные браки; то во всякомъ случаѣ правила, запрещаю-

щія смѣшанные браки, она признаетъ за коренныя. Напротивъ того, императорскій законъ поощряетъ эти браки, и притомъ до такой степени, что запрещаетъ препятствовать ихъ заключенію. Поэтому часто можетъ случаться, что католическая сторона и не захотѣла бы вступить въ смѣшанный бракъ съ условіемъ воспитывать своихъ дѣтей внѣ своей церкви, но вступаетъ по неволѣ, не находя въ своемъ священникѣ достаточной опоры, напримѣръ, противъ воли родителей, и подвергается поэтому самымъ тяжкимъ терзаніямъ совѣсти.

Вседьмыхъ, указъ 16-го декабря 1839 года, предписывающій соблюдать прежнее постановленіе, чтобы не дозволялось существованіе и еще болѣе построеніе новыхъ, безприходныхъ капеллъ, и ограничивающій число приходскихъ церквей такъ, чтобы не было болѣе одной церкви на 100 или 150 дворовъ, стѣсняетъ свободное отправленіе богослуженія. Вслѣдствіе этого указа многіе приходы, а равно и безприходныя капеллы (succursales), были уничтожены, и паствы лишились возможности получать духовныя наставленія и святыя таинства по отдаленности приходскихъ церквей, которыя по большей части разсѣяны на значительныхъ пространствахъ.

Ввосьмыхъ, указъ отъ 18-го марта 1837 года требуетъ отъ всякаго, вступающаго въ монашество, дозволенія на то со стороны коммиссіи исповѣданій, и для новиціевъ—24-лѣтняго возраста, а для произнесенія обѣтовъ 30-лѣтняго. Указъ 11-го апрѣля 1844 года уничтожилъ всѣ училища при монастыряхъ и запретилъ монахамъ и монахинямъ воспитывать дѣтей обоего пола. Вслѣдствіе этого всѣ молодые люди, еще не произнесшіе монашескихъ обѣтовъ, должны были или поступить въ семинарію (гдѣ не находили мѣстъ, потому что многія семинаріи были упразднены), или возвратиться въ свои дома. Эти постановленія стѣсняютъ свободу исполнять евангельскіе заповѣди и совѣты, что вообще входитъ въ понятіе о свободномъ отправленіи католической вѣры. Это свободное отправленіе стѣснено въ настоящее время: 1) этими законоположеніями, 2) уничтоженіемъ многихъ монастырей, въ которыхъ вслѣдствіе тѣхъ же законовъ постоянно уменьшается число монаховъ, и отъ того падаетъ дисциплина, 3) уничтоженіемъ школъ при монастыряхъ, и 4) лишеніемъ монаховъ возможности заниматься воспитаніемъ юношества и тѣмъ честно пріобрѣтать себѣ способы существованія.

Въ *третьей* части записки указаны законы, которые *отняли у церкви ея законную собственность и тѣмъ лишили ее возможности независимаго существованія:*

Вопервыхъ, постановленіе 25-го декабря 1841 года, которымъ всѣ населенныя имущества церквей и монастырей были присоединены къ государственнымъ, за исключеніемъ только имѣній, принадлежащихъ приходамъ и находящихся въ управленіи бѣлаго духовенства [1]).

Вовторыхъ, указъ 13-го декабря 1843 года, которымъ дѣйствіе перваго постановленія распространено было и на имѣнія приходовъ, раздѣленныхъ на шесть разрядовъ, по количеству назначаемаго имъ жалованья и съ предоставленіемъ министерству внутреннихъ дѣлъ права повышать или понижать приходы изъ одного разряда въ другой [2]).

Втретьихъ, епископамъ и нѣкоторымъ церковнымъ учрежденіямъ принадлежали въ собственность типографіи. Указомъ 12-го апрѣля 1844 года имъ было предписано продать ихъ и печатать благочестивыя книги въ типографіи, которая должна быть учреждена въ Петербургѣ.

Вчетвертыхъ, во исполненіе постановленій 25-го декабря 1841 года и 1-го января 1842 года, министерство внутреннихъ дѣлъ объявило духовной коллегіи, что число мужскихъ монастырей, которые будутъ получать содержаніе по штатамъ, должно быть 36, а женскихъ 14. Для другихъ монастырей было назначено только временное содержаніе лишь тѣмъ монахамъ, которые еще находились въ нихъ. Вотъ какія послѣдствія произошли отъ такихъ распоряженій. Церковь обѣднѣла, потому что, по имѣющимся у римскаго правительства свѣдѣніямъ, содержаніе ея простирается до 300.000 руб., тогда какъ доходъ съ имѣній, взятыхъ въ казенное управленіе, равнялся болѣе 500.000 руб. Сверхъ того, духовенство такимъ образомъ поставлено въ зависимость отъ административныхъ властей, въ рукахъ которыхъ находятся средства его существованія. Оно часто нуждается даже въ этихъ средствахъ, которыя до него не доходятъ вслѣдствіе злоупотребленій со стороны низшихъ чиновниковъ. Жаловаться же на нихъ прямо высшему правительству невозможно въ силу указа 14-го мая 1843 года, praetermisso medio, то-есть, минуя установленныя инстанціи. Такимъ образомъ число монастырей, какъ мужскихъ,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15153.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 17403. Приходы были раздѣлены на *пять* разрядовъ, по количеству жалованья: 600, 500, 400, 275 и 230 руб.: «При раздѣленіи же приходовъ по классамъ», сказано въ этомъ указѣ, «принимать въ разсчетъ штатное содержаніе ихъ причтовъ и показанные духовенствомъ доходы: съ домовъ, плацовъ, усадебъ, застѣнковъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ, *остающихся въ сго владѣніи*».

такъ и женскихъ, которые могутъ законно существовать въ силу императорскаго постановленія, сокращено до 50, на всемъ огромномъ пространствѣ шести епархій въ *Польшѣ* и Имперіи. Нѣкоторые изъ монашескихъ орденовъ будутъ совершенно уничтожены, потому что въ этомъ числѣ нѣтъ ни одного изъ принадлежащихъ имъ монастырей. Нельзя не сожалѣть, что въ числѣ уничтоженныхъ церковныхъ учрежденій, находятся учрежденія сестеръ милосердія и миссіонеры св. Викентія Павла, которые оказали столько услугъ воспитанію духовнаго юношества. Объ уничтоженіи этого послѣдняго ордена состоялось даже, 10-го декабря 1842 года, особое предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ духовной коллегіи, запрещающее миссіонерамъ св. Викентія Павла принимать новиціевъ. Епископамъ поручено, вопреки законамъ римской церкви, выбирать изъ нихъ по преимуществу приходскихъ священниковъ.

Въ изложенной запискѣ монсиньора Корболи, послужившей основаніемъ для дальнѣйшихъ соображеній въ Петербургѣ и для переговоровъ въ Римѣ, указаны всѣ тѣ постановленія, которыя папское правительство считаетъ несогласными съ каноническими правилами латинской церкви. Корболи слѣдующими словами окончилъ свою записку: „Таковы главные законы, касающіеся устройства и управленія римско-католической церкви въ Россіи и *Польшѣ*, дошедшіе до свѣдѣнія святаго престола и совершенно несогласные съ тѣми намѣреніями, которыя много разъ выражалъ императоръ о томъ, въ какомъ положеніи онъ желалъ бы содержать эту церковь. Его Величество выразилъ намѣреніе сохранить ее въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ и покровительствовать ей. Нельзя и сомнѣваться, чтобы въ своемъ великодушіи онъ не желалъ доставить ей и средства для существованія. Къ числу этихъ средствъ главнѣйшимъ образомъ относятся: дозволеніе римскимъ католикамъ свободно исполнять правила своего исповѣданія и слѣдовать евангельскимъ совѣтамъ и дарованіе пастырямъ, въ которыхъ однихъ и сосредоточивается духовная власть, свободы направлять и управлять ихъ духовною паствою по правиламъ римско-католической церкви.

„Представляемое краткое изложеніе законовъ въ ихъ совокупности показываетъ ясно, что духовная власть пастырей подчинена почти во всѣхъ отношеніяхъ правиламъ, постановленнымъ свѣтскою властію, и что соблюденіе римско-католической вѣры сдѣлалось для одной части католической паствы (то-есть, для уніатовъ) вовсе невозможнымъ, а для другой стѣснено въ значительной степени“.

Возвратясь въ Петербургъ, графъ Нессельродъ представилъ отчетъ, какъ объ этой запискѣ, такъ и о словесныхъ объясненіяхъ Корболи по вопросамъ, въ ней заключавшимся. „Эти вопросы"—писалъ онъ— „могутъ быть раздѣлены на два главные разряда: одни относятся къ догматамъ и началамъ одинаково исключительнымъ какъ въ церкви греческой, такъ и въ римской, и по нимъ именно весьма трудно не только прійдти къ соглашеніямъ, но даже начинать переговоры, которые могли бы привести къ какимъ - либо заключеніямъ. Другіе вопросы, преимущественно относящіеся до юрисдикціи, іерархіи и церковнаго управленія, кажется, болѣе доступны разсмотрѣнію и изслѣдованіямъ, вслѣдствіе которыхъ, разъяснивъ ихъ въ надлежащей степени, при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ, возможно найдти средства къ ихъ удовлетворительному разрѣшенію. Въ совѣщаніяхъ съ монсиньоромъ Корболи мы разсмотрѣли по порядку наиболѣе трудные и почти не разрѣшимые вопросы, и дѣйствительно, не пришли ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ, какъ напримѣръ, по вопросамъ о разсмотрѣніи дѣлъ бракоразводныхъ, о смѣшанныхъ бракахъ, о крещеніи происшедшихъ отъ нихъ дѣтей, о пріобщеніи лицъ другаго исповѣданія и о наказаніяхъ за переходъ изъ одного исповѣданія въ другое. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя по этимъ вопросамъ высказалъ монсиньоръ Корболи:

„Соглашаясь, что злоупотребленіе легкостью разводовъ въ Польшѣ и Россіи между римскими католиками зависитъ не отъ мѣстныхъ только нравовъ, но и отъ преступной поблажки духовенства, онъ указалъ на многія папскія буллы и особенно на буллу Бенедикта XIV противъ этого злоупотребленія, взятую назадъ въ послѣдствіи и потому не принесшую пользы, но силу которой можно возстановить.

„Въ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ монсиньоръ замѣтилъ, что въ сущности римская церковь ихъ не признаетъ и не признавала въ странахъ чисто католическихъ. Она начала признавать ихъ въ видѣ исключенія, вслѣдствіе совмѣстнаго существованія разныхъ исповѣданій въ государствахъ. Впрочемъ въ отношеніи къ этимъ бракамъ монсиньоръ менѣе возставалъ противъ двойной церемоніи, совершаемой въ Россіи въ двухъ церквахъ, нежели противъ послѣдствій этой формальности, признаваемой у насъ безусловно необходимою, ибо бракъ, совершенный только по латинскому обряду, у насъ считается недѣйствительнымъ, тогда какъ римская церковь считаетъ браки, совершенные только по греческому обряду, дѣйствительными, хотя и подвергаетъ духовнымъ наказаніямъ католическаго супруга.

„Въ отношеніи къ пріобщенію св. таинъ, монсиньоръ замѣтилъ, что пріобщеніе греческимъ священникомъ католика при смерти въ сущности не было бы отвергнуто римскою церковію, въ качествѣ отпущенія грѣховъ умирающему; но сознавался, что въ подобномъ случаѣ латинскій священникъ отказалъ бы въ пріобщеніи умирающему другаго исповѣданія, если бы послѣдній не принялъ предварительно римское исповѣданіе.

„Въ отношеніи къ наказаніямъ за совращеніе Корболи старался болѣе хитрыми, нежели убѣдительными доводами доказать, что римская церковь прибѣгаетъ въ этихъ случаяхъ единственно къ духовнымъ наказаніямъ, къ числу которыхъ онъ относилъ даже и прежнюю инквизицію. Въ настоящее же время католикъ, перешедшій въ другое христіанское исповѣданіе, положительно подвергается исключительно духовнымъ наказаніямъ, не касающимся его гражданскихъ правъ и собственности, тогда какъ русскіе уголовные законы прибѣгаютъ къ этимъ мѣрамъ. Онъ пытался даже защищать безусловную нетерпимость римской церкви въ этомъ отношеніи, оправдывая нѣкоторымъ образомъ ея стремленіе къ прозелитизму, возведенное въ ученіе. Эта церковь не признаетъ возможности спастись внѣ своего лона и поэтому должна стараться убѣжденіями и увѣщаніями привлекать къ себѣ христіанъ другихъ исповѣданій. Онъ откровенно замѣтилъ, что таково въ сущности должно быть и ученіе греческой церкви, въ догматическомъ смыслѣ, и что только протестантизмъ установилъ начала терпимости въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ и возвелъ ихъ въ систему.

„Что касается до другихъ вопросовъ, которые представляютъ бо̀льшую возможность разрѣшенія, то объясненія монсиньора Корболи заключались въ слѣдующемъ: въ отношеніи къ свободному сношенію латинскаго духовенства и частныхъ лицъ римскаго исповѣданія со святымъ престоломъ, онъ признавалъ, что оно было ограничиваемо повсюду, даже во всѣхъ католическихъ державахъ. Но оно почти совершенно безъ препятствій допускается протестантскими державами, какъ напримѣръ, въ Англіи, Голландіи и даже въ Пруссіи въ послѣднее время. Но онъ увѣрялъ, что въ дѣйствительности не только епископы и духовенство Франціи, но и другихъ государствъ, могутъ прямо сноситься со святымъ престоломъ, и это терпятъ правительства. Что же касается до сношеній частныхъ лицъ по дѣламъ совѣсти, то они всегда составляли исключеніе, даже при самыхъ строгихъ ограниченіяхъ этихъ сношеній, относившихся преимущественно къ обнародованію

папскихъ буллъ и другихъ постановленій святаго престола, которыхъ приведеніе въ исполненіе требовало участія и согласія свѣтскихъ правительствъ, а не къ духовнымъ и дисциплинарнымъ отношеніямъ духовенства къ святому престолу и не къ дѣламъ совѣсти частныхъ лицъ. Эти дѣла были прямо исключены особымъ закономъ, когда Наполеонъ заключилъ конкордатъ съ Піемъ VII. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что существующія запрещенія въ Россіи и Польшѣ относятся безусловно до всѣхъ случаевъ".

Положеніе нашего канцлера, который долженъ былъ только собрать всевозможныя свѣдѣнія по вопросамъ, предложеннымъ папскимъ правительствомъ для окончательнаго ихъ обсужденія въ Петербургѣ, но не могъ входить въ такія разсужденія, которыя могли бы нѣкоторымъ образомъ предрѣшать эти вопросы, давало, конечно, широкій просторъ объясненіямъ монсиньора Корболи. Ученый спеціалистъ и мало опытный дипломатъ, онъ придалъ имъ характеръ поученія о предметахъ, давно извѣстныхъ всѣмъ знакомымъ съ исторіей европейскихъ государствъ и папскаго правительства, и даже пытался объяснять представителямъ Россіи въ этомъ случаѣ взгляды и ученія православной церкви, какъ будто его слушатели не вполнѣ понимали, въ чемъ заключается сущность дѣла. Безъ сомнѣнія, объясненія молодаго римскаго прелата по этимъ вопросамъ не были слишкомъ убѣдительны.

„Объясненія, повидимому, болѣе удовлетворительныя и менѣе безплодныя" — продолжаетъ отчетъ графа Нессельроде — „представлены были монсиньоромъ Корболи въ отношеніи къ вопросамъ о границахъ епископской власти, о значеніи и составѣ консисторій въ Россіи и Польшѣ, о духовной римско-католической коллегіи, объ устройствѣ семинарій и духовной академіи въ Петербургѣ въ отношеніи къ дѣйствующимъ у насъ законамъ. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ выказалъ большую ученость и глубокое знаніе каноническихъ правилъ, и вообще словесныя его объясненія были гораздо яснѣе и полнѣе, нежели изложенныя въ его запискѣ. Изъ нихъ много разъ, въ продолженіе совѣщаній, можно было замѣтить, что святой престолъ наиболѣе озабоченъ вопросами о предоставленіи большей свободы дѣйствія епископамъ и объ измѣненіи устройства консисторій, духовной коллегіи и семинарій, что̀ дало бы ему возможность признать и утвердить законное существованіе этихъ учрежденій въ Имперіи. Сверхъ вопросовъ, на которые указано въ запискѣ, Корболи сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о недостаточномъ количествѣ приходскихъ церквей и каплицъ для от-

правленія богослуженія, о незначительномъ числѣ учебныхъ заведеній для приготовленія юношества къ духовному званію и о несоразмѣрности 50-и монастырей съ числомъ монашествующихъ обоего пола, которыхъ онъ насчитывалъ болѣе 1.000. Онъ только слегка затронулъ вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ, и не входя въ обсужденіе этой мѣры, указалъ только, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ святымъ престоломъ, доходы съ этихъ имѣній значительно превышаютъ ту сумму, которую правительство назначило для содержаніи латинскаго духовенства и учрежденій римско-католической церкви“ [1]).

Изложенныя записки показываютъ, что какъ при личныхъ сношеніяхъ императора съ папою, такъ и при совѣщаніяхъ графа Нессельрода и Бутенева съ кардиналомъ Ламбрускини и монсиньоромъ Корболи, предъ нашимъ правительствомъ ясно обозначились и общій характеръ притязаній, и возможность удовлетворить въ извѣстной мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ и безусловно отвергнуть другія. Всѣ вопросы, соприкасавшіеся съ ученіемъ и правами нашей церкви, естественно причислялись къ послѣднему разряду, потому что разрѣшеніе ихъ, согласное съ требованіями Рима, было бы явнымъ нарушеніемъ ученія и правъ этой церкви. Но охраняя церковь, наше правительство должно было въ то же время охранять и самостоятельность государства и отклонить также всѣ притязанія Рима, несогласныя съ этимъ условіемъ. Таковы были вопросы о свободныхъ сношеніяхъ римскихъ католиковъ и ихъ духовенства съ папскимъ правительствомъ и о папскомъ нунціѣ при нашемъ дворѣ. Но обѣ эти стороны — и церковную и политическую—заключалъ въ себѣ вопросъ объ уніатахъ, который поэтому и имѣлъ наибольшую важность въ глазахъ какъ нашего правительства, такъ, безъ сомнѣнія, и Рима. Хотя присоединеніе уніатовъ къ православной церкви и было главнымъ поводомъ къ враждебнымъ отношеніямъ папскаго правительства къ Россіи и вызвало всѣ его притязанія и требованія, однако же Римскій дворъ не рѣшился возбуждать этотъ вопросъ прямо и рѣшительно, понимая, конечно, всю безплодность спора по дѣлу, уже окончательно совершившемуся, и помня недавніе еще отзывы русскаго правительства. Но не смотря на то, не выражаясь явно во всей полнотѣ, этотъ поводъ, такъ-сказать, скрывался за всѣми другими требованіями Рима, давалъ имъ направленіе, внушалъ его правительству странные страхи и подозрѣнія и наконецъ, выразился въ нѣкоторыхъ, повидимому, не-

[1]) Résumé de la conférence avec M-gr Corboli.

значительныхъ требованіяхъ въ отношеніи къ немногимъ остававшимся въ Имперіи уніатамъ. Эти требованія однако же по существу своему представлялись въ высшей степени важными, какъ для Рима, такъ и для Россіи. Риму хотѣлось, конечно, ухватясь, такъ-сказать, за послѣдніе остатки, вновь воскресить и взять въ свои руки исчезнувшій вопросъ объ уніи и постепенно развивать его на основаніи добытыхъ уступокъ со стороны русскаго правительства и посредствомъ постоянной пропаганды; русское правительство, безъ сомнѣнія, должно было преградить всякую возможность къ осуществленію подобныхъ замысловъ.

Оставляя Римъ, графъ Нессельродѣ имѣлъ прощальную аудіенцію у папы 2/14 января. Григорій XVI еще находился подъ обаяніемъ того впечатлѣнія, которое произвело на него свиданіе съ императоромъ. Онъ принялъ канцлера весьма ласково и внимательно; но его разговоръ вовсе не касался тѣхъ вопросовъ, которые должны были сдѣлаться предметомъ важныхъ переговоровъ между двумя правительствами. „Его святѣйшество съ особенною заботливостію желалъ при этомъ случаѣ выразить чувства искренняго удовольствія и благодарности къ императору за его пріѣздъ въ Римъ, отдавая полную справедливость его благороднымъ и исполненнымъ благорасположенія намѣреніямъ, много разъ имъ заявленнымъ. Онъ выражалъ, что питаетъ полную и совершенную довѣренность къ Его Величеству и надѣется, что благія его намѣренія принесутъ всю возможную пользу римско-католической церкви и вѣрѣ, которыя онъ поручилъ его могущественному и милостивому покровительству“. При этомъ случаѣ канцлеръ счелъ долгомъ обратить вниманіе папы не на тѣ или другіе вопросы предстоявшихъ переговоровъ, но по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя общія соображенія. „Онъ указалъ папѣ на два слѣдующія важныя обстоятельства, на которыя много разъ обращалъ вниманіе кардинала Ламбрускини при своихъ совѣщаніяхъ съ нимъ: 1) На непреодолимыя затрудненія, по удовлетворенію тѣхъ требованій святаго престола, которыя касаются догматовъ и началъ, столь же исключительныхъ и безусловно признаваемыхъ господствующею въ Россіи церковію, какъ и церковію римско-католическою. Въ этомъ случаѣ возникнутъ неразрѣшимыя противорѣчія, которыхъ удобнѣе совершенно избѣгнуть для обѣихъ сторонъ, устранивъ отъ совѣщаній подобные вопросы. 2) На безусловную необходимость для Императорскаго правительства повѣрять дѣйствія латинскаго духовенства и особенно внимательно наблюдать за нимъ въ виду того обстоятель-

ства, что оно принимало преступное участіе, положительно доказанное, въ возмущеніи Поляковъ въ 1830 году и въ революціонныхъ движеніяхъ, составляющихъ его продолженіе. Эти соображенія были слишкомъ основательны, и папа, конечно, не могъ не обратить на нихъ вниманія". Не отвергая ихъ справедливости, онъ уклонился отъ прямаго отвѣта и снова началъ говорить о полномъ довѣріи, которое питаетъ къ императору и къ его мудрымъ и благимъ намѣреніямъ, и просилъ графа Нессельрода передать Его Величеству эти чувства.

„Бутеневъ",—писалъ канцлеръ, донося императору изъ Рима объ этой аудіенціи,—„который находился вмѣстѣ со мною при прощаніи съ папою, замѣтилъ на послѣднія слова папы, что Ваше Величество не можете сдѣлать всего, что̀ пожелали бы, потому что Вы не глава церкви, какъ папа, а только верховный ея покровитель" [1]).

Послѣ посѣщенія папы, канцлеръ заѣхалъ проститься съ кардиналомъ Ламбрускини, который немедленно отдалъ ему визитъ; 5-го же января графъ Нессельродъ выѣхалъ изъ Рима.

IV.

По возвращеніи изъ Рима въ Петербургъ, графъ Нессельродъ представилъ, въ докладѣ Императору отъ 8-го февраля 1846 года, краткій обзоръ своихъ совѣщаній въ Римѣ и предложилъ назначить особый комитетъ для обсужденія того, какія изъ требованій папскаго правительства могутъ быть удовлетворены, и въ какой степени. Графъ питалъ твердую увѣренность, что возможно достигнуть соглашенія съ Римомъ, не смотря на то, что хорошо понималъ значеніе вопроса объ уніи, а равно и другихъ, которые самъ же причислялъ къ разряду неразрѣшимыхъ.

„Вѣротерпимость",—говорилъ онъ въ этомъ докладѣ,—„которою въ высшей степени отличалось императорское правительство съ царствованія Петра Великаго, внушала святому престолу полное довѣріе относительно судьбы римско-католической церкви въ Россіи. Изъ этого естественно проистекало взаимное довѣріе между двумя дворами, и святой престолъ столько же былъ сговорчивъ и снисходителенъ въ то время, сколько сдѣлался придирчивъ и раздражителенъ въ послѣдствіи, когда это довѣріе было поколеблено. Если и прежде онъ не давалъ формальнаго утвержденія административнымъ мѣрамъ, не строго согласнымъ съ каноническими правилами, то во всякомъ случаѣ

[1]) Рапортъ графа Нессельрода изъ Рима, отъ 4-го января 1846 года; депеша Бутенева къ графу Воронцову-Дашкову, отъ $^{5}/_{17}$ января того же года.

терпѣлъ ихъ, смотря на нихъ, такъ-сказать, сквозь пальцы. Но теперь онъ рѣшительно возражаетъ противъ учрежденія римско-католической духовной коллегіи въ Россіи, тогда какъ прежде молчалъ и терпѣлъ это учрежденіе въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія. Происшествіемъ, которое произвело такую рѣшительную перемѣну въ отношеніяхъ къ намъ святаго престола, въ сильнѣйшей степени возбудило опасенія, возмутило совѣсть святаго отца и грустью наполнило его уязвленную душу, было отпаденіе греко-уніатовъ, которое, къ его прискорбію, совершилось передъ лицемъ всего свѣта во время его первосвятительства. Чтобы вѣрно судить, какое впечатлѣніе могло произвесть это событіе въ Римѣ, надобно *безпристрастно* взглянуть на него съ *собственной точки зрѣнія святаго престола*. Въ качествѣ преемника святаго апостола Петра, папа считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ и передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ за спасеніе душъ, ввѣренныхъ его попеченію. Между тѣмъ, по догматическому ученію римско-католической церкви, спасеніе признается возможнымъ только въ лонѣ этой церкви. Благочестивый и искренній въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, нынѣшній папа долженъ былъ живо чувствовать волненія возмущенной совѣсти; она ежеминутно возбуждала въ немъ тревожную мысль объ отчетѣ, который онъ долженъ будетъ дать Богу въ томъ, что потерялъ такую значительную часть стада, ввѣреннаго его пастырскимъ заботамъ. Не говоря уже о тревогахъ религіозныхъ, отпаденіе греко-уніатовъ должно было быть чрезвычайно тяжело для папы съ чисто свѣтской точки зрѣнія. Это для главы *вселенской* церкви (pour le chef de *l'église universelle)* то же, что потеря обширной и прекрасной области для всякаго другаго государя, которая въ продолженіе вѣковъ составляла одну изъ существенныхъ частей его владѣній. Тяжело было также святому отцу думать, что память объ этомъ пораженіи, погрузившемъ въ скорбь все католичество, будетъ передаваться историческимъ преданіемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, соединяясь съ эпохой его первосвященствованія и клеймя его неизгладимымъ пятномъ. Чтобъ оправдать себя, какъ человѣка и первосвященника, Григорій XVI считалъ долгомъ заявить передъ всѣмъ міромъ, что для защиты церкви онъ не упустилъ никакихъ средствъ, которыми только могъ располагать. Онъ счелъ необходимымъ со всею силою протестовать и придать наибольшую гласность своимъ жалобамъ, отнестись, такъ-сказать, къ суду общественнаго мнѣнія всего христіанства. Таково было дѣйствительное побужденіе, заставившее

его произнесть аллокуцію 1842 года. Постоянно смущаемый страхомъ, папа съ безпокойствомъ смотрѣлъ на свѣтскую власть въ Россіи и приписывалъ ей намѣреніе систематически дѣйствовать къ совершенному уничтоженію католицизма, разрѣшая вопросы, касавшіеся церковной дисциплины, безъ участія духовной власти святаго престола, безъ его согласія отбирая въ казенное завѣдываніе имущества церквей и монастырей, преобразуя, вслѣдствіе особыхъ видовъ, духовныя учебныя заведенія и пр. Папа видѣлъ въ этомъ нарушеніе апостольскихъ правъ, которыхъ онъ служитъ представителемъ, и считалъ долгомъ чести поддерживать ихъ всѣми способами, бывшими въ его власти. Въ особенности онъ долженъ былъ опасаться, — и этого нельзя не признать съ *точки зрѣнія Римскаго двора,* — что своимъ молчаніемъ онъ можетъ дать свѣтской власти право взять въ послѣдствіи верхъ надъ святымъ престоломъ, опираясь на бывшіе примѣры, и можетъ, идя по этому пути, отклонить совершенно право участія Римскаго двора въ дѣлахъ духовныхъ и дисциплинарныхъ, относящихся до римско-католической церкви".

Читая эти строки, нельзя не удивляться и не отдать полной справедливости тому особенному роду безпристрастія, граничащаго даже съ самоотверженіемъ, едва-ли не безпримѣрнымъ въ дѣлахъ внѣшней политики государствъ, съ какимъ представитель нашей дипломатіи входилъ въ виды своего противника, и какъ сочувственно относился онъ къ его психологическому настроенію по случаю событія, которое, если бы не составляло славы и гордости Россіи, то во всякомъ случаѣ представляло роковой и необходимый шагъ въ ея развитіи, обозначавшій не постепенное замираніе въ ней исторической жизни, а наоборотъ, служившій явнымъ признакомъ могучаго роста. Зная неоднократно и рѣшительно выраженное мнѣніе Императора по вопросу объ уніи, что она есть исключительное дѣло Россіи, вовсе не подлежащее никакому разсмотрѣнію съ участіемъ папскаго правительства, и что поэтому всякая возможность переговоровъ объ этомъ вопросѣ должна быть отклоняема, нашъ канцлеръ удачно входилъ въ роль ультрамонтанскаго писателя съ тою, можетъ-быть, цѣлію, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, которое не могли не оставить дерзкіе поступки римскаго двора противъ русскаго правительства, чтобъ объяснить и въ нѣкоторомъ смыслѣ оправдать ихъ, и тѣмъ особенно доказать необходимость войдти съ нимъ въ соглашеніе, начало котораго положено было уже самимъ Императоромъ при личномъ его свиданіи съ папою.

Канцлеръ, раздѣляя требованія Рима на два разряда и относя къ первому вопросы *неразрѣшимые*, по которымъ не можетъ послѣдовать соглашенія и которые, поэтому, должны быть вовсе устранены при совѣщаніяхъ, тѣмъ самымъ уже полагалъ границы будущимъ переговорамъ. Разсуждая объ обѣщаніи Императора сдѣлать *все возможное* для Рима, онъ замѣчалъ, что это неопредѣленное выраженіе „даетъ просторъ толкованіямъ для обѣихъ сторонъ и получитъ опредѣленное значеніе лишь вслѣдствіе тѣхъ заключеній, къ которымъ приведутъ самые переговоры. Въ настоящее же время оно не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго (rien de positif). Римскій дворъ можетъ преувеличивать силу этого обѣщанія и питать надежды, которыя далеко могутъ превзойдти то, что̀ Императоръ имѣлъ въ виду сдѣлать. Не заблуждаясь въ этомъ отношеніи, необходимо однако же сознаться, что мы находимся въ неопредѣленномъ положеніи (dans le vague)“. Вопросы, причисленные къ неразрѣшимымъ, и составляютъ уже первый шагъ къ выходу изъ этого положенія. Канцлеръ полагалъ, что значеніе этихъ вопросовъ „Римскій дворъ долженъ понимать такъ же, какъ и мы, и не заблуждаться насчетъ того, что его притязанія въ этомъ случаѣ могутъ быть удовлетворены. Онъ долженъ вполнѣ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что для нашего правительства невозможно пожертвовать интересами господствующей церкви въ пользу латинской. Но если онъ и упорствуетъ, предлагая эти вопросы, то безъ сомнѣнія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поддерживать всѣ тѣ жалобы, которыя онъ прежде заявлялъ, и особенно для того, чтобы сохранить за собою право̀ покровительства латинской церкви. Однимъ словомъ, онъ желаетъ сохранить за собою неизмѣннымъ право возобновлять эти требованія, когда сочтетъ нужнымъ, и потому начинаетъ переговоры съ тою цѣлію, чтобы своимъ молчаніемъ не дать намъ повода думать, что онъ совершенно отказался отъ нихъ“. Такимъ образомъ, канцлеръ думалъ, что Римъ не будетъ настаивать на непремѣнномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ и удовлетворится лишь заявленіемъ оныхъ, если ему будутъ сдѣланы уступки по другимъ. „Вопросы, относящіеся къ дисциплинѣ, устройству и управленію латинской церкви, въ сущности не представляютъ непреоборимыхъ затрудненій для разрѣшенія; это та почва, на которой обѣ стороны могутъ сойдтись на полдорогѣ и согласиться между собою на нѣкоторыя сдѣлки. Эти вопросы могутъ повести къ практическимъ послѣдствіямъ только при переговорахъ“. Поэтому канцлеръ полагалъ возможнымъ сдѣлать слѣдующія уступки Риму: 1) увеличить власть епископовъ;

2) учредить, съ согласія папы, нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній для римско-католическаго духовнаго юношества; 3) построить нѣсколько церквей; 4) вновь открыть нѣкоторыя изъ упраздненныхъ монастырей, если окажутся справедливыми увѣренія папскаго правительства, что многіе изъ монашествующихъ не находятъ себѣ убѣжища; 5) увеличить, по соглашенію съ папою, жалованье духовенству, чтобы показать свою щедрость, и 6) смягчить наказанія, опредѣленныя нашими законами за проступки, которые имѣютъ собственно духовный характеръ и зависятъ часто отъ искреннихъ убѣжденій преступившаго.

Императоръ, соглашаясь вообще на первую статью, желалъ однако же, чтобы было точнѣе опредѣлено, какимъ образомъ можетъ быть увеличена епископская власть; точно также и въ отношеніи къ шестому пункту, Императоръ замѣтилъ, что предметъ его требуетъ подробныхъ соображеній. Всѣ остальныя предложенія Государь положительно отклонилъ. Относительно построенія новыхъ церквей (ст. 3) онъ написалъ: „Это никогда не воспрещается, и неправду говорятъ тѣ, которые утверждаютъ противное". Что касается до монаховъ, не находящихъ будто бы убѣжища, Императоръ выразился такъ: „Сомнѣваюсь въ этомъ показаніи; впрочемъ, пусть наведутъ справки". Увеличеніе жалованья духовенству онъ призналъ рѣшительно невозможнымъ: „Это невозможно",—написалъ Государь противъ этой статьи,— „ибо католическое духовенство получаетъ одинаковые оклады съ духовенствомъ православной церкви; а потому нельзя коснуться одного, не коснувшись другаго. Щедрость можетъ быть оказана только при постройкѣ или исправленіи церквей и монастырей, а это всегда и дѣлается".

Переговоры съ кардиналомъ Ламбрускини и Корболи навели канцлера на справедливую мысль, что Римъ не только домогается того, что прямо выражено въ его требованіяхъ, но что онъ питаетъ еще тайныя мысли и намѣренія. „Мнѣ хотѣлось выяснить",—писалъ канцлеръ,—„чего именно въ концѣ концевъ домогается Римскій дворъ; ибо всѣ предъявленныя имъ требованія еще не составляютъ его послѣдняго слова. Не можетъ же святой престолъ разумно замышлять разрушеніе всей той системы устройства латинской церкви въ Россіи, которая существуетъ болѣе полустолѣтія и нѣкоторымъ образомъ срослась съ политическимъ устройствомъ самой имперіи. Не можетъ же онъ требовать уничтоженія духовной коллегіи, которую терпѣлъ полстолѣтія, и давая духовную власть митрополитамъ, ея предсѣдателямъ, тѣмъ самымъ, молча, нѣкоторымъ образомъ утверждалъ ея

существованіе. Допустивъ въ конкордатѣ съ Франціей контроль свѣтской власти надъ сношеніями духовенства съ Римомъ, не можетъ же онъ утверждать, что такой порядокъ не согласенъ съ канонами церкви въ отношеніи къ Россіи. Взятіе церковныхъ имуществъ въ казенное управленіе (secularisation) совершалось и въ католическихъ земляхъ и было признано папскимъ правительствомъ; слѣдовательно, и этого дѣйствія онъ не можетъ назвать противнымъ церковнымъ законамъ.

„Не въ этомъ надобно искать ту тайную мысль, которая скрывается за притязаніями римскаго престола; главный двигатель его дѣйствій заключается преимущественно въ желаніи оградить на будущее время свое неотъемлемое право рѣшать вопросы догматическіе и дисциплинарные, вмѣшиваться во всѣ вопросы этого рода и заставить свѣтскую власть формально признать безусловную необходимость содѣйствія духовной власти святаго отца во всѣхъ, безъ исключенія, распоряженіяхъ относительно римской церкви и ея духовенства.

„Въ заключеніе я полагаю“,—говорилъ канцлеръ,—„что нѣкоторыя измѣненія въ законахъ, противъ которыхъ возстаетъ Римъ, удовлетворятъ его, если будутъ сдѣланы по предварительному съ нимъ соглашенію, путемъ переговоровъ, чрезъ кои, такимъ образомъ, утвердится прямое и непосредственное участіе духовной власти въ мѣрахъ правительства и будетъ признана безусловная необходимость этого участія. При такомъ взглядѣ Рима, ему во что бы то ни стало необходимы переговоры (négociation), или хотя бы подобіе переговоровъ. Въ этомъ заключается его главная цѣль. Можно предвидѣть, что достигнувъ этой цѣли и защищая, конечно, шагъ за шагомъ свою почву, Римъ, по своей вѣковой тактикѣ, окончитъ тѣмъ, что признаетъ положеніе дѣлъ, противъ котораго возставалъ съ такою силою“ [1]).

Безъ сомнѣнія, достигнуть непосредственнаго участія во всѣхъ мѣрахъ русскаго правительства, къ какимъ бы оно ни захотѣло прибѣгнуть въ отношеніи латинской церкви и ея духовенства въ имперіи, и тѣмъ самымъ ограничить свободу его дѣйствій не только по вопросамъ догматическимъ, но и по всѣмъ вообще, было бы чрезвычайно важно для римскаго престола. Позволительно было предполагать, что въ виду достиженія этой главной цѣли, онъ сдѣлаетъ и съ своей стороны нѣкоторыя уступки. Но нельзя было, однако же, упускать изъ виду и того обстоятельства, что Римъ, также *слѣдуя вѣковой своей тактикѣ*, при совмѣстномъ съ русскимъ правительствомъ разрѣшеніи вопросовъ, пожелаетъ удержать за собою *право власти*,

---

[1]) Доклады графа Нессельроде отъ 8-го февраля и 28-го апрѣля 1846 года.

а на долю русскаго правительства оставить *обязанность повиноваться ему*.

Взглядъ канцлера, конечно, долженъ былъ имѣть важное значеніе въ комитетѣ, собранномъ подъ его предсѣдательствомъ для разсмотрѣнія заявленныхъ Римомъ жалобъ и требованій [1]. Мы имѣли уже случай замѣтить, что канцлеръ не раздѣлялъ тѣхъ воззрѣній, которыми руководилось въ это время министерство внутреннихъ дѣлъ, и слѣдовательно, съ этой стороны могъ ожидать наиболѣе сильныхъ возраженій. Но въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ прежде всего разсмотрѣнію комитета, находился и вопросъ о расширеніи власти епископовъ. Съ одной стороны, онъ не былъ устраненъ Императоромъ, который, напротивъ того, предоставилъ комитету опредѣлить, въ чемъ именно должны заключаться эти права; а съ другой, само министерство внутреннихъ дѣлъ не только не было противъ расширенія власти мѣстныхъ епископовъ, но наоборотъ, сочувственно относилось къ этому предположенію. Опираясь на власть епископовъ, оно надѣялось съ большимъ успѣхомъ противодѣйствовать папскимъ притязаніямъ, и притомъ въ особенности довѣряло епископу Головинскому, котораго приготовляло къ сану митрополита, чтобы такимъ образомъ сосредоточить въ его рукахъ всю мѣстную духовную власть надъ латинскою церковію въ имперіи. Поэтому вопросъ о власти епископовъ почти не возбудилъ споровъ, и комитетъ единогласно пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ въ отношеніи къ консисторіямъ и семинаріямъ: 1) Консисторіямъ можетъ быть, по преимуществу, предоставлено разсмотрѣніе дѣлъ судныхъ; епископу же поручаются дѣла управленія (административныя) и дѣла совѣсти (les cas de conscience). Но и судныя дѣла, по разсмотрѣніи консисторіей, *рѣшаетъ* епископъ, и мнѣніе консисторіи имѣетъ только совѣщательное значеніе. Онъ же можетъ, по своему желанію, спрашивать заключеній консисторіи и по дѣламъ управленія. 2) Епископы не обязываются объяснять причины своихъ рѣшеній, даже и по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они требовали заключеній консисторіи. 3) Члены консисторій избираются и назначаются епископомъ, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ. Право назначенія секретарей удерживается за министерствомъ; но ему поручается обращать вниманіе на вѣроисповѣданіе назначаемыхъ лицъ и предпочитать римско-католиковъ. Епископъ можетъ избирать себѣ частнаго секретаря. Чины

[1]) Въ составъ этого комитета вошли: министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій, статсъ-секретарь царства Польскаго Туркулъ, графъ А. Ѳ. Орловъ, графъ Д. Н. Блудовъ и министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ.

канцеляріи при консисторіяхъ, утверждаются епископомъ по представленію секретаря. 4) При каждой консисторіи будетъ назначаемъ прокуроръ съ обязанностію наблюдать, чтобы не могло состояться рѣшеній, противныхъ законамъ имперіи. Въ случаѣ такихъ рѣшеній, прокуроръ заявляетъ объ этомъ консисторіи и доноситъ министру. Комитетъ полагалъ, что назначеніе такихъ прокуроровъ совершенно достаточно для правительственнаго надзора за дѣйствіями консисторій. 5) Въ отношеніи къ семинаріямъ полагалось допустить, что ни ректоръ, ни инспекторъ, ни профессора не могутъ быть назначаемы безъ согласія епископа. Онъ можетъ прерывать и закрывать курсы по своему произволу, только увѣдомляя объ этомъ министерство; кромѣ того, онъ обязанъ сообщать на утвержденіе правительства программы преподаваемыхъ наукъ. Академія должна быть подчинена архіепископу на томъ же основаніи, на какомъ подчиняется семинарія епископамъ. 6) Въ отношеніи къ назначенію приходскихъ священниковъ, комитетъ согласился съ предложеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, который говорилъ, что если постановленіе 20-го декабря 1844 года, предписывающее давать приходы первыхъ двухъ разрядовъ только воспитанникамъ академіи, возбуждаетъ сомнѣнія и возраженія, то можно измѣнить его въ томъ смыслѣ, что епископы могутъ по своему усмотрѣнію назначать приходскихъ священниковъ; но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ давать только *предпочтеніе* окончившимъ курсъ наукъ въ академіи. Комитетъ нашелъ полезнымъ умножать число болѣе образованныхъ приходскихъ священниковъ и призналъ нисколько не стѣснительною для епископовъ обязанность давать предпочтеніе ученикамъ академіи, потому что ежегодно ихъ выходитъ изъ академіи весьма незначительное число.

Въ заключеніяхъ журналовъ комитета по вопросу о расширеніи епископской власти тщательно избѣгается даже всякое упоминаніе о римско-католической духовной коллегіи и говорится вообще объ отношеніяхъ епископовъ къ правительству, то-есть, къ министерству внутреннихъ дѣлъ; между тѣмъ вопросъ объ усиленіи власти епископовъ необходимо влекъ за собою и вопросъ о значеніи коллегіи и объ отношеніи епископовъ именно къ ней. Обойдти его не было никакой возможности, потому что Римъ не признавалъ существованія этой коллегіи и въ запискѣ, составленной Корболи, прямо говорилъ, что ея власть не была и не можетъ быть признана законною. Такимъ образомъ, въ виду предполагавшихся соглашеній съ Римомъ, слѣдовало рѣшиться на одно изъ трехъ предположеній: или, вопервыхъ, совершенно уничтожить эту коллегію; или, вовторыхъ, оста-

вить ее неприкосновенною въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала, и слѣдовательно, отклонить всѣ требованія Рима въ этомъ отношеніи; или наконецъ, втретьихъ, преобразовать ее такимъ образомъ, чтобы Римъ могъ признать ея существованіе законнымъ.

Первое предположеніе, безъ сомнѣнія, не могло быть возбуждено въ комитетѣ даже и защитниками мысли о необходимости соглашенія съ папскимъ престоломъ цѣною разныхъ уступокъ, въ виду собственноручнаго замѣчанія, которое Императоръ сдѣлалъ на запискѣ, представленной ему папою Григоріемъ XVI, а именно, что въ *отношеніяхъ епископовъ къ коллегіи*, существующей со временъ Екатерины, *не можетъ быть допущено измѣненій.* Но увеличивая права епископовъ, необходимо было опредѣлить ихъ отношеніе къ коллегіи; а потому нельзя было остановиться и на второмъ предположеніи, и стало быть, оставалось только рѣшиться на послѣднее и предложить такого рода измѣненія въ устройствѣ, правахъ и обязанностяхъ коллегіи, которыя, съ одной стороны, представляли бы нѣкоторыя выгоды для Россіи, а съ другой, могли бы, хотя бы также въ нѣкоторой только степени, удовлетворить требованіямъ Рима. Эту трудную задачу пытался разрѣшить графъ Блудовъ въ особой запискѣ, представленной имъ комитету.

Исторію римско-католической коллегіи можно начинать, въ собственномъ смыслѣ, только съ царствованія императора Павла, съ 26-го января 1798 года, когда „департаментъ для разбора дѣлъ римскаго исповѣданія“ былъ отдѣленъ отъ юстицъ-коллегіи, и повелѣно ему „быть подъ начальствомъ архіепископа Могилевскаго и римскихъ церквей Сестренцевича“ [1]). До этого времени, на основаніи регламента, даннаго императрицей Екатериною II С.-Петербургской католической церкви февраля 12-го 1769 года [2]), „всѣ споры между прихожанами и духовенствомъ римскаго закона вносились въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ“, которая однако же „ни подъ какимъ видомъ не должна мѣшаться въ догматы самой вѣры римскаго исповѣданія“. Послѣ присоединенія къ имперіи русскихъ областей отъ бывшаго королевства Польскаго, грамотою 14-го ноября 1783 года императрица учредила Могилевскую архіепархію. Возведя епископа Станислава Сестренцевича въ санъ архіепископа, она поручила ему завѣдываніе всѣми римско-католическими церквами въ имперіи, оговоривъ притомъ, что онъ не долженъ „ни отъ кого больше получать указовъ, кромѣ насъ и сената нашего.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 18345.

[2]) Тамъ же, №№ 13251 и 13252, гл. VIII, ст. 44 и 45.

Сему жь архіепископу"—сказано далѣе въ указѣ—„для разсмотрѣнія и вершенія дѣлъ, въ коихъ церковные и гражданскіе законы предполагаютъ разборъ духовныхъ мѣстъ, опредѣлили мы въ пособіе коадьютора и повелѣваемъ учредить, подъ предсѣданіемъ своимъ, консисторію, изъ нѣсколькихъ каноников, въ подданствѣ нашемъ родившихся или въ немъ утвержденныхъ, составленную, въ коей, если бы дѣло коснулось до сужденія мірскаго человѣка, требовать отъ гражданскаго правленія депутата, для присутствованія въ консисторіи по тому дѣлу. А кто судомъ сея консисторіи и архіепископа доволенъ не будетъ, тѣ могутъ приносить жалобы свои въ сенатъ. Юстицъ же коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ въ дѣла, до римскія церкви принадлежащія, вступаться вовсе запретили" [1]).

Такимъ образомъ, при императрицѣ Екатеринѣ II, до 1772 года, то-есть, до присоединенія Бѣлоруссіи, правительство вовсе не вмѣшивалось въ дѣла вѣры и церкви римскихъ католиковъ, находившихся въ имперіи, но и не отказывало имъ въ правосудіи въ томъ случаѣ, когда возникали споры и жалобы между прихожанами и духовенствомъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ въ предѣлахъ имперіи оказалась латинская церковь съ полнымъ іерархическимъ устройствомъ, императрица сосредоточила всѣ дѣла, относящіяся до этой церкви, въ особомъ учрежденіи — Могилевской консисторіи, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, подчиненной въ порядкѣ инстанцій сенату. Всякая зависимость, какъ въ порядкѣ духовнаго суда, такъ и управленія, отъ властей, находившихся внѣ русскихъ предѣловъ, была прервана, и Римъ призналъ этотъ порядокъ. Но чтобы не дать вполнѣ образоваться мѣстной и независимой во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ исповѣданія извѣстныхъ догматовъ, церкви, Римъ поспѣшилъ удержать за собою право посвященія въ епископы и архіепископы и снабдилъ Сестренцевича важными полномочіями отъ имени папы, на десять лѣтъ, по ввѣренному ему суду и управленію латинскою церковью въ имперіи [2]).

Съ восшествія на престолъ императора Павла I, указомъ 26-го февраля 1797 года вновь возстановлено было значеніе юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ [3]). Этимъ указомъ не только разрушалось учрежденіе, созданное императрицею для духов-

[1]) Тамъ же, № 15876.

[2]) Тамъ же, № 16521.

[3]) Тамъ же, № 17836: «Желая доставить удовлетвореніе вѣрнымъ нашимъ подданнымъ римско-католическаго исповѣданія въ Бѣлоруссіи, также и въ нововозвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ и другихъ частяхъ имперіи нашей

ныхъ дѣлъ латинской церкви, но дѣла эти, вопреки каноническимъ правиламъ, подчинялись коллегіи, находившейся подъ предсѣдательствомъ свѣтскаго человѣка. Между тѣмъ, этотъ указъ былъ вызванъ самими римскими католиками, тѣми, которые враждебно относились къ архіепископу Сестренцевичу и желали устранить его вліяніе на дѣла, а именно монахами, предводимыми іезуитами. Но едва успѣли устроить новый департаментъ, какъ архіепископу Сестренцевичу, вошедшему въ милость къ императору, удалось разрушить его, испросивъ указъ 25-го января 1798 года, положившій начало учрежденію римско-католической коллегіи, хотя она до 1800 г. и сохраняла названіе римско-католическаго *департамента* юстицъ-коллегіи. Въ томъ же году, 3-го ноября, подъ вліяніемъ Сестренцевича, былъ изданъ регламентъ церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія въ Россіи, который опредѣлилъ отношеніе коллегіи къ епархіальнымъ властямъ. Всѣ дѣла, до духовенства относящіяся и вообще церковныя, были подчинены епархіальнымъ начальникамъ; „а буде бы сей не доставилъ законнаго удовлетворенія, то могутъ просить о томъ римско-католическій департаментъ юстицъ-коллегіи". Епархіальной власти предоставлялось „дѣлать свои учрежденія и предписанія во всемъ, что̀ къ общей и церковной пользѣ или къ просвѣщенію служить можетъ, и что̀ не выходитъ изъ предѣловъ власти, сопряженной съ ихъ саномъ; о положеніяхъ же, къ которымъ сами собою приступить не могутъ, подавать проекты юстицъ-коллегіи въ римско-католическій департаментъ, котораго долгомъ да будетъ ихъ разсматривать и представлять тотчасъ на утвержденіе сената" [1]). Тѣ же правила въ отношеніи къ этому департаменту удержаны въ *правилахъ* объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи, 11-го декабря 1800 г., составленныхъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, послѣ паденія Сестренцевича, и освободившихъ монашескіе ордена отъ зависимости отъ епархіальныхъ властей [2]).

обитающихъ, по дѣламъ до духовенства и брачныхъ тяжбъ относящимся»,—сказано въ этомъ указѣ, — «повелѣваемъ: учредить въ Петербургѣ при юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, подъ особымъ надзираніемъ президента той коллегіи, департаментъ для римско-католическихъ юстицкихъ дѣлъ, въ которомъ производиться симъ дѣламъ на основаніи принадлежащихъ тѣмъ народамъ законовъ, подобно какъ оные въ самой юстицъ-коллегіи теченіе свое имѣютъ, и потому долженствуетъ сенатъ постановить, чтобы дѣла сіи по окончаніи въ частныхъ духовныхъ правительствахъ, входили на вершеніе въ сей департаментъ, а изъ онаго по апелляціи въ сенатъ».

[1]) Полн. Собр. Зак., № 18734, ст. 2 и 28.

[2]) Тамъ же, № 19684, ст. 2, 7, 10 и 23.

Въ началѣ царствованія императора Александра I, когда Сестренцевичъ вновь былъ вызванъ изъ заточенія къ управленію дѣлами латинской церкви въ Россіи, этотъ департаментъ былъ преобразованъ въ самостоятельную *римско-католическую духовную коллегію*, которой составъ и предметы вѣдомства подробно опредѣлены въ *положеніи духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона*, 13-го ноября 1801 года. До этого времени коллегія была смѣшаннымъ учрежденіемъ; кромѣ духовныхъ лицъ, въ ней присутствовали и два свѣтскіе члена. По новому *положенію*, она преобразована въ высшее духовное учрежденіе для латинской церкви въ Россіи, въ *главную* духовную *консисторію*, которой были подчинены всѣ епархіальныя консисторіи. Предсѣдателемъ былъ назначенъ архіепископъ Могилевскій; самая же коллегія состояла изъ одного епископа, одного прелата-инфулата (украшеннаго митрою), „на мѣста которыхъ коллегія, избирая кандидатовъ, представляетъ въ правительствующій сенатъ, для внесенія о нихъ доклада къ высочайшему утвержденію", и по одному прелату или канонику по избранію капитуловъ каждой изъ шести епархій. Къ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію коллегіи, причислены: 1) „жалобы на архіереевъ и апелляціи на консисторію"; 2) окончательное рѣшеніе по дѣламъ брачнымъ; 3) „представленія въ сенатъ, для внесенія къ высочайшему утвержденію, о помѣщеніи на вакантныя мѣста архимандритовъ въ монастыряхъ и при церквахъ епископовъ-суффрагановъ и митрой удостоенныхъ аббатовъ"; 4) „коллегіи, какъ главному духовному правительству, имѣть, чрезъ епархіальныхъ архіереевъ, полное и достаточное свѣдѣніе о монастыряхъ, церквахъ и духовенствѣ, о всѣхъ духовныхъ заведеніяхъ, имѣніяхъ и капиталахъ, о всякихъ достойныхъ уваженія происшествіяхъ, о которыхъ доносить, такъ какъ и по случающимся надобностямъ, о чемъ слѣдуетъ представлять правительствующему сенату"..." Впрочемъ" — сказано въ положеніи — „коллегія дѣла свои производить и рѣшать имѣетъ по правиламъ церковнымъ, наблюдая, впрочемъ, общій порядокъ коллегіямъ генеральнымъ регламентомъ и другими государственными узаконеніями предписанный". Разрѣшая „коллегіи, епархіальнымъ архіереямъ и консисторіямъ, такъ какъ вообще и частно римско-католическому духовенству въ отправленіи дѣлъ и должностей своихъ поступать по законамъ и правиламъ церкви ихъ", правительство предписывало въ то же время „неупустительно наблюдать все, что въ разсужденіи отношенія къ внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества монаршими указами запрещено и повелѣно, и охранять,

по долгу вѣрноподданнической присяги, права самодержавной власти, государственныя узаконенія и высочайшій интересъ". Для наблюденія за тѣмъ, чтобы рѣшенія коллегіи не противорѣчили законамъ имперіи, была учреждена при ней должность прокурора [1]).

Такимъ образомъ, въ духовной коллегіи сосредоточивались всѣ роды судебныхъ дѣлъ, а именно: 1) дѣла чисто духовныя, какъ то: о расторженіи браковъ, о сепараціи, объ освобожденіи отъ монашескихъ обѣтовъ, о назначеніи покаяній, и т. под.; 2) дѣла смѣшанныя, каковы споры о бенефиціяхъ, тяжбы о правѣ собственности духовныхъ учрежденій, жалобы на обиды, удаленіе настоятелей и викаріевъ отъ должностей, о законности актовъ рожденія и др.; 3) дѣла по жалобамъ на епископовъ въ злоупотребленіи власти, въ растратѣ капиталовъ и имуществъ, принадлежащихъ духовенству, и др.

Но кромѣ судебныхъ дѣлъ, коллегіи были поручены, какъ этимъ положеніемъ, такъ и послѣдующими распоряженіями [2]), и нѣкоторыя административныя дѣла, которыя собственно принадлежатъ къ правительственному надзору за дѣйствіями римско-католическаго духовенства и не должны были бы принадлежать учрежденію, предназначенному дѣйствовать исключительно на основаніи каноническихъ правилъ своего исповѣданія, на сколько, конечно, эти правила не противорѣчатъ устройству государства и коренными его законамъ. Но исполненіе этого послѣдняго условія и не могло бы быть поручено самой коллегіи. Хотя она и была ограничена въ этомъ отношеніи нѣкоторою подчиненностію сенату, а съ учрежденіемъ *главнаго управленія дѣлъ* разныхъ *исповѣданій*, присоединеннаго сперва къ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а потомъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ [3]), бо́льшая часть дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству, перешла къ этимъ учрежденіямъ, но не смотря на то, коллегія сохранила свой неопредѣленный характеръ.

Эта мысль и была развита въ запискѣ, представленной комитету графомъ Блудовымъ. „*Соединенныя* съ *державною властію права́*"—

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 20053, ст. 1, 2, 3, 4, 6 и 8.

[2]) Въ 1833 г. 1-го іюля, уставомъ Виленской духовной академіи, она была подчинена главному надзору и управленію коллегіи. Полн. Собр. Зак., № 6296; гл. 1, §§ 497; гл. II, §§ 10, 14; гл. III, § 28; гл. V, § 41; гл. VI, § 70 и гл. X, §§ 87, 92, 93, 94 и 95.

[3]) 1810 г. іюля 25-го, §§ 5 и 13; августа 17-го того же года, отд. VI; 1817 г. октября 24-го, §§ 11—14, 18 и др. Полн. Собр. Зак. №№ 24307, 24326, 27106; сравн 26898, 26606, 27078.

сказано въ ней — „по охраненію и надзору (jura advocatiae et inspectionis) суть слѣдующія: 1) такъ-называемое jus placiti, то-есть, право дозволенія или запрещенія обнародовать постановленія римскаго двора; 2) право издавать положенія, опредѣляющія политическія и гражданскія права духовенства и послѣдователей терпимой вѣры, какъ по взаимнымъ ихъ между собою отношеніямъ, такъ и по отношеніямъ къ лицамъ, исповѣдующимъ господствующую вѣру и другія, терпимыя въ государствѣ; 3) право издавать положенія полицейско-духовныя, то-есть, такія, которыми опредѣляются внѣшнія отношенія между вѣрою терпимою и вѣрою господствующею и другими терпимыми вѣроисповѣданіями; 4) право устранять отъ духовныхъ мѣстъ лицъ, не заслуживающихъ довѣрія правительства (personae minus gratae); 5) право наблюдать, чтобы духовенство не предпринимало ничего противнаго общественному порядку; 6) право требовать отъ духовенства исполненія его обязанностей; 7) право наблюдать за правильнымъ употребленіемъ имуществъ (фундушей), порученныхъ управленію духовенства или предназначенныхъ на общеполезные предметы; 8) право предавать суду и подвергать наказаніямъ тѣхъ духовныхъ, которые при исполненіи своихъ обязанностей учинятъ преступленіе или проступокъ, не принадлежащіе къ числу простыхъ дисциплинарныхъ упущеній, наказываемыхъ по распоряженію самого ихъ начальства“. Перечисливъ эти права, записка продолжаетъ: „Сіи права столь важны, что правительство не можетъ уступить ихъ кому-либо другому и тѣмъ менѣе власти духовной, ибо можно опасаться, что она будетъ дѣйствовать не въ видахъ правительства, а согласно съ своимъ собственнымъ интересомъ. Отъ сего происходитъ трудность означить приличный кругъ дѣйствій для коллегіи; ибо съ одной стороны, не возможно передать ей права, долженствующія принадлежать лишь правительству, съ другой же, не свойственно предоставлять и тѣ, которыя на основаніи постановленій церкви суть исключительная принадлежность епископовъ. Поэтому коллегія, какъ мнѣ кажется, въ теперешнемъ или весьма близкомъ къ нему составѣ можетъ быть раздѣлена на два отдѣленія: одно — для дѣлъ судныхъ, съ наименованіемъ главнаго духовнаго или просинодальнаго суда римско-католическаго исповѣданія, съ высшею только въ семъ отношеніи властью надъ консисторіями имперіи и царства; другое — единственно для совѣщаній и представленій министерству. Выше сказано, что издавать полицейско-духовныя положенія принадлежитъ правительству исключительно; но какъ для изданія положеній сего рода необходимо

нужно основательное знаніе законовъ церковныхъ, то и можно допустить, чтобы всякій разъ, когда правительство признаетъ полезнымъ издать какое-либо положеніе, касающееся духовенства, было требуемо мнѣніе коллегіи. Такимъ образомъ, въ дѣлахъ административныхъ и нѣкоторыхъ законодательныхъ, коллегія будетъ совѣтомъ министерства по дѣламъ духовнымъ. Чрезъ сіе она получитъ существенное значеніе и сдѣлается учрежденіемъ дѣйствительно полезнымъ. Само собою разумѣется, что какъ коллегія будетъ составлена изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, то въ случаяхъ, если ея мнѣніе не согласно съ видами министерства, сіе мнѣніе вмѣстѣ съ проектомъ должно быть представлено на высочайшее усмотрѣніе". Сверхъ сего, записка графа Блудова предполагаетъ возможнымъ оставить за коллегіей право надзора за духовенствомъ въ томъ видѣ, какъ она пользуется имъ теперь, а епархіальнымъ властямъ поручать доставленіе ей срочныхъ донесеній о ходѣ дѣлъ; ей же поручается управленіе вспомогательнымъ для римско-католическаго духовенства капиталомъ и предоставляется право входить въ министерство съ представленіями на Высочайшее имя о нуждахъ духовенства и давать заключенія по тѣмъ изъ нихъ, которыя до министерства дойдутъ какимъ-либо другимъ порядкомъ. Жалобы на духовныхъ лицъ, если обиженный не получилъ удовлетворенія чрезъ епархіальное начальство, должны быть приносимы въ министерство, которое передаетъ ихъ въ судное отдѣленіе коллегіи.

Эта записка подала графу Нессельроду поводъ предложить на разсмотрѣніе комитета слѣдующій вопросъ: соотвѣтствуетъ ли теперешнее устройство римско-католической коллегіи цѣли ея учрежденія, и нѣтъ ли возможности измѣнить его въ такомъ смыслѣ, чтобы папа могъ формально признать законность ея существованія? Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ графъ Нессельродъ представилъ и свои соображенія, въ сущности согласныя съ изложенными въ запискѣ графа Блудова и составлявшія только дальнѣйшіе изъ нихъ выводы. Основнымъ закономъ, образовавшимъ коллегію, писалъ онъ, служитъ до сихъ поръ положеніе 13-го ноября 1801 года, состоящее изъ восьми параграфовъ, изъ которыхъ три уже отмѣнены другими постановленіями [3]). „Принявъ уже за основаніе каноническія начала для опредѣленія власти епископовъ и для устройства консисторій, невозможно

[1]) §§ 5, 6 и 7, въ которыхъ говорится о провинціяхъ монашескихъ орденовъ, о правѣ патроната и о церковныхъ имуществахъ.

не придерживаться того же направленія и при разрѣшеніи всѣхъ другихъ вопросовъ относительно измѣненій этого положенія, необходимыхъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Четыре первые параграфа опредѣляютъ предметы вѣдомства коллегіи. Разсмотрѣвъ ихъ внимательно, нельзя не убѣдиться, что въ нихъ смѣшаны двѣ совершенно различныя власти. Коллегія въ одно и то же время есть и высшій апелляціонный судъ по дѣламъ духовнымъ, рѣшающій окончательно эти дѣла, и административное учрежденіе, наблюдающее за внѣшнею дисциплиною церкви. Но первая изъ этихъ властей принадлежитъ папѣ и можетъ быть только имъ сообщена по особому уполномочію (délégation spéciale). Слѣдовательно, пользованіе этою властію, независимо отъ высшей власти папы въ дѣлахъ церковныхъ, находится въ противорѣчіи съ канонами римской церкви и служитъ главною причиною, по которой папа не можетъ признать законность существованія духовной коллегіи. Что касается до административной власти коллегіи, то она имѣетъ лишь правительственное значеніе, противъ котораго папа ничего не можетъ возразить. По неизмѣнному устройству католической церкви, какъ замѣтилъ кардиналъ Ламбрускини, епископъ долженъ быть исключительнымъ судьею въ церковныхъ дѣлахъ своей епархіи. Онъ судитъ или самъ лично, или посредствомъ викарія, который есть только его уполномоченный и котораго онъ по своей волѣ избираетъ и отрѣшаетъ. По дѣламъ спорнымъ и судебнымъ, апелляція предоставляется митрополиту, а апелляція на судъ митрополита — святому престолу".

„Прежде нежели приступлю къ разрѣшенію предложеннаго вопроса",— продолжаетъ канцлеръ,—„считаю нужнымъ замѣтить, что въ Пруссіи дѣла брачныя и вопросы о церковной дисциплинѣ рѣшаются въ третьей и послѣдней степени просинодальнымъ судомъ, котораго члены избираются епископами, но утверждаются папой, и творятъ судъ въ силу даннаго имъ съ его стороны уполномочія. Въ этомъ судѣ присутствуетъ свѣтскій чиновникъ, соотвѣтствующій нашему прокурору. Этотъ примѣръ, быть можетъ, пособитъ намъ достигнуть такого же результата. Дѣло въ томъ, чтобы раздѣлить два разныя вѣдомства коллегіи и поручить ихъ двумъ различнымъ отдѣленіямъ. Первое отдѣленіе будетъ просинодальное, члены котораго будутъ избираемы по соглашенію правительства съ епископами и утверждаемы папой. Его вѣдомству будетъ подлежать рѣшеніе дѣлъ о разводахъ и о дисциплинѣ въ послѣдней степени суда. Второе отдѣленіе будетъ заключать въ себѣ прежній составъ членовъ и будетъ за-

вѣдывать администраціей римско-католическаго духовенства въ Россіи. Общее собраніе обоихъ отдѣленій будетъ соотвѣтствовать теперешней коллегіи, которая измѣнитъ, можетъ-быть, лишь названіе, и избавясь отъ смѣшенія въ ней властей, не встрѣтитъ болѣе возраженій со стороны Рима".

Министръ внутреннихъ дѣлъ совершенно не раздѣлялъ этого мнѣнія и въ опровержение его представилъ особую записку. Онъ доказывалъ, что нынѣ существующій порядокъ управленія латинскою церковью въ имперіи, полагая предѣлъ своеволію латинскаго духовенства, а въ то же время нисколько не лишая его той свободы, которая предоставлена ему благодѣтельнымъ закономъ вѣротерпимости, не долженъ быть измѣняемъ. Онъ находилъ, что этотъ порядокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ пользамъ внутренняго государственнаго благоустройства, такъ и дѣйствительнымъ духовнымъ потребностямъ самого латинскаго духовенства и его паствы. Уступая требованіямъ измѣненій, внушеннымъ высшими соображеніями внѣшней политики, онъ согласился на измѣненіе такъ правъ епископовъ, какъ устройства и управленія консисторій и семинарій, но не считалъ возможнымъ касаться духовной коллегіи. „Что касается до мнѣнія канцлера о духовной коллегіи", — писалъ онъ въ своей запискѣ, — „то я считаю долгомъ представить, что проектъ положенія 13-го ноября 1801 года былъ составленъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора Беклешова, составленнымъ изъ духовныхъ лицъ и сенаторовъ римско-католическаго исповѣданія (графъ Северинъ Потоцкій, графъ Віельгорскій). При разсмотрѣніи сего проекта въ правительствующемъ сенатѣ, онъ былъ найденъ „достаточнымъ и какъ образу государственнаго правленія, такъ состоянію римско-католическихъ духовныхъ дѣлъ соотвѣтственнымъ". Послѣ пятнадцатилѣтняго опыта, сіе учрежденіе коллегіи вновь было разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ, коимъ положено было: подтвердить оное (28-го іюня 1816 года). Нынѣ, послѣ полувѣковаго существованія коллегіи, „опытъ еще болѣе доказалъ, сколь удобно настоящее учрежденіе оной, какъ для управленія латинскимъ духовенствомъ, такъ и для огражденія его отъ излишней зависимости отъ иноземной власти. Права же и преимущества, нынѣ коллегіи присвоенныя, бывъ освящены давностію, получили у насъ законную силу въ самыхъ понятіяхъ латинскаго духовенства и многочисленной его паствы, отъ чего духовенство, почитая коллегію какъ-бы мѣстнымъ соборнымъ правительствомъ, въ коемъ, подъ предсѣдательствомъ, обыкновенно, старѣйшаго изъ епископовъ, присутствуютъ

представители всѣхъ епархій, не только не возражаетъ противъ всѣхъ правительственныхъ распоряженій, объявленныхъ ему чрезъ коллегію, но даже не оказываетъ сомнѣнія въ правильности ея постановленій". Поэтому графъ Перовскій полагалъ, что не слѣдуетъ преобразовывать коллегію. „Что же касается",—писалъ онъ далѣе,—„предполагаемаго канцлеромъ учрежденія духовнаго суда, съ членами, утверждаемыми папою, то это дало бы ему такое право, котораго онъ никогда не имѣлъ въ Россіи и доселѣ не домогался. Такое право было бы, кажется, несовмѣстно и съ достоинствомъ самодержавнаго правительства, а въ послѣдствіи вовлекло бы его въ значительныя затрудненія, ибо учреждая въ Россіи латинскій духовный судъ, съ членами, утверждаемыми папою, правительство какъ-бы признало недостаточность суда, произносимаго доселѣ духовными лицами, назначаемыми безъ участія папы. Это безповоротно лишило бы рѣшенія коллегіи той довѣренности римскихъ католиковъ, которую теперь они имѣютъ къ правильности ея постановленій. Поэтому учрежденіемъ духовнаго судилища на указанномъ основаніи правительство поставило бы себя въ совершенную невозможность въ какомъ-либо случаѣ вновь предоставить коллегіи рѣшать тѣ дѣла, которыя она безпрепятственно и окончательно всегда рѣшала. Слѣдовательно, послѣ означеннаго распоряженія, первое затрудненіе папы утвердить предполагаемыхъ духовныхъ судей могло бы вдругъ остановить теченіе духовно-судныхъ дѣлъ латинскаго исповѣданія во всей Россіи, что неминуемо стѣснитъ значительное количество русскихъ подданныхъ сего исповѣданія въ частныхъ ихъ дѣлахъ и возбудитъ сильный и справедливый ропотъ, тѣмъ болѣе, что они сего нововведенія никогда не просили. Это поставило бы правительство въ тяжкую необходимость, въ каждомъ подобномъ случаѣ ходатайствовать передъ папой объ утвержденіи помянутыхъ духовныхъ судей, которыхъ само учредило. Въ такомъ положеніи передъ Римомъ никогда наше правительство не было, благодаря той мудрой предусмотрительности, съ которою оно постоянно ограждало римско-католическую церковь въ Россіи отъ стѣснительной для правительства зависимости отъ папы, предоставляя ему только право утвержденія епископовъ въ духовномъ отношеніи и разрѣшенія нѣкоторыхъ частныхъ духовныхъ вопросовъ. Порядокъ этотъ всегда у насъ соблюдался и постоянно оказывался образу правительства нашего соотвѣтствующимъ и для удовлетворенія дѣйствительныхъ духовныхъ потребностей римскихъ католиковъ въ Россіи достаточнымъ и удобнымъ".

Возражая противъ графа Перовскаго, графъ Блудовъ доказывалъ, что само правительство, учредивъ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, выдѣлило изъ вѣдомства коллегіи часть административныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, она пользовалась правомъ суда въ такой степени, что это было совершенно несогласно съ канонами латинской церкви, давало поводъ къ жалобамъ и требованіямъ со стороны Рима и постоянно угрожало такимъ столкновеніемъ съ нимъ, котораго мы желаемъ избѣжать. Поэтому, съ одной стороны, необходимость точнѣйшаго опредѣленія предметовъ вѣдомства коллегіи, а съ другой, не менѣе важное побужденіе выйдти изъ двусмысленнаго положенія въ отношеніи къ Риму заставляютъ остановиться на мысли объ учрежденіи просинодальнаго суда, какъ одного изъ отдѣленій коллегіи. Но къ этому присоединяется другое, еще болѣе важное обстоятельство: учрежденіе такого суда, общаго для имперіи и царства Польскаго, поведетъ къ большему единству въ управленіи латинскою церковію въ имперіи и царствѣ. Если судебныя дѣла изъяты изъ вѣдомства коллегіи, то она по своему значенію будетъ похожа на Варшавскую коммиссію духовныхъ дѣлъ, и потому обѣ могли бы получить одинаковое устройство. Выше ихъ былъ бы поставленъ просинодальный судъ, подъ названіемъ *главнаго духовнаго суда* римско-католическаго исповѣданія. Подобное учрежденіе уже существуетъ въ царствѣ, а предполагаемое вновь сдѣлалось бы общимъ какъ для имперіи, такъ и для царства, и могло бы быть переведено въ Петербургъ. Такимъ образомъ, этотъ судъ и составилъ бы первое отдѣленіе коллегіи; второе же отдѣленіе ея сосредоточивало бы въ себѣ административныя дѣла имперіи, а третье—административныя дѣла царства.

Важная политическая мѣра, соединенная съ учрежденіемъ просинодальнаго суда, клонившаяся къ большему объединенію царства Польскаго съ имперіей, послужила поводомъ къ тому, что комитетъ согласился съ предложеніемъ графа Блудова и принялъ слѣдующее заключеніе: „Если папа согласится на учрежденіе просинодальнаго суда, общаго для имперіи и царства Польскаго, то можно измѣнить настоящее устройство коллегіи“. Къ этому заключенію по настоянію министра внутреннихъ дѣлъ прибавлено: „а до тѣхъ поръ не касаться до этого учрежденія“ во время переговоровъ.

Особенное вниманіе комитетъ обратилъ также и на уголовные наши законы о совращеніяхъ и отступничествѣ отъ православной церкви, вслѣдствіе отдѣльной записки, представленной по этому вопросу министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ. Всѣ по-

становленія нашего законодательства, вошедшія въ составъ дѣйствовавшаго тогда Свода Законовъ, принадлежатъ новому времени. Свѣтское законодательство древней Россіи оставило только постановленіе о совращеніи „насильствомъ или обманомъ Русскаго человѣка къ бусурманской вѣрѣ“. Строго казня совратителя, оно передавало духовному суду совращеннаго [1]). При Петрѣ Великомъ, когда Россія пришла въ большее соотношеніе съ западною Европой, и стало-быть, съ латинскою церковію и протестантствомъ, первый шагъ не только не былъ враждебнымъ къ иновѣрцамъ, но напротивъ того, миролюбивымъ, какъ свидѣтельствуетъ посланіе св. синода 18-го августа 1721 года, разрѣшающее смѣшанные браки. Нравы того времени почти во всѣхъ слояхъ общества чуждались этихъ браковъ, и нужно было внушеніе духовной власти, чтобы смягчить отвращеніе отъ нихъ. Но разрѣшая эти браки, естественно, св. синодъ требовалъ огражденія отъ совращенія въ иновѣріе какъ православныхъ супруговъ, такъ и ихъ дѣтей [2]). Но переходъ изъ одного исповѣданія въ другое есть дѣло совѣсти каждаго и можетъ подлежать лишь вѣдомству духовному. Въ какомъ же случаѣ совращенія могутъ вызвать вмѣшательство правительства? Если перемѣна исповѣданія частнымъ лицемъ не возбуждаетъ смутъ въ семейной и общественной жизни, не вызываетъ вражды и жалобъ, обращаемыхъ къ самому правительству, то безъ сомнѣнія, она не можетъ быть и не бываетъ предметомъ кары закона. Но можетъ ли правительство, признающее начало терпимости всѣхъ исповѣданій, въ виду постоянныхъ смутъ, волненій и жалобъ на обманъ и насиліе, не оградить спокойствіе и миръ, при ихъ совмѣстномъ существованіи? Сверхъ того нельзя не различать совращеній отдѣльныхъ лицъ отъ совращеній насильственными способами цѣлыхъ массъ народныхъ. Въ этомъ случаѣ вопросъ изъ области частной, семейной и общественной жизни переходитъ уже въ область государственную, и правительственная власть не можетъ не принимать мѣръ противъ совратителей, дѣйствующихъ соединенными силами цѣлыхъ сообществъ, преднамѣренно, съ опредѣленною цѣлію, и возбуждающихъ опасныя волненія. Въ такомъ положеніи находилось наше правительство съ первой половины XVIII столѣтія, особенно въ отношеніи къ латинской пропагандѣ. Вотъ какимъ образомъ постепенно возникли законы, на которые такъ жаловался Римъ.

[1]) Уложеніе 1649 года, гл. XXII, ст. 24; ср. Полн. Собр. Зак., №№ 5333, 9722, 11880.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 3814.

Почти въ каждое царствованіе повторялось то общее правило, что въ Россіи дозволяется свободное отправленіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но съ однимъ только условіемъ, чтобы жить *мирно* и не совращать никого изъ православныхъ въ свое исповѣданіе. Это общее правило въ первый разъ выражено въ манифестѣ императрицы Анны 22-го февраля 1738 года, который она велѣла читать „во всѣхъ церквахъ лютерскаго, реформатскаго и римскаго законовъ, въ нашемъ государствѣ обрѣтающихся, и у дверей прибить, дабы о томъ вѣдали и по сему указу поступали неотмѣнно". „Лютеране, реформаты и католики"—сказано въ манифестѣ—„свободное отправленіе своего исповѣданія до сего времени, по нашей особливой милости, безъ всякаго противодѣйствія имѣли и пользовались, и впредь имѣть позволяется; однако притомъ всегда было и нынѣ есть наше соизволеніе, чтобы тѣхъ исповѣданій духовныя особы жили во всякой кротости и особливо не дерзали изъ нашихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были, въ свою вѣру призывать, толь меньше же еще превращать, какъ то во многихъ другихъ государствахъ, въ предосужденіе настоящаго того государства закона, не позволяется. Но понеже мы, къ неудовольствію нашему, слышать принуждены, что нѣкоторые изъ оныхъ тому противно поступаютъ и изъ нашихъ подданныхъ всякими своими внушеніями въ свой законъ приводить стараются, того ради разсудили подтвердить и накрѣпко повелѣть, чтобы никто изъ вышеписанныхъ законовъ духовныя особы не дерзали, какимъ бы образомъ и подъ какимъ претекстомъ то ни было, изъ нашихъ подданныхъ, какого бы народа и званія они ни были, въ свой законъ превращать, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по нашимъ государственнымъ уставамъ" [1]).

Императрица Екатерина Великая, при всякомъ случаѣ выражавшая принципъ терпимости, но постоянно съ тою же оговоркою, которую мы видѣли выше, относительно мирныхъ отношеній къ православію, по присоединеніи бѣлорусскихъ губерній строго предписала „губернаторамъ Псковскому и Могилевскому крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицскіе и уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякіе ихъ духовные отнюдь не дерзали ни подъ какимъ видомъ, ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ нашего греческаго исповѣданія въ другой законъ, о чемъ генералъ-губернаторъ, по нашему повелѣнію, особеннымъ отъ себя манифестомъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6693; ср. ук. марта 23-го 1750 года, № 9722.

во всѣхъ сихъ пріобрѣтенныхъ провинціяхъ публиковать имѣетъ, съ угроженіемъ за таковое преступленіе взысканія по законамъ" [1]).

Императоръ Павелъ, не принимая еще никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ дѣйствій римско-католическаго духовенства въ этомъ отношеніи, по восшествіи на престолъ, особымъ манифестомъ 18-го марта 1797 г., объявилъ: „Предположили мы священнымъ себѣ долгомъ обезпечить каждому свободу исповѣданія вѣры, имъ содержимой, охранять всѣми мѣрами святую греко-россійскую православную вѣру и наблюдать, дабы каждый изъ вѣрноподданнаго намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его преднаписанныхъ, исполняя его обязанность и удаляясь всего тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ, духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную таковую отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя греко-россійскія церкви и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству. Болѣзнуя милосердно о таковыхъ неблагонамѣренныхъ нашихъ подданныхъ и полагая тутъ источникомъ единую разность исповѣданія, народъ тамошній раздѣляющую, восхотѣли мы предварительно употребить средства къ отвращенію междуусобныхъ распрь; почему монаршимъ и отеческимъ гласомъ нашимъ повелѣваемъ, дабы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ нашихъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско-католическое исповѣданіе держащіе, пользуясь сами свободой исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно совѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно, всякаго рода вѣрноподданныхъ нашихъ, одну съ нами православную греко-россійскую вѣру исповѣдующихъ; но даже не стѣсняли бы свободы тѣмъ, кои по добровольному руководству совѣсти сами отъ другихъ исповѣданій къ православной церкви присоединиться возжелаютъ, не дѣлая отнюдь и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ сей церкви и не оскорбляя ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей,

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 13922; указъ 14-го декабря 1772 г., № 11880, манифестъ 22-го іюля 1763 г. о дозволеніи селиться въ Россіи колонистамъ, ст. 9; № 13254, регламентъ римско-католической церкви 12-го февраля 1769 г., ст. 9.

подъ опасеніемъ за преслушаніе сей нашей воли наказанія по всей строгости законовъ" [1]).

Этотъ *монаршій* и *отеческій голосъ* остался, конечно, голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Еще болѣе полустолѣтія тому назадъ, въ царствованіе Петра II, правительство, вслѣдствіе получаемыхъ жалобъ, должно было прибѣгнуть къ нѣкоторымъ мѣрамъ въ отношеніи къ Смоленской губерніи. Въ ней оставались еще слѣды бывшаго польскаго владычества: нѣсколько помѣщиковъ, значительное количество шляхты латинскаго исповѣданія и совращенныхъ въ латинство православныхъ. Съ помощію этихъ помѣщиковъ и шляхты, преслѣдуя дѣло совращенія, изъ-за польскаго рубежа являлись туда тайно ксендзы, переодѣтые, съ подложными видами, которые вѣнчали, крестили и вообще совершали таинства надъ православными и такимъ образомъ отторгали ихъ отъ своей церкви [2]). По присоединеніи Бѣлоруссіи и затѣмъ другихъ русскихъ областей отъ Польши, наше правительство впервые стало лицемъ къ лицу съ вопросомъ объ уніи. Послѣ обращенія въ значительномъ количествѣ уніатовъ въ православіе въ 1795 г., съ ослабленіемъ надзора за латинскимъ духовенствомъ, существовавшаго въ царствованіе Екатерины, это духовенство задумало, при помощи помѣщиковъ, вооруженныхъ крѣпостнымъ правомъ, обратить и всѣхъ остальныхъ уніатовъ въ латинство. Завязалась борьба между латинскимъ духовенствомъ, подкрѣпляемымъ помѣщиками и мѣстными властями, состоявшими большею частію изъ Поляковъ и римскихъ католиковъ, съ одной стороны, и нѣкоторою частію уніатскаго духовенства и страдавшимъ народомъ, съ другой. Страна находилась въ сильномъ волненіи, возбудившемъ цѣлый рядъ жалобъ на насилія и обманы при совращеніи изъ одного исповѣданія въ другое, доходившихъ до сената и государя. При такихъ обстоятельствахъ состоялись приведенный выше манифестъ императора Павла и потомъ нѣсколько такихъ же увѣщаній при императорѣ Александрѣ I. „Та жь самая терпимость",—писалъ онъ въ указѣ бѣлорусскому военному губернатору отъ 4-го іюля 1803 года,—„которая заставляетъ правительство не прикасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ римско-католическій обрядъ. Если вѣра господ-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 17879.

[2]) Тамъ же, 15-го августа 1728 г., № 5322.

ствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять". Въ то же время митрополиту Сестренцевичу поручалось „принять къ собственному и особенному его наблюденію и отвѣту, дабы ни подъ какимъ видомъ не только стѣсненій и совращеній, но и малѣйшаго прикосновенія къ свободѣ совѣсти уніатамъ отъ духовнаго католическаго начальства не было наносимо" [1]. Еще нѣсколько прежде императоръ былъ возмущенъ поступкомъ Мстиславскихъ іезуитовъ, которые, „обольстивъ чрезъ студентовъ своихъ двухъ малолѣтныхъ еврейскихъ дѣтей, противъ воли родителей ихъ приняли въ свой монастырь и подъ нелѣпымъ предлогомъ, будто бы тѣ малолѣтные сами собою избрали католическую вѣру, на требованіе родственниковъ не только ихъ не возвратили, но и перемѣнивъ имъ имена, ввели въ ученіе. Потребна была сила губернскаго начальства, чтобъ исторгнуть сихъ дѣтей изъ сего мѣста, но и затѣмъ одинъ изъ нихъ, происками кляштора къ губернатору не доставленъ, а отосланъ къ помѣщицѣ Ходкевичевой и тамъ удержанъ, якобы за болѣзнію. Поступокъ толико несообразный съ общими правилами христіанской вѣры, насилія не терпящей, но и съ государственными законами, всякой подговоръ и обольщеніе строго наказующими, отдавая на замѣчаніе католическаго департамента, я поручаю ему не только не оставить сего безъ должнаго съ виновныхъ взысканія, но и повсемѣстно монастырямъ и властямъ, отъ него зависящимъ, подтвердить, дабы отнюдь на такіе соблазнительные подговоры и привлеченія, а паче на насильственныя мѣры, подъ опасеніемъ всей строгости законовъ, на случаи таковые постановленныхъ, не дерзали" [2].

Но такъ ли смотрѣли на эти дѣйствія митрополитъ Сестренцевичъ и римско-католическая духовная коллегія, и казались ли имъ *виновными*, подлежащими *взысканію*, совратители въ латинскую церковь?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ рѣшеніи сената, 25-го октября 1807 г., по дѣлу о насильственномъ совращеніи многихъ уніатскихъ приходовъ въ латинство. Сенатъ нашелъ, что одною изъ главныхъ причинъ совращенія уніатовъ въ католики служитъ „указъ римско-католической духовной коллегіи 9-го сентября 1801 г., послѣдовавшій по дѣлу Велижскихъ прихожанъ, въ коемъ она изъясняетъ,

---

[1]) Тамъ же, №№ 20837 и 20838.

[2]) Тамъ же, № 19987, 21-го августа 1801 года.

что перехожденіе исповѣдниковъ изъ уніатскаго обряда въ римско-католическій, яко заключающій въ себѣ одно и то же исповѣданіе, по каноническимъ духовнымъ правиламъ позволительно и высочайшимъ узаконеніямъ не противно" [1]. Въ постановленіяхъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Петербурга и потомъ изъ предѣловъ имперіи также выражена мысль о томъ, что католическая пропаганда не совмѣстима съ началами терпимости всѣхъ исповѣданій, и въ томъ числѣ латинскаго. „Домогаться сдѣлать человѣка отпадшимъ отъ своей вѣры",— сказано въ указѣ 20-го декабря 1815 г., — „отъ вѣры его предковъ, погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ, отдѣлить духъ его отъ духа отечества, посѣять раздоръ и вражду между семействами, отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери, водворить несогласіе между чадами единыя церкви: сей ли есть гласъ и воля миролюбиваго Бога и единороднаго Сына Его Богочеловѣка Христа, пролившаго за насъ пречистую кровь Свою, да поживемъ тихое и мирное житіе? По сихъ дѣяніяхъ не удивляемся мы болѣе, что сообщество сихъ монаховъ отъ всѣхъ державъ изгнано и не терпимо было. Кто въ нѣдрахъ своихъ потерпитъ сѣятелей вражды и несогласія?" [2].

Изложенныя постановленія послужили основаніемъ для слѣдующихъ правилъ, вошедшихъ въ 1832 году въ Сводъ Законовъ имперіи:

„Ст. 186. Духовныя и мірскія лица разныхъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій за отвлеченіе отъ православной вѣры и обращеніе въ свою вѣру подвергаются наказанію по всей строгости законовъ; обращенный же или отступившій отъ православной вѣры отсылается къ духовному начальству для поступленія съ нимъ по правиламъ церковнымъ.

„Ст. 187. Въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, духовенство разныхъ наименованій и чиновъ, помѣщики и другаго званія люди, римско-католическое исповѣданіе содержащіе, за притѣсненіе доброй воли къ переходу изъ уніи въ греко-россійскую вѣру, за самомалѣйшее помѣшательство въ правилахъ и священнослуженіи на алтаряхъ церкви православной и за оскорбленіе чѣмъ-либо священныхъ и церковныхъ ея служителей подлежатъ наказанію по всей строгости законовъ и секвестру имущества до окончанія дѣла.

„Ст. 188. Духовныя и мірскія лица разныхъ иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій за обольщеніе и подговоръ, тѣмъ паче за

[1]) Полн. Собр. Зак., № 22659.

[2]) Тамъ же, №№ 26032, 26033, 28198.

насильственныя мѣры, употребленныя ими къ привлеченію кого-либо изъ другихъ подданныхъ иновѣрцевъ въ свою вѣру, подвергаются наказаніямъ по всей строгости законовъ".

Постановленія, состоявшіяся въ царствованіе императора Николая, нисколько не измѣнили существенныхъ началъ дѣйствовавшаго прежде законодательства, но установили мѣры исполненія существовавшихъ законовъ и обезпечили надзоръ правительства за ихъ исполненіемъ. Одно только постановленіе, отъ 21-го марта 1840 года, составляло новое правило: „Признавая одною изъ великихъ обязанностей, возложенныхъ на меня Провидѣніемъ",—говоритъ Императоръ,—„охранять ненарушимость прародительской православной вѣры въ моихъ вѣрноподданныхъ и находя, что въ семъ отношеніи особенное вниманіе должно быть обращено на тѣхъ изъ нихъ, которые, по правиламъ своего званія, могутъ имѣть вліяніе на другихъ православныхъ *силою власти* и виднаго въ обществѣ примѣра, я призналъ нужнымъ постановить: если лице, имѣющее во владѣніи своемъ крѣпостныхъ людей, собственнымъ признаніемъ или законнымъ дознаніемъ обличено будетъ въ отступленіи отъ православной вѣры, то для охраненія православія состоящихъ въ его владѣніи, независимо отъ прочихъ узаконенныхъ мѣръ въ отношеніи отступившаго, населенное недвижимое имѣніе его брать въ опеку, которая должна учредиться и дѣйствовать на основаніи существующихъ постановленій, но въ ней не можетъ участвовать ни мужъ отступившей отъ православія, ни жена измѣнившаго православію. Совратившійся отъ православія не можетъ имѣть въ услуженіи состоящихъ въ его владѣніи крѣпостныхъ православныхъ людей, ни жить въ своихъ помѣстьяхъ, въ которыхъ находятся православные. Распоряженія сіи прекращаются, какъ скоро совратившійся вслѣдствіе духовныхъ увѣщаній, возвратится въ нѣдра православія" [1]. Это постановленіе не было внесено въ сводъ уголовныхъ законовъ, и уложеніе о наказаніяхъ [2]) еще не было извѣстно Римскому двору въ то время, когда папа передалъ свою записку лично Императору, а монсиньйоръ Корболи составлялъ дополнительныя къ ней объясненія.

Записка С. С. Уварова была направлена, по преимуществу, къ объясненію значенія этого постановленія: „Римскій дворъ"—писалъ онъ—„много разъ выражалъ желаніе, чтобы смягчены были уголовные наши

[1]) Полн. Собр. Зак., № 13280, а, ст. 1, 2 и 3.

[2]) Улож. о Наказ. 1845 г., ст. 206.

законы противъ обращающихся въ латинскую церковь. Но слѣдуетъ замѣтить, что эти законодательныя постановленія раздѣляются на два разряда: одни защищаютъ и покровительствуютъ господствующую церковь, другія противодѣйствуютъ пропагандѣ и совращеніямъ, вызваны, большею частію, особенными обстоятельствами и обнародованы по частнымъ поводамъ. Къ числу первыхъ принадлежитъ законъ, угрожающій лишеніемъ гражданскихъ правъ всякому, кто совратится изъ православной вѣры и перейдетъ въ другое исповѣданіе. Хотя въ такихъ случаяхъ папское правительство прибѣгаетъ къ мѣрамъ болѣе строгимъ, которыя не совсѣмъ правильно изложены въ соображеніяхъ его уполномоченныхъ и могутъ подать поводъ къ упрекамъ, но мы оставимъ въ сторонѣ этотъ способъ спора, безполезнаго и недостойнаго самого вопроса. Мы обратимся къ разсмотрѣнію самой его сущности. Чтобы понять всю важность этого законоположенія, надобно проникнуть въ самый, такъ-сказать, сокровенный смыслъ учрежденій, существующихъ въ Россіи. Господствующая у насъ церковь есть не только хранилище истины, съ которымъ соединены всѣ вѣрованія 48 милліоновъ Славяно-Руссовъ, но въ то же время и настоящая политическая связь, соединяющая всѣхъ ихъ; въ Россіи общность религіозная служитъ основаніемъ для общности гражданской. Выйдти изъ этой общности (communauté) въ собственномъ смыслѣ значитъ перестать быть Русскимъ. Установившій это отношеніе законъ гораздо древнѣе тѣхъ документовъ, въ которыхъ онъ начертанъ; онъ глубоко вкоренился въ народныя вѣрованія, нравы и образъ мыслей. Если, оставляя религіозныя вѣрованія, обратить вниманіе на политическую сторону вопроса, на практическія послѣдствія, то нельзя не замѣтить, что онъ тѣсно связанъ съ существующимъ порядкомъ дѣлъ и составляетъ необходимое логическое ихъ послѣдствіе. Русскій, оставляющій свою церковь, если онъ принадлежитъ къ высшимъ сословіямъ, присоединяется обыкновенно къ римско-католической церкви; если же онъ принадлежитъ къ низшимъ, то оставляетъ общеніе народное, бросаясь въ самыя нелѣпыя ереси, проповѣдуемыя оторванными отъ него сектами. Между тѣмъ, въ высшихъ сословіяхъ сосредоточено право собственности во всемъ его пространствѣ, то-есть, право обладанія землею, съ которою связанъ человѣкъ, ее воздѣлывающій и составляющій, въ нѣкоторомъ отношеніи, ея неразрывную принадлежность. Собственность порождаетъ въ Россіи обязанность заботиться о поддержаніи народной церкви, быть ея представителемъ. Конечно, всѣмъ извѣстно, что по русскимъ законамъ право собственности предо-

ставляется безъ различія исповѣданій. Каждый инородецъ христіанскаго исповѣданія, если только онъ удовлетворяетъ другимъ условіямъ закона, можетъ безъ всякихъ ограниченій пользоваться правомъ собственности; но что касается до Русскаго, рожденнаго и воспитаннаго въ народномъ исповѣданіи, пользующагося вполнѣ своими правами собственника, который, отказываясь отъ вѣры отцевъ, открыто и публично оставляетъ свою церковь, то въ этомъ случаѣ вопросъ становится крайне важнымъ. Отступничество отъ религіознаго общенія влечетъ за собою и отступничество отъ общенія политическаго; а потому безъ преувеличенія можно сказать, что оставляющій свою церковь этимъ самымъ перестаетъ принадлежать и къ своей странѣ". Поэтому С. С. Уваровъ считалъ законъ, устраняющій отъ пользованія населенными имуществами лицъ, отступившихъ отъ православія, естественнымъ послѣдствіемъ общаго порядка дѣлъ, и защищая его въ сущности, доказывалъ, что въ отношеніи къ частнымъ случаямъ правительство поступаетъ снисходительно и допускаетъ переводъ имуществъ въ другія руки.

Такъ какъ, по мнѣнію графа Нессельроде, требованія Рима въ сущности касались не самихъ законовъ, а ихъ примѣненія къ частнымъ случаямъ, и онъ могъ удовлетвориться обѣщаніемъ снисходительности въ этомъ отношеніи, то поэтому и положено было вопросы о смягченіи нашихъ законовъ противъ совращеній и отступничества отъ православной церкви вовсе не вводить въ число вопросовъ, которые могли бы подлежать будущимъ переговорамъ съ папскимъ правительствомъ.

Разсматривая жалобы Рима на то, что въ Россіи нарушенъ каноническій порядокъ управленія монашескими орденами, комитетъ обратилъ вниманіе на вопросъ о провинціалахъ. Сознавая важныя причины, вынудившія правительство уничтожить этихъ представителей орденовъ въ Россіи, стѣснявшихъ власть епархіальныхъ епископовъ и удалявшихъ ихъ отъ всякаго надзора за монастырями, комитетъ предложилъ среднюю мѣру. Онъ полагалъ возможнымъ, не ограничивая въ этомъ отношеніи власти епископовъ и удерживая за ними право назначать *визитаторовъ*, дозволить и монашескимъ орденамъ избирать своихъ провинціаловъ; но чтобъ избѣжать того неудобства, которое послужило однимъ изъ поводовъ къ уничтоженію званія орденскихъ провинціаловъ, то-есть, столкновенія одного провинціала со многими епископами, комитетъ предлагалъ постановить, что въ каждой епархіи каждый орденъ долженъ избирать особаго провин-

ціала. Такимъ образомъ, орденскую провинцію составляла бы въ сущности каждая отдѣльная епархія, что было совершенно несогласно съ требованіями Рима. Сверхъ того, комитетъ оставилъ безъ разрѣшенія вопросъ: въ какомъ же отношеніи будутъ находиться провинціалы къ *генераламъ* каждаго монашескаго ордена? Этотъ вопросъ былъ устраненъ рѣшеніемъ Императора. Разсматривая протоколъ комитета, Государь противъ строкъ, въ которыхъ предполагалось дозволить монашескимъ орденамъ избирать провинціаловъ, написалъ слѣдующее: „съ тѣмъ, что они будутъ подчинены епархіальнымъ епископамъ, и выборъ ихъ можетъ быть не иначе, какъ съ одобренія епископа“. Такимъ образомъ, устранялась власть генераловъ, и мѣсто ихъ заступали въ Россіи епископы: правило, которое неоднократно заявляла императрица Екатерина въ своихъ постановленіяхъ объ управленіи латинскою церковью.

При разсужденіяхъ о главныхъ вопросахъ, по которымъ предполагалось возможнымъ, въ извѣстной степени, удовлетворить требованіямъ Рима, комитетъ касался и нѣкоторыхъ другихъ. Полагая необходимымъ удержать общее правило, что приходъ долженъ заключать въ себѣ отъ 100 до 150 дворовъ, комитетъ допускалъ возможность исключенія, раздѣленія приходовъ и открытія новыхъ въ томъ случаѣ, если прихожане были разбросаны на слишкомъ значительныхъ пространствахъ. Въ отношеніи къ жалованью духовенству, комитетъ находилъ его достаточнымъ для высшей іерархіи, но полагалъ возможнымъ увеличить для приходскаго духовенства. Всѣ эти вопросы возбуждали въ большей или меньшей мѣрѣ споры и пренія, тогда какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, а именно, вопросъ объ учрежденіи новой седьмой епархіи съ епископскою каѳедрой въ Херсонѣ, не встрѣтилъ ни сомнѣній, ни возраженій. Но этотъ вопросъ получилъ важное значеніе потому особенно, что комитетъ отклонилъ предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ разграничить латинскія епархіи въ Россіи такъ, чтобы составить только четыре, вмѣсто существовавшихъ шести. Поводомъ къ учрежденію новой епархіи послужило слѣдующее обстоятельство: министръ государственныхъ имуществъ заявлялъ о развратѣ и невѣжествѣ латинскаго духовенства въ нашихъ южныхъ колоніяхъ, куда посылались большею частію польскіе ксендзы, не знавшіе нѣмецкаго языка. Съ цѣлью изъять нѣмецкія колоніи изъ-подъ вліянія польскаго духовенства, правительство рѣшилось учредить особую нѣмецкую епархію, съ епископомъ

изъ Нѣмцевъ и съ особою семинаріей для приготовленія священниковъ для этихъ колоній [1].

Предположенія комитета были утверждены Императоромъ 8-го августа 1846 года.

Обозрѣвая весь ходъ разсужденій комитета, нельзя не замѣтить въ нихъ двойнаго направленія. Одни изъ членовъ его желали войдти въ разсмотреніе жалобъ и требованій папскаго правительства, и говоря словами графа Нессельрода, смотрѣть на предстоявшіе вопросы *съ точки зрѣнія Римскаго двора*. Но эта точка зрѣнія, перенесенная на русскую почву, встрѣтилась, конечно, съ точкою зрѣнія *Русскаго государства* и поэтому должна была ограничиться извѣстными предѣлами. Это ограниченіе, прежде всего, выразилось въ раздѣленіи вопросовъ на два разряда: вопросы, по которымъ не только предполагалось возможнымъ войдти въ переговоры съ Римомъ, но даже сдѣлать уступки его требованіямъ, и вопросы, по которымъ, безъ нарушенія правъ господствующей церкви и достоинства государства, не представлялось возможности удовлетворить желаніямъ папскаго правительства. Желая достигнуть соглашенія съ Римомъ, наше правительство, естественно, должно было стремиться къ тому, чтобы вовсе исключить изъ будущихъ переговоровъ послѣдніе вопросы, по которымъ именно и не признавалось возможнымъ достигнуть соглашенія. Но этимъ самымъ, съ одной стороны, уже значительно стѣснялись предѣлы папскихъ требованій, а съ другой, для разрѣшенія вопросовъ перваго разряда полагались такія границы, которыя не соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ папскаго правительства. Такимъ образомъ, уже съ перваго приступа къ дѣлу, можно было сомнѣваться въ его успѣхѣ. Но надежда на успѣхъ основывалась на двухъ причинахъ: Риму, вопервыхъ, давалось непосредственное участіе въ устройствѣ и управленіи латинскою церковью въ имперіи, и вовторыхъ, съ его же согласія предполагалось установить опредѣленныя въ этомъ отношеніи правила. Другое направленіе, допуская полную свободу латинской церкви въ имперіи въ отношеніи къ ученію и отправленію богослуженія, признавая ея подчиненность папѣ, какъ главѣ этой церкви, въ вопросахъ догматическихъ, стремилось, однако же, къ тому, чтобъ устранить почти всякое вмѣшательство его, какъ и вообще всякой власти, находившейся внѣ предѣловъ имперіи, въ дѣло управленія и сосредо-

---

[1] Журналы засѣданій комитета 27-го марта, 10-го, 13-го, 28-го апрѣля и 13-го іюля.

точить его въ рукахъ мѣстной латинской іерархіи, подъ верховнымъ надзоромъ государственной власти. Очевидно, это былъ тотъ же взглядъ, который постоянно выражало наше правительство во времена Екатерины Великой, но который въ это время уже не могъ быть послѣдовательно выраженъ въ образѣ дѣйствій русской политики, потому что непосредственное участіе Рима было уже допущено въ отношеніи къ вопросу о назначеніи епископовъ, разрѣшенному Императоромъ при личномъ свиданіи съ папой. Этотъ взглядъ оказалъ однако свое дѣйствіе тѣмъ, что оградилъ довольно тѣсными предѣлами развитіе противоположнаго ему направленія.

Въ данную минуту графъ Нессельродъ желалъ связать нашу политику въ отношеніи къ Римскому двору, не съ преданіями временъ Екатерины, а съ эпохой Александра I. Когда, по его предложенію, Императоръ поручилъ графу Блудову ѣхать въ Римъ и вступить въ переговоры съ папскими уполномоченными, то инструкція [1]), данная ему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, начиналась такъ: „Чего желалъ славной памяти императоръ Александръ, посылая въ 1817 году г. Италинскаго къ Римскому двору, того желаетъ нашъ Августѣйшій Монархъ и въ настоящее время. Начала, которыя въ то время были приняты за основаніе для переговоровъ съ св. престоломъ, остаются неизмѣнными и въ настоящее время, а именно: 1) сохранить главенство святаго отца надъ римско-католическою церковью въ имперіи и царствѣ Польскомъ во всей ея *духовной* чистотѣ, и поэтому оградить ее отъ вліянія соприкосновенія, посредственнаго или непосредственнаго, съ свѣтскою политикой или какими-нибудь другими интересами; 2) опредѣлить положительно способы, коими можетъ выражаться это главенство, давая духовное направленіе церкви, но не сталкиваясь съ силою законовъ и властью свѣтскаго правительства, подъ покровительствомъ котораго существуетъ эта церковь въ Россіи. Прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ, и благія намѣренія покойнаго императора Александра въ отношеніи къ римской церкви въ Россіи и Польшѣ не могли быть осуществлены. Нашему Августѣйшему Монарху суждено было положить начало соглашенія ихъ личнымъ присутствіемъ въ Римѣ“. Изложивъ затѣмъ весь ходъ дѣлъ, начиная со свиданія Императора съ папой и оканчивая заключеніями комитета, инструкція раздѣляетъ всѣ жалобы Рима на два разряда: однѣ изъ нихъ основаны на ложныхъ свѣдѣніяхъ о событіяхъ, и потому необходимо сообщить

[1]) Инструкція графу Блудову 15-го августа 1846 года.

папѣ свѣдѣнія вѣрныя, чтобъ исправить его воззрѣнія. „Нѣкоторыя мѣры и дѣйствія нашего правительства“ — сказано въ инструкціи — „были совершенно искажены въ глазахъ святаго престола; поэтому необходимо возстановить ихъ истину, чтобы папскій кабинетъ могъ понять настоящее ихъ значеніе; такъ какъ онѣ большею частію принадлежатъ къ области законодательства, то никто лучше васъ (то-есть, графа Блудова) не можетъ объяснить святому престолу ихъ настоящій смыслъ и указать то направленіе, которымъ руководствовался императоръ, принимая ту или другую мѣру“. Другія жалобы Рима, по опредѣленію инструкціи, касаются нѣкоторыхъ дѣйствующихъ у насъ постановленій, несогласныхъ съ каноническими правилами латинской церкви. Въ этомъ отношеніи признается возможнымъ: 1) увеличить власть епископовъ и измѣнить устройство консисторій; 2) дать имъ право непосредственнаго участія въ отношеніи къ преподаванію и дисциплинѣ въ семинаріяхъ, а архіепископу Могилевскому въ духовной академіи; 3) измѣнить условія назначенія приходскихъ священниковъ; за уничтоженіемъ права патроната, власть избирать и поставлять священниковъ будетъ предоставлена епископамъ, съ согласія департамента иностранныхъ исповѣданій; 4) дозволить монашескимъ орденамъ избирать провинціаловъ, которые, однако же, будутъ подчинены епископамъ; 5) облегчить построеніе новыхъ церквей, раздѣляя приходы слишкомъ обширные по пространству, и 6) увеличить, по возможности, содержаніе низшаго духовенства и монастырей.

Въ надеждѣ, что Римскій дворъ удовлетворится этими уступками, графу Блудову поручалось обратить особенное вниманіе его на учрежденіе седьмой епархіи. „Заботы императора о духовныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія“—сказано въ инструкціи— „на этомъ не останавливаются. Принимая во вниманіе увеличеніе народонаселенія въ Новороссіи, и особенно умноженіе нѣмецкихъ колоній латинскаго исповѣданія, которыя необходимо удалить отъ польскаго вліянія, уже стремящагося проникнуть туда, Императоръ счелъ полезнымъ предложить Римскому двору учрежденіе новой епархіи, которая получила бы названіе Новороссійской. Епископская каѳедра будетъ находиться въ Херсонѣ, а мѣстопребываніе суффрагана въ Саратовѣ. Какъ епископъ, такъ и суффраганъ должны быть нѣмецкаго происхожденія, и при нихъ должна быть семинарія для образованія священниковъ изъ Нѣмцевъ для колоній. Мы надѣемся, что Римскій дворъ оцѣнитъ это предложеніе, и вамъ поручается объяснить его, какъ особый знакъ благоволенія Государя къ латинской церкви

и такимъ образомъ разсѣять ложные слухи о мнимыхъ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ. Казалось бы, всего лучше начать переговоры съ вопроса объ этой седьмой епархіи, и слѣдовательно, о новомъ разграниченіи другихъ, уже существующихъ. Это возбудитъ довѣренность святаго престола, которая поможетъ вамъ прійдти къ удовлетворительному соглашенію и по другимъ вопросамъ". Напротивъ того, начать переговоры объ учрежденіи просинодальнаго суда поручалось не иначе, какъ убѣдившись напередъ въ ихъ успѣхѣ. Правительство наше предвидѣло, что Римскій дворъ встрѣтитъ затрудненіе въ учрежденіи общаго суда для имперіи и царства, но не считало однако это затрудненіе *непреодолимымъ*. Въ докладѣ Императору отъ 12-го іюля, графъ Нессельродъ писалъ: „Порядокъ назначенія епископовъ опредѣленъ Вашимъ Величествомъ при личномъ разговорѣ съ покойнымъ папою. Въ настоящее время необходимо дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу и выбрать кандидатовъ на вакантныя каѳедры, а также и на мѣсто митрополита. Графу Блудову былъ бы данъ важный способъ къ успѣшному направленію переговоровъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было представить папскому правительству списокъ избираемыхъ правительствомъ кандидатовъ и озаботиться о каноническомъ ихъ поставленіи въ епископы". Такимъ образомъ, сверхъ переговоровъ съ Римомъ по вопросамъ, указаннымъ въ инструкціи, графу Блудову поручено было испросить каноническое утвержденіе Рима для кандидатовъ, избранныхъ на епископскія каѳедры.

V.

Хотя инструкціи графу Блудову и были утверждены въ августѣ мѣсяцѣ, но комитетъ окончилъ свои занятія уже въ маѣ. Извѣщая объ этомъ Бутенева, графъ Нессельродъ въ частномъ письмѣ [1]) сообщалъ ему: „Гора родила, но слава Богу, не мышь. Въ воскресенье было послѣднее засѣданіе комитета, а во вторникъ императоръ утвердилъ нашъ журналъ, который въ его глазахъ имѣлъ то важное значеніе, что былъ единогласнымъ. Увѣряю васъ, что заключенія, къ которымъ пришелъ комитетъ, превзошли мои ожиданія. Я этимъ обязанъ добросовѣстному и прямодушному содѣйствію членовъ комитета, которые, почти всѣ будучи одушевлены истинно христіанскимъ чувствомъ, признали необходимость измѣнить существующія постановленія для того, чтобы согласовать ихъ съ каноническими законами. Во

---

[1]) Письмо 4/16 мая 1846 года.

главѣ этихъ членовъ я долженъ по совѣсти поставить графа Блудова, который помогалъ мнѣ съ наибольшимъ знаніемъ дѣла и съ благорасположеніемъ. Поэтому я и рѣшился предложить императору возложить на него почетное и важное посольство къ Римскому двору. Впрочемъ, никто болѣе его не знакомъ съ состояніемъ католической церкви въ Россіи, никто не можетъ лучше объяснить святому престолу сущность и цѣль нѣкоторыхъ мѣръ, къ которымъ мы прибѣгали, и о которыхъ въ Римѣ знаютъ весьма мало, а равно и указать, какія въ отношеніи къ нимъ могутъ быть допущены измѣненія и улучшенія. Онъ лучше всѣхъ можетъ опредѣлить, что у насъ возможно допустить, и чего невозможно. Я знаю, что въ Римѣ существуетъ предубѣжденіе противъ графа Блудова; онъ знаетъ это и самъ, и первый даже указалъ на это императору, какъ на препятствіе къ его назначенію. Тѣмъ не менѣе императоръ назначилъ его, потому что знаетъ чистоту началъ и возвышенность чувствъ графа Блудова и былъ напередъ увѣренъ, что послѣ первыхъ объясненій, эти предубѣжденія, которыя впрочемъ и не совсѣмъ основательны, сами собою разсѣятся. При этомъ, необходимо чтобы въ Римѣ убѣдились въ той истинѣ, что если хотѣть искренно трудиться о переустройствѣ католической церкви въ Россіи, то необходимо какъ той, такъ и другой сторонѣ забыть прошлое, иначе запутаемся во взаимныхъ обвиненіяхъ, вредныхъ для возвышенной цѣли, которой желаемъ достигнуть". Вмѣстѣ съ этимъ извѣщеніемъ канцлеръ поручилъ нашему посланнику въ Римѣ офиціально увѣдомить папское правительство о посольствѣ графа Блудова.

Бутеневу пришлось извѣщать уже новаго папу. Григорій XVI скончался 31-го мая, а его преемникъ кардиналъ Мастаи-Ферретти вступилъ на папскій престолъ 15-го іюня. Когда пять дней спустя послѣ смерти папы нашъ посланникъ получилъ это порученіе, онъ отправился къ Ламбрускини, который, конечно, объявилъ ему, что не можетъ входить ни въ какія сношенія, ибо должность папскаго статсъ-секретаря прекращается со смертію папы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ ему при этомъ случаѣ, что не можетъ не выразить глубокаго уваженія къ императору, подтверждающему такъ торжественно свои обѣщанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не выразить и грусти, что не ему прійдется воспользоваться плодами новыхъ отношеній между двумя правительствами [1]). Воспользовавшись случаемъ поздравленія

[1]) Отчетъ графа Блудова и Бутенева $^{12}/_{24}$-го января 1847 года.

новаго папы со вступленіемъ его на престолъ, Бутеневъ объявилъ ему въ то же время о посольствѣ графа Блудова. „Папа“—увѣдомлялъ онъ наше правительство—„съ удовольствіемъ и благодарностію принялъ это свидѣтельство добраго расположенія императорскаго кабинета къ Римскому престолу и выразилъ глубокое уваженіе къ особѣ императора и полную довѣренность къ его намѣреніямъ. Но онъ ограничился только общими увѣреніями въ своемъ добромъ расположеніи, не входя въ подробности вопросовъ нашихъ сношеній съ Римомъ, съ которыми онъ не имѣлъ еще времени ознакомиться“. Передавъ списокъ съ ноты монсиньору Сантуччи, исправлявшему должность Ламбрускини, нашъ посланникъ отправился чрезъ нѣсколько дней въ статсъ-секретаріатъ, чтобъ узнать, какое впечатлѣніе она призвела на папу. Монсиньоръ Сантуччи объявилъ, что когда онъ прочелъ депешу папѣ, то тотъ поручилъ ему составить подробное изложеніе свиданія императора съ покойнымъ папой и всѣхъ переговоровъ. „Вчера“—увѣдомлялъ Бутеневъ 4/16-го іюня„—онъ докладовалъ папѣ всѣ бумаги, относящіяся до этого дѣла. Папа подробно распрашивалъ его о всѣхъ вопросахъ, а когда познакомился съ дѣломъ, то чрезвычайно обрадовался отправленію особаго посольства“. Бутеневъ просилъ Сантуччи сообщить ему объ этомъ письменно, что Монсиворъ немедленно и исполнилъ, вручивъ ему въ то же свиданіе, 5/17-го іюня, слѣдующую записку: „Я счелъ долгомъ немедленно довести до свѣдѣнія его святѣйшества полученную отъ васъ депешу. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ и тронутъ, узнавъ изъ нея о мудромъ и правосудномъ рѣшеніи, выраженномъ августѣйшимъ монархомъ, согласовать съ каноническими постановленіями католической церкви законы и уставы, дѣйствующіе въ имперіи и не согласные съ ними“ [1]).

Быть можетъ, папское правительство и было предубѣждено лично противъ графа Блудова, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ то время, когда совершилось присоединеніе уніатовъ къ православной церкви; но извѣстіе о его посольствѣ въ Римъ оно приняло не только благосклонно, но даже съ особенною радостію. Папѣ Григорію XVI императоръ обѣщалъ только, что по возвращеніи въ Петербургъ, въ видахъ соглашенія съ Римомъ, онъ подвергнетъ подробному изслѣдованію и соображенію всѣ вопросы, заявленные ему папскимъ правительствомъ, и о послѣдствіяхъ не преминетъ увѣдомить его въ свое время. Папское правительство могло предполагать, конечно,

---

[1]) Нота Бутенева 5/17-го іюня 1846 года.

что и въ этомъ случаѣ будетъ избранъ обыкновенный способъ сношеній, то-есть, чрезъ нашего посланника въ Римѣ. Особенное посольство, отправленное въ столицу католицизма, въ лицѣ одного изъ высшихъ русскихъ сановниковъ, извѣстнаго своимъ просвѣщеннымъ умомъ, безъ сомнѣнія, не могло не польстить самолюбію римскаго правительства; но въ то же время чрезвычайное посольство не могло не возбудить въ немъ и чрезвычайныхъ надеждъ. Эти надежды были еще болѣе усилены общими и неопредѣленными выраженіями,—что русское правительство признало возможнымъ согласовать съ каноническими постановленіями латинской церкви существующія въ имперіи постановленія,—употребленными въ нотѣ 4-го мая, переданной въ спискѣ римскому правительству нашимъ посланникомъ.

Хотя смерть Григорія XVI, на котораго личное свиданіе съ императоромъ произвело такое сильное впечатлѣніе, и ослабила на время надежды на успѣхъ соглашеній съ Римомъ въ тѣхъ лицахъ нашего правительства, кои искренно его желали, и даже нѣсколько замедлила отправленіе самого посольства, однако же миролюбивыя заявленія новаго папы нашему посланнику, радость, съ которою онъ принялъ извѣстіе о посольствѣ графа Блудова, удаленіе изъ правительства лицъ, принадлежавшихъ къ ультрамонтанской партіи, особенно враждебной Россіи, все это вновь оживило надежды. Кардиналъ Гицци, замѣнившій Ламбрускини, по своему характеру и направленію не могъ внушать тѣхъ опасеній, какія внушалъ его предшественникъ. Бутеневъ, увѣдомляя о назначеніи его папскимъ статсъ-секретаремъ, писалъ нашему правительству: „Кардиналу Гицци 58 или 59 лѣтъ; слѣдовательно, онъ только нѣсколькими годами старше папы; но на видъ онъ кажется гораздо старѣе, потому что слабъ здоровьемъ, и особенно потому, что уже давно страдаетъ подагрой и часто принужденъ бываетъ работать, лежа въ постели. Онъ не принадлежитъ ни къ какому монашескому ордену и вовсе не расположенъ къ іезуитамъ. Хотя онъ рано вступилъ на поприще церковное, но почти всегда служилъ при посольствахъ (нунціатурахъ) или по внутреннему управленію. Онъ былъ секретаремъ при апостольской нунціатурѣ въ Мюнхенѣ, затѣмъ въ Швейцаріи, гдѣ потомъ получилъ званіе интернунція, и въ этомъ же званіи былъ переведенъ въ Туринъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія при этомъ послѣднемъ дворѣ, онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала въ началѣ 1824 года и назначенъ легатомъ въ Форли. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ онъ былъ вызванъ оттуда покойнымъ папою для совѣщаній по дѣламъ Романьи, по случаю воз-

мущенія въ Римини, въ сентябрѣ 1845 года. Его благоразумное и искусное поведеніе во время этого возмущенія обратило на него вниманіе и заслужило одобреніе со стороны папскаго правительства, или лучше сказать, лично со стороны папы Григорія XVI, потому что Гицци никогда не считался приверженцемъ Ламбрускини и не былъ подъ его покровительствомъ. Напротивъ того, кардинала Гицци въ то время, вмѣстѣ съ немногими другими членами священной коллегіи, считали защитникомъ мнѣнія о необходимости улучшеній въ правительствѣ, и между прочимъ онъ настоятельно доказывалъ потребность провести желѣзныя дороги въ Папской области. Поэтому онъ пользовался такою общественною извѣстностью, что одно время Римъ съ радостью повѣрилъ ложному слуху объ избраніи кардинала Гицци папою. Римъ до такой степени благоволилъ къ нему, что на другой день, когда сдѣлалось извѣстнымъ избраніе на папскій престолъ Пія IX, римское общество приняло эту вѣсть холодно, что, конечно, составляетъ любопытную противоположность съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, возникшимъ вслѣдъ за тѣмъ. Судя по прежнему образу дѣйствій кардинала Гицци и по мнѣнію общества о немъ, можно надѣяться, что этотъ министръ въ своихъ отношеніяхъ съ дипломатическимъ корпусомъ будетъ отличаться умѣреннымъ и примирительнымъ направленіемъ, а также просвѣщеннымъ взглядомъ на современное положеніе дѣлъ. Конечно, онъ постарается привести политическія отношенія святаго престола съ великими европейскими державами по возможности въ лучшее положеніе. Что же касается собственно до дѣлъ церковныхъ и духовныхъ, то конечно, и въ отношеніи къ нимъ онъ захочетъ достигнуть соглашенія, но какъ меня увѣряли, съ нѣкоторою осторожностію, потому что онъ никогда не принималъ участія въ этихъ дѣлахъ и не занимался особенно вопросами догматическими и каноническаго права. Въ этомъ отношеніи, вѣроятно, онъ будетъ пользоваться совѣтами канонистовъ, уже пріобрѣвшихъ извѣстность, какъ напримѣръ, монсиньора Брунелли, секретаря пропаганды, и минсиньора Корболи, молодаго прелата, которому, кажется, предназначено имѣть важное значеніе при нынѣшнемъ папѣ, отнесшемся къ нему съ особенною довѣренностію съ первыхъ дней своего вошествія на престолъ. Но слѣдуетъ замѣтить однако же, что на папу никто не имѣетъ особеннаго вліянія; онъ самъ занимается дѣлами и даетъ имъ направленіе"[1]).

---

[1]) Нота Бутенева $\frac{\text{24-го іюня}}{\text{5-го августа}}$ 1846 года.

Надежду на то, что новое папское правительство будетъ дѣйствовать въ примирительномъ направленіи, даже и въ отношеніи къ Россіи, въ нашемъ посланникѣ поддерживали и слѣдующія обстоятельства, случившіяся въ самое первое время восшествія на престолъ Пія IX и послужившія предметомъ словесныхъ сношеній съ Римскимъ дворомъ.

Во время заупокойной службы по папѣ Григоріѣ XVI въ Неаполѣ, въ домѣ папской нунціатуры, архіепископъ Аверскій (d'Aversa) произнесъ проповѣдь, въ которой до такой неприличной степени бранилъ Россію, что эта рѣчь обратила на себя всеобщее вниманіе. Нашъ посланникъ при Неаполитанскомъ дворѣ счелъ нужнымъ заявить неудовольствіе нунцію Гарибальди, который въ отвѣтъ на это заявленіе ограничился лишь извиненіями. Когда Бутеневъ обратился къ папскому правительству и потребовалъ, чтобъ оно явно выразило свое неудовольствіе архіепископу, то Сантуччи прибѣгъ къ всевозможнымъ уловкамъ, чтобы какъ-нибудь отклонить этотъ вопросъ. Сначала онъ говорилъ, что нужно собрать справки о самомъ происшествіи, еще недостаточно разъясненномъ римскому правительству; потомъ заявлялъ, что нунцій въ это время былъ боленъ и потому не могъ напередъ прочесть проповѣдь архіепископа, наконецъ увѣрялъ, что архіепископъ не имѣлъ дурнаго намѣренія и усердно просилъ не обращать вниманія на этотъ случай [1]).

Въ то же время до нашего правительства дошли свѣдѣнія о слѣдующемъ происшествіи, случившемся въ царствѣ Польскомъ. Во время волненій въ Галиціи и Познани одна изъ мятежныхъ шаекъ подъ предводительствомъ графа Потоцкаго ворвалась въ наши владѣнія, въ Сѣдлецкій уѣздъ. Одинъ польскій крестьянинъ доставилъ нашему правительству извѣстіе объ этой шайкѣ и указалъ, гдѣ она скрывалась. Когда потомъ этотъ крестьянинъ отправился на исповѣдь, то ксендзъ Ястржембскій лишилъ его причастія. Это такъ сильно подѣйствовало на крестьянина, что послѣ этой исповѣди, онъ повѣсился. Бутеневъ сообщилъ объ этомъ происшествіи кардиналу Гицци, который только что былъ назначенъ папскимъ статсъ-секретаремъ; и конечно, нашъ посланникъ не мало былъ удивленъ, услышавъ, что кардиналъ не только не думалъ оправдать, или по крайней мѣрѣ, по обычаю, принятому уже Римскимъ дворомъ въ сношеніяхъ съ Россіей, смягчить дѣйствія католическаго священника, не только не выразилъ

---

[1]) Депеша Бутенева $^{5}/_{17}$-го іюля 1845 года.

недовѣрія къ сообщаемому русскимъ правительствомъ извѣстію, но напротивъ того, повидимому совершенно искренно пришелъ въ негодованіе отъ поступка Ястржембскаго и называлъ его святотатствомъ [1]). Съ неменьшимъ негодованіемъ отнесся онъ къ проповѣди архіепископа Аверскаго.

Эти два обстоятельства, случившіяся почти въ одно и то же время, повидимому, указывали на противоположность направленій прежняго и новаго папскаго правительства.

Отношенія нашего посланника къ правительству новаго папы и возбуждали въ немъ довѣріе, и питали надежды на возможность соглашенія съ Римомъ, которыя онъ и передавалъ нашему правительству [2]). Впрочемъ, онъ увлекался общими въ то время ожиданіями. Нѣтъ нужды говорить подробно, какія надежды соединяла Италія съ первыми временами первосвященства Пія IX, и какъ смотрѣла на него вся просвѣщенная Европа. Нѣкоторое время казалось многимъ, что Римъ готовъ сдѣлаться снова средоточіемъ западно-европейской жизни, какъ былъ нѣкогда, въ средніе вѣка. Конечно, въ этомъ случаѣ долженъ былъ преобразиться самъ Римъ, и многіе добросовѣстно вѣрили въ возможность такого преобразованія [3]). Конечно, въ отношеніи къ Россіи оно едва-ли могло бы имѣть большое значеніе; Римъ въ отношеніи къ ней и тогда бы остался тѣмъ же, чѣмъ былъ всегда. Дѣйствительно, еще въ то время, когда эта вѣра въ возможность преобразованія Рима была въ полномъ разгарѣ, и казалось, постепенно осуществлялась, Россія испытала на дѣлѣ, что Римъ остается неизмѣннымъ въ отношеніи къ ней.

Первымъ докладчикомъ новаго папы по дѣлу о предстоявшихъ переговорахъ съ нашимъ правительствомъ былъ помощникъ Ламбрускини, его ученикъ и поклонникъ, Сантуччи. Объясняя папѣ личные переговоры его предшественника съ императоромъ и всѣ документы, относившіеся до вопросовъ, составлявшихъ предметъ сношеній между обоими правительствами, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, постарался дать то направленіе взглядамъ папы, котораго держался самъ. Это тѣмъ болѣе для него было возможно и легко, что самъ папа, по случаю предстоявшихъ переговоровъ съ Россіей, нарочно при-

---

[1]) Нота канцлера Бутеневу 3-го августа; нота Бутенева $\frac{\text{21-го сентября}}{\text{3-го октября}}$ 1846 г.

[2]) Нота канцлера 30-го сентября 1846 года.

[3]) См. напримѣръ: Correspondance politique de Massimo d'Azelio, письма 1847 года.

гласилъ въ Римъ особаго совѣтника, который могъ только еще болѣе подкрѣпить вліяніе Сантуччи. Это былъ Тейнеръ, извѣстный въ настоящее время многими учеными трудами, а въ то время пріобрѣвшій особенную извѣстность только что появившимся его сочиненіемъ о состояніи римско-католической церкви въ Россіи и Польшѣ [1]). Оно можетъ быть поставлено рядомъ съ произведеніемъ кардинала Ламбрускини, сопровождавшимъ аллокуцію 1842 года, и составляетъ существенное его развитіе и дополненіе. Оба отличаются одинаковою ненавистью къ Россіи; но въ сочиненіи Тейнера она не сдерживается никакими приличіями, все-таки нѣсколько связывавшими Римскій дворъ, и не останавливается ни передъ какими явленіями, какъ бы ни были они сомнительны. Тейнеръ появился въ Римѣ въ то же время, когда прибылъ туда нашъ чрезвычайный уполномоченный. Графъ Блудовъ въ частномъ письмѣ къ графу Нессельроду писалъ о немъ слѣдующее: „Въ числѣ иностранныхъ отцевъ-ораторіанцевъ, которые находятся въ Римѣ, есть нѣкто Тейнеръ, прежде бывшій профессоромъ каноническаго права въ Бреславлѣ и сочинитель книги о латинской церкви въ Россіи, какъ говорятъ, довольно враждебной нашему правительству, и которая, какъ мнѣ кажется, есть у Туркула. Его пребываніе въ Римѣ не представляло бы никакой важности, если бы къ этому не присовокупляли, — а эти извѣстія совершенно вѣрны, — что папа уважаетъ его, что онъ свободно во всякое время можетъ являться къ святому отцу, и что съ нимъ уже совѣтовались по дѣламъ съ Россіей. Повторяю, что эти извѣстія совершенно вѣрны, и какъ говорятъ иногда: это слишкомъ хорошо, чтобъ быть справедливымъ, мнѣ хочется сказать напротивъ: это слишкомъ дурно, чтобъ этому вѣрить“. [2]).

За нѣсколько дней предъ тѣмъ графъ Блудовъ сообщалъ также графу Нессельроду другое извѣстіе: „Съ своей стороны le partito contrario, говоря языкомъ драматическихъ писателей и музыкантовъ италіанскихъ, то-есть, партія польской эмиграціи, также вооружается. До свѣдѣнія моего дошло, что одинъ изъ довѣренныхъ лицъ князя Адама Чарторыйскаго пріѣхалъ въ Римъ почти въ одно время со мною. Это нѣкто Витвицкій, который когда-то служилъ въ министерствѣ

---

[1]) Die neuesten Zustände der katholisch. Kirche beider Ritus in Polen und Russland etc. Mit einem Bande Documente, von einem Priester aus der Congregation des Oratoriums des heil. Philippus Neri. Augsburg. 1841 года.

[2]) Письмо изъ Рима $\frac{\text{26-го октября}}{\text{7-го ноября}}$ 1846 года.

просвѣщенія и исповѣданій, при покойномъ Грабовскомъ. Говорятъ, будто въ прежнее время онъ писывалъ религіозныя стихотворенія, и уже не поэтому ли онъ получилъ порученіе, съ которымъ пріѣхалъ" [1]).

Надежда Бутенева, что переговоры будетъ вести новый статсъ-секретарь папы, какъ и слѣдовало бы по порядку, принятому при папскомъ дворѣ, точно также не осуществилась. Незнакомство кардинала Гицци съ церковными и каноническими вопросами, конечно, могло служить достаточнымъ поводомъ къ устраненію его отъ этихъ переговоровъ, сущность которыхъ въ глазахъ Рима состояла въ томъ, чтобы дѣйствовавшія въ Россіи постановленія въ отношеніи къ латинской церкви согласовать съ римскими каноническими правилами, что впрочемъ было заявлено и въ нотѣ нашего правительства 4-го мая. Вести переговоры было поручено удаленному отъ должности папскаго статсъ-секретаря кардиналу Ламбрускини. Это назначеніе точно также могло быть оправдано въ глазахъ русскаго правительства его знакомствомъ съ этими дѣлами, и какъ участіемъ въ переговорахъ императора съ папою, такъ и личными своими съ нимъ сношеніями. Въ помощь Ламбрускини былъ однако же назначенъ не Сантуччи, а Корболи-Бусси. Впрочемъ, эта перемѣна не могла имѣть никакого значенія въ отношеніи къ направленію переговоровъ. Корболи и прежде былъ употребляемъ для разъясненія по каноническому праву нѣкоторыхъ вопросовъ въ сношеніяхъ съ Россіей, и притомъ онъ также, какъ и Сантуччи, былъ канонистъ. Спеціалисты по знакомству съ латинскими каноническими правилами составляютъ особый разрядъ лицъ, состоящихъ при Римской куріи въ качествѣ экспертовъ. Каноническое право, въ томъ видѣ, какъ оно выработано латинскою церковію, не принимаетъ за главныя основанія постановленій апостоловъ, ученія отцевъ церкви и правилъ вселенскихъ соборовъ; они имѣютъ для него лишь условное значеніе. Оно исключительно развито изъ основной мысли о папскомъ полновластіи. Поэтому существенное для него значеніе имѣютъ буллы, посланія и другія постановленія папъ, а равно и правила частныхъ соборовъ западной церкви, утвержденныхъ папами, изъ которыхъ первенствующее значеніе придается правиламъ Тридентскаго собора. На основаніи этихъ источниковъ римскіе канонисты развили и обработали многосложное ученіе каноническаго права латинской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ создали и особую юри-

---

[1]) Письмо изъ Рима $\frac{\text{17-го октября}}{\text{29-го ноября}}$ 1846 года.

дическую казуистику, которая, въ приложенiи къ сношенiямъ съ иностранными дворами, со свѣтскою властью, имѣетъ то же значенiе, что iезуитская казуистика въ приложенiи къ догматическому и нравственному ученiю христiанской церкви. Этихъ канонистовъ нельзя причислить ни къ одной изъ партiй, существующихъ при Римскомъ дворѣ; они могутъ одинаково усердно служить каждой изъ нихъ.

Такъ Римъ, въ надеждѣ окончательно разрѣшить всѣ вопросы и выиграть сраженiе на всѣхъ пунктахъ, приготовлялся къ бою, заготовлялъ боевые запасы и выдвинулъ всѣ старыя орудiя изъ своего арсенала.

Графъ Блудовъ прiѣхалъ въ Римъ въ первыхъ числахъ октября и нѣсколько дней долженъ былъ дожидаться прiѣзда кардинала статсъ-секретаря, который, по обычаю Римлянъ, проживалъ въ это время за городомъ. Октября 16-го графъ посѣтилъ его, вмѣстѣ съ Бутеневымъ, и передалъ ему списокъ съ императорскаго письма къ папѣ. Кардиналъ Гицци принялъ нашего уполномоченнаго съ такою изысканною любезностiю, что Бутеневъ увѣдомилъ объ этомъ прiемѣ канцлера, и еще не зная о назначенiи Ламбрускини, выразилъ мысль, что съ такимъ лицемъ, какъ кардиналъ Гицци, переговоры будутъ удачны [1]). Кардиналъ статсъ-секретарь замѣтилъ графу Блудову, что онъ понимаетъ очень хорошо всю важность предстоящихъ переговоровъ и считаетъ себя счастливымъ, что можетъ начать новую эру въ сношенiяхъ между двумя правительствами; что, по его мнѣнiю, для обезпеченiя успѣха переговоровъ „не слѣдуетъ заниматься прошедшимъ, но трудиться преимущественно для будущаго“ [2]). Письмо императора должно было однакожь объяснить и дополнить общiя выраженiя ноты 4-го и указать на тѣ границы, въ которыхъ должны происходить переговоры, и на предѣлъ возможныхъ уступокъ. „При достопамятномъ свиданiи съ покойнымъ папою“, — писалъ императоръ, — „я обѣщалъ сдѣлать *все* въ пользу латинской церкви, что будетъ *не противно* кореннымъ *законамъ имперiи, канонамъ господствующей церкви* и *правамъ другихъ исповѣданiй*“.

Октября 20-го, кардиналъ Гицци увѣдомилъ графа Блудова, что 22-го числа того же мѣсяца, папа приметъ его въ Квиринадѣ. „На первой аудiенцiи“ — писалъ графъ Блудовъ въ отчетѣ императору — „святой отецъ принялъ меня почти запросто, но очень ласково, въ маломъ, и какъ я слышалъ, любимомъ своемъ кабинетѣ“. Когда графъ

---

[1]) Депеша $^{19}/_{31}$ октября 1846 года.

[2]) Отчетъ графа Блудова и Бутенева $^{12}/_{24}$ января 1847 года.

Блудовъ сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и вручилъ письмо императора, папа, принявъ письмо, освѣдомился о здоровьи государя и пригласилъ Блудова сѣсть противъ него, „за письменный его, также маленькій столикъ. Кажется, онъ не за долго передъ тѣмъ прочелъ или перечитывалъ бумаги, врученныя Вашему Величеству его предшественникомъ и кардиналомъ Ламбрускини; ибо въ разговорѣ со мною коснулся, хотя и слегка, едва-ли не всѣхъ предметовъ, о коихъ упоминается въ этихъ бумагахъ. Съ моей стороны, отвѣчая на разсужденія его святѣйшества почти тѣми же словами, которыя употреблены въ письмѣ Вашего Величества, повторяя, что все возможное, непротивное государственнымъ законамъ нашимъ и потребностямъ общественнаго порядка, уже сдѣлано или будетъ сдѣлано, что впрочемъ многое, какъ напримѣръ, въ отношеніи къ власти епископовъ, устройству консисторій и семинарій было, можетъ-быть, не совсѣмъ и не вполнѣ правильно понимаемо, я однако же старался не выходить изъ предѣловъ обыкновеннаго общаго разговора и не упреждать ни въ чемъ имѣющихъ быть объясненій въ продолженіи негоціаціи. Только по одному предмету, именно по вопросу о разграниченіи римско-католическихъ епархій въ Россіи, я счелъ долгомъ, для точнаго исполненія высочайшихъ повелѣній Вашего Императорскаго Величества, данныхъ мнѣ лично и повторенныхъ въ инструкціи, коею снабдилъ меня государственный канцлеръ, а равно какъ, смѣю надѣяться, и для успѣха ввѣреннаго мнѣ дѣла, объявить немедленно самому святому отцу о предположеніи учредить новую, такъ-сказать, нѣмецкую епархію въ южномъ краѣ имперіи. При семъ естественно и легко было обратить особое вниманіе его святѣйшества на сіе намѣреніе Вашего Императорскаго Величества, какъ на новое, торжественное доказательство попечительности Вашей о духовныхъ нуждахъ католическаго исповѣданія. Я осмѣлился прибавить, усмѣхаясь, что оно есть въ то же время самое сильное и единственно достойное Васъ, всемилостивѣйшій государь, возраженіе на нелѣпыя клеветы, кои были и продолжаютъ до селѣ быть разсѣеваемы насчетъ мнимыхъ видовъ нашего правительства искоренить или потрясти римско-католическую церковь въ Россіи, между прочимъ чрезъ уменьшеніе числа епископскихъ каѳедръ. Сколько можно судить по наружности, впечатлѣніе, произведенное сими словами, было не неблагопріятное, и какъ Вашему Величеству угодно, чтобы предположеніе объ учрежденіи Новороссійской епархіи было въ виду и при началѣ оффиціальныхъ переговоровъ нашихъ съ Римскимъ дворомъ, то я призналъ полезнымъ сообщить объ оныхъ, послѣ аудіен-

ціи, и кардиналу статсъ-секретарю. Ему я объяснилъ еще подробнѣе необходимость сей новой каѳедры, особенно же семинаріи, какъ разсадника священниковъ, знающихъ языкъ нѣмецкій и столь нужныхъ въ нашихъ колоніяхъ южнаго края не только для проповѣди и преподаванія катихизиса, но и для исполненія важныхъ духовныхъ требъ—исповѣди, наставленія и напутствованія умирающихъ. Гицци соглашался со мною во всемъ и въ замѣчаніяхъ моихъ касательно распускаемыхъ слуховъ о намѣреніяхъ Вашего Императорскаго Величества“.

Такимъ образомъ, еще до приступа къ самымъ переговорамъ Римскій дворъ узналъ всѣ существенныя уступки, которыя наше правительство было намѣрено сдѣлать ему. Нота 4-го мая объяснила ему вообще рѣшимость нашего правительства измѣнить дѣйствовавшія у насъ постановленія, согласно съ его требованіями; нашъ уполномоченный, слѣдуя своей инструкціи, немедленно объявилъ объ учрежденіи новой латинской епархіи, и совершенно входя въ виды латинской церкви, подробно объяснилъ кардиналу статсъ-секретарю необходимость и пользу ея учрежденія для этой церкви. Быть можетъ, для бо̀льшаго успѣха переговоровъ съ такимъ собесѣдникомъ, какъ римское правительство, было бы удобнѣе только въ общихъ чертахъ выразить благорасположеніе русскаго правительства и его искреннее желаніе прійдти къ соглашенію съ Римскимъ дворомъ, нежели напередъ указать предполагаемыя уступки и тѣмъ дать ему поводъ усилить свои требованія. Уступая постепенно во время переговоровъ, не безъ нѣкоторой борьбы, безъ сомнѣнія, можно было принудить Римъ давать бо̀льшую цѣну каждой уступкѣ и остановить ихъ на извѣстномъ предѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ тотъ способъ дѣйствія, который избрала себѣ въ настоящемъ случаѣ наша дипломатія, доказываетъ ея искренность и откровенность въ отношеніи къ Римскому двору, въ которомъ, безъ сомнѣнія, выражалось дѣйствительное желаніе прійдти къ соглашенію.

Убѣдившись, въ какомъ видѣ разовьются переговоры о главныхъ вопросахъ нашихъ сношеній съ Римомъ, папа въ первое же свиданіе съ нашимъ уполномоченнымъ возбудилъ новый вопросъ, который, конечно, долженъ былъ озабочивать его, болѣе чѣмъ наше правительство, потому что онъ обличалъ злоупотребленія духовною властію со стороны латинскаго духовенства въ имперіи и царствѣ Польскомъ. „Въ своемъ первомъ со мною разговорѣ“,—сообщалъ графъ Блудовъ Императору,—„который продолжался около получаса, папа завелъ рѣчь и о множествѣ разводовъ между римскими католиками, подданными

Вашего Величества, что̀ онъ называетъ великимъ зломъ (un fléau). Зная образъ мыслей Вашего Величества, я не колеблясь объявилъ ему, что соблазнительный обычай разводовъ, общій во всѣхъ областяхъ, составлявшихъ прежнюю Польшу, столько же огорчаетъ Васъ, сколько и его святѣйшество, и прибавилъ, что изысканіе средствъ противъ сего было уже неоднократно предметомъ заботливости какъ нашего правительства, такъ и римскихъ первосвященниковъ, чему служатъ доказательствомъ многія буллы ихъ. Его святѣйшество упомянулъ при семъ о буллѣ Бенедикта XIV; я, съ своей стороны, осмѣлился привести на память бреве Льва XII къ митрополиту Цѣцышовскому. «Нельзя ли по крайней мѣрѣ уменьшить зло, затруднивъ разводы? Въ вашей церкви они допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія Императора». «Нѣтъ», сказалъ я, «Его Величество не входитъ въ дѣла сего рода; у насъ разводы очень рѣдки и разрѣшаются святѣйшимъ синодомъ». «Слѣдовательно, лишь высшею духовною властію», замѣтилъ его святѣйшество; «почему бы не установить и по брачнымъ дѣламъ католиковъ апелляцію къ Римскому престолу?» Я отвѣчалъ, что не имѣю никакихъ на сей счетъ инструкцій; но однакоже, желая воспользоваться представившимся нечаянно случаемъ, чтобы сдѣлать первый, хотя и неважный шагъ къ исполненію мысли Вашего Величества, учредить одинъ главный духовный или просинодальный судъ для имперіи и Царства, я присовокупилъ: «Впрочемъ, апелляція въ Римъ была бы иногда уже слишкомъ затруднительна для людей небогатыхъ; ибо разстоянія весьма велики, а есть обстоятельства, въ коихъ уничтоженіе брачныхъ союзовъ бываетъ въ самомъ дѣлѣ необходимо. Не лучше ли замѣнить ее особою делегаціей?» Папа согласился съ моимъ замѣчаніемъ и поручилъ мнѣ испросить высочайшихъ повелѣній Вашего Императорскаго Величества по сему предмету. Я счелъ долгомъ на сей разъ не продолжать разговора объ ономъ, но только всеподданнѣйше донести о сдѣланномъ мною первомъ, какъ я сказалъ, хотя и не важномъ шагѣ, къ приведенію въ дѣйствіе предположенія, которое, на основаніи данныхъ мнѣ инструкцій, я долженъ имѣть въ виду и сообщить папскому министерству не иначе, какъ съ крайнею осторожностію и при достаточной надеждѣ на успѣхъ. Прощаясь со мною также весьма ласково, его святѣйшество объявилъ мнѣ, что для офиціальныхъ переговоровъ со мною и тайнымъ совѣтникомъ Бутеневымъ, онъ, кромѣ кардинала статсъ-секретаря, полагаетъ назначить Ламбрускини, который имѣлъ

счастіе по многимъ предметамъ лично объясняться съ Вашимъ Величествомъ въ минувшемъ году“ [1]).

Но кардиналу статсъ-секретарю не было поручено вести переговоры, и онъ вовсе не принималъ въ нихъ участія. Назначеніе Ламбрускини, конечно, должно было нѣсколько смутить нашихъ уполномоченныхъ; но отклонить его не предстояло возможности, не выразивъ этимъ недовѣрія къ самому папѣ и чрезъ то не повредивъ переговорамъ. Въ частномъ письмѣ къ канцлеру, отправленномъ единовременно съ донесеніемъ Государю, графъ Блудовъ писалъ: „Къ подробному отчету, который я отдаю Императору о свиданіи съ папой и о разговорѣ съ нимъ, икоторый почти составляетъ уже начало негоціаціи, я позволю себѣ прибавить еще нѣкоторыя подробности, кои до нѣкоторой степени лично до меня относятся. Я не могу довольно нахвалиться пріемомъ, который сдѣлалъ мнѣ святой отецъ. Онъ былъ не только благосклоненъ, но если смѣю такъ выразиться, чрезвычайно любезенъ. Въ способѣ обхожденія, не теряя однако же достоинства, онъ былъ такъ простъ, какъ-будто говорилъ со старымъ знакомымъ. Все, что онъ ни говорилъ, даже о предметахъ, которые могутъ подлежать спору, было исполнено благодушія и вѣжливости, и казалось, онъ говорилъ откровенно и безъ задней мысли, что, конечно, вызывало и меня къ тому же и ставило въ затруднительное положеніе, чтобы не предварять офиціальныхъ объясненій по вопросамъ предстоящимъ негоціаціи. Я позволилъ себѣ отступить отъ этого только въ одномъ случаѣ: относительно новой римско-католической епархіи на югѣ имперіи. Причины, которыми я руководствовался въ этомъ случаѣ, я объясняю въ моемъ донесеніи Императору; вѣроятно, онѣ будутъ одобрены Его Величествомъ и вами, графъ. Я надѣюсь, что вы одобрите и отвѣтъ, который я счелъ нужнымъ сдѣлать на замѣчанія папы о частыхъ разводахъ въ Польшѣ. Кажется, было бы не дурно, если бы святой отецъ самъ сдѣлалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, которое такъ занимало насъ за нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ. Это значитъ, какъ говоритъ Бутеневъ, вбить въ стѣну гвоздь, въ надеждѣ что-нибудь на него повѣсить. Этимъ оканчивается пріятная часть моего разказа о моихъ дѣйствіяхъ, служебныхъ, конечно, и о томъ, что меня ожидаетъ въ Римѣ. Но я не скрою отъ васъ, графъ, что назначеніе кардинала Ламбрускини для переговоровъ съ нами нѣсколько

---

[1]) Донесеніе императору Николаю, изъ Рима, графа Блудова $\frac{\text{26-го октября}}{\text{7-го ноября}}$ 1846 года.

встревожило меня. Я надѣюсь однако же, что достаточно владѣлъ собою и не далъ этого замѣтить. Мысль объ этомъ назначеніи, конечно, и весьма естественно могла прійдти папѣ, на основаніи, какъ онъ мнѣ и сказалъ, предшествовавшей дѣятельности кардинала, который по многимъ вопросамъ, подлежащимъ нашимъ переговорамъ, имѣлъ уже совѣщанія какъ съ вашимъ сіятельствомъ, такъ и съ самимъ Императоромъ. Но возможно и то, что его назначеніе есть послѣдствіе и нѣкоторымъ образомъ возмездіе за мое назначеніе, которое, очевидно, желаютъ сдѣлать подозрительнымъ въ глазахъ святаго престола. *Il partito contrario,* противная партія, не перестаетъ кричать *haro* противъ меня въ своемъ журналѣ *Univers,* и прилагаемая статья можетъ служить тому доказательствомъ [1]). Конечно, статьи въ родѣ этой не должны имѣть вліянія на дѣльныхъ людей; но онѣ могутъ возбудить нѣкоторое недовѣріе, и вы помните, графъ, что я это предвидѣлъ и предсказалъ. Но интрига впрочемъ этимъ не ограничится" [2]).

Однакожь, особенная любезность и предупредительность какъ Ламбрускини, такъ и назначеннаго ему въ помощники при переговорахъ Корболи, нѣсколько успокоили нашего уполномоченнаго, а особенно канцлера, который въ отвѣтъ на извѣстіе объ этомъ писалъ къ графу Блудову: „Государь съ удовольствіемъ узналъ, что Ламбрускини и Корболи оказываютъ примирительное расположеніе. Что касается до васъ, то мы просимъ васъ продолжать свой образъ дѣйствій и во всѣхъ случаяхъ давать перевѣсъ началамъ умѣренности и справедливости, которыя составляютъ неизмѣнное основаніе политики нашего августѣйшаго Монарха. Въ настоящее время должно быть доказано, что Императоръ искренно желаетъ спокойствія совѣсти и счастія своихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія, и если въ этомъ будетъ убѣжденъ и Римскій дворъ, то полнѣйшее согласіе водворится между нимъ и нами" [3]).

---

[1]) *L'Univers,* 1846 года, 24-го октября, № 21. Въ этой статьѣ порицаютъ графа Блудова особенно за участіе въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ.

[2]) Письмо изъ Рима $\frac{\text{26-го октября}}{\text{7-го ноября}}$ 1846 года. Оно начинается такъ.... «J'ai rédigé ce rapport (Государю) en russe d'abord parce que c'est dans cette langue, que j'écris toujours à l'Empereur, et puis aussi,—vous l'avouerai-je monseigneur le comte? — parce-que je me suis rappellé qu'autrefois vous avez eu l'idée de m'employer à créer une langue diplomatique russe. J'en fais l'essai à présent, et cet essai, selon toute apparence, sera le premier et le dernier, du moins pour ma part»....

[3]) Письмо графа Нессельрода къ графу Блудову 28-го октября 1846 года.

Сверхъ того, не могло не успокоить до нѣкоторой степени нашихъ уполномоченныхъ и слѣдующее обстоятельство, о которомъ они сообщили въ отчетѣ правительству о первыхъ совѣщаніяхъ съ уполномоченными отъ Римскаго двора. „Выборъ кардинала Ламбрускини“—писали они—„въ качествѣ перваго папскаго уполномоченнаго могъ казаться не ожиданнымъ, ибо онъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, какъ старый министръ, съ восшествіемъ на престолъ новаго папы, и заподозрѣнъ, какъ тайный двигатель темной оппозиціи, которая не замедлила образоваться въ священной коллегіи противъ стремленій къ преобразованіямъ и противъ правленія Пія IX, болѣе мягкаго и примирительнаго, въ сравненіи съ предшествовавшимъ. Конечно, назначеніе Ламбрускини могло быть естественно объяснено его совершеннымъ знакомствомъ съ дѣлами, подлежавшими разсмотрѣнію; но вѣроятно, въ этомъ случаѣ папа руководствовался и другими соображеніями. Съ одной стороны, быть можетъ, ему хотѣлось оказать знакъ вниманія къ старѣйшему и наиболѣе вліятельному министру своего предшественника, а съ другой, представить доказательство благочестивой своей заботливости о духовныхъ интересахъ святаго престола и католичества, возлагая столь важное порученіе на такого изъ членовъ священной коллегіи, который слылъ наиболѣе ревностнымъ и неуступчивымъ защитникомъ ученій и преимуществъ папскаго престола, и назначая ему въ сотрудники, хотя и молодаго прелата, его бывшаго ученика, но который былъ извѣстенъ въ Римѣ за лучшаго канониста и пользуется личнымъ довѣріемъ новаго папы съ первыхъ дней его восшествія на престолъ. Если бы это порученіе было возложено на теперешняго кардинала статсъ-секретаря Гицци, то вѣроятно, переговоры приняли бы болѣе откровенное и широкое направленіе, согласно съ его мягкимъ характеромъ, воззрѣніями, наименѣе ультрамонтанскими, непринужденнымъ обращеніемъ и большимъ навыкомъ къ дипломатическимъ пріемамъ и объясненіямъ. Но никогда не занимавшійся вопросами собственно религіозными и каноническаго права, кардиналъ Гицци, вѣроятно, уклонился бы отъ такого важнаго порученія, чтобы не принять на себя тяжелой отвѣтственности. Притомъ, этотъ министръ былъ и до сихъ поръ такъ обремененъ заботами о внутреннихъ дѣлахъ государства, подъ вліяніемъ новаго царствованія и государя-преобразователя, котораго онъ главный и едва-ли не единственный искренній сотрудникъ, что онъ, при разстроенномъ здоровьи, едва можетъ переносить тягость трудовъ и обязанностей всякаго рода, соединенныхъ съ его званіемъ перваго министра“.

Гицци намекалъ даже самъ на эти соображенія въ предварительномъ, конфиденціальномъ совѣщаніи съ императорскими уполномоченными, когда сообщилъ имъ о назначеніи кардинала Ламбрускини, какъ о прямомъ и непосредственномъ выборѣ самаго папы. Кардиналъ Гицци прибавилъ, что папа въ нѣкоторомъ смыслѣ удержалъ за собою главное направленіе переговоровъ, поручивъ монсиньору Корболи постоянно отдавать ему отчетъ о каждомъ засѣданіи, въ качествѣ какъ одного изъ уполномоченныхъ, такъ и помощника статсъ-секретаря. Въ то же время кардиналъ Гицци увѣрялъ, что если когда-нибудь уполномоченные Императора будутъ поставлены въ такое положеніе, что сочтутъ необходимымъ отнестись прямо къ нему, для объясненій ли по нѣкоторымъ вопросамъ, или для отклоненія какихъ-либо затрудненій, то онъ всегда будетъ готовъ оказать имъ искреннее содѣйствіе и предложить свое посредничество между ними и папою.

Такія сообщенія кардинала статсъ-секретаря, конечно, могли поддерживать въ нашихъ уполномоченныхъ убѣжденіе въ миролюбивомъ расположеніи самого папы, вліяніе котораго отразилось уже на способѣ обхожденія уполномоченныхъ отъ Римскаго двора съ нашими, и могли положить предѣлъ неумѣреннымъ требованіямъ Ламбрускини и довести переговоры до возможныхъ соглашеній, составлявшихъ конечную цѣль возложеннаго на нихъ порученія. Что же касается до предложеннаго кардиналомъ Гицци своего посредства передъ папою въ случаѣ нужды, то конечно, это была простая учтивость, хотя и внушенная, быть можетъ, нѣкоторымъ недовѣріемъ къ Ламбрускини. „Хотя мы и не могли"—продолжаетъ отчетъ—„не оцѣнить на случай пользы этого любезнаго предложенія, но оно было такъ выражено, что мы могли имъ пользоваться умѣренно и въ случаѣ крайней необходимости. Мы имъ и не воспользовались до сихъ поръ, чтобы не возбудить вредной для дѣла подозрительности тѣхъ уполномоченныхъ, съ которыми мы должны были вести переговоры" [1]).

Такимъ образомъ наши уполномоченные возлагали наибольшую надежду на личное благорасположеніе папы. „Его личныя заявленія"—увѣдомляли они правительство—„подтверждаютъ составившееся мнѣніе о его характерѣ, столько же благородномъ и честномъ, сколько спокойномъ и благоразумномъ, о его просвѣщеніи и умѣ, возвышенномъ сообразно его положенію и духу времени, а равно и о не под-

[1]) Отношеніе къ канцлеру графа Блудова и Бутенева съ отчетомъ о первыхъ конференціяхъ $^{12}/_{24}$ января 1847 года.

8*

лежащей сомнѣнію рѣшимости его вести самому дѣла. На основаніи этихъ данныхъ можно предполагать, что переговоры, начинающіеся съ цѣлію мира и соглашенія, оцѣненною уже по достоинству Римскимъ дворомъ, подтвердятъ тѣ ожиданія, которыя возлагаетъ императорскій кабинетъ на новое правительство папское. Такимъ образомъ при предзнаменованіяхъ, повидимому, благопріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, не замедлятъ открыться переговоры, лишь только папа изберетъ и снабдитъ наставленіями своихъ уполномоченныхъ“ [1]).

Совѣщанія между нашими и папскими уполномоченными начались 7-го ноября 1846 года и продолжались до 19-го іюня 1847 года; было 25 собраній въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (palazzo della consulta), весьма продолжительныхъ, а иногда и бурныхъ [2]).

До начала переговоровъ наши уполномоченные уже составили себѣ программу, на основаніи полученныхъ ими инструкцій, которой предполагали строго держаться при совѣщаніяхъ. Всѣ свѣдѣнія, которыя они могли сообщить Римскому двору, были двухъ родовъ: одни должны были только представить въ настоящемъ видѣ нѣкоторыя происшествія и мѣры нашего правительства, ложно или неправильно представленныя Римскому престолу; другія состояли въ представленіи нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій и правилъ, въ замѣнъ существовавшихъ до этого времени и составлявшихъ предметъ споровъ и жалобъ со стороны папскаго правительства. „Что касается до свѣдѣній перваго разряда“,—разсуждали наши уполномоченные,—„то они по самой своей сущности не могли быть предметомъ правильныхъ и послѣдовательныхъ переговоровъ; но мы должны были пользоваться ими по мѣрѣ открывавшейся возможности, для представленія объясненій и толкованій, съ цѣлію разсѣять ложныя и исправить неправильныя и неполныя свѣдѣнія, на которыхъ отчасти основаны нѣкоторыя жалобы Рима“. Ко второму разряду принадлежали шесть указанныхъ въ инструкціи вопросовъ, и сверхъ того, учрежденіе новой епархіи и просинодальнаго суда. „Не упуская изъ виду важности всѣхъ вопросовъ въ совокупности“,—разсуждали наши уполномоченные,—„перечисленныхъ въ инструкціи 15-го августа, мы однако же считали дол-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Конференціи были: въ 1849 году въ ноябрѣ 7/19, 9/21, 11/23, 15/27, 18/30, 21-го ноября / 3-го декабря, 25-го ноября / 7-го декабря, декабря 5/17, 10/22; въ 1847 году 26-го декабря / 7-го января, января 2/14, 9/21, 13/25, 16/28 февраля, 20-го января / 1-го февраля, 23-го января / 4-го февраля, 6/18, 10/22, 13/25; марта 17-го февраля / 1-го марта, іюня 3/15, 7/19, 10/22, 13/25 и 19-го іюня / 1-го іюля.

гомъ направить всѣ наши старанія на вопросъ о новомъ разграниченіи епархій и объ учрежденіи новой, не только для того, чтобы обратить на этотъ предметъ вниманіе какъ самого папы и его статсъ-секретаря, такъ и уполномоченныхъ отъ римскаго правительства для переговоровъ съ нами, но и для того, чтобы на этотъ вопросъ прежде всего обратить переговоры. Причины такого съ нашей стороны рѣшенія заключались, вопервыхъ, въ волѣ Государя Императора, словесно выраженной первому уполномоченному и потомъ повторенной въ инструкціи, и вовторыхъ, въ убѣжденіи, что это новое доказательство заботъ Его Императорскаго Величества о духовныхъ нуждахъ его католическихъ подданныхъ, должно было представить намъ лучшій способъ противодѣйствовать, съ надеждою на успѣхъ, тому недовѣрію, которое внушено противъ насъ святому престолу недоброжелательствомъ и недобросовѣстностію, будто бы императорское правительство цѣлымъ рядомъ мѣръ стремится къ совершенному разрушенію католицизма въ Россіи. Наконецъ, болѣе положительное и практическое свойство этого вопроса могло отклонить наши переговоры отъ утомительныхъ и неизбѣжныхъ споровъ, которые повлекли бы за собою разсужденія о вопросахъ догматическихъ, о духовной іерархіи, церковномъ управленіи и о дисциплинѣ, вопросы, область которыхъ было бы весьма желательно по возможности ограничить, особенно при началѣ переговоровъ".

Уполномоченные папскаго двора, съ своей стороны, безъ сомнѣнія, точно также составили себѣ предварительную программу для совѣщаній. Въ матеріалахъ для нея недостатка быть не могло. Въ нотахъ Римскаго двора, представленныхъ правительству въ 1844 и 1845 годахъ, папскія требованія уже были соображены въ ихъ совокупности и сведены къ общимъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ этими нотами записка, лично врученная Императору Григоріемъ XVI, должна была служить ближайшимъ основаніемъ для программы папскихъ уполномоченныхъ. Существенными для нихъ вопросами были: свобода сношеній вообще римскихъ католиковъ, и особенно духовенства, съ главой ихъ церкви, усиленіе власти епископовъ, или лучше сказать, удаленіе ея отъ всякаго надзора русскаго правительства, право содержать постояннаго папскаго легата при нашемъ дворѣ, отмѣна нѣкоторыхъ дѣйствовавшихъ у насъ постановленій и распоряженій правительства, указанныхъ въ папской запискѣ, вопросы объ уніатахъ, не принявшихъ православія, о церковныхъ имуществахъ, о монастыряхъ, о вакантныхъ епископскихъ каѳедрахъ и нѣкоторые другіе меньшей важности.

Двѣ различныя программы, начертанныя для предстоявшихъ переговоровъ двумя сторонами, равно независимыми одна отъ другой по самому положенію тѣхъ историческихъ силъ, представителями которыхъ онѣ были въ этомъ случаѣ, естественно должны были вызвать при совѣщаніяхъ споры и разногласія и сразу поколебать надежду на возможность полнаго соглашенія. Дѣйствительно, эта противоположность выразилась уже съ перваго засѣданія.

Графъ Блудовъ открылъ это засѣданіе чтеніемъ своей вѣрющей грамоты и потомъ изложилъ ходъ предварительныхъ совѣщаній какъ самого Императора съ папою, такъ и канцлера съ кардиналомъ Ламбрускини, и заключилъ изъявленіемъ удовольствія, что съ самаго начала переговоровъ можетъ представить блистательное доказательство благорасположенія Императора къ латинской церкви, а именно рѣшеніе его учредить новую епархію.

Отвѣчая на это, кардиналъ Ламбрускини заявилъ, что въ предстоящихъ совѣщаніяхъ должны быть представлены объясненія по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, на которые папа обратилъ вниманіе Императора, и потомъ онъ, кардиналъ, — вниманіе графа Нессельрода.

Графъ Блудовъ отвѣчалъ, что съ этою-то цѣлью онъ и посланъ въ Римъ: „Это посольство отправлено, конечно, не для того, чтобы хвалить или защищать дѣйствія и мѣры нашего правительства, которыя въ этомъ не нуждаются, точно такъ же, какъ и великодушный характеръ Императора, но именно съ тою цѣлію, чтобъ уговориться въ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій, на которыя папа Григорій XVI указалъ, какъ на несогласныя съ каноническими правилами латинской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать, почему нѣкоторыя изъ постановленій не могутъ быть измѣнены, объяснивъ притомъ основныя начала, которыми руководствовалось наше правительство при ихъ установленіи“.

Какъ-бы входя въ виды нашихъ уполномоченныхъ, кардиналъ Ламбрускини постановилъ первый вопросъ о предѣлахъ епископской власти; но потомъ „круто повернулъ рѣчь на безплодную почву — о способѣ сношеній, принятомъ въ Россіи за неизмѣнное правило, между латинскою церковью и главою католичества, и о правилахъ и догматахъ, одинаково исключительныхъ въ обѣихъ церквахъ, и слѣдовательно, не согласимыхъ между собою“. Въ такихъ преніяхъ прошло все первое засѣданіе, а также почти и все второе, не смотря на то, что наши уполномоченные взяли съ собою карту Россіи, чтобы приступить къ опредѣленію границъ епархій. Въ пятомъ засѣданіи кар-

диналъ Ламбрускини завелъ длинную рѣчь о неподсудности духовныхъ лицъ свѣтскимъ судамъ (les immunités ecclésiastiques) и объявилъ, что святой престолъ рѣшительно воспротивится тому, чтобы преступленія и проступки духовныхъ лицъ судились свѣтскими судами. Графъ Блудовъ замѣтилъ папскому уполномоченному, что объ этомъ вопросѣ папское правительство не заявляло прежде, что поэтому въ его инструкціяхъ нѣтъ никакихъ объ этомъ наставленій, а слѣдовательно, въ настоящихъ переговорахъ о немъ не должно бы быть и рѣчи. Но онъ рѣшился, однако же, отвѣчать кардиналу, чтобы сообщить нѣкоторыя объясненія. Ни одно состояніе въ Россіи, объяснилъ онъ, не изъято изъ дѣйствія общихъ законовъ, и въ дѣлахъ уголовныхъ всѣ подлежатъ одинаковому суду. Духовенство имѣетъ то преимущество, что можетъ посылать въ судъ своего депутата; преступныя лица этого сословія не подвергаются наказанію прежде, нежели духовный судъ не сниметъ съ нихъ духовнаго сана, а въ отношеніи къ наказаніямъ они пользуются исключеніемъ наравнѣ съ дворянами и не подвергаются ни клейменію, ни тѣлеснымъ наказаніямъ. Россія не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія: всѣ европейскія законодательства почти одинаково относятся къ этому вопросу.

Папскіе уполномоченные съ горячностію возражали, утверждая, что святой престолъ неизмѣнно поддерживаетъ то начало, что духовные въ дѣлахъ уголовныхъ никогда не должны быть подсудны свѣтскимъ судамъ, ни осуждаемы на лишеніе духовнаго сана безъ новаго пересмотра дѣла и безъ предварительнаго согласія церковныхъ властей. Въ примѣръ они приводили договоры съ Неаполемъ и Сардиніей. Имъ отвѣчали, что и католическія державы, какъ напримѣръ, Франція и Австрія, не допускаютъ этого.

Это правда, но во всякомъ случаѣ это нарушеніе каноническихъ правилъ, отвѣчали прелаты, и предлагали нашему уполномоченному, чтобъ онъ испросилъ особыя наставленія и сдѣлалъ бы уступку по этому важному вопросу. Графъ Блудовъ не только не согласился на это предложеніе, но и не допустилъ отложить вопросъ до будущихъ совѣщаній (ad referendum), какъ рѣшительно противный нашимъ основнымъ законамъ.

Шестое засѣданіе все прошло въ толкахъ о римско-католической духовной коллегіи и о смѣшанныхъ бракахъ. Наконецъ, въ девятомъ засѣданіи папскіе уполномоченные подняли самый щекотливый вопросъ — объ уніатахъ.

Такимъ образомъ, когда русскіе уполномоченные тщательно на-

правляли пренія на вопросы о разграниченіи епархій и о правахъ епископовъ, папскіе уполномоченные, наоборотъ, постоянно старались повернуть переговоры къ такимъ вопросамъ, которыхъ наше правительство желало избѣгнуть по ихъ неразрѣшимости. „Наши постоянныя усилія къ достиженію этой цѣли"—извѣщали наши уполномоченные правительство—„долго встрѣчали затрудненія и отсрочки, которыя тѣмъ труднѣе было отклонить, что папскіе уполномоченные, казалось, стремились, съ своей стороны, къ совершенно противуположной цѣли и хотѣли напередъ подвергнуть разсмотрѣнію все многочисленное количество притязаній и жалобъ, которыя папское правительство заявляло намъ въ своихъ сообщеніяхъ и запискахъ за послѣдніе годы, и затѣмъ уже перейдти къ вопросу о новомъ распредѣленіи епархій, въ заключеніе счетовъ, какъ къ уступкѣ съ ихъ стороны въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ уступчивы въ отношеніи къ ихъ требованіямъ".

Таковы были, съ самаго открытія совѣщаній, условія, при которыхъ уполномоченные обѣихъ договаривающихся сторонъ должны были вести пренія, кои, правда, не переставали быть учтивыми по внѣшнимъ пріемамъ и способу выраженія, но часто переходили въ мелочныя и безплодныя въ практическомъ отношеніи, особенно, когда касались скользкихъ вопросовъ іерархіи, церковнаго управленія и дисциплины, и наконецъ, догматовъ, то-есть, вопросовъ почти не разрѣшимыхъ. „Мы не отказывались разсуждать объ этихъ предметахъ, но усиливались всякій разъ перейдти къ такимъ вопросамъ, которые мы должны были почитать болѣе важными, болѣе полезными въ практическомъ отношеніи для самой латинской церкви въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе удобными для разрѣшенія. Наши постоянныя усилія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, и послѣ семи совѣщаній, посвященныхъ послѣдовательному разсмотрѣнію и оцѣнкѣ, болѣе или менѣе полной и окончательной, второстепенныхъ вопросовъ, предвидѣнныхъ и не предвидѣнныхъ инструкціей 15-го августа, намъ удалось, наконецъ, въ три засѣданія и въ особомъ совѣщаніи съ монсиньоромъ Корболи о нѣкоторыхъ подробностяхъ рѣшить вопросъ о разграниченіи епархій и объ учрежденіи новой, седьмой, для Новороссіи и Кавказа. Этотъ важный вопросъ былъ рѣшенъ въ главныхъ основаніяхъ въ десятомъ засѣданіи 26-го декабря. По общему соглашенію опредѣлены были границы прежнихъ епархій, такъ же какъ и новой, въ томъ видѣ, какъ было предположено нашимъ правительствомъ, и въ то же засѣданіе описаніе епархій, за нашею подписью, было передано уполномоченнымъ папскимъ, вмѣстѣ съ картою. Мы условились, что эти до-

кументы послужатъ основаніемъ какъ будущаго договора, такъ и папской буллы о разграниченіи епаркій, а въ послѣдствіи будутъ доставлены подробныя статистическія данныя о числѣ и наименованіи приходовъ, которыя обыкновенно прилагаются къ такимъ булламъ. Такого благопріятнаго послѣдствія, за которое мы обязаны, вѣроятно, личному вліянію папы, вслѣдствіе чего его уполномоченные принуждены были сдѣлаться сговорчивѣе, мы достигли, однако же, послѣ сильнаго боя, столько же горячаго, какъ и неожиданнаго, продолжавшагося почти все девятое засѣданіе, и который одно время грозилъ совершеннымъ паденіемъ всему вопросу о разграниченіи епархій. Кардиналъ Ламбрускини, припомнивъ прежніе оставшіеся безъ послѣдствій переговоры двухъ правительствъ, относительно духовной юрисдикціи Армянъ-католиковъ въ имперіи, и упирая на сомнѣнія совѣсти (les scrupules de conscience) первосвященника въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ уніатскаго исповѣданія, которыя остались ему вѣрными по обращеніи всего ихъ духовенства и паствы въ лоно православной церкви, вдругъ предложилъ, по случаю новаго разграниченія епархій, постановить нѣкоторыя правила, обезпечивающія какъ Армянамъ-католикамъ, такъ и уніатамъ отправленіе ихъ духовныхъ нуждъ согласно съ ихъ исповѣданіями. Изъ этихъ двухъ предложеній кардинала Ламбрускини, которыя не были и не могли быть предусмотрѣны инструкціей 15-го августа, первое, объ Армянахъ-католикахъ, было довольно легко опровергнуто нами и даже временно отклонено отъ настоящихъ переговоровъ на томъ основаніи, что этотъ вопросъ уже былъ прежде предметомъ переговоровъ между двумя правительствами въ обыкновенномъ дипломатическомъ порядкѣ; поэтому и въ послѣдствіи, независимо отъ занимавшаго насъ вопроса, онъ можетъ быть предметомъ отдѣльнаго соглашенія. Что касается до предположенія объ уніатахъ, будто оставшихся при своемъ исповѣданіи послѣ общаго присоединенія въ 1839 году, то оно было поддерживаемо съ такимъ же упорствомъ папскими уполномоченными, особенно монсиньоромъ Корболи, съ какимъ и мы его опровергали“.

Папскіе уполномоченные начали съ слѣдующаго замѣчанія: если послѣ присоединенія уніатовъ къ господствующей церкви и осталось въ уніи нѣсколько семействъ, и даже лицъ, то какъ бы мало ихъ ни было, они остаются, однако же, безъ пастырей, и слѣдовательно, безъ всякихъ средствъ получать духовную помощь согласно ихъ исповѣданію.

Графъ Блудовъ возразилъ на это, что они могутъ обращаться или

къ латинскимъ священникамъ, или къ духовенству Холмской уніатской епархіи въ царствѣ Польскомъ.

Папскіе уполномоченные, ссылаясь на древнія папскія буллы, говорили, что переходъ греко-уніатовъ въ латинское исповѣданіе положительно воспрещенъ, и что латинское духовенство не можетъ оказывать имъ духовныхъ пособій безъ особаго уполномочія со стороны святаго престола; поэтому необходимо при настоящихъ переговорахъ постановить какія-либо правила для успокоенія совѣсти и спасенія душъ тѣхъ хотя бы и не многихъ уніатовъ въ Россіи, которые остались вѣрными своему исповѣданію. Возможно было бы, по крайней мѣрѣ, уполномочить латинское духовенство принять ихъ подъ свою юрисдикцію. Въ противномъ случаѣ, святой престолъ будетъ считать вопросъ о новомъ разграниченіи епархій дѣломъ не оконченнымъ, пока будутъ оставаться нѣкоторыя лица его паствы, лишенныя на дѣлѣ возможности исполнять свои духовныя обязанности.

Это разсужденіе повело за собою продолжительные споры. Папскіе уполномоченные указывали на то, что при новомъ разграниченіи латинскихъ епархій въ Россіи, въ 1798 году, было учреждено три уніатскія епископства.

Неудачный опытъ связать вопросъ объ уніатахъ съ новымъ разграниченіемъ епархій чрезъ указаніе на историческій примѣръ былъ, конечно, легко отвергнутъ. Въ 1798 году въ Россіи считалось еще нѣсколько милліоновъ уніатовъ съ іерархіей вполнѣ устроенною; а въ то время, когда производились описываемые переговоры, оставалось, быть можетъ, незначительное число лицъ, разбросанныхъ на огромныхъ пространствахъ, которыя не только не могли составить епархіи, но даже прихода. Понявъ, конечно, всю видимую несообразность подобнаго предложенія и не желая высказать тайную мысль устроить уніатскую іерархію въ имперіи съ цѣлію вновь отвлечь обратившихся уніатовъ отъ православной церкви, папскіе уполномоченные предложили оставить этотъ вопросъ открытымъ до будущихъ переговоровъ (ad referendum).

Графъ Блудовъ, объявивъ рѣшительно, что и это предложеніе не можетъ быть принято, „счелъ долгомъ выразить удивленіе и сожаленіе, что можно было, при настоящихъ переговорахъ, выдвинуть такой вопросъ, какъ вопросъ объ уніатахъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ составляетъ уже совершившееся явленіе (un fait accompli); притомъ, явленіе, совершившееся по свободному и добровольному желанію какъ духовенства, такъ и народа, въ отношеніи къ которому

правительству оставалось только дать свое согласіе и утвержденіе. Поэтому, уполномоченные Императора не должны были бы входить ни въ какое разсужденіе по такому вопросу". Не смотря однако на это, графъ Блудовъ не отказался представить нѣкоторыя объясненія. Онъ указалъ на обращеніе уніатовъ въ православіе въ 1794 — 1796 годахъ, говоря, что оно было гораздо значительнѣе, нежели въ 1839 году, и не смотря на то, Римскій дворъ не протестовалъ въ то время. Дѣйствительно, въ запискѣ, переданной кардиналомъ Ламбрускини графу Нессельроду, упомянуто объ уніатахъ, но это произошло по ошибкѣ, ибо предполагалось, что ихъ осталось много. Между тѣмъ, если и остались они, то въ весьма незначительномъ количествѣ, и никакой русскій законъ не запрещаетъ имъ оставаться при ихъ исповѣданіи. Нельзя допустить даже и мысли о возможности входить въ соглашенія и установлять правила для такого незначительнаго числа лицъ этого исповѣданія. Не существуетъ же, да и существовать не можетъ, подобныхъ договоровъ съ другими государствами, на тотъ случай, если бы въ нихъ какъ-нибудь оказалось нѣсколько уніатовъ. Отклоняя такимъ образомъ возможность и дальнѣйшихъ переговоровъ объ этомъ вопросѣ, графъ Блудовъ присовокупилъ: „Я совершенно убѣжденъ, что ни одинъ русскій государь, опираясь на все свое могущество и верховную волю, не могъ бы, если бы даже и пожелалъ, возвратиться къ разсмотрѣнію, хотя бы и косвеннымъ способомъ, великаго, добровольнаго народнаго дѣла—возвращенія въ лоно господствующей церкви тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые принадлежали къ ней съ самаго начала введенія христіанства и отторгнуты отъ нея не болѣе двухъ-трехъ столѣтій, вслѣдствіе несчастныхъ войнъ и такихъ политическихъ мѣръ, сохраненныхъ исторіей того времени, о которыхъ упоминать теперь и показывать ихъ значеніе было бы не нужно и не умѣстно. Если же уполномоченные святаго престола, какъ они дали понять, хотятъ поставить вопросъ о новомъ разграниченіи епархій въ зависимость отъ этого вопроса, то мы не задумаемся ни на минуту скорѣе отказаться отъ разрѣшенія вообще этого вопроса, нежели согласиться на такое условіе, предлагаемое какъ sine qua non".

Такая рѣшительная и опредѣленная рѣчь произвела немедленное дѣйствіе на папскихъ уполномоченныхъ. Кардиналъ Ламбрускини и монсиньоръ Корболи старались оправдаться, говоря, что вовсе не думали придавать своему заявленію такое безусловное значеніе: ихъ цѣль состояла единственно въ томъ, чтобы заявить объ искренн

законной заботѣ святаго престола о духовныхъ пользахъ и нуждахъ немногихъ семействъ и лицъ, остатковъ того стада, которое находилось подъ пастырскимъ начальствомъ папы, и о его желаніи, весьма естественномъ, воспользоваться своимъ отеческимъ вмѣшательствомъ въ ихъ пользу теперь, при переговорахъ, продолжающихся въ духѣ взаимнаго благорасположенія.

Этотъ быстрый переходъ отъ настоятельныхъ требованій къ умѣренному заявленію желаній, который наши уполномоченные приписывали миролюбивому направленію самого папы, оказалъ свое дѣйствіе и на нихъ самихъ. „Не желая допускать переговоровъ до разрыва, папскіе уполномоченные“—какъ извѣщали правительство графъ Блудовъ и Бутеневъ—„въ то же засѣданіе старались придумать для рѣшенія вопроса какой-нибудь средній способъ, на который мы могли бы согласиться. Послѣ долгихъ разговоровъ они заявили слѣдующее: чтобъ избѣжать усложненія настоящихъ переговоровъ особыми условіями, можно было бы дозволить императорскому посольству представить, по принятому порядку, папскому кабинету ноту или сообщеніе такого содержанія, что если гдѣ-либо въ Россіи окажется нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, не оставившихъ уніи, то святой престолъ можетъ дать особое уполномочіе римско-католическимъ епископамъ имперіи принять этихъ лицъ подъ свою духовную юрисдикцію, какъ въ томъ отношеніи, чтобы сообщать имъ духовныя пособія и таинства, такъ и принимать ихъ, по ихъ желанію, прямо въ латинскую церковь, что̀ запрещено каноническими правилами, безъ особаго разрѣшенія святаго престола. Предложеніе, измѣненное въ такомъ смыслѣ, какъ по сущности, такъ и по формѣ, показалось намъ заслуживающимъ вниманія. Но во всякомъ случаѣ, предложеніе объ особой нотѣ или дипломатическомъ сообщеніи нашего посольства мы согласились принять къ свѣдѣнію до будущихъ сношеній (ad referendum) не иначе, какъ выразивъ его общѣе и правильнѣе, а именно: вызываемое со стороны святого престола распоряженіе не будетъ исключительно относиться къ уніатамъ, оставшимся послѣ присоединенія къ господствующей въ имперіи церкви, но къ уніатамъ царства Польскаго или къ случайно пріѣзжающимъ въ имперію послѣ 1839 г., и что только по необходимости это случайное распоряженіе можетъ быть распространено и на незначительное число уніатовъ, оставшихся послѣ присоединенія, если бы таковые оказались. Но во всякомъ подобномъ случаѣ, епископы обязаны узнавать, не переходили ли эти лица въ господствующую церковь, или не принадлежали ли къ ней постоянно.

„Выразивъ такимъ образомъ предложеніе папскихъ уполномоченныхъ и согласившись представить его на усмотрѣніе императорскаго кабинета, мы надѣялись положить конецъ разсужденіямъ по вопросу трудному, неожиданно возбужденному ими, и который мы старались устратранить изъ нашихъ переговоровъ. Не смотря на то, папскіе уполномоченные пытались возвратиться къ нему въ слѣдующемъ засѣданіи, съ помощію новыхъ пріемовъ и доказательствъ, которыхъ всегда много въ запасѣ у Римскаго двора. Они отрыли одно старинное постановленіе Латеранскаго собора, бывшаго во время Крестовыхъ походовъ (въ 1215 году), и повторенное потомъ въ буллѣ папы Бенедикта XIV, которое, по мнѣнію кардинала Ламбрускини, могло бы въ настоящее же время удовлетворительно разрѣшить вопросъ объ Армянахъ-католикахъ и *другихъ христіанахъ,* зависящихъ отъ святаго престола“.

Этимъ постановленіемъ Латеранскаго собора латинскимъ епархіальнымъ епископамъ дозволялось распространять свою духовную юрисдикцію и на христіанъ другихъ исповѣданій, зависѣвшихъ отъ римской церкви, и передавать духовнымъ лицамъ этихъ исповѣданій права совершать для нихъ духовныя требы и таинства. Такимъ образомъ, когда казалось полезнымъ, то римскими уполномоченными были выставлены каноны, запрещающіе латинскому духовенству принимать ніатовъ въ свою церковь и совершать для нихъ требы и таинства; но когда потомъ, смотря по обстоятельствамъ, оказывались выгоднѣе другіе, совершенно противоположные имъ каноны, то нашлись и такіе. Подобныя противорѣчія, весьма часто встрѣчающіяся въ каноническомъ правѣ латинской церкви и давшія поводъ къ развитію хитрой, юридической казуистики, не имѣютъ въ немъ того значенія, которое должны бы имѣть и имѣли бы во всякомъ другомъ законодательствѣ, духовномъ и даже свѣтскомъ. Окончательную силу каждому каноническому правилу въ католицизмѣ придаетъ живой источникъ всякаго права — воля папы: если она утверждаетъ силу дѣйствія однихъ каноновъ при опредѣленномъ случаѣ, то отъ того они получаютъ силу церковнаго закона, а противоположные имъ остаются въ запасѣ, до иныхъ обстоятельствъ, при которыхъ удобнѣе и полезнѣе будетъ употребить ихъ въ дѣло.

Это новое предложеніе хотя и казалось нашимъ уполномоченнымъ дѣйствительно такимъ, что могло бы оказать пользу въ отношеніи къ Армянамъ-католикамъ, но очевидно, папскіе уполномоченные имѣли въ виду и другую цѣль — распространить то же правило и на уніатовъ.

Поэтому они старались не входить въ разсмотрѣніе этого предложенія и остановиться на томъ способѣ рѣшенія этого вопроса, которое, по обоюдному соглашенію, было уже принято въ предшедшее засѣданіе. Это предложеніе требуетъ, говорили они, подробныхъ изслѣдованій и можетъ только отвлечь отъ существенныхъ предметовъ настоящихъ переговоровъ, и особенно отъ вопроса о разграниченіи епархій, по которому уже состоялось соглашеніе. Папскіе уполномоченные возражали не упорно, но замѣтили, что они еще не давали окончательнаго согласія по этому вопросу. Однако, послѣ долгихъ преній, они согласились на условленный уже способъ рѣшенія этого вопроса въ послѣдствіи, общимъ дипломатическимъ порядкомъ чрезъ наше посольство въ Римѣ. „Соглашаясь на это",—писали правительству наши уполномоченные,—„мы руководствовались двумя соображеніями, весьма важными. Вопервыхъ, поступая такъ, мы полагали пособить общей цѣли нашихъ переговоровъ, и особенно вопросу о новомъ разграниченіи епархій, который мы, согласно съ нашими инструкціями, должны были рѣшить прежде всѣхъ другихъ. Вовторыхъ, лишь только папскіе уполномоченные вызвали случайныя и неожиданныя разсужденія, которыя обличали ихъ тайныя мысли, долго ими скрываемыя, мы сочли долгомъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы сказать послѣднее слово и уничтожить въ самомъ началѣ возможность будущихъ упрековъ со стороны папскаго правительства, по случаю происшествія, причинившаго ему, конечно, чувствительный ударъ, каково было присоединеніе уніатовъ къ православной церкви, и доведшаго наши отношенія съ Римомъ до той степени раздраженія, которая выразилась въ знаменитой аллокуціи 1842 года и предвѣщала полный разрывъ между двумя правительствами. Сверхъ того, мы полагали, что не только возможно, но даже могло бы быть выгодно, особенно для Подольской епархіи, въ которой вовсе нѣтъ уніатовъ послѣ 1795 года, а также для Херсонской и для Кавказа, гдѣ ихъ никогда и не было, допустить съ нѣкоторыми особенными предосторожностями мѣру, предложенную папскими уполномоченными. При ея практическомъ приложеніи, предполагая, конечно, постоянный и бдительный надзоръ со стороны правительства, она не можетъ представить никакихъ неудобствъ или важныхъ затрудненій, а равно не возбудитъ ни столкновеній съ православнымъ духовенствомъ, ни основательныхъ съ его стороны опасеній".

Борьбу съ папскими уполномоченными, продолжавшуюся въ десяти первыхъ засѣданіяхъ, наши уполномоченные не считали и не мо-

гли считать безуспѣшною, потому что въ продолженіе долгихъ преній по вопросамъ, которые они постоянно усиливались отклонить, имъ удалось однако же провести почти всѣ тѣ вопросы, которые были указаны въ ихъ инструкціи, и достигнуть въ отношеніи къ нимъ предварительнаго, по крайней мѣрѣ, соглашенія. Съ дипломатической точки зрѣнія на ихъ сторонѣ осталась побѣда, хотя достигнутая продолжительными усиліями.

Въ числѣ вопросовъ, предварительно разрѣшенныхъ въ продолженіе преній о новомъ разграниченіи епархій, были слѣдующіе:

1) Во второе засѣданіе, чтобы прервать безплодныя пренія о свободѣ сношеній римскихъ католиковъ съ папскимъ престоломъ, наши уполномоченные подняли вопросъ объ епископской власти. Послѣ долгихъ разсужденій, касавшихся частныхъ случаевъ, которые наши уполномоченные старались объяснить своимъ собесѣдникамъ, графъ Блудовъ выразилъ одно общее правило, на которое можетъ согласиться наше правительство, въ слѣдующихъ словахъ: „Епископъ есть единственный судья и правитель своей епархіи, а также и начальникъ консисторіи“. Соглашаясь съ этимъ общимъ правиломъ, папскіе уполномоченные прибавили въ разъясненіе, что консисторія можетъ имѣть только такую степень власти, какую сообщитъ ей епископъ; что голосъ ея членовъ есть только совѣщательный, между тѣмъ какъ голосъ епископа имѣетъ рѣшающее значеніе, и онъ не обязать объяснять консисторіи, почему принимаетъ то или другое рѣшеніе. Поэтому всѣ члены консисторіи, а равно и секретарь ея, должны быть какъ опредѣляемы, такъ и увольняемы исключительно епископомъ.

Послѣднее замѣчаніе возбудило, конечно, споры и отъ частнаго вопроса о секретаряхъ возвело ихъ до общаго начала объ отношеніи свѣтской власти къ консисторіямъ и о степени надзора за ихъ дѣйствіями. При дальнѣйшихъ преніяхъ, продолжавшихся и въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, этотъ вопросъ раздѣлился на два — о степени участія правительства въ назначеніи и увольненіи членовъ консисторіи и о назначеніи правительствомъ секретарей или прокуроровъ.

Что касается до перваго вопроса, то папскіе уполномоченные безъ большихъ затрудненій согласились съ предложеніемъ графа Блудова, что епископъ самъ избираетъ членовъ консисторіи, но съ согласія правительства. Способъ же ихъ увольненія возбудилъ сильные споры. Русскіе уполномоченные, конечно, развивали ту мысль, что не было бы согласно съ достоинствомъ государства допустить смѣну безъ его согласія лицъ, назначенныхъ съ его одобренія. Но папскіе упол-

номоченные не переставали настаивать, что по каноническимъ правиламъ римской церкви, отъ которыхъ они не могутъ отступить, епископъ можетъ свободно смѣщать или отставлять тѣхъ изъ членовъ, которыхъ онъ сочтетъ неспособными продолжать свои обязанности, не испрашивая на то предварительнаго согласія, и даже не сообщая объ этомъ правительству, но ограничиваясь только его согласіемъ на избраніе новаго члена, въ замѣнъ уволеннаго. Въ противномъ случаѣ епископъ будетъ поставленъ въ зависимое положеніе вопреки каноническимъ правиламъ и постановленіямъ Тридентскаго собора.

Наконецъ, въ четвертомъ засѣданіи, рѣшились, прекратить продолжительныя пренія, постановивъ *предварительно* и до будущихъ совѣщаній (ad referendum) слѣдующія правила: „Назначеніе и увольненіе членовъ консисторіи зависитъ отъ епископа. Назначеніе производится съ согласія правительства. Въ томъ случаѣ, когда епископъ сочтетъ, по совѣсти, необходимымъ уволить какого-либо члена консисторіи, онъ обязанъ немедленно назначить ему преемника, также, какъ выше сказано, съ согласія правительства. Власть, сообщаемая епископомъ членамъ консисторіи, прекращается со смертью или увольненіемъ епископа или администратора вакантной епархіи. Администрація, въ вакантное время епископской каѳедры, или новый епископъ вновь составитъ консисторію по изложеннымъ выше правиламъ“.

При духовныхъ консисторіяхъ въ имперіи состояли секретари изъ свѣтскихъ лицъ и по назначенію отъ правительства, облеченные до нѣкоторой степени и правами прокурорскаго надзора. Папскіе уполномоченные, умышленно отдѣляя значеніе прокурора отъ занятій собственно секретарскихъ, говорили, что лица, которыя завѣдываютъ письмоводствомъ въ консисторіяхъ и составляютъ лишь совѣщательныя собранія епископа, естественно должны быть опредѣляемы епископомъ, и притомъ изъ духовныхъ лицъ. Неудовлетворительное положеніе секретарей при духовныхъ консисторіяхъ латинскихъ епископовъ въ имперіи дало нашимъ уполномоченнымъ поводъ, въ отвѣтъ на возраженія со стороны кардинала Ламбрускини и Корболи, предложить учрежденіе должности прокуроровъ. Обязанность ихъ заключалась бы въ правѣ останавливать (veto) рѣшенія консисторій, если бы они были въ противорѣчіи съ законами имперіи, и доводить объ этомъ до свѣдѣнія высшаго правительства въ томъ случаѣ, когда консисторія не уважила бы ихъ мнѣнія. Это предложеніе встрѣтило еще болѣе сильныя возраженія. Папскіе уполномоченные говорили, что учрежденіе прокуроровъ, постоянно стѣсняющее свободу дѣйствій

епископовъ и консисторій, совершенно противно каноническимъ правиламъ. На указаніе, что они существуютъ въ другихъ государствахъ, а именно въ Пруссіи (justitiarii), папскіе уполномоченные отвѣчали, что этого никогда не утверждалъ Римскій дворъ, а напротивъ того всегда протестовалъ, и просили, оставивъ это предположеніе, возвратиться къ вопросу о секретаряхъ. Конечно, изъ двухъ должностей, учрежденныхъ съ одною и тою же цѣлію, для Рима сподручнѣе была та, которая наименѣе могла исполнять свои обязанности, особенно, если новыми условіями удалось бы еще болѣе обезсилить ея значеніе и достигнуть полной свободы дѣйствія епископовъ и ихъ консисторій, безъ всякаго надзора со стороны правительства той страны, въ которой они находятся. Уступая настояніямъ, наши уполномоченные вновь обратились къ разсужденію о секретаряхъ и выразили его въ слѣдующихъ трехъ вопросахъ: епископъ или правительство назначаетъ секретарей; изъ духовныхъ лицъ или изъ свѣтскихъ; исключительно ли изъ римскихъ католиковъ, или въ число секретарей могутъ быть допускаемы и лица другихъ исповѣданій? Послѣ долгихъ преній, уступивъ папскимъ уполномоченнымъ по двумъ изъ этихъ вопросовъ, а именно о назначеніи секретарей епископомъ, но не иначе какъ съ согласія правительства, и непремѣнно изъ лицъ римско-католическаго исповѣданія, графъ Блудовъ сильно настаивалъ на томъ, чтобъ они были лица свѣтскія. „Наше правительство“—говорилъ онъ—„постоянно имѣло въ виду, изъ особеннаго уваженія къ духовному званію, избѣгать всего, что̀ могло бы въ дѣлахъ гражданскихъ и административныхъ поставить духовное лицо въ непосредственную отвѣтственность передъ свѣтскою властью по исполненію своихъ обязанностей. А это послѣдовало бы неминуемо, если бы секретари консисторій были назначаемы изъ духовныхъ лицъ“. Не достигнувъ, однако же, соглашенія, рѣшились составить слѣдующее предварительное правило: „Секретари консисторій назначаются епископами съ согласія правительства, но непремѣнно изъ свѣтскихъ лицъ“, оставивъ этотъ вопросъ до будущаго рѣшенія, равно какъ и вопросъ о прокурорахъ.

Отъ состава консисторій пренія естественно перешли къ вопросу о томъ, какія дѣла рѣшаетъ самъ епископъ, и какія онъ долженъ подвергать предварительно обсужденію консисторіи? Но слѣдуя уже принятому правилу объ отношеніи епископа къ его консисторіи, наши уполномоченные предложили руководствоваться въ этомъ случаѣ слѣдующими общими правилами: „Такъ какъ епископъ есть единственный судья и правитель своей епархіи, то дѣла, предоставляемыя раз-

смотрѣнію консисторіи, во всякомъ случаѣ рѣшаются не иначе, какъ властью епископа, и разсужденія консисторіи имѣютъ только совѣщательное значеніе. Въ случаѣ разногласія епископа съ консисторіей, мнѣніе его имѣетъ рѣшающую силу, и притомъ епископъ не обязанъ объяснять консисторіи, почему онъ не согласенъ съ нею".

Безъ сомнѣнія, это правило, составляющее послѣдовательный выводъ изъ прежде принятаго начала, не могло встрѣтить возраженій со стороны папскихъ уполномоченныхъ, тѣмъ болѣе, что въ виду этого начала самое это раздѣленіе дѣлъ представлялось если не излишнимъ, то совершенно невозможнымъ. Но при этомъ зашла рѣчь о томъ, не предоставить ли въ вѣдѣніе консисторій дѣлъ объ уничтоженіи монашескихъ обѣтовъ (de la nullité des voeux monastiques). Папскіе уполномоченные, замѣтивъ, что это превышаетъ права епископовъ и зависитъ отъ главныхъ начальниковъ монашескихъ орденовъ, прервали совѣщанія объ этомъ предметѣ. Но въ послѣдующихъ засѣданіяхъ этотъ вопросъ снова возникалъ, и по справкѣ съ буллою папы Бенедикта XIV, Si datam, на которую сослались наши уполномоченные, оказалось, что дѣйствительно, сужденіе по этимъ дѣламъ предоставляется епископу вмѣстѣ съ консисторіей. Не возражая, конечно, противъ папской буллы, римскіе уполномоченные желали только, чтобы въ сужденіяхъ по этимъ дѣламъ призывались къ участію и начальники тѣхъ монастырей, къ которымъ принадлежали подсудимые.

2) Седьмое засѣданіе, которое предположено было посвятить разсмотрѣнію вопроса о семинаріяхъ, графъ Блудовъ открылъ слѣдующими словами: „Если русское правительство соглашалось на пересмотръ постановленій о консисторіяхъ, съ тѣмъ, чтобы придать бо̀льшую свободу и независимость епископской власти и болѣе обширный кругъ дѣятельности согласно съ каноническими постановленіями римской церкви, то безъ сомнѣнія, съ тѣмъ же благорасположеніемъ оно готово приступить и къ разсмотрѣнію вопроса о семинаріяхъ". Въ этихъ видахъ Блудовъ предложилъ слѣдующія правила для ихъ устройства: а) право назначенія ректора и профессоровъ принадлежитъ епископу, но съ согласія правительства; б) равнымъ образомъ епископу принадлежитъ право руководить преподаваніемъ, наблюдать за дисциплиной, и въ случаяхъ особенной важности, которые могутъ быть съ точностію опредѣлены, совершенно закрывать всѣ или нѣкоторые курсы наукъ съ условіемъ — если епископъ сочтетъ нужнымъ воспользоваться такимъ правомъ, то обязанъ немедленно увѣдомить о томъ правительство; в) епископу же предоставляется право составлять

програмиы наукъ, которыя должны быть преподаваемы въ семинаріяхъ, представляя ихъ на предварительное утвержденіе правительства.

Эти главныя основанія, которыя наши уполномоченные считали весьма примирительными (si conciliantes), возбуждали сильныя возраженія со стороны уполномоченныхъ папскаго престола. Они находили ихъ не только противными канонамъ Тридентскаго собора, но и принятымъ во всѣхъ другихъ странахъ правиламъ. Они говорили, что епископъ исключительно и устроиваетъ семинаріи, и завѣдываетъ ими, съ помощію двухъ или трехъ депутатовъ отъ капитула.

Допустить такихъ депутатовъ, отвѣчалъ графъ Блудовъ, было бы возможно; но какъ это не было въ виду у нашего правительства и не вошло въ нами инструкціи, то вопросъ этотъ и долженъ быть оставленъ до будущаго разрѣшенія (ad referendum). Что же касается до другой стороны вопроса, то-есть, до участія правительства, то оно не можетъ отказаться отъ права, которое вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и его обязанность, наблюдать за семинаріями, давать свое согласіе на избраніе ректора и профессоровъ, одобрять программы для преподаванія наукъ, и тѣмъ болѣе, наблюдать за случаями закрытія курсовъ. Впрочемъ, дѣйствуя такимъ образомъ, русское правительство соблюдало бы только общія и неизмѣнныя правила, имѣющія силу въ отношеніи ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ имперіи.

Папскіе уполномоченные отвѣчали на это, что общія правила, дѣйствующія въ Россіи въ отношеніи къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, не могутъ имѣть никакого отношенія къ римской церкви. Она вошла въ имперію, руководимая каноническими законами и особыми правилами, которыми управлялась во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.

Такъ какъ кардиналъ Ламбрускини и монсиньйоръ Корболи уже не разъ заявляли подобныя притязанія, то при этомъ случаѣ наши уполномоченные вынуждены были отвѣчать имъ рѣшительно. „Признавая право свободнаго отправленія римско-католической вѣры за всѣми тѣми жителями имперіи, которые ее исповѣдуютъ, императорское правительство громко провозгласило *условіе,* которое, впрочемъ, должно было бы въ этомъ случаѣ подразумѣваться и само собою, а именно, что свободное отправленіе римско-католической вѣры по ея обрядамъ, ея духовенство и ея каноническіе законы дозволены и обезпечены въ той мѣрѣ, въ какой они не противны общимъ законамъ государства; что они, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ находиться подъ высокимъ покровительствомъ, но въ то же время и подъ верховнымъ наблюденіемъ правительства".

Рѣшительный отвѣтъ немедленно оказалъ дѣйствіе на папскихъ уполномоченныхъ. Продолжая споры и разсужденія, они видимо уже склонялись къ соглашенію; не отвергая прямо основнаго начала, но конечно, стараясь болѣе или менѣе ограничить его, они соглашались, что епископъ можетъ назначать ректора семинаріи, инспектора или префекта и профессоровъ не иначе, какъ съ одобренія правительства, и что онъ обязанъ увѣдомлять правительство о закрытіи курсовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ папскіе уполномоченные желали допустить только то, что эта обязанность лежитъ на епископѣ лишь тогда, когда онъ сочтетъ нужнымъ прибѣгнуть къ закрытію *всѣхъ* курсовъ. Что же касается до представленія правительству программъ преподаванія, то папскіе уполномоченные сильно возставали противъ этого правила, основываясь особенно на томъ, что ни одна держава не пользуется этимъ правомъ, и что уступивъ его Россіи, папскій дворъ въ послѣдствіи будетъ вынужденъ уступить его и всѣмъ другимъ. Принимая въ соображеніе это обстоятельство, графъ Блудовъ предложилъ вовсе не упоминать о немъ въ будущемъ договорѣ, но прибавилъ однако же, что на самомъ дѣлѣ это правило будетъ соблюдаться. Продолжительныя пренія не привели однако же къ окончательнымъ соглашеніямъ, и вопросъ остался открытымъ.

3) При совѣщаніяхъ о правахъ епископовъ въ отношеніи къ назначенію приходскихъ священниковъ папскіе уполномоченные возбудили вопросъ о правѣ патроната (jus patronatus) и возставали противъ его уничтоженія. Графъ Блудовъ отвѣчалъ, что это уничтоженіе вовсе не имѣло въ виду преобразованія латинской церкви или какихъ-либо выгодъ, но оно было вызвано политическими соображеніями. Это право принадлежало польскому дворянству, которое въ большей своей части принимало участіе въ возстаніи какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ тѣхъ губерніяхъ имперіи, которыя прежде находились подъ владычествомъ польскимъ. Оставить въ рукахъ такихъ неблагонадежныхъ лицъ, всегда склонныхъ къ возмущенію, такое сильное орудіе, какъ избраніе приходскихъ священниковъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на сельское народонаселеніе, было бы весьма небезопасно. Притомъ наше правительство предоставило это право епархіальнымъ епископамъ, какъ болѣе способнымъ выбирать болѣе благонадежныхъ людей.

Съ точки зрѣнія правъ и привилегій латинской церкви, постоянно возстававшей, въ отношеніи къ другимъ государствамъ Европы, противъ права патроната, папскимъ уполномоченнымъ, конечно, было не-

возможно и защищать его. Обличить же иную, тайную мысль, что Римскій дворъ защищаетъ въ этомъ случаѣ права польскихъ помѣщиковъ, даже въ ущербъ самой духовной власти латинской церкви, папскіе уполномоченные, безъ сомнѣнія, не желали и не могли. Поэтому кардиналъ Ламбрускини ограничился скромнымъ замѣчаніемъ, что въ виду злоупотребленій не слѣдовало бы уничтожать самое право, но достаточно было только пріостановить его дѣйствіе въ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ.

Злоупотребленіе этимъ правомъ, возразилъ графъ Блудовъ, не ограничивалось только частными случаями, но было дѣломъ всеобщимъ, и потому вынудило прибѣгнуть къ этой общей мѣрѣ.

Не продолжая болѣе разсужденій объ этомъ вопросѣ, папскіе уполномоченные вдругъ повернули рѣчь и начали утверждать, что права латинскихъ епископовъ въ имперіи значительно ограничены въ отношеніи къ назначенію приходскихъ священниковъ тѣмъ, что епископы должны избирать ихъ преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской римско-католической духовной академіи. Это замѣчаніе подало графу Блудову поводъ изложить всю исторію этой академіи, которая, при первоначальномъ своемъ основаніи, составляла лишь одинъ изъ факультетовъ Виленскаго университета, и только по его закрытіи въ 1832 году [1]), образовала отдѣльное учебное заведеніе, переведенное потомъ въ С.-Петербургъ. Это перемѣщеніе академіи было сдѣлано и потому еще, что главное надъ нею начальство принадлежало архіепископу Могилевскому, а онъ постоянно пребывалъ въ столицѣ. Это давало ему возможность болѣе бдительнаго надзора надъ академіею.

Въ отвѣтъ на это папскіе уполномоченные, изъявивъ удовольствіе, что академія изъята изъ-подъ вліянія свѣтскихъ лицъ, выразили вообще взглядъ папскаго престола на такого рода *высшія* духовно-учебныя заведенія. Они говорили, что святой престолъ готовъ признать существованіе С.-Петербургской академіи, какъ продолженіе Виленской, которая уже была имъ утверждена, и готовъ согласиться на ея подчиненіе архіепископу Могилевскому, но вообще какъ епископу, и не въ качествѣ *высшаго* образовательнаго для духовенства учрежденія, а только какъ семинаріи. „Вообще“ — говорили они — „святой престолъ много разъ высказывался противъ учрежденія академіи или высшихъ семинарій въ отношеніи къ другимъ государствамъ, и осо-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5317, указъ 1-го мая 1832 года.

бенно къ Австріи, потому что этого рода учрежденія очень часто оказывались несогласными съ каноническими правилами, и если сказать правду, жалобы въ этихъ случаяхъ святаго престола рѣдко были принимаемы; тѣмъ не менѣе онъ считалъ своимъ долгомъ повторять ихъ постоянно“.

Самая сущность этого объясненія уже показывала, что въ отношеніи къ этому вопросу нельзя было встрѣтить особенныхъ затрудненій со стороны папскаго престола; а право предъявлять лишь жалобы почему же было и не оставить за нимъ? Поэтому графъ Блудовъ перешелъ снова къ вопросу о приходскихъ священникахъ и предложилъ слѣдующее правило: „Епископъ назначаетъ приходскихъ священниковъ, но съ *утвержденія* правительства“. Римскіе уполномоченные просили замѣнить слово утвержденіе (confirmation) словомъ *согласіе* (agrément), на что наши уполномоченные и согласились.

Кромѣ этихъ главныхъ вопросовъ, заходила рѣчь о слишкомъ большой зависимости монаховъ отъ епархіальныхъ епископовъ и о духовной римско-католической коллегіи; но первый самъ собою не повелъ къ дальнѣйшимъ преніямъ, перешедшимъ къ другимъ предметамъ, а второй наши уполномоченные отклонили впредь до переговоровъ объ учрежденіи просинодальнаго суда. Но во всякомъ случаѣ, всѣ эти вопросы только примыкали къ главному, къ вопросу о новомъ разграниченіи епархій, къ которому, дѣйствительно, по его обширности можно было присоединить всѣ остальные. Имъ пользовались обѣ договаривающіяся стороны, чтобы привести въ исполненіе напередъ начертанныя ими программы для совѣщаній.

Въ восьмомъ совѣщаніи кардиналъ Ламбрускини высказалъ слѣдующій взглядъ въ отношеніи къ этому вопросу: „На основаніи каноническихъ постановленій“ — говорилъ онъ — „святой престолъ не иначе приступаетъ къ новому разграниченію епархій, какъ вслѣдствіе представленій самихъ епархіальныхъ епископовъ, съ изложеніемъ причинъ и съ приложеніемъ статистическихъ данныхъ о числѣ и распредѣленіи приходовъ и другихъ необходимыхъ свѣдѣній. Если самъ святой престолъ не можетъ по какимъ-либо причинамъ непосредственно заняться этимъ дѣломъ, то онъ передаетъ власть апостольскому легату, который, получивъ предварительно отъ епископовъ статистическія и другія свѣдѣнія, затѣмъ по соглашеніи съ правительствомъ страны, установляетъ новое разграниченіе или измѣняетъ существовавшее. Такъ, во Франціи это было ввѣрено въ 1802 году кардиналу Капрарѣ, въ Россіи кардиналу Литтѣ въ 1798 году, въ Неаполитанскомъ же

королевствѣ принималъ въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе самъ Римскій престолъ".

Наши уполномоченные, указавъ, что вопросъ о новомъ разграниченіи епархій былъ поднятъ самимъ папою Львомъ XII въ 1830 г., что въ настоящее время идетъ рѣчь собственно объ учрежденіи новой епархіи, и что хотя говорится вообще о разграниченіи, прежнія шесть епархій остаются почти въ тѣхъ же самыхъ границахъ, въ какихъ и теперь находятся. Такимъ образомъ затрудненіе могло состоять только въ неимѣніи статистическихъ данныхъ. Но ихъ можно было доставить въ послѣдствіи, поручивъ это Могилевскому архіепископа, а равно сообщить ему и власть для приведенія въ исполненіе самаго разграниченія. Безъ сомнѣнія, изъ одного только этого затрудненія Римскій дворъ не остановилъ бы такого важнаго для его видовъ дѣла, какъ учрежденіе новой латинской епархіи въ имперіи, и потому папскіе уполномоченные согласились на предложеніе нашихъ. Споры продолжались лишь о томъ, назначать ли одного, или двухъ суффрагановъ новому Херсонскому епископу. Но этотъ частный вопросъ не могъ остановить рѣшеніе вопроса общаго, котораго въ сущности Римъ и не желалъ останавливать, какъ неожиданно и значительно расширявшаго его власть въ областяхъ Русской имперіи. Имъ только пользовались его уполномоченные, чтобы возбуждать вопросы, входившіе въ составъ ихъ особой программы. Въ томъ же засѣданіи кардиналъ Ламбрускини выразилъ даже слѣдующую мысль: „Римскій дворъ, оказывая въ этомъ случаѣ содѣйствіе русскому правительству, дѣлаетъ, съ своей стороны, императорскому двору *уступку*, которая должна соотвѣтствовать болѣе или менѣе удовлетворительному рѣшенію другихъ вопросовъ, составляющихъ предметъ настоящихъ переговоровъ".

Такого страннаго притязанія, конечно, наши уполномоченные не могли оставить безъ рѣшительнаго опроверженія. Графъ Блудовъ сказалъ, что учрежденіе новой епархіи не только не можетъ выражать особой снисходительности Римскаго престола, но напротивъ того, должно возбудить его благодарность: русское правительство имѣло въ виду при этомъ случаѣ выгоды самой латинской церкви, облегчая и упрощая епископамъ этой церкви исполненіе ихъ пастырскихъ обязанностей и надзора, а паствѣ доставляя ближайшую возможность получать духовную помощь отъ своихъ пастырей. Само же русское правительство въ этомъ случаѣ ровно ничего не выигрываетъ. Такимъ образомъ дѣло, которымъ русскій дворъ полагалъ доказать свое благорасно-

ложеніе къ Римскому двору и внушить ему большее къ себѣ довѣріе, папскіе уполномоченные стремились обратить въ орудіе своихъ домогательствъ.

Такъ окончился первый періодъ нашихъ переговоровъ съ Римскимъ дворомъ. Заключая свой отчетъ объ этихъ десяти засѣданіяхъ, наши уполномоченные писали къ правительству, „что эти переговоры, которые производились въ продолженіе двухъ почти мѣсяцевъ на почвѣ, усѣянной всякаго рода препятствіями, или свойственными самимъ вопросамъ, или внушенными устарѣлыми предубѣжденіями и недовѣріемъ, постоянно питаемыми неблагонамѣренными внушеніями нашихъ политическихъ противниковъ, какова польская эмиграція, опирающаяся на революціонную Парижскую пропаганду и фанатическія газеты, не даютъ намъ права предсказывать дальнѣйшія послѣдствія и исходъ важной, ввѣренной намъ негоціаціи. Но да позволено намъ будетъ во всякомъ случаѣ надѣяться, что и до сихъ поръ они были не совершенно безплодны, не столько потому что уже достигнуто соглашеніе по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, сколько съ точки зрѣнія постепеннаго улучшенія нашихъ отношеній къ папскому правительству. Это улучшеніе доказывается тѣми выраженіями признательности и удовольствія, съ коими папа и его кабинетъ приняли извѣстіе объ особомъ посольствѣ, и тѣмъ уваженіемъ и знаками личнаго довѣрія, которые постоянно оказываютъ въ Римѣ первому уполномоченному. Быть можетъ, это улучшеніе обнаружилось и вліяніемъ личнаго расположенія папы на ходъ самыхъ переговоровъ, потому что только этого рода вліяніе могло вывесть ихъ изъ колеи мелкихъ словопреній, въ которую поставили было ихъ папскіе уполномоченные и въ которой они старались бы долго держаться. Если эта счастливая перемѣна произошла отъ такого высокаго вліянія, то это даетъ возможность надѣяться скорѣе на хорошія, чѣмъ на неблагопріятныя послѣдствія. Послѣ всѣхъ изложенныхъ соображеній, конечно, было бы еще преждевременно предсказывать полный успѣхъ вообще всей негоціаціи и предвидѣть, что въ будущемъ искренно и твердо установится доброе расположеніе между двумя правительствами. Но кажется, можно по справедливости сказать, что со времени императора Александра I сближеніе между двумя дворами никогда не было такъ осуществимо, какъ въ настоящее время“.

Хотя ожиданія и розовыя мечты нашихъ уполномоченныхъ должны были въ непродолжительномъ времени разсыпаться въ прахъ, именно потому, что они основывались на личномъ вліяніи папы на перего-

воры, тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что переговоры приняли нѣсколько миролюбивое направленіе и привели къ нѣкоторымъ соглашеніямъ именно вслѣдствіе его личнаго вліянія. Но это вліяніе было также непрочно и безплодно, какъ и то направленіе, которому слѣдовалъ Пій IX въ первые годы своего первосвященства, и также привело къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. Противодѣйствуя въ началѣ переговоровъ съ нашимъ правительствомъ вліянію враждебной Россіи ультрамонтанской партіи и въ то же время допустивъ ее къ исключительному участію въ переговорахъ, онъ въ послѣдствіи совершенно предался въ ея руки. Графъ Блудовъ, въ частномъ письмѣ къ канцлеру, отправленномъ изъ Рима въ одно время съ отчетомъ правительству о первыхъ десяти засѣданіяхъ, сообщалъ: „Мы не думаемъ, конечно, что приблизились къ главной цѣли нашихъ усилій; но мнѣ кажется, мы уже можемъ нѣсколько утѣшать себя тѣмъ, что достигли хотя нѣкотораго успѣха на этомъ трудномъ поприщѣ, успѣха, который Бутеневъ приписываетъ личному вліянію и вмѣшательству папы. Если такъ, то намъ представляется двойная причина утѣшать себя“. Бутеневъ, также въ частномъ письмѣ къ канцлеру, въ то же время отправленномъ, подтверждая это мнѣніе, описываетъ нѣкоторыя подробности, не лишенныя значенія: „Я не могу ничего прибавить“ — говоритъ онъ — „къ тѣмъ обширнымъ донесеніямъ, которыя мы отправляемъ сегодня, и къ тому общему очерку переговоровъ, который графъ Дмитрій Николаевичъ мастерски изложилъ въ письмѣ къ вамъ, только-что мнѣ прочитанномъ. Я ограничусь лишь тѣмъ, о чемъ не могъ съ удобствомъ говорить въ офиціальныхъ сообщеніяхъ, а именно, что личное недовѣріе и предубѣжденія противъ графа Блудова, которыя здѣсь имѣлись, явно выразились и въ папскихъ уполномоченныхъ; но эти чувства съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разсѣевались, по мѣрѣ того какъ уполномоченные знакомились съ благородствомъ его характера, съ изысканною учтивостію его обращенія и съ замѣчательными его дарованіями. Эта причина, вмѣстѣ съ личнымъ вліяніемъ самого папы, принудила кардинала Ламбрускини и его молодаго и хитраго сотоварища сдѣлаться сговорчивѣе, чѣмъ они были въ продолженіе первыхъ засѣданій, такъ что ваши предположенія въ отношеніи графа Блудова совершенно оправдались на самомъ дѣлѣ. Что же касается до личнаго расположенія Пія IX, то о немъ я могу судить по только-что дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ о томъ, какія наставленія онъ давалъ монсиньйору Брунелли, назначаемому нунціемъ въ Мадридъ. Онъ

совѣтовалъ ему быть болѣе сговорчивымъ нежели упрямымъ въ отношеніи къ устройству церковныхъ дѣлъ въ Испаніи. Онъ говорилъ ему: „Если дѣло не будетъ устроено вдругъ, какъ бы хотѣлось святому престолу, надобно потерпѣть и рѣшиться постепенно приводить дѣло къ доброму окончанію, съ помощію времени и Провидѣнія. Поспѣшимъ прежде всего назначить епископовъ, чтобы не оставлять паствы безъ пастырей". Этимъ же направленіемъ папа руководствовался, назначая коадъютора престарѣлому Мальтійскому епископу, о чемъ тщетно хлопотали при покойномъ папѣ и Ламбрускини. Намъ очень хотѣлось не оставлять васъ такъ долго въ неизвѣстности и сообщать свѣдѣнія постепенно, по мѣрѣ развитія переговоровъ; но графъ Блудовъ предпочелъ достигнуть хотя какого-нибудь частнаго результата для того, чтобы сообщить вамъ, а не затруднять васъ чтеніемъ утомительныхъ споровъ, въ которыхъ почти исключительно прошли первыя наши засѣданія. Вся ихъ тягость падала на перваго уполномоченнаго; онъ велъ всѣ словесныя пренія, къ которымъ я и не считаю себя способнымъ, особенно о такихъ предметахъ; но за то я держу перо и составляю отчеты преній послѣ каждаго засѣданія. Хотя эта работа менѣе трудна и важна, однако занимаетъ много времени, ибо мы имѣли почти по два засѣданія въ недѣлю. Однимъ словомъ, графъ Блудовъ великолѣпно ведетъ дѣло, а я исправляю должность начальника его штаба; если наша кампанія увѣнчается успѣхомъ, то это будетъ зависѣть, конечно, отъ его дарованій и познаній и отъ моего усердія".

Если, оставивъ въ сторонѣ всѣ отдѣльные вопросы, обратимъ вниманіе на общій характеръ цѣлаго ряда изложенныхъ нами переговоровъ, то мы не можемъ не замѣтить слѣдующихъ особенностей. Послѣ пресловутой аллокуціи 1842 года и многочисленныхъ дипломатическихъ заявленій папскаго правительства въ послѣдовавшіе за тѣмъ годы, оно, безъ сомнѣнія, ожидало, что во время этихъ переговоровъ будутъ разсмотрѣны и болѣе или менѣе разрѣшены *всѣ* вопросы, составлявшіе предметъ постоянныхъ пререканій между нимъ и нашимъ правительствомъ. Назначеніе чрезвычайнаго посольства поддерживало въ немъ это ожиданіе, и такое именно значеніе хотѣли придать переговорамъ папскіе уполномоченные. Между тѣмъ переговоры приняли, и притомъ по настояніямъ нашихъ уполномоченныхъ, *частный* характеръ, характеръ переговоровъ только по *нѣкоторымъ* вопросамъ, исключительно указаннымъ въ инструкціяхъ. Хотя и по этимъ вопросамъ были приняты большею частію только *предварительныя* рѣшенія,

которыя, съ одной стороны, вынуждали нашихъ уполномоченныхъ просить новыхъ наставленій отъ правительства, а съ другой, открывали папскимъ уполномоченнымъ возможность дальнѣйшихъ о нихъ разсужденій и преній; тѣмъ не менѣе эти вопросы были во всякомъ случаѣ разсмотрѣны и обсужены уполномоченными обѣихъ сторонъ. При частномъ характерѣ переговоровъ естественно, однако же, что многіе вопросы вовсе были исключены изъ ихъ области, да о нихъ, въ строгомъ смыслѣ, и не могли быть допущены пренія, а если и допускались, то именно съ тою цѣлію, чтобъ ихъ устранить. И дѣйствительно, были устранены многіе вопросы, впрочемъ не окончательно. По нѣкоторымъ вопросамъ было положительно выражено, что они могутъ быть предметомъ совѣщаній между двумя правительствами, но независимо отъ настоящихъ переговоровъ; по другимъ вопросамъ допущены были, уже во время самыхъ переговоровъ, нѣкоторыя уступки, хотя и предварительныя. „Незначительныя уступки, впрочемъ болѣе кажущіяся, надежду на которыя мы считали нужнымъ оставить имъ", — говоритъ графъ Блудовъ въ частномъ письмѣ къ канцлеру, о которомъ мы уже упоминали выше, — „повидимому, не могутъ ни подать поводъ къ важнымъ затрудненіямъ, ни стѣснить административныя или правительственныя мѣры, которыя въ послѣдствіи оказалось бы необходимымъ принять. Папскіе уполномоченные сами понимаютъ это, и если настаиваютъ съ нѣкоторымъ упорствомъ, то единственно, чтобъ успокоить совѣсть свою, какъ духовныхъ лицъ, священнослужителей, а равно и совѣсть папы, чтобы въ послѣдствіи сказать: мы сдѣлали все, что возможно было сдѣлать. Эти-то именно сомнѣнія священнической совѣсти (ces scrupules de conscience ecclésiastique) постоянно примѣшиваются, и такъ-сказать, усложняютъ всѣ вопросы, составляющіе предметъ изслѣдованій и разсужденій въ нашихъ переговорахъ, и представляютъ столько препятствій, иногда неожиданныхъ. Дай Богъ, чтобы добрый геній русскаго императора помогъ намъ преодолѣть ихъ, и чтобъ я не умеръ отъ этого труда". Обращая вниманіе канцлера на нѣкоторые изъ вопросовъ совѣщаній, Блудовъ продолжалъ: „Мы должны испросить еще *полномочія* отъ императора и его министерства, или говоря языкомъ римской канцеляріи, *власть* (faculté) не помѣщать рѣшенія многихъ изъ этихъ, и быть можетъ, еще другихъ вопросовъ въ томъ договорѣ, который можетъ быть заключенъ съ святымъ престоломъ. По нашему мнѣнію, они должны составить предметъ особыхъ дипломатическихъ нотъ или протокола, подписаннаго уполномоченными обѣихъ сторонъ. Не обширность и

большое число статей нашего будущаго конкордата или конвенціи должны составлять его достоинство. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы безъ особыхъ неудобствъ его можно было показать не только нашимъ подданнымъ римско-католическаго исповѣданія, но также и нашему православному духовенству, нашимъ ревнителямъ (zélantes de l'orthodoxie) православія, которые наблюдають за нами. Достаточно доказать всѣмъ, что мы достигли соглашенія, что нѣтъ болѣе облаковъ, или по крайней мѣрѣ тучъ между нами и Римомъ, и вырвать такимъ образомъ изъ рукъ людей неблагонамѣренныхъ то оружіе, которымъ они дѣйствуютъ противъ насъ, одно изъ самыхъ опасныхъ оружій, потому что оно прикрывается священнымъ знаменемъ".

Такимъ образомъ долго продолжавшаяся распря между русскимъ правительствомъ и Римомъ не только не оканчивалась, но наоборотъ, ей было указано еще дальнѣйшее продолженіе.

Соотвѣтствовало ли такое значеніе этихъ переговоровъ ожиданіямъ обѣихъ сторонъ, и могло ли оно удовлетворить ихъ?

Въ упомянутомъ уже письмѣ къ графу Нессельроду, графъ Блудовъ говоритъ: „Изъ отчетовъ о нашихъ переговорахъ вы усмотрите, я надѣюсь, что мы не упустили изъ виду возложенную на насъ обязанность исправить ложныя мнѣнія, которыя здѣсь господствовали особенно о тайныхъ намѣреніяхъ, о заднихъ будто бы мысляхъ нашего правительства. Мы не упускали ни одного представлявшагося намъ случая дѣйствоватьвъ этомъ направленіи, конечно, сообразно съ достоинствомъ нашего правительства. Эта сторона ввѣренныхъ намъ переговоровъ, конечно не менѣе важна и не менѣе полезна, чѣмъ другая. Вы припомните, графъ, что при первой мысли о моемъ назначеніи, я выражалъ мнѣніе, которое, смѣю думать, заслужило высочайшее одобреніе Императора, а также и ваше, что главнѣйшій предметъ предположенныхъ переговоровъ, для котораго, быть можетъ, слѣдовало пожертвовать нѣкоторыми второстепенными соображеніями, долженъ заключаться не въ томъ, чтобы разрѣшить тотъ или другой вопросъ въ нашихъ совѣщаніяхъ съ святымъ престоломъ, или даже разрѣшить всѣ вопросы, чего нельзя было и требовать и на что̀ нельзя было надѣяться, — но въ томъ, чтобы возстановить, въ виду всей Европы, которая наблюдаетъ за нами, отношенія между двумя кабинетами, основанныя на взаимномъ благорасположеніи и довѣріи, по крайней мѣрѣ, на сколько это возможно при настоящихъ обстоятельствахъ и принимая въ соображеніе самую сущность этихъ отношеній. Мы полагаемъ, что мы въ нѣкоторой степени успѣли въ этомъ отношеніи: старались

пользоваться каждымъ открывавшимся случаемъ и даже сами изыскивали такіе случаи, чтобъ опровергать опасенія и предубѣжденія противъ насъ Римскаго двора, которыя другая сторона старалась поддерживать всѣми силами и средствами. „Знаете ли", — сказалъ я однажды, полусмѣясь, полусеріозно, уполномоченнымъ папскаго престола, — „почему Императоръ и не думаетъ вовсе объ обращеніи своихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія въ православіе? Не потому только, что онъ великъ, великодушенъ, исполненъ терпимости, и что терпимость составляетъ одно изъ основныхъ началъ нашего законодательства, но и потому еще, что это *невозможно*". Я видѣлъ, что эта, повидимому, шутка произвела свое дѣйствіе, и взрывъ смѣха, которымъ мнѣ отвѣчали, былъ выраженіемъ непритворнаго удовольствія. Дѣйствительно, кардиналъ Ламбрускини и монсиньйоръ Корболи люди государственные на столько, что могутъ понять, что мудрое и искусное правительство,—а они соблаговолили счесть насъ весьма искусными (habiles)— никогда не рѣшится преслѣдовать такую цѣль, которую невозможно достигнуть, потому что это значило бы впасть въ нелѣпость. И слѣдовательно, обращеніе нашихъ бывшихъ уніатовъ въ православіе массами нисколько не должно пугать римскихъ католиковъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что это обращеніе еще тяжело лежитъ у нихъ на сердцѣ, особенно у кардинала Ламбрускини, потому что оно совершилось во время его министерства".

Изъ этихъ словъ видно, что частный характеръ переговоровъ, ограничивавшихся лишь нѣкоторыми вопросами, не только не былъ въ противоположности съ видами нашего правительства, но наоборотъ вполнѣ имъ соотвѣтствовалъ и могъ удовлетворить его при одномъ только условіи, чтобъ эти переговоры могли разсѣять предубѣжденія Римскаго двора противъ Россіи и достигнуть отношеній съ нимъ, основанныхъ на взаимномъ довѣріи и благорасположеніи.

Мы полагаемъ даже, что частный характеръ переговоровъ могъ удовлетворить и Пія IX и его министровъ статсъ-секретарей, каковы были кардиналъ Гицци и потомъ занявшій его мѣсто кардиналъ Феретти, судя по тому направленію, котораго держалось правительство этого папы въ первые годы его царствованія; по крайней мѣрѣ — удовлетворить *временно*, въ надеждѣ именно, при водворившемся взаимномъ довѣріи и благорасположеніи между двумя кабинетами, достигнуть въ послѣдствіи бо́льшихъ уступокъ. Но такой характеръ переговоровъ никакъ не могъ удовлетворить самихъ папскихъ уполномоченныхъ, потому что онъ былъ совершенно несогласенъ съ напередъ

начертанною ими программой, устранялъ бо́льшую часть возбужденныхъ ими вопросовъ и не соотвѣтствовалъ тому ультрамонтанскому направленію, котораго кардиналъ Ламбрускини былъ представителемъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, его поддерживали Корболи и Тейнеръ, оба приближенныя лица новаго папы, и поощрялъ повѣренный князя Чарторыйскаго. Но устраняя вопросы папскихъ уполномоченныхъ, переговоры открывали имъ другой путь для разрѣшенія. Этимъ-то путемъ папскіе уполномоченные, какъ увидимъ, и воспользовались въ послѣдствіи.

VI.

Праздники Рождества Христова прервали совѣщанія между императорскими и папскими уполномоченными, но не надолго: совѣщанія открылись снова 2/14 января 1847 года, раньше, нежели графъ Блудовъ и Бутеневъ могли получить новыя наставленія, которыхъ требовали отъ правительства по вопросамъ, оставленнымъ въ первомъ періодѣ совѣщаній ad referendum. Впрочемъ, эта причина собственно и не могла отсрочить совѣщаній, потому что оставалось еще нѣсколько вопросовъ, указанныхъ въ инструкціи уполномоченныхъ и не бывшихъ предметомъ разсужденій. Наши уполномоченные, конечно, желали обратить вниманіе именно на эти вопросы, изъ которыхъ учрежденіе просинодальнаго суда они считали особенно важнымъ, такъ что разрѣшеніемъ его надѣялись заключить совѣщанія о всѣхъ правилахъ, которыя должны были войдти въ будущій договоръ съ Римскимъ дворомъ. Но папскіе уполномоченные или возвращались къ вопросамъ, прежде устраненнымъ, или возбуждали новые. Замѣчаніе нашего уполномоченнаго было, конечно, справедливо: ничто такъ *не лежало на сердцѣ* папскаго правительства, и особенно кардинала Ламбрускини, какъ вопросъ объ уніатахъ. Поэтому представители папскаго двора, придираясь къ тому, что наши уполномоченные признали постановленіе Латеранскаго собора, повторенное и въ буллѣ папы Венедикта XIV, требующимъ особыхъ соображеній, обратились къ этому предмету въ первое же засѣданіе (11-е) по возобновленіи переговоровъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нѣсколько свободныхъ дней они будто бы достаточно сообразили это дѣло; но въ сущности этотъ вопросъ не требовалъ особыхъ соображеній и былъ отклоненъ въ свое время по инымъ, весьма понятнымъ для папскихъ уполномоченныхъ, причинамъ.

Предлагая вновь принять правила Латеранскаго собора, папскіе

уполномоченные увѣряли, что такая мѣра отклонитъ многія затрудненія и вообще будетъ существенно способствовать успѣху переговоровъ. Но графъ Блудовъ, придерживаясь уже прежде выраженнаго направленія, говорилъ, что это правило могло бы имѣть значеніе только въ отношеніи къ Армянамъ-католикамъ, но что въ прошедшихъ засѣданіяхъ было уже рѣшено, вопросъ о нихъ, какъ побочный и случайный, отложить до другаго времени; что во всякомъ случаѣ предлагаемое правило могло быть примѣнено только къ Каменецъ-Подольской и будущей Херсонской епархіямъ, въ предѣлахъ которыхъ находится значительное число Армянъ-католиковъ, и что, быть можетъ, только ихъ было бы возможно безъ особенныхъ неудобствъ подчинить юрисдикціи латинскихъ епископовъ на основаніи правила Латеранскаго собора. Папскіе уполномоченные, не видя уже болѣе возможности скрывать тайную цѣль, соединенную съ этимъ предложеніемъ, возражали, что это правило въ равной мѣрѣ можетъ быть распространено и на другія епархіи въ Имперіи не только въ отношеніи къ Армянамъ-католикамъ, но и къ греко-уніатамъ, въ какомъ бы незначительномъ количествѣ они ни оказались, и все равно, будутъ ли они священники или міряне.

„Если нѣтъ уніатскихъ приходовъ", замѣтилъ графъ Блудовъ, „то не можетъ быть и священниковъ".

„По правиламъ римской церкви", отвѣчалъ кардиналъ Ламбрускини, „священники могутъ быть и безъ приходовъ и исправлять свои обязанности, находясь въ вѣдѣніи латинскихъ епископовъ. Уніатскій священникъ не можетъ и перейдти въ латинскую церковь, какъ это было говорено о свѣтскихъ лицахъ, потому что латинская церковь не допускаетъ женатыхъ священниковъ".

Но если нѣтъ прихожанъ, то не для кого уніатскому священнику и совершать требъ; если нѣтъ храмовъ, то негдѣ и священнодѣйствовать. Очевидно, что новое и частное обстоятельство — уніатскіе священники — придумано было только для того, чтобы снова возбудить общій вопросъ.

Графъ Блудовъ снова отклонилъ этотъ вопросъ, какъ основанный только на *предположеніи*, что существуютъ еще такіе уніаты и уніатскіе священники; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ нужнымъ показать папскимъ уполномоченнымъ, что понимаетъ ихъ тайное желаніе, удовлетворить которое русское правительство, безъ сомнѣнія, никогда не согласится. „Послѣ обращенія всѣхъ уніатовъ въ лоно православной церкви", сказалъ графъ, „правительство никогда не допуститъ никакой

мѣры, которая, такъ-сказать, имѣла бы въ виду образовать ядро новой общины этого исповѣданія и подчинить ее, съ ея собственными священниками, юрисдикціи латинскихъ епископовъ. Впрочемъ, что касается до отдѣльныхъ лицъ греко-уніатскаго исповѣданія, еслибъ они и нашлись послѣ присоединенія въ 1839 году, то въ прежнихъ засѣданіяхъ, хотя и для донесенія своимъ правительствамъ (ad referendum), но съ общаго соглашенія пришли въ отношеніи къ нимъ къ тому заключенію, что русское посольство, находящееся въ Римѣ, обыкновеннымъ дипломатическимъ порядкомъ, независимо отъ настоящихъ переговоровъ, отнесется съ нотою къ святому престолу и въ этой нотѣ предложитъ ему снабдить латинскихъ епископовъ полномочіемъ и наставленіями о томъ, чтобъ они озаботились исполненіемъ духовныхъ требъ въ отношеніи къ этому разряду лицъ". Въ виду этого обстоятельства графъ Блудовъ полагалъ, что не слѣдуетъ и возбуждать этотъ вопросъ и тѣмъ затруднять разрѣшеніе другаго — о разграниченіи епархій. На это заявленіе нашего уполномоченнаго кардиналъ Ламбрускини и монсиньйоръ Корболи поспѣшили отвѣтить, что они и не имѣли намѣренія затруднять или усложнять состоявшіяся уже соглашенія, но напротивъ того желали пособить приведенію ихъ въ исполненіе. Предлагая въ этомъ случаѣ примѣнить правило Латеранскаго собора, они, безъ сомнѣнія, подразумѣвали, что святой престолъ предложитъ его только по полученіи заявленій отъ русскаго посольства въ Римѣ, какъ среднюю мѣру къ разрѣшенію вопроса, уже предварительно рѣшеннаго и отложеннаго ad referendum.

Долго разсуждали объ этомъ правилѣ папскіе уполномоченные, и особенно кардиналъ Ламбрускини настаивалъ на его практической пользѣ, пока наконецъ графу Блудову удалось направить переговоры на новый вопросъ о провинціалахъ монашескихъ орденовъ, который и составилъ предметъ долгихъ преній въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій.

На замѣчаніе нашихъ уполномоченныхъ, что латинскіе монастыри въ Имперіи находятся въ большомъ упадкѣ, кардиналъ Ламбрускини и монсиньйоръ Корболи, по всегдашнему обычаю папскаго правительства, приписывали этотъ упадокъ главнымъ образомъ тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты въ отношеніи къ нимъ нашимъ правительствомъ. Въ числѣ этихъ мѣръ они указали на закрытіе большаго числа монастырей и на препятствія къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ, которое допускается въ Россіи только по достиженіи 30-лѣтняго возраста, тогда какъ Тридентскій соборъ установляетъ для

этого гораздо болѣе ранній возрастъ; далѣе, они указывали на постепенное уничтоженіе монастырскихъ училищъ, на незначительное число монастырей, очевидно, не соотвѣтствующее числу монаховъ, оставшихся послѣ закрытыхъ монастырей, и наконецъ, на совершенное уничтоженіе нѣкоторыхъ изъ монашествующихъ орденовъ, какъ, напримѣръ, ордена св. Викентія Павла или миссіонеровъ, исключительно посвящавшихъ себя воспитанію юношества для духовныхъ занятій, сестеръ милосердія и др. По мнѣнію прелатовъ, исчисленныя мѣры, съ одной стороны, должны были препятствовать надлежащему приготовленію тѣхъ, кто посвящаетъ себя монашескому званію, а съ другой, управленіе и дисциплина въ монастыряхъ страдаютъ отъ недостатка надлежащаго наблюденія надъ ними; ибо эти мѣры уничтожили монастырскую іерархію, установленную канонами собственно въ отношеніи къ монастырямъ, и подчинили ихъ исключительно власти епархіальныхъ епископовъ, которая ограничена извѣстными предѣлами.

Въ отвѣтъ на это наши уполномоченные должны были войдти въ подробныя соображенія для объясненія принятыхъ нашимъ правительствомъ мѣръ. Закрытіе нѣкоторыхъ монастырей они объясняли участіемъ ихъ въ мятежѣ и тѣмъ, что въ нихъ не имѣлось того числа монаховъ, которое, на основаніи каноническихъ правилъ самой же латинской церкви, считается необходимымъ для существованія монастыря. Училища существовали лишь въ немногихъ монастыряхъ, и преподаваніе въ нихъ, по невѣжеству самихъ монаховъ, было такъ ничтожно, что необходимо было ихъ уничтожить съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ въ послѣдствіи другими заведеніями, болѣе согласными съ цѣлію самого учрежденія монастырей. Что касается до необходимости распространить власть епископовъ и на монастыри, то это признано всѣми правительствами, и католическими, и протестантскими, и самимъ латинскимъ духовенствомъ Имперіи. Допуская, что по канонамъ латинской церкви, власть епископовъ надъ монастырями должна касаться только внѣшней дисциплины, наши уполномоченные, въ удовлетвореніе желаній Римскаго двора, предложили, чтобы монастыри для наблюденія за внутреннею въ нихъ дисциплиною сами избирали своихъ провинціаловъ, по одному въ каждой епархіи, но чтобъ эти провинціалы были подчинены епископамъ. „Это предложеніе“, писали наши уполномоченные русскому правительству, „долженствовавшее, повидимому, удовлетворять желаніямъ папскихъ уполномоченныхъ, не было встрѣчено ими съ тѣмъ доброжелательствомъ,

котораго слѣдовало бы ожидать, еслибъ оно не было ограничено сказанными условіями". Безъ сомнѣнія, если бы дозволить монашескимъ орденамъ избирать себѣ провинціаловъ (которые, по уставамъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, подчиняются не епархіальнымъ начальствамъ, а только своимъ генераламъ, подчиненнымъ въ свою очередь исключительно папѣ), безъ условій, постановленныхъ нашими уполномоченными, то желанія Рима были бы совершенно удовлетворены. Кардиналъ Ламбрускини немедленно и указалъ на эти уставы монашескихъ орденовъ и на подчиненность провинціаловъ единственно ихъ генераламъ и папѣ. Онъ и его сотрудникъ Корболи объявили, что въ отношеніи къ власти епископовъ надъ монастырями они готовы принять въ основаніе тѣ начала, которыя въ 1817 году были выражены въ нотѣ кардинала Консальви нашему посланнику въ Римѣ Италинскому по случаю требованія русскаго правительства о сообщеніи митрополиту Сестренцевичу правъ примаса латинской церкви въ Имперіи. Въ нотѣ же своей кардиналъ Консальви писалъ: „Въ послѣднемъ сообщеніи относительно полномочій, испрашиваемыхъ для новаго примаса, которое было въ продолженіе нѣскольких засѣданій разсматриваемо священною коллегіей, упоминалось между прочимъ о подчиненіи монаховъ митрополиту и другимъ епископамъ. На такое предложеніе считаю долгомъ отвѣтить, что монашескіе ордена, въ силу древнихъ привилегій, исключены даже изъ *общаго права* (jus commune) церкви и подчинены исключительно святому престолу. Это исключеніе не препятствуетъ однако же подчиненію ихъ епархіальнымъ епископамъ въ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, которые прямо опредѣлены священными канонами, и особенно канонами послѣдняго вселенскаго собора (то-есть, Тридентскаго), предоставляющими епископамъ право дѣлать увѣщанія настоятелямъ монастырей, въ коихъ не строго соблюдаются монашескіе уставы, съ тѣмъ, что если въ продолженіе шести мѣсяцевъ они не исправятъ замѣченныхъ злоупотребленій, то епископы могутъ, въ качествѣ уполномоченныхъ святаго престола, посѣтить монастырь (entreprendre la visite) и наказать виновныхъ, на тѣхъ же правахъ, какъ начальники монастырей на основаніи орденскихъ уставовъ, не смотря ни на какія привилегіи и безъ права жалобы на нихъ [1]). Кромѣ того, въ случаяхъ особенной важности святой престолъ облекаетъ какого-нибудь епископа званіемъ визитатора мона-

[1]) Canones Consil. Trident., sess. 21, reg. C. 8.

ховъ временно, ad tempus. Такъ поступилъ святой памяти Пій VI, давъ Сестренцевичу, тогда еще епископу Мальскому (9-го августа 1778 году), власть посѣщать монастыри обоего пола и установлять, гдѣ окажется нужнымъ, строгое исполненіе ихъ уставовъ. Такимъ образомъ церковь въ предвидѣніи своемъ ужь установила надлежащія мѣры, давъ епископамъ право наблюдать надъ монашескими орденами и требовать исполненія ихъ уставовъ. Но никогда церковь не поставляла епископовъ собственно начальниками монашескихъ орденовъ и не лишала монаховъ дарованныхъ имъ преимуществъ".

Принимая въ основаніе изложенныя въ этой нотѣ начала, папскіе уполномоченные выразили слѣдующее предположеніе о выборѣ провинціаловъ: „Провинціалъ, избранный монастырскимъ капитуломъ по всѣмъ правиламъ, не можетъ быть представляемъ на утвержденіе епископа, какъ предлагаютъ императорскіе уполномоченные, безъ нарушенія установленной іерархіи и каноническихъ правилъ; но представляется дѣйствительный и правильный способъ достигнуть той же цѣли, а именно установивъ, что капитулъ, собравшійся для избранія провинціала, можетъ открыться не иначе, какъ подъ предсѣдательствомъ епископа или его уполномоченнаго. Такимъ образомъ епископъ не только будетъ всегда имѣть необходимое вліяніе на выборъ и его правильность, но также, въ случаѣ нужды, можетъ остановить выборъ; а если бы выборъ состоялся и противъ его желанія, или еслибъ епископъ находилъ его не соотвѣтствующимъ цѣли, то онъ всегда можетъ воспрепятствовать его объявленію и отнестись къ святому престолу".

Когда наши уполномоченные объявили согласіе опредѣлить отношенія епископской власти къ монастырямъ на началахъ, выраженныхъ въ нотѣ кардинала Консальви, и приняли предложеніе папскихъ уполномоченныхъ относительно выбора провинціаловъ, то возникъ споръ о числѣ послѣднихъ. Папскіе уполномоченные утверждали, что не возможно допустить учрежденіе шести провинціаловъ въ Имперіи, то-есть, по одному на каждую епархію (кромѣ Херсонской, въ которой вовсе не было монастырей), и что на основаніи каноническихъ правилъ можно допустить только двухъ провинціаловъ на всю Россію. Въ отвѣтъ на это графъ Блудовъ замѣтилъ, что русское правительство особенно настаиваетъ на учрежденіи въ каждой епархіи по отдѣльному провинціалу для того, чтобъ избѣжать столкновеній въ отношеніи подсудности, которыя неминуемо послѣдуютъ, если

одинъ и тотъ же провинціалъ будетъ подчиненъ двумъ или тремъ епископамъ, смотря по нахожденію монастырей въ разныхъ епархіяхъ. Столкновенія этого рода и были именно причиною тѣхъ ссоръ и безпорядковъ въ управленіи монастырями, которые вызвали многочисленныя жалобы правительству со стороны епископовъ; а эти жалобы, въ свою очередь, вынудили правительство уничтожить провинціаловъ, чтобы возстановить порядокъ и единство въ епархіальномъ управленіи, въ которомъ епископъ, какъ въ силу каноническихъ правилъ, такъ и по видамъ императорскаго правительства, долженъ быть единственнымъ судьей и правителемъ. Такой порядокъ не представляетъ собою исключительнаго примѣра: онъ существуетъ и въ Австріи.

Но вопросъ о числѣ провинціаловъ въ собственномъ смыслѣ не имѣлъ особеннаго значенія и для Рима. Папскіе уполномоченные выдвинули его, чтобы прикрыть другой вопросъ, существенно важный въ ихъ видахъ, именно вопросъ о томъ, чтобы провинціалы были подчинены не епархіальнымъ епископамъ, а исключительно своимъ генераламъ. Этого-то они и надѣялись достигнуть на дѣлѣ, ставя одного и того же провинціала въ соотношеніе съ нѣсколькими епископами. Но такое стремленіе было уже рѣшительно не согласно съ видами нашего правительства, которые и выразилъ графъ Блудовъ въ слѣдующемъ замѣчаніи: „Дѣло въ этомъ случаѣ касается не столько числа провинціаловъ, сколько того, чтобы поддержать единство епископской юрисдикціи въ каждой епархіи: начало спасительное, которое императорское правительство намѣрено усилить, согласно съ желаніями святаго престола, выраженными въ сообщеніяхъ прошлаго года“. Послѣ совѣщаній, продолжавшихся три засѣданія, папскіе уполномоченные наконецъ объявили, что вслѣдствіе глубокихъ размышленій они не только не могутъ согласиться на то, чтобы въ каждой епархіи былъ отдѣльный провинціалъ, но не рѣшатся представить это и на усмотрѣніе святаго отца. Съ каноническими правилами, которыми неизмѣнно установлены монашеская іерархія и дисциплина, совершенно не согласно, чтобы провинціалы подчинялись власти и наблюденію епископовъ въ чемъ-либо, кромѣ внѣшней дисциплины и явныхъ безпорядковъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Что же касается внутренней дисциплины въ самихъ монастыряхъ, то они въ этомъ случаѣ исключительно подчиняются своему непосредственному начальству. Поэтому не возможно и думать объ учрежденіи въ каждой епархіи провинціала, подчиненнаго епископу, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ находятся только по два и по три монастыря, изъ ко-

торыхъ нельзя составить провинціи. Примѣръ Австріи не имѣетъ значенія, ибо законовъ Іосифа II папское правительство никогда не признавало. Послѣ такого отвѣта нашимъ уполномоченнымъ ничего болѣе не оставалось, какъ объявить пренія по этому вопросу оконченными. Такъ и поступилъ графъ Блудовъ, объяснивъ, что „первоначальная мысль о возстановленіи должности провинціаловъ принадлежала папскому престолу, а русское правительство желало только привесть ее въ исполненіе, сообразно съ мѣстными потребностями и указаніями опыта“.

Видя такимъ образомъ, что вопросъ совершенно устраняется, папскіе уполномоченные поспѣшили оставить себѣ возможность возобновить его въ послѣдствіи, опираясь между прочимъ и на эти переговоры. „Мы придаемъ значеніе вообще мысли о возстановленіи должности провинціаловъ“, говорили они; „но не можемъ лишь согласиться съ предложеніемъ, противнымъ каноническимъ правиламъ“. Вслѣдствіе того они предложили отложить вопросъ ad referendum, условившись по обоюдному согласію въ образѣ его изложенія. Послѣ долгихъ преній было постановлено:

„Уполномоченные Его Императорскаго Величества согласились взять ad referendum предложеніе, чтобы каждый монашескій орденъ въ Россіи имѣлъ провинціала, съ условіемъ, что нота кардинала Консальви къ русскому посланнику Италинскому послужитъ основаніемъ къ опредѣленію правъ епископской власти надъ монастырями, а выборъ провинціала каждаго ордена будетъ по его уставу производиться капитуломъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Могилевскаго или его уполномоченнаго. Если бы въ какомъ-либо случаѣ выборъ оказался предосудительнымъ, то митрополитъ можетъ пріостановить его, а равно и его обнародованіе, и отнестись къ святому престолу чрезъ посредство правительства, какъ установлено вообще для сношеній съ Римомъ. Послѣ того, какъ выборъ будетъ сдѣланъ согласно правиламъ и утвержденъ, всѣ акты избранія сообщаются провинціальнымъ капитуломъ генералу ордена чрезъ посредство митрополита и правительства“. Очевидно, что такое предложеніе совершенно не соотвѣтствовало видамъ нашего правительства. „А если въ этихъ случаяхъ будутъ вмѣшиваться въ дѣло генералы орденовъ?“ спросилъ графъ Блудовъ. „Не иначе какъ чрезъ посредство папы!“ отвѣчалъ кардиналъ Ламбрускини.

Вопросы объ исправленіи старыхъ латинскихъ церквей и построеніи новыхъ, о содержаніи монастырей и духовенства, указанные также

въ инструкціи нашему уполномоченному, не возбудили споровъ со стороны кардинала Ламбрускини и монсиньйора Корболи, когда имъ были сообщены подробныя свѣдѣнія о томъ, что въ послѣдніе годы построено 30 новыхъ церквей, и что для поддержанія ихъ назначенъ капиталъ, простирающійся до 6 милліоновъ франковъ, а также свѣдѣнія о жалованьи духовенству и объ имуществахъ церквей и монастырей. Папскіе уполномоченные ограничились только нѣсколькими вопросами для разъясненія дѣла и заявили желаніе въ слѣдующее четырнадцатое засѣданіе приступить къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ и разводахъ.

Въ отношеніи къ ограниченію разводовъ кардиналъ Ламбрускини и монсиньйоръ Корболи указали, при самомъ открытіи слѣдующаго засѣданія, на постоянное желаніе папскаго правительства по возможности ограничить этотъ вредный обычай, и для примѣра указали на буллы папы Венедикта XIV, Dei miseratione, 1741 года, и Nimiam licentiam, 1773 года, въ которыхъ изложены существенныя начала каноническихъ правилъ латинской церкви о брачныхъ дѣлахъ. Признавая заботы папскаго престола въ отношеніи къ ограниченію разводовъ, наши уполномоченные замѣтили, что мѣры, предпринимаемыя имъ въ этомъ случаѣ, не достигли цѣли, и что это обстоятельство, быть можетъ, надобно приписать отчасти неполнотѣ и недостаткамъ въ устройствѣ разныхъ инстанцій церковнаго суда, которые существуютъ въ настоящее время въ Имперіи и въ царствѣ Польскомъ и разсматриваютъ дѣла брачныя и о разводахъ. Русское правительство постоянно заботилось о томъ, чтобы поправить положеніе дѣлъ, сколько это было возможно для него. Съ этою цѣлію оно вызвало въ 1838 году распоряженіе покойнаго папы Григорія XVI о болѣе правильномъ устройствѣ первыхъ двухъ инстанцій суда по дѣламъ брачнымъ, но вопросъ о третьей инстанціи былъ отложенъ до времени. Съ этою же цѣлію въ 1836 году въ царствѣ Польскомъ обнародованъ законъ, затрудняющій просьбы о разводѣ тѣмъ, что положенъ былъ срокъ, ранѣе котораго разведенные не могли вступать въ новые браки. Безъ сомнѣнія, этотъ законъ, изданный свѣтскою властью, произведетъ еще большее дѣйствіе, если будетъ подкрѣпленъ соотвѣтствующимъ распоряженіемъ со стороны святаго престола; но во всякомъ случаѣ онъ указываетъ на заботы правительства ограничить злоупотребленія, противъ которыхъ въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ принять дѣйствительныя мѣры, установивъ правильный порядокъ судопроизводства по этимъ дѣламъ.

Этотъ порядокъ, отвѣчали папскіе уполномоченные, установленъ уже Тридентскимъ соборомъ. Въ первой инстанціи суда эти дѣла подлежатъ вѣдомству епархіальныхъ епископовъ, во второй—архіепископу, и наконецъ, въ третьей — святому престолу. Правда, иногда папы въ особенныхъ случаяхъ передавали власть ad hoc особымъ судьямъ, назначаемымъ на мѣстахъ подъ названіемъ судей in partibus для образованія третьей инстанціи или просинодальнаго суда; иногда же давали временно власть епископамъ избирать такихъ судей съ утвержденія святаго престола.

Возникшія по этому предмету разсужденія, а также и бывшія и въ прежнихъ засѣданіяхъ, казались для нашихъ уполномоченныхъ достаточнымъ подготовленіемъ къ тому, чтобы предложить учрежденіе просинодальнаго суда въ Россіи. Поэтому графъ Блудовъ, указавъ напередъ на затрудненія, происходящія отъ аппеляціи въ Римъ, а также на продолжительность времени вслѣдствіе дальняго разстоянія, и на издержки, съ этимъ сопряженныя, и опираясь на существующіе примѣры, предложилъ учредить одинъ просинодальный судъ, какъ для Имперіи, такъ и для царства Польскаго, въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобъ ему, въ качествѣ высшаго церковнаго суда, подлежали въ третьей степени дѣла брачныя и другія; при этомъ графъ объяснилъ, что члены этого суда могли бы назначаться или прямо папой, или по его уполномочію митрополитомъ. Это предложеніе, казалось, было принято папскими уполномоченными весьма благосклонно. Они попросили взять его ad referendum, чтобы доложить папѣ, изложивъ такимъ образомъ: „Уполномоченные Его Императорскаго Величества предлагаютъ, чтобы двѣ первыя инстанціи были устроены на основаніи каноническихъ законовъ, изъясненныхъ въ буллѣ Венедикта XIV, а чтобы для третьей инстанціи были назначены судьи in partibus или просинодальный судъ, постоянный, съ утвержденія святаго престола, или жеad tempus, при чемъ сторонъ было бы предоставлено право и послѣ третьей инстанціи прибѣгать къ святому престолу, а послѣ первой и второй какъ сторонамъ, такъ и защитникамъ брака".

Въ слѣдующее засѣданіе кардиналъ Ламбрускини заявилъ, что этотъ вопросъ требуетъ еще многихъ и подробныхъ соображеній. Что касается до суда первой инстанціи, то въ этомъ отношеніи не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній; онъ во всякомъ случаѣ долженъ принадлежать епархіальному епископу. Иное дѣло въ отношеніи ко второй инстанціи. По каноническимъ правиламъ, судъ во второй инстанціи долженъ принадлежать архіепископу, исключая дѣлъ, кото-

рыя возникли въ архіепископіи и судились архіепископомъ въ качествѣ первой инстанціи, какъ епархіальнымъ начальникомъ; въ этомъ случаѣ судъ во второй инстанціи, по каноническимъ правиламъ, долженъ быть предоставленъ святымъ престоломъ, чрезъ передачу особенной власти, ближайшему епископу на основаніи буллы Бенедикта XIV.

Когда на это предложеніе наши уполномоченные изъявили согласіе, кардиналъ Ламбрускини перешелъ къ разсужденію о третьей инстанціи, особенно важной по его мнѣнію потому, что по каноническимъ правиламъ судъ въ третьей инстанціи, какъ верховный, принадлежитъ главѣ католичества, и слѣдовательно, его святѣйшество долженъ съ особенною заботливостью обратить вниманіе на его устройство. Хотя папскіе уполномоченные, казалось, также видѣли крайнюю необходимость положить конецъ злоупотребленіямъ въ дѣлахъ о разводахъ и сознавали, что именно въ этихъ видахъ и послѣдовало предложеніе русскихъ уполномоченныхъ объ учрежденіи верховнаго духовнаго суда для Имперіи и царства, но какъ это предложеніе было сдѣлано въ общихъ выраженіяхъ, то они считали необходимымъ сообразить и развить его въ подробностяхъ. Этотъ трудъ, по предложенію Ламбрускини, и былъ порученъ монсиньйору Корболи.

Между тѣмъ наши уполномоченные, воспользовавшись этимъ случаемъ, высказали и съ своей стороны нѣкоторыя предположенія. Просинодальный судъ долженъ состоять изъ опредѣленнаго числа членовъ, какъ со стороны Имперіи, такъ и царства Польскаго, избранныхъ или утвержденныхъ святымъ престоломъ. Имъ въ помощь можетъ быть назначено нѣсколько канониковъ, или же полномочіе его святѣйшества будетъ сообщено достаточному числу епископовъ, такъ чтобъ они попеременно могли занимать должности членовъ высшаго суда, не оставляя своихъ епархій долѣе положеннаго каноническими правилами срока. Архіепископы Могилевскій и Варшавскій или сами должны присутствовать въ судѣ, или ихъ представителями могутъ быть епископы. Каждый изъ архіепископовъ, или его представитель, имѣетъ предсѣдательствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваются дѣла другаго архіепископства. Уполномочіе высшему суду можетъ быть дано отъ святаго престола временно, не болѣе какъ на пять лѣтъ. Хотя приговоры суда и будутъ произносимы по полномочію и отъ имени святаго престола, но не смотря на то, какъ стороны, такъ и защитники сохраняютъ права апелляціи къ святому престолу. Къ соображеніямъ нашего уполномоченнаго кардиналъ Лам-

брусники присовокупилъ, что можно было бы подчинить этому суду и дѣла объ уничтоженіи монашескихъ обѣтовъ. „Вообще разсужденія, какъ въ этомъ засѣданіи, такъ и въ предшествовавшемъ", писали наши уполномоченные, „отличались и съ той, и съ другой стороны духомъ примиренія и согласія въ намѣреніяхъ, такъ что обѣщали благопріятное разрѣшеніе вопроса". Въ концѣ засѣданія кардиналъ Ламбрускини даже выразилъ чувства уваженія къ императору, оказавшему такое внимательное расположеніе къ святому престолу назначеніемъ особаго посольства. „Такое расположеніе императора", сказалъ онъ, „всего болѣе выразилось въ выборѣ перваго уполномоченнаго".

Но ожиданія нашихъ уполномоченныхъ не оправдались. Въ слѣдующее засѣданіе монсиньйоръ Корболи принесъ записку, но не читая ея уполномоченнымъ, только справлялся съ нею во время разсужденій. Кардиналъ Ламбрускини началъ съ заявленія, что послѣ собственныхъ соображеній и мнѣнія свѣдущихъ лицъ, съ которыми онъ и монсиньйоръ Корболи совѣтовались (намекая даже, что таково мнѣніе и папы), онъ, Ламбрускини, съ прискорбіемъ долженъ сказать, что предложеніе, сдѣланное уполномоченными Его Императорскаго Величества, представляетъ непреоборимыя препятствія. Еслибъ это предположеніе могло быть приведено въ исполненіе, то оно ниспровергло бы всѣ каноническія правила и законы и допустило бы такое нововведеніе, которое удивило бы и возбудило неудовольствіе всего католическаго міра, потрясая основные законы юрисдикціи и іерархіи римской церкви, а равно и каноническаго права, котораго святой отецъ есть главный хранитель. Въ силу этихъ правилъ и законовъ двумъ архіепископамъ римской церкви, управляющимъ двумя различными областями (провинціями), не можетъ быть канонически сообщено полномочіе войдти въ составъ одного церковнаго суда, находящагося внѣ предѣловъ одной изъ областей, и судить, въ качествѣ перемѣнныхъ предсѣдателей, въ третьей степени. Если бы даже ихъ представители заступали ихъ мѣсто, то въ сущности и это не измѣнило бы дѣла. Правда, что архіепископъ Могилевскій, пребывающій въ Петербургѣ, не будетъ находиться внѣ границъ своей епархіи и внѣ круга своей канонической судебной власти (юрисдикціи), но архіепископъ Варшавскій будетъ въ иномъ положеніи. Его нельзя вызвать въ Петербургъ для предсѣдательствованія въ просинодальномъ судѣ безъ прямаго нарушенія каноническихъ правилъ. Ни въ одномъ римско-католическомъ государствѣ никогда не существовало устроеннаго такимъ образомъ суда для дѣлъ церков-

ныхъ въ третьей степени, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда святой престолъ давалъ особыя уполномочія для временнаго устройства такого суда на мѣстахъ. Впрочемъ, какъ въ странахъ католическихъ постоянно находятся апостольскіе нунціи, то всего чаще имъ и дается полномочіе судить дѣла въ третьей степени, въ качествѣ постоянныхъ представителей духовной власти святаго престола. Притомъ судъ нунція простирается только на дѣла одного архіепископства, а не двухъ или многихъ, подсудныхъ одному суду. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ крайней важности и рѣшительныхъ, святой престолъ считаетъ невозможнымъ согласиться на учрежденіе одного суда, общаго какъ для Могилевской, такъ и для Варшавской архіепископій. Но, чтобы способствовать достиженію предположенной цѣли, на сколько это согласно съ каноническими правилами, и чтобъ устроить мѣстный судъ въ третьей степени для дѣлъ брачныхъ и другихъ, который могъ бы, какъ постоянный и правильный, принести болѣе дѣйствительную пользу противъ злоупотребленій разводомъ, — папскіе уполномоченные готовы согласиться на всякій другой способъ устройства, чтобъ удовлетворить обоюднымъ желаніямъ какъ императорскаго правительства, такъ и святаго престола, положить предѣлъ указаннымъ злоупотребленіямъ, безъ нарушенія обязанностей его святѣйшества и неизмѣнныхъ правилъ іерархіи и законодательства римской церкви.

Эта длинная рѣчь, ясно выражавшая рѣшимость папскаго правительства окончательно отклонить предложеніе русскаго правительства относительно общаго просинодальнаго суда для Имперіи и царства Польскаго, конечно, не могла не поразить неожиданностію нашихъ уполномоченныхъ. Предшествовавшія совѣщанія давали имъ поводъ надѣяться на совершенно иной исходъ переговоровъ по этому вопросу, а рѣшительность высказаннаго кардиналомъ Ламбрускини отказа показывала, что уже невозможно болѣе продолжать о немъ разсужденія. Поэтому представители русскаго правительства, не возражая на доводы папскаго уполномоченнаго, не могли не заявить удивленія, что предложеніе, о которомъ совѣщанія были такъ уже близки къ обоюдному соглашенію, вдругъ и неожиданно встрѣтило *непреоборимыя* препятствія. На это заявленіе папскіе уполномоченные поспѣшили отвѣчать, что и теперь они по прежнему исполнены желанія прійдти къ соглашенію; но что о предложеніи императорскаго уполномоченнаго по предмету устройства просинодальнаго суда они и прежде заявляли, что оно требуетъ подробныхъ соображеній.

Графъ Блудовъ изъявилъ сожалѣніе, что такимъ образомъ отклоненъ единственно дѣйствительный способъ положить конецъ тѣмъ злоупотребленіямъ, которыя въ одинаковой мѣрѣ озабочиваютъ какъ императорское правительство, такъ и римскій престолъ, и что онъ сдѣлалъ свое предложеніе потому, что самъ папа выразилъ ему это желаніе. Папскіе уполномоченные отвѣчали, что по ихъ мнѣнію, если возобновить силу предписаній, изложенныхъ въ буллѣ Венедикта XIV, и особенно учредить защитниковъ браковъ (адвокатовъ), то эта цѣль, вѣроятно, будетъ достигнута. „Я не думаю", отвѣчалъ графъ Блудовъ, „чтобы можно было ожидать какой-нибудь особенной пользы отъ учрежденія защитниковъ въ брачныхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ консисторіяхъ. Такіе защитники существуютъ въ царствѣ Польскомъ, и потому можно судить по опыту о недостаточности этого средства положить предѣлъ злоупотребленіямъ, которыя самъ его святѣйшество назвалъ *истиннымъ бичемъ* церкви и общества. По указаніямъ знающихъ людей разводы не только не уменьшились съ тѣхъ поръ, какъ дѣла о нихъ производятся въ духовныхъ судахъ съ защитниками, но даже умножились".

Рѣшительный отвѣтъ папскаго правительства на предложеніе нашихъ уполномоченныхъ объ учрежденіи просинодальнаго суда, конечно, долженъ былъ бы положить конецъ переговорамъ, не только этому вопросу, но и вообще; но представители русскаго двора, конечно, не могли рѣшиться на такой шагъ, не имѣя особаго уполномочія отъ своего правительства и въ виду нѣкоторыхъ вопросовъ, еще не рѣшенныхъ или оставленныхъ до дальнѣйшихъ совѣщаній, по которымъ они ожидали новыхъ наставленій со стороны нашего кабинета. Впрочемъ, и по этому вопросу они уступили продолжительнымъ и настоятельнымъ требованіямъ папскихъ уполномоченныхъ принять къ свѣдѣнію то предложеніе, которое представляли они въ замѣнъ предложенія нашего правительства, изложивъ его слѣдующимъ образомъ. Папскіе уполномоченные предлагали два способа образовать третью инстанцію суда. „Первый способъ", говорили они, „заключается, по примѣру Баваріи, въ томъ, что дѣла Варшавской архіепископіи будетъ судить въ третьей степени архіепископъ Могилевскій, и наоборотъ (et vice versa). Второй способъ состоялъ бы въ учрежденіи двухъ просинодальныхъ судовъ, одного для Имперіи — въ Петербургѣ, другаго для царства — въ Варшавѣ. Каждый могъ бы быть составленъ изъ двухъ епархіальныхъ епископовъ, которые были бы облечены полномочіемъ святаго престола, и поочередно, по роду дѣлъ, судили бы

съ помощью прелатовъ или другихъ болѣе значительныхъ духовныхъ лицъ".

Наши уполномоченные, соглашаясь принять эти предположенія къ свѣдѣнію въ видѣ справки, уклонились отъ всякихъ разсужденій о нихъ, потому что и то, и другое было основано на началѣ, противоположномъ тому предложенію, которое было предъявлено ими самими. На основаніи своихъ инструкцій и извѣстныхъ имъ видовъ и намѣреній правительства, они думали, что учрежденіе двухъ просинодальныхъ судовъ вмѣсто одного не представляетъ полнаго и надежнаго разрѣшенія вопроса. Полагая, что оно не можетъ быть принято правительствомъ, они не рѣшились принять его даже ad referendum, какъ несогласное съ духомъ ихъ инструкцій.

Такой отвѣтъ произвелъ впечатлѣніе на папскихъ уполномоченныхъ; они просили окончить засѣданіе и обратить вниманіе на ихъ предложеніе. Намекая на духовную римско-католическую коллегію, они говорили, что ихъ предложеніе нисколько не измѣнитъ существующаго уже въ Россіи въ продолженіе 45 лѣтъ порядка, но лишь придастъ правильное и каноническое основаніе — не только въ глазахъ духовенства и римско-католиковъ Имперіи и царства, но и въ глазахъ всего католическаго міра — учрежденію, до сихъ поръ, говоря канонически, неправильному, существующему въ Имперіи для управленія дѣлами римско-католической церкви. Упорно держась за этотъ вопросъ, папскіе уполномоченные, въ слѣдующее засѣданіе [1]), снова къ нему возвратились и представили четыре новые способа для его разрѣшенія, а именно: 1) Тамъ, гдѣ имѣетъ пребываніе апостольскій нунцій, онъ пользуется правомъ рѣшать дѣла въ третьей степени суда, въ качествѣ постояннаго уполномоченнаго. Такъ это существуетъ во всѣхъ католическихъ государствахъ, кромѣ Франціи и Австріи. 2) Судъ въ третьей степени по дѣламъ брачнымъ и объ уничтоженіи монашескихъ обѣтовъ, по уполномочію святаго престола, можетъ быть предоставленъ особымъ судьямъ in partibus, установляемымъ или для опредѣляемыхъ случаевъ, или на извѣстное время, что̀ и составляетъ временный просинодальный судъ. 3) Судъ третьей степени можетъ быть устроенъ такъ же, какъ это было въ Баваріи, гдѣ изъ двухъ архіепископствъ одно въ отношеніи къ дѣламъ другаго попеременно составляетъ судъ этой степени. 4) Наконецъ, есть еще способъ, на который папскіе уполномоченные просили обратить особенное вни-

---

[1]) Отчетъ о засѣданіи 17-мъ, 6/18 февраля 1847 года.

маніе, а именно, учредить особый просинодальный судъ въ архіепископіи Могилевской — для Россіи собственно, и другой въ Варшавской — для царства Польскаго.

„Послѣ глубокихъ соображеній по этому вопросу", отвѣчалъ графъ Блудовъ, „я не только не измѣнилъ своего мнѣнія, но убѣдился еще болѣе, что два отдѣльные просинодальные суда, для Имперіи и для царства Польскаго, не могутъ быть допущены ни на основаніи нашихъ инструкцій, ни потому, что они не представляютъ достаточнаго средства противъ гибельныхъ злоупотребленій, одинаково признаваемыхъ и одинаково порицаемыхъ самимъ верховнымъ первосвященникомъ. Именно съ тою цѣлію, чтобъ удалить судъ по дѣламъ о разводахъ отъ мѣстныхъ вліяній, было предложено учрежденіе одного трибунала, находящагося въ столицѣ государства, подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства и подъ вліяніемъ высшей духовной власти въ Имперіи. Лучшимъ доказательствомъ благодѣтельнаго надзора центральной власти и вліянія высшаго духовенства можетъ служить, въ отношеніи къ этимъ случаямъ, чрезвычайно незначительное число дѣлъ о разводахъ между римско-католическими жителями Петербурга, которыхъ однако же считается отъ 70 до 80 тысячъ, между тѣмъ какъ эти дѣла весьма многочисленны между римско-католиками, разсѣянными по Имперіи, и особенно въ царствѣ Польскомъ, очевидно, вслѣдствіе неблаговидныхъ вліяній заинтересованныхъ сторонъ на мѣстныя духовныя власти. Такія вліянія невозможно никогда провести подъ глазами правительства и въ присутствіи высшей духовной власти, римско-католическаго митрополита. Что касается до вредныхъ мѣстныхъ вліяній, то это почти въ той же степени относится и до Варшавы, что̀ точно также, независимо отъ политической стороны вопроса, заставляетъ желать учрежденія одного просинодальнаго суда для всѣхъ русскихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія. Указанное выше каноническое затрудненіе подчинить въ нѣкоторомъ смыслѣ одно архіепископство другому, вслѣдствіе учрежденія одного просинодальнаго суда въ Петербургѣ, въ прежнее время не существовало въ римской церкви, потому что прежде Тридентскаго собора санъ митрополита по правамъ юрисдикціи былъ выше сана архіепископовъ, которые въ нѣкоторой степени были подчинены ему. Если бы возвратить силу этому прежнему правилу, то вопросъ разрѣшился бы самъ собою черезъ возведеніе архіепископа Могилевскаго въ санъ митрополита, на что̀ уже изъявилъ согласіе святой престолъ. Наконецъ, „движимый сильнымъ желаніемъ достигнуть соглашенія по такому

важному вопросу", графъ Блудо́въ сдѣлалъ слѣдующее новое предложеніе: „Нельзя ли согласиться на то, чтобы съ одной стороны былъ устроенъ судъ въ Петербургѣ изъ архіепископа Могилевскаго и двухъ или трехъ епископовъ Имперіи и царства Польскаго для дѣлъ по архіепископству Варшавскому; а съ другой стороны, всѣ дѣла по епархіямъ Имперіи поручить тѣмъ же епископамъ, даже съ присовокупленіемъ другихъ, но подъ предсѣдательствомъ одного изъ епископовъ царства Польскаго, въ виду того, что архіепископъ Могилевскій не можетъ судить въ третьей степени дѣлъ, которыя судилъ уже въ первой или во второй; но необходимо, чтобы какъ тотъ, такъ и другой судъ находились въ Петербургѣ".

Папскіе уполномоченные изъявили желаніе представить усмотрѣнію папы это новое предложеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ кардиналъ Ламбрускини замѣтилъ, что едва-ли возможно согласить его съ каноническими правилами, установляющими совершенное равенство между архіепископами, а оно было бы нарушено въ случаѣ принятія этого предложенія. Монсиньйоръ Корболи присовокупилъ къ этому, что сколько онъ можетъ судить по нѣкоторымъ выраженіямъ папы, то надобно предполагать, что онъ никогда не согласится на такое устройство, которое давало бы поводъ предполагать подозрѣніе и недовѣріе къ католическому духовенству царства Польскаго, какъ-бы унижая его предъ духовенствомъ Имперіи. Напротивъ того, папа желаетъ вновь выразить одинаковое свое благоволеніе и заботливость въ отношеніи какъ къ тому, такъ и къ другому.

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ожидать. Въ слѣдующее же осьмнадцатое засѣданіе, папскіе уполномоченные объявили [1]): „Святой отецъ, послѣ глубокихъ соображеній и принявъ во вниманіе благодѣтельную цѣль, которая имѣлась въ виду, находитъ однако же невозможнымъ ни согласить предложеніе императорскихъ уполномоченныхъ съ каноническими постановленіями вообще, ни оправдать его какимъ-либо прежнимъ примѣромъ. Ни въ прежнее, ни въ новое время, ни въ одной католической странѣ не было примѣра, чтобъ епископы одной области (провинціи) были вызываемы для засѣданій вмѣстѣ съ епископами другой области въ одномъ общемъ трибуналѣ. Поэтому его святѣйшество не можетъ одобрить способъ, находящійся въ противорѣчіи съ каноническими правилами и неизмѣнными обычаями

[1]) Отчетъ объ 18-мъ засѣданіи, 10/22 февраля 1847 года.

римской церкви". Заявивъ рѣшеніе папы, уполномоченные сказали, что не могутъ продолжать разсужденія объ этомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ были прекращены переговоры по вопросу объ устройствѣ просинодальнаго суда, и уполномоченные обѣихъ сторонъ перешли къ уставу духовной академіи, который уже прежде былъ сообщенъ графомъ Блудовымъ кардиналу Ламбрускини.

Но прежде, нежели перейдти къ дальнѣйшему изложенію переговоровъ, которые отнынѣ не имѣли уже прежней важности, а въ сущности представляли только дополненія къ вопросамъ, уже обсужденнымъ прежде, мы не можемъ не обратить вниманія на значеніе сдѣланнаго нашими уполномоченными предложенія объ учрежденіи просинодальнаго суда.

Въ возраженіяхъ со стороны папскихъ уполномоченныхъ нельзя не замѣтить двухъ сторонъ, вопервыхъ, такъ-сказать, личной, и вовторыхъ, территоріальной. Уполномоченные предлагали учрежденіе одного общаго для Имперіи и царства Польскаго суда третьей степени по дѣламъ брачнымъ и другимъ, нарушающимъ, съ одной стороны, *равенство* сана между двумя архіепископами — Могилевскимъ и Варшавскимъ, а съ другой *самостоятельность* областей, и притомъ говорили, что епископы одной области не могутъ быть вызываемы въ другую для присутствія въ просинодальномъ судѣ. Но судъ въ третьей степени по этимъ дѣламъ принадлежитъ самому папѣ. Если онъ и можетъ быть устроенъ въ какой-нибудь странѣ, то не иначе, какъ съ согласія римскаго правительства и по особому уполномочію папы, даваемому тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ самъ изберетъ или признаетъ достойными. Такимъ образомъ, если бы папа сообщилъ эту власть даже простому епископу (какъ то и бываетъ часто, когда онъ получаетъ званіе нунція), то и въ этомъ случаѣ равенство между архіепископами не было бы нарушено; ибо они одинаково со всѣми должны подчиняться власти самого папы въ лицѣ его уполномоченнаго. Что касается территоріальнаго начала, то по каноническимъ правиламъ латинской церкви существуетъ только дѣленіе на епархіи. Различіе между примасами, митрополитами, архіепископами и просто епископами, какъ представителями особыхъ мѣстныхъ церквей, противъ чего постоянно возставалъ Римъ, послѣ Тридентскаго собора утратило значеніе въ латинской церкви, и эти званія обратились въ простые титулы, соединенные лишь съ нѣкоторыми почетными преимуществами. Если же они и обладаютъ иногда нѣкоторыми особенными правами, то не иначе, какъ по особому уполномочію папы (delegatio). По-

этому границы областныя не имѣютъ никакого каноническаго значенія, и если епископы одной области могутъ временно оставлять свои епархіи и съѣзжаться вмѣстѣ, то точно также имѣютъ это право и епископы разныхъ областей, особенно находящихся подъ одною верховною властью. Эти границы суть политическія. Итакъ, Римскій дворъ, возставая противъ предложенія нашихъ уполномоченныхъ объ учрежденіи одного просинодальнаго суда, общаго для Имперіи и царства Польскаго, вовсе не основывался на каноническихъ правилахъ, хотя и ссылался на нихъ, въ общихъ однако же выраженіяхъ, но просто *охранялъ политическія границы царства Польскаго,* видя въ этомъ общемъ учрежденіи первый шагъ къ сліянію царства съ Имперіей. Поэтому такіе опытные канонисты, какъ кардиналъ Ламбрускини и монсиньйоръ Корболи, въ первыя засѣданія и не находили въ этомъ предложеніи ничего противнаго каноническимъ правиламъ; но потомъ, посовѣтовавшись, по ихъ признанію, съ другими знатоками дѣла, они вдругъ перемѣнили взглядъ. Нѣтъ нужды объяснять, подъ какимъ вліяніемъ совершилась эта перемѣна; она доказывала только, съ своей стороны, что враждебное Россіи вліяніе взяло перевѣсъ въ папскомъ правительствѣ, и что при этомъ условіи не возможно было достигнуть взаимнаго довѣрія между двумя правительствами и прійдти къ сколько-нибудь прочнымъ соглашеніямъ.

Это положеніе дѣлъ было понято нашими уполномоченными, и слѣдующія, неожиданныя обстоятельства еще болѣе утвердили ихъ въ ихъ взглядахъ. Вопервыхъ, совѣщанія уполномоченныхъ обоихъ правительствъ были неожиданно прерваны отъѣздомъ кардинала Ламбрускини, безъ всякаго о томъ извѣщенія нашихъ уполномоченныхъ и на срокъ неопредѣленный. Вовторыхъ, за этимъ нарушеніемъ всѣхъ дипломатическихъ приличій послѣдовало со стороны папскаго правительства новое дѣйствіе, показавшее, что Римскій дворъ не безъ умысла начинаетъ уклоняться отъ соглашеній.

Марта 11-го нашъ посланникъ Бутеневъ неожиданно получилъ ноту отъ статсъ-секретаря Гицци, въ которой было сказано: „Въ Аккерманѣ былъ разстрѣленъ священникъ Целестинъ Виллимъ, безъ выслушанія оправданій съ его стороны, не смотря на то покровительство, которымъ онъ пользовался, и безъ вниманія къ тому, что онъ принадлежитъ Риму, гдѣ провелъ бо́льшую часть своей жизни, безъ предварительныхъ изслѣдованій его поведенія и безъ увѣдомленія духовнаго начальства, отъ котораго онъ зависѣлъ. Такимъ образомъ угасъ родъ Виллимовъ въ лицѣ священника, который никогда не вмѣ-

шивался въ дѣла правительства, и еще менѣе въ дѣла революціонныя". Въ рѣзкихъ выраженіяхъ составленная нота папскаго статсъ-секретаря, призывавшая на судъ русское правительство по поводу слуховъ о какомъ-то латинскомъ священникѣ, возбуждала жалобы и по нѣкоторымъ общимъ вопросамъ, а именно, о смѣшанныхъ бракахъ и о присягѣ на подданство, произносимой духовенствомъ, при чемъ было указано на отказъ принести такую присягу миссіонерами, изгнанными за то изъ Грузіи, и на статьи уголовнаго уложенія 1845 года противъ совращенія изъ православія, которыя только-что были напечатаны во французскихъ газетахъ въ искаженномъ переводѣ *(Journal des Débats)*, и т. п. Римскій дворъ, едва только услышавъ изъ устъ самого Русскаго императора, что наше правительство готово сообщать ему точныя справки по всякаго рода извѣстіямъ, доходящимъ до него о разныхъ происшествіяхъ среди русскихъ католиковъ, слыша затѣмъ постоянныя увѣренія въ томъ же смыслѣ со стороны нашихъ уполномоченныхъ и видя постоянную готовность съ ихъ стороны сообщать такія свѣдѣнія по первому желанію Рима, не усомнился однако же снова обратиться къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ обыкновенно почерпалъ свои свѣдѣнія, оказывавшіяся, конечно, большею частію невѣрными, послѣ аллокуціи 1842 года и во все время министерства кардинала Ламбрускини. Хотя въ продолжавшихся еще въ это время чрезвычайныхъ переговорахъ и былъ указанъ нашими уполномоченными особый путь для нѣкоторыхъ вопросовъ, чрезъ посредство нашего посольства въ Римѣ, но воспользоваться имъ во время самыхъ переговоровъ, и притомъ съ такою рѣзкостью, значило показать съ намѣреніемъ свое неблагорасположеніе.

Черезъ два дня, 13-го марта, нашъ посланникъ отвѣчалъ кардиналу заявленіемъ, что онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о Виллимѣ и отнесся къ своему правительству о ихъ сообщеніи. Въ отношеніи же къ общимъ вопросамъ онъ сообщилъ нѣкоторыя соображенія, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что всего удобнѣе имъ сдѣлаться предметомъ продолжающихся переговоровъ, и обратилъ вниманіе какъ на неблаговидный поступокъ со стороны папскаго правительства, такъ и на неприличный тонъ ноты. Послѣ этого отвѣта прошло болѣе мѣсяца; нота кардинала Гицци, послѣ отвѣта на нее Бутенева, казалось, была самимъ римскимъ правительствомъ предана забвенію, какъ вдругъ, 18-го апрѣля, нашъ посланникъ получилъ новую ноту. „На этотъ разъ" — доносилъ онъ по этому случаю своему правительству,—„сообщеніе папскаго кабинета было изложено прилично и вѣжливо. Но

въ немъ упоминалось о тѣхъ же предметахъ, какъ и въ предшествовавшемъ; особенно же подробно говорилось о двухъ вопросахъ, о присягѣ духовныхъ лицъ латинскаго исповѣданія и о нашихъ уголовныхъ законахъ противъ совращеній и прозелитизма, и предлагались какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ измѣненія, столь же мало необходимыя, какъ и возможныя. Новое сообщеніе уже не давало повода прямо предвидѣть, что послѣдствія этого спора, случайнаго и неожиданнаго, могутъ имѣть вліяніе на успѣхъ нашихъ переговоровъ. Въ заключеніе папское правительство ссылалось въ своей нотѣ на словесныя объясненія моего предмѣстника въ 1842 году и совершенно проходило молчаніемъ позднѣйшіе переговоры, несравненно болѣе важные и рѣшительные, во время посѣщенія Рима императоромъ, вслѣдствіе которыхъ и было назначено особое посольство, и послѣдовало открытіе переговоровъ въ самомъ Римѣ. Во всякомъ случаѣ, возобновленіе этого спора, начатаго такъ не кстати, послѣ того какъ мы немедленно отвѣчали, хотя и рѣшительно, но въ примирительномъ смыслѣ, заставило насъ испытать чувство грустнаго сожалѣнія, что мы напрасно потратили столько усилій, чтобы и забыть столь неумѣстные и ненужные споры. Это упорство тѣмъ болѣе удивило насъ, что въ продолженіе этого времени, графъ Блудовъ и я, мы часто видались съ кардиналами Ламбрускини и Гицци, представлялись даже самому папѣ и не слыхали ни малѣйшаго намека объ этомъ странномъ случаѣ". Нашимъ уполномоченнымъ хотѣлось объяснить случайностью первое сообщеніе кардинала Гицци, впадавшее вполнѣ въ то рѣзкое и враждебное направленіе, въ которомъ писались сообщенія кардинала Ламбрускини. Но это было не случайностью, а выраженіемъ борьбы двухъ партій, изъ которыхъ, въ отношеніи къ Россіи, одна брала перевѣсъ надъ другою. Кардиналъ Ламбрускини былъ предводителемъ партіи, враждебной новымъ преобразованіямъ, и въ это время его, вмѣстѣ съ бывшимъ губернаторомъ Рима Грасселини, обвиняли даже въ составленіи заговора, вслѣдствіе чего Грасселини и былъ удаленъ изъ Рима. Переговоры съ Россіей были также поприщемъ борьбы этихъ партій.

Получивъ второе сообщеніе отъ кардинала Гицци, наши уполномоченные рѣшили, чтобы Бутеневъ, не смотря на неудачу прежнихъ попытокъ, постарался личнымъ совѣщаніемъ съ Гицци покончить это дѣло. „Я отправился къ нему на другой же день", писалъ Бутеневъ, „и нашелъ его въ постелѣ больнымъ болѣе нежели когда-нибудь. Онъ былъ смущенъ и самъ непріятно озабоченъ случаемъ, о кото-

ромъ я долженъ былъ говорить съ нимъ, и старался извиниться въ томъ, что долженъ былъ отправить мнѣ второе сообщеніе. Онъ признался, что долженъ былъ только подписать его, потому что Корболи принесъ ему его уже готовымъ и одобреннымъ папою. Послѣ этого признанія, какъ кажется, искренняго, какъ оно ни было унизительно въ устахъ перваго министра, я не въ состояніи былъ уже возставать противъ существованія такого сообщенія, но тѣмъ съ большею силою опровергалъ заключавшіяся въ немъ ошибочныя увѣренія и неосновательныя обвиненія. Кардиналъ слушалъ меня съ большимъ, казалось, вниманіемъ и не возражалъ. Затѣмъ, повторяя мою мысль, началъ пространно разсуждать о томъ, что о такихъ непріятныхъ вопросахъ всего лучше объясниться словесно и конфиденціально, тѣмъ болѣе что они не приводятъ ни къ какимъ опредѣленнымъ и практическимъ послѣдствіямъ. Онъ увѣрялъ, что постоянно держался этого правила въ своей дипломатической службѣ. Но онъ выразилъ однако же другое мнѣніе, когда я предложилъ ему, чтобъ или мы съ графомъ Блудовымъ словесно сообщили ему самыя подробныя объясненія на его сообщеніе 18-го апрѣля, или чтобъ онъ устроилъ намъ личное свиданіе по этому предмету, ad hoc, съ кардиналомъ Ламбрускини и Корболи, дабы такимъ образомъ избавиться отъ новаго письменнаго отвѣта съ нашей стороны. Подумавъ нѣсколько времени, кардиналъ Гицци отвѣчалъ: „Сообразивъ обстоятельства, я думаю, что письменный отвѣтъ все-таки будетъ лучше въ этомъ случаѣ, такъ какъ изъ письменнаго отвѣта святой отецъ яснѣе усмотритъ самъ тѣ свѣдѣнія и объясненія, которыя вы сообщите по вопросамъ, его занимающимъ“. Такая рѣчь была весьма знаменательна и давала понять, что кардиналъ Гицци самъ не довѣряетъ тому посредству, чрезъ которое прошли бы наши словесныя объясненія для того, чтобы достигнуть его святѣйшества“. Больной министръ, подписывающій бумаги, безъ его вѣдома изготовленныя его помощникомъ и напередъ одобренныя папой, и выражающій прямо недовѣріе къ нему, представлялъ плохую опору для нашихъ уполномоченныхъ. Очевидно, папа дѣйствовалъ по внушеніямъ Корболи, который въ этомъ случаѣ былъ ревностнымъ помощникомъ кардинала Ламбрускини, но гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ послѣдній, потому что пользовался полнымъ довѣріемъ папы.

Въ сообщеніи 18-го апрѣля монсиньйоръ Корболи, за подписью кардинала Гицци, писалъ нашему посланнику, что папскому правительству до сихъ поръ была неизвѣстна присяга на вѣрноподданство, которую въ Россіи обязаны приносить и духовныя лица римско-като-

лическаго исповѣданія: „Я не могу не возражать, хотя и конфиденціально, противъ употребленія такой присяги, въ которой не оговорено прямо повиновеніе законамъ Божіимъ и церкви католической. Никогда и ни въ одномъ государствѣ, безъ этой оговорки, церковь не дозволяла приносить присяги на повиновеніе свѣтской власти; развѣ государь заявилъ торжественно публичнымъ актомъ, что этою присягою не стѣсняется должное повиновеніе законамъ Божественнымъ и церковнымъ? Его святѣйшеству тѣмъ болѣе не возможно умолчать объ этомъ вопросѣ, что отказъ произнесть такую присягу былъ поводомъ къ насильственному изгнанію отцовъ-капуциновъ изъ Грузіи въ 1845 году, къ соблазну и огорченію этихъ католическихъ духовныхъ. Сверхъ того, папское правительство желаетъ знать, существуетъ ли въ Имперіи законъ, запрещающій каноническое уничтоженіе сожительства супруговъ (séparation canonique de corps et d'habitation). Точно также оно считаетъ необходимымъ настаивать, чтобъ уголовныя наказанія за обращеніе въ римско-католическую вѣру были смягчены. *Намѣреніе* постепенно вывести строгія наказанія изъ употребленія вовсе не согласуется съ тѣмъ, что они вновь повторены въ уложеніи 1845 г. По этимъ законамъ обратившіеся не только лишаются права управлять своими населенными имѣніями, но не должны воспитывать своихъ дѣтей въ той вѣрѣ, которую сами исповѣдываютъ: наказаніе, крайне строгое для отца. Наказаніе угрожаетъ не только пособникамъ въ обращеніи съ насиліемъ (ст. 199 и 200), но и тѣмъ, которые ни къ какимъ насильственнымъ средствамъ не прибѣгали (ст. 195). Поэтому мужъ римско-католикъ не только виноватъ въ томъ, что наставленіями способствуетъ къ обращенію жены и дѣтей, но даже и въ томъ, что онъ, вопреки своей совѣсти, не препятствуетъ имъ присоединиться къ вѣрѣ, которую самъ исповѣдуетъ, и даже не уговариваетъ отложиться отъ нея. Римско-католическій священникъ подлежитъ наказанію даже въ томъ случаѣ, если пріобщитъ православнаго или будетъ учить дѣтей православныхъ родителей (ст. 197). Римско-католическій священникъ виноватъ даже и въ томъ случаѣ, когда присоединитъ кого-либо къ своему исповѣданію не изъ господствующей церкви, а изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, такъ какъ дозволены обращенія только къ господствующей церкви (ст. 204). Строго преслѣдуя совращенія посредствомъ насилія, уложеніе однако же вовсе не говоритъ о совращеніи римско-католика посредствомъ насилія или соблазна. Недавно въ газетахъ было говорено о новомъ законѣ, установляющемъ опредѣленный срокъ испытанія, съ тою цѣлію, чтобъ

убѣдиться, что обращающіеся въ господствующую церковь принимаютъ ея исповѣданіе свободно и сознательно. Но этотъ законъ относится только до Балтійскихъ губерній, то-есть, изданъ исключительно въ пользу протестантовъ. Поэтому онъ еще не можетъ служить доказательствомъ, чтобы духовенство господствующей церкви не употребляло насилія для присоединенія римско-католиковъ къ своей паствѣ, особенно уніатскаго обряда, и нѣтъ никакого законнаго обезпеченія, чтобъ это не могло случаться. Общій характеръ этого законодательства таковъ, что огорчая совѣсть вѣрныхъ, онъ ставитъ католическаго священника въ невозможность исполнять свои обязанности, не нарушая законовъ своей церкви; ибо, безъ сомнѣнія, чрезвычайно рѣдокъ былъ бы тотъ случай, чтобы католическому священнику, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ служенія, не пришлось пріобщать тѣхъ, кои намѣревались бы оставить римскую церковь, или совершать таинства надъ тѣми, кои хотѣли бы обратиться къ ней. Вслѣдствіе того, если онъ приметъ ихъ, то окажется преступнымъ передъ законами государства, а если не приметъ, то будетъ виновнымъ передъ Богомъ и церковью. Поэтому-то въ словесныхъ переговорахъ между папскимъ министромъ и императорскимъ посольствомъ въ 1842 году уничтоженіе или самихъ этихъ законовъ, или примѣненія ихъ на дѣлѣ было представляемо какъ первое и необходимое условіе всякаго соглашенія между обоими правительствами".

Послѣ свиданія Бутенева съ кардиналомъ Гицци, наши уполномоченные, по взаимному соглашенію, рѣшились отвѣчать ему письменно. Въ то время, какъ они составляли отвѣтъ, пріѣхалъ курьеръ изъ Россіи и доставилъ имъ какъ дополнительныя наставленія по вопросамъ, отложеннымъ ad referendum, такъ и выраженіе общаго взгляда правительства на переговоры втораго періода, окончившіеся преніями по вопросу о просинодальномъ судѣ. Новыя наставленія предоставляли нашимъ уполномоченнымъ возможность требовать возобновленія прерванныхъ переговоровъ; но непріятныя пререканія, которыя они еще были вынуждены продолжать съ папскимъ статсъ-секретаремъ, заставили ихъ не спѣшить въ этомъ случаѣ. Русскіе уполномоченные опасались, что отнеесясь офиціально къ папскому двору съ предложеніемъ возобновить переговоры, они могутъ получить уклончивый отвѣтъ, который еще болѣе затруднитъ ихъ отношенія, и безъ того уже непріятныя. До сихъ поръ вновь возбужденныя пренія съ папскимъ статсъ-секретаремъ заключались въ предѣлахъ конфиденціальныхъ сообщеній между двумя правительствами, которыя,

судя по благосклонному расположенію, заявленному кардиналомъ Гицци, еще могли окончиться безъ особенныхъ послѣдствій. Безъ сомнѣнія, нашимъ уполномоченнымъ не хотѣлось вызвать папское правительство на поприще общихъ переговоровъ, что легко могло случиться, такъ какъ оно явно выразило намѣреніе связать судьбу совѣщаній съ рѣшеніемъ этихъ новыхъ вопросовъ.

Не дѣлая предложеній о возобновленіи переговоровъ, наши уполномоченные ограничились простымъ посѣщеніемъ кардинала Ламбрускини, уже возвратившагося изъ поѣздки въ свою епархію; но онъ не принялъ ихъ, отговариваясь нездоровьемъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Бутеневъ отправилъ свой отвѣтъ кардиналу статсъ-секретарю и въ немъ писалъ:

„Я считаю долгомъ повторить, что присяга, о которой возбужденъ въ настоящее время вопросъ, вовсе не установлена исключительно для римско-католическаго духовенства; это общая присяга на вѣрноподданство, которую приносятъ всѣ безъ исключенія подданные Имперіи, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій. Эта присяга, какъ я ужь и прежде говорилъ, существуетъ болѣе ста лѣтъ и никогда не была измѣняема. Въ ней, дѣйствительно, не заключается никакихъ оговорокъ, упоминаемыхъ въ вашемъ сообщеніи, но именно потому, что ихъ и быть не можетъ въ *общей* присягѣ на вѣрноподданство, въ присягѣ подданнаго вообще въ отношеніи къ своему государю. Не возможно и предполагать, чтобы какое бы то ни было государство просвѣщенное и христіанское задумало требовать отъ своихъ подданныхъ повиновенія распоряженіямъ, которыя были бы противны законамъ вѣры и нравственности. Оговорка въ этомъ смыслѣ, включенная въ присягу, была бы не только предосудительною для правительства, которое допустило бы ее, но и неприличною и оскорбительною по своей сущности. Очевидно, что торжественное объявленіе или постановленіе правительства въ томъ же смыслѣ имѣло бы такое же значеніе. Что касается до словъ присяги, въ которыхъ желаютъ видѣть противорѣчіе съ тайною исповѣди, то они вовсе не имѣютъ этого значенія. Напротивъ того, они соотвѣтствуютъ словамъ присяги, которую приносятъ епископы католическихъ странъ даже на основаніи конкордатовъ, заключенныхъ съ папскимъ престоломъ. Во всѣхъ этихъ присягахъ находится обязательство *не содѣйствовать предпріятіямъ, угрожающимъ общественному спокойствію, и доносить правитель-*

---

[1]) Депеша Бутенева къ канцлеру $^{18}/_{30}$ апрѣля 1847 года.

ству о всякомъ заговорѣ ко вреду государства. Эти слова повторяются въ присягѣ епископовъ во Франціи, Баваріи и Австріи. Въ Россіи, дѣйствительно, не существуетъ особой присяги для епископовъ или для духовенства, а есть только общая присяга на вѣрность для всѣхъ подданныхъ. Поэтому-то я и считаю умѣстнымъ замѣтить, что если даже, какъ вы это указали, на продолжающихся дипломатическихъ совѣщаніяхъ между уполномоченными двухъ правительствъ могла бы зайдти рѣчь объ особой присягѣ для епископовъ и священниковъ, то это не повело бы ни къ какому заключенію, потому именно, что у насъ существуетъ только одна присяга для всѣхъ подданныхъ императора, свѣтскихъ и духовныхъ, приносимая и епископами въ качествѣ подданныхъ. Необходимо однако же замѣтить, что епископы Имперіи и царства Польскаго одновременно съ присягою на русское подданство произносятъ и другую — о повиновеніи папѣ, какъ главѣ римской церкви. Произнесеніе этихъ двухъ присягъ въ одно и то же время, кажется, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что они не могутъ быть въ противорѣчіи одна съ другою. Ту же присягу произносили епископы въ Россіи и при папскихъ нунціяхъ Аркетти и графѣ Литтѣ, съ ихъ согласія.

„Что касается до капуциновъ въ Грузіи, то они ничего не говорили противъ самой присяги, но не хотѣли сдѣлаться русскими подданными, а на основаніи нашихъ законовъ, иностранные подданные не могутъ быть допущены къ исправленію у насъ священническихъ обязанностей. Поэтому удаленіе ихъ было необходимымъ послѣдствіемъ ихъ отказа принять подданство имперіи.

„Постановленія нашихъ уголовныхъ законовъ относятся не къ одному римско-католическому, но и ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ, и даже къ особенно вреднымъ сектамъ. Заявленная въ вашемъ сообщеніи мысль, будто бы наше правительство имѣло намѣреніе вывести эти законы изъ употребленія и потому не должно было вводить ихъ въ новое уложеніе, вынуждаетъ меня сообщить слѣдующія соображенія: во-первыхъ, надобно замѣтить, что они не просто повторены въ уложеніи, но строгость ихъ значительно ослаблена, въ сравненіи съ постановленіями, которыя дѣйствовали прежде и угрожали въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертною казнью. Хотя наше правительство и смягчало наказанія, но никогда не выражало и не могло выразить намѣренія вывести ихъ изъ употребленія (les laisser tomber en désuétude). Между намѣреніями и дѣйствіями правительства нѣтъ противорѣчія, и удерживая уголовныя наказанія въ опредѣленной постепенности, оно

смотрѣло на нихъ, какъ на предупредительную въ нѣкоторомъ отношеніи мѣру, внушающую спасительный страхъ; потому что, какое же другое средство имѣло бы въ своихъ рукахъ правительство, чтобъ остановить злоупотребленія и столкновенія между различными христіанскими исповѣданіями, стоящими рядомъ другъ съ другомъ, и сохранить господствующую церковь отъ покушеній и опасности, однимъ словомъ, для того, чтобы сохранить миръ между различными исповѣданіями и положить предѣлъ, какъ злоупотребленіямъ, такъ и порывамъ неразумной ревности, вносящей смуты совѣсти и нарушающей семейное спокойствіе. Во всякомъ случаѣ правительство не только смягчило наказанія; но оно вообще стремится къ тому, чтобы въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ руководствоваться правилами самой широкой терпимости, такъ чтобы только не впасть въ полный индиферентизмъ въ дѣлѣ первой важности, что̀ не возможно въ столь глубоко религіозной странѣ, какова Россія. Лучшимъ доказательствомъ этой снисходительности служитъ то, что эти наказанія, даже смягченныя, каковы они въ уложеніи, почти не примѣнялись на дѣлѣ, и едва-ли можно указать хотя одинъ примѣръ, чтобы латинскій священникъ попалъ подъ судъ за обращеніе кого-либо изъ господствующей церкви. Что же касается до частныхъ лицъ, которыя изъ православной церкви переходятъ въ другое исповѣданіе, то ихъ даже и не возможно подвергать наказанію. Нельзя называть наказаніемъ *увѣщанія* и *опеку* надъ ихъ имѣніями, кои *населены* крестьянами православнаго исповѣданія. Точно также нельзя не понять предосторожности относительно воспитанія въ духѣ православной церкви дѣтей, которыя, по существующимъ законамъ, рождены и крещены въ православной церкви, хотя родители ихъ и измѣнили вѣрѣ предковъ".

Разсмотрѣвъ статьи уложенія, указанныя въ сообщеніи кардинала Гицци по невѣрному переводу французскихъ газетъ и невѣрно понятыя, и сообщая правильный переводъ оныхъ, нашъ посланникъ останавливается съ большею подробностію на нѣкоторыхъ изъ этихъ статей: „Строгіе законы противъ совращенія дѣтей ихъ родителями составляютъ лишь угрозу, въ виду предположенія возможности такихъ случаевъ; на самомъ же дѣлѣ при правительствѣ, уважающемъ семейныя тайны, едва-ли возможно ихъ приложеніе. Что же касается до наказаній въ томъ случаѣ, когда римско-католическій священникъ станетъ обучать православныхъ дѣтей закону Божію, то слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: въ многочисленныя учебныя заведенія, основанныя правительствомъ въ Россіи, мужскія и

женскія, принимаются дѣти различныхъ христіанскихъ исповѣданій, и въ нихъ никогда священнику православному не дозволяется преподавать законъ Божій воспитанникамъ римско-католическаго или протестантскаго исповѣданій. Поэтому строгая справедливость требуетъ запретить то же самое и римско-католическимъ священникамъ въ отношеніи къ дѣтямъ других исповѣданій, терпимыхъ въ Россіи. Что касается до допущенія иновѣрцевъ къ таинству причащенія, то какъ въ восточной, такъ и въ западной церкви это запрещено одинаково. Исключеніе допускается лишь на случай смерти. Поэтому и въ латинской церкви въ данномъ случаѣ священникъ подлежалъ бы отвѣтственности.

„Въ отвѣтъ на замѣчаніе, что въ уложеніи не постановлено никакихъ наказаній на тотъ случай, если бы кто, посредствомъ соблазна или насилія, совратилъ римскаго-католика, я считаю долгомъ рѣшительно объяснить, что императорское правительство вообще строго наказываетъ соблазны и насилія во всякомъ безъ исключенія случаѣ. Я не могу не замѣтить съ прискорбіемъ, что въ этомъ отношеніи въ сообщеніи 18-го апрѣля есть указанія, направленныя противъ духовенства господствующей церкви, и считаю долгомъ отклонить ихъ, какъ неумѣстныя и несправедливыя, а именно, будто бы православное духовенство, вопреки существующимъ законамъ, можетъ силою привлекать въ свою паству лицъ латинскаго или другихъ исповѣданій. Духъ терпимости нашего законодательства и извѣстныя всѣмъ начала, которыми руководствуется правительство, кажется, могутъ въ этомъ отношеніи служить надежнымъ ручательствомъ, точно такъ же, какъ и мирное и почетное положеніе, въ которомъ находятся отъ девяти до десяти милліоновъ его подданныхъ римско-католическаго и протестантскаго исповѣданій, пользующихся всѣми правами, почестями и отличіями наравнѣ съ 45 или 46 милліонами подданныхъ, принадлежащихъ къ господствующей церкви. Наша церковь не только не употребляла насилій, но признавала за постоянное правило принимать обращающихся послѣ нѣкотораго срока испытанія, чтобъ убѣдиться въ искреннемъ желаніи присоединиться къ ней. Поэтому упомянутое постановленіе въ отношеніи къ Балтійскимъ губерніямъ не представляетъ ничего новаго; притомъ это не законъ, а мѣстное и временное распоряженіе, въ виду обращенія не отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ обществъ, конечно, недостаточно образованнаго народа. Въ этомъ неожиданномъ желаніи народныхъ массъ принять православіе духовенство господствующей церкви не могло даже принимать особеннаго участія, по-

тому что православныя церкви были только въ городахъ Балтійскихъ губерній. Общій характеръ нашихъ постановленій направленъ противъ прозелитизма, и они относятся вообще ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ и не могутъ быть ни отмѣнены, ни изъяты изъ приложенія, потому что основаны на опредѣленныхъ началахъ и согласованы съ основными учрежденіями государства. Однимъ словомъ, они составляютъ необходимое послѣдствіе пребыванія въ обширныхъ предѣлахъ Имперіи, рядомъ съ господствующею церковью, различныхъ другихъ исповѣданій, о которыхъ могущественное и отеческое правительство одинаково должно заботиться и покровительствовать имъ".

Отвѣтивъ со всею подробностію на соображенія папскаго статсъ-секретаря, нашъ посланникъ заключилъ свой отвѣтъ замѣчаніемъ, что указаніе на переговоры 1842 года, въ которыхъ будто бы выражено было обѣщаніе изъять изъ употребленія эти законы, совершенно не вѣрно. Въ это время не было и рѣчи ни объ этихъ законахъ, ни о другихъ вопросахъ, изложенныхъ въ сообщеніи 18-го апрѣля.

На дипломатическую ноту, хотя бы въ ней заключались разсужденія объ общихъ политическихъ и юридическихъ вопросахъ, нельзя смотрѣть какъ на ученое сочиненіе, въ которомъ частныя историческія явленія разсматриваются съ точки зрѣнія общихъ началъ, признаваемыхъ за истинныя, и доказательства оцѣниваются по ихъ внутреннему значенію. Защищая историческое явленіе, дипломатія старается выставить противъ доказательствъ противника возраженія болѣе сильныя, или по крайней мѣрѣ, равносильныя, для того только, чтобъ устранить вопросъ. Сущность же вопроса иногда ни тою, ни другою стороною не высказывается, а только подразумѣвается, и весь рядъ разсужденій и доказательствъ направляется въ собственномъ смыслѣ противъ этого подразумѣваемаго значенія вопроса. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Поэтому нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе всѣхъ частностей и отдѣльныхъ доказательствъ въ этомъ спорѣ; важна его сущность, заключающаяся въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. Со стороны русскаго правительства подъ длиннымъ рядомъ соображеній и доказательствъ, изложенныхъ нашимъ посланникомъ въ сообщеніяхъ папскому статсъ-секретарю, подразумѣвалось одно общее начало: въ развитіе внутренняго законодательства одного государства другое государство не имѣетъ права вмѣшиваться, а потому такое вмѣшательство должно быть или вовсе отклонено, или по возможности ограничено, смотря по обстоятельствамъ. Разбирая каж-

дый отдѣльный вопросъ порознь, наши уполномоченные отдавали лишь должную дань дипломатическимъ приличіямъ; но при этомъ случаѣ въ подборѣ отдѣльныхъ доказательствъ, конечно, соображались съ общимъ характеромъ заявленныхъ притязаній.

Сквозь рѣзкія и менѣе сдержанныя выраженія и соображенія папскаго правительства еще яснѣе проглядывало давно извѣстное всей Европѣ притязаніе папъ: законодательства другихъ державъ могутъ быть признаваемы Римомъ лишь на столько, на сколько они согласны съ его требованіями; но даже и сама верховная власть этихъ государствъ обязана покоряться волѣ римскаго первосвященника. Эти притязанія съ особенною рѣзкостію выразились въ вопросѣ о присягѣ. Чего же иначе желалъ Римъ, требуя отъ русскаго императора торжественнаго акта, которымъ онъ призналъ бы свою зависимость отъ постановленій латинской церкви, то-есть, отъ повелѣній Рима, и дозволилъ бы своимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія быть вѣрными себѣ и исполнять законы государственные въ той лишь мѣрѣ, въ какой это будетъ угодно папскому престолу?

Россія предлагала Риму полную терпимость латинскаго исповѣданія, которая иначе и не могла быть осуществлена, какъ при условіи соблюденія коренныхъ законовъ государства, и будучи распространяема въ равной степени на всѣ другія христіанскія исповѣданія; Римъ требовалъ господства латинской церкви въ Имперіи, хотя бы въ ущербъ всѣмъ другимъ исповѣданіямъ, и притомъ съ условіемъ почти полной независимости ея отъ верховной власти и коренныхъ законовъ. Не одни отдѣльныя постановленія законовъ, которыя, по справедливому увѣренію нашего посланника, на дѣлѣ почти не имѣли приложенія, но общій вопросъ, такимъ образомъ поставленный, конечно, представлялся неразрѣшимымъ по своей сущности, и потому было необходимо или прервать всякіе переговоры, или устранить его. Дѣйствуя въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, наши уполномоченные имѣли въ виду не только прекратить особую переписку съ папскимъ статсъ-секретаремъ, неумѣстную въ то время, когда еще продолжались общіе, чрезвычайные переговоры, но и не допустить поднятыхъ ею вопросовъ до этихъ переговоровъ. Въ такомъ-то положеніи находились наши отношенія къ Риму къ концу втораго періода переговоровъ. Очевидно, имъ угрожала полная неудача: враждебныя Россіи партіи брали верхъ при папскомъ дворѣ.

Послѣ переговоровъ о просинодальномъ судѣ, вмѣстѣ съ донесеніемъ правительству, графъ Блудовъ, въ частномъ письмѣ къ канц-

леру, писалъ [1]: „Въ дополненіе къ нашему донесенію, я скажу нѣсколько словъ только объ одномъ вопросѣ, который наиболѣе занималъ насъ въ послѣднихъ совѣщаніяхъ, и къ которому намъ было поручено приступить съ особенною осторожностію и только въ томъ случаѣ, если представится возможность успѣшно разрѣшить этотъ отдѣльный отъ общихъ нашихъ переговоровъ вопросъ; я разумѣю именно вопросъ о просинодальномъ судѣ, общемъ для Имперіи и царства Польскаго. Въ нашемъ рапортѣ вы найдете не только подробное, но можетъ-быть, и слишкомъ длинное описаніе всего того, чтò происходило, всѣ предосторожности, какія мы употребляли, приступая къ этому вопросу, чтобъ избѣжать разсужденій о законности духовной коллегіи, путь, которымъ мы слѣдовали во время самыхъ переговоровъ, которые шли успѣшно и нѣкоторое время казались совершенно удавшимися. Успѣхъ казался намъ до такой степени не подлежащимъ сомнѣнію, что выходя изъ четырнадцатаго совѣщанія, Бутеневъ и я, мы спрашивали другъ друга, не должны ли мы немедленно увѣдомить о томъ императорское министерство. Дѣйствительно, уполномоченные святаго престола, казалось, не только на все соглашались, но были еще более чѣмъ мы довольны, что улаживается дѣло, которое, по ихъ словамъ, весьма занимало самого папу. Какимъ образомъ перемѣнились въ продолженіе четырехъ-пяти дней это расположеніе къ соглашенію и чувство удовольствія? Это задача, которую еще нельзя вполнѣ разрѣшить, и мы можемъ только представить предположенія“. Намекая въ этомъ случаѣ на вліяніе враждебныхъ Россіи партій на папскій престолъ, графъ Блудовъ прибавляетъ: „Эти предположенія, по моему мнѣнію, вполнѣ вѣрны, и въ этомъ убѣждаетъ меня еще болѣе новое обстоятельство, о которомъ извѣщаетъ васъ Бутеневъ (то-есть, сообщеніе кардинала статсъ-секретаря Гицци) и которое угрожало совершенно разрушить все, чтò мы сдѣлали въ продолженіе четырехмѣсячныхъ переговоровъ. Дай Богъ, чтобъ я не былъ пророкомъ! Но чтò бы ни произошло, мы можемъ, кажется, утѣшать себя тѣмъ, что мы сдѣлали все человѣчески возможное по нашему разумѣнію и при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находились“.

Спустя нѣсколько времени, когда переговоры еще не начинались, а переписка съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ возобновилась, графъ Блудовъ писалъ канцлеру [2]): „Теперь я буду говорить канцлеру импе-

[1]) Письмо 8/20 марта 1847 года.

[2]) Письмо 18/30 апрѣля 1847 года.

ріи: мы будемъ строго до послѣдней степени слѣдовать вашимъ наставленіямъ, или говоря языкомъ новой дипломатіи, тому направленію, которое вы указываете. Прибавлю ли къ этому еще два слова? Мнѣ кажется, что я долженъ прибавить ихъ, потому что хочу быть всегда откровеннымъ, даже, если нужно, до нескромности, съ людьми, которыхъ уважаю. Прибавляю, что и окончивъ возложенное на меня порученіе, я не могу себѣ обѣщать полнаго успѣха; напротивъ того, я не могу надѣяться даже на какой-нибудь окончательный результатъ, сколько-нибудь удовлетворительный, особенно, когда подумаю объ исполненной пререканій перепискѣ Бутенева съ папскимъ статсъ-секретаремъ. Отчего такъ случилось, что наши переговоры, достигнувъ уже значительной степени развитія, вдругъ оказались въ положеніи гораздо болѣе трудномъ, чѣмъ было въ началѣ? Причинъ, мнѣ кажется, очень много, и мы, вѣроятно, никогда ихъ всѣхъ не узнаемъ; но существенная причина, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ многочисленныхъ, и лучше сказать, неисчислимыхъ интригахъ, среди которыхъ мы находимся. Они направлены на насъ изъ Парижа и изъ Лондона и дѣйствуютъ безпрерывно, безъ отдыха, и какъ вы сами можете усмотрѣть, произвели уже довольно вредное для насъ дѣйствіе. Наши переговоры, часто проникнутые неудовольствіемъ, служатъ тому доказательствомъ. Несомнѣнно, что интриги успѣли уже подѣйствовать на папу и возобновить прежнее недовѣріе къ намъ святаго престола. Какимъ же образомъ возможно прійдти къ соглашенію съ людьми, которые васъ подозрѣваютъ? Дѣйствительно, графъ, я, какъ уже замѣтилъ, теряю почти всякую надежду, чтобы въ новыхъ совѣщаніяхъ съ папскими уполномоченными мы могли встрѣтиться на почвѣ, такъ-сказать, нейтральной, почвѣ, которая все болѣе и болѣе уменьшается, тогда какъ только на ней мы могли бы подать руку другъ другу и прійдти къ сдѣлкамъ, хотя и неполнымъ, но возможнымъ для обѣихъ сторонъ. А если мы не достигнемъ этого, то мое положеніе здѣсь сдѣлается невыносимымъ, и надобно серіозно думать объ отъѣздѣ, и даже скоромъ. Я не считаю еще дѣла проиграннымъ, не теряю надежды прійдти ко взаимнымъ соглашеніямъ, соотвѣтствующимъ выгодамъ римско-католической церкви и достоинству обоихъ кабинетовъ. Избави меня Богъ! Время, этотъ великій примиритель, великій цѣлитель во всѣхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія устроитъ дѣла, и притомъ скорѣе, нежели думаютъ, такъ что при благопріятныхъ условіяхъ можно будетъ покончить споры и пререканія съ Римомъ почти по всѣмъ вопросамъ, занимающимъ насъ въ настоя-

щее время, лишь бы только Россія въ своихъ отношеніяхъ къ верховному первосвященнику и его единовѣрцамъ въ Имперіи и царствѣ Польскомъ слѣдовала политикѣ откровенной и законной, но въ то же время твердой и благосклонной. Въ виду этого предположенія и наши скудныя работы, наши скорби и досады не останутся безполезными для успѣха дѣла. Спорные вопросы, или такъ-сказать, столкновенія между нами и святымъ престоломъ были изслѣдованы; мы взаимно объяснились, и совѣщанія, какъ бы ни были они горячи, и даже именно потому, что были горячи, привели къ тому, что объяснили дѣло. Почва, которая этими совѣщаніями, такъ-сказать, вспахана, и въ послѣдствіи, я надѣюсь, дастъ способы прійдти къ соглашенію, хотя бы и не совсѣмъ искреннему (cordiale), но все-таки честному и достаточному для того, чтобъ обезпечить намъ миръ въ будущемъ. Обѣ стороны знаютъ или почти знаютъ, чего можно ожидать другъ отъ друга; а отъ этого уже одинъ шагъ къ тому, чтобы знать, чего одна сторона можетъ требовать отъ другой, и что̀ другая можетъ допустить. Необходимо, какъ я сказалъ, наблюдать, подстерегать случай, благопріятныя обстоятельства, и быть можетъ, еще болѣе необходимо имѣть терпѣніе и выжидать. Но проповѣдуя терпѣніе, я очень понимаю, что это не можетъ относиться ко мнѣ, то-есть, къ моему теперешнему положенію. Я долженъ повторить: если мы не прійдемъ къ заключенію сколько-нибудь удовлетворительному, если мое присутствіе въ Римѣ будетъ не только безполезно, но даже нѣсколько, какъ говорятъ Англичане, *неловко,* awkward, то я долженъ буду просить ваше сіятельство пріискать достаточную причину, или говоря русскимъ канцелярскимъ слогомъ, *благовидный* предлогъ, чтобы вызвать меня отсюда; не прерывая и даже не пріостанавливая тѣхъ переговоровъ, которые были возложены на меня. Они могутъ быть *вполнѣ* предоставлены заботамъ нашего посольства, какъ *отчасти* ужъ и теперь ведутся имъ. Время и терпѣніе, эти два средства, вѣрно обезпечивающія успѣхъ, всегда будутъ находиться въ его распоряженіи. Посольство будетъ вести дѣла, подвигать ихъ впередъ, пользуясь каждымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, и приготовлять такимъ образомъ медленно, но вѣрно, окончательныя заключенія, быть можетъ, и совершенно удовлетворительныя. Подобный способъ вести дѣло не возможенъ для меня. Вы поймете, конечно, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ не о моемъ самолюбіи; я давно уже принесъ его въ жертву моимъ обязанностямъ въ отношеніи къ Государю; но слѣдуетъ немного подумать и о достоинствѣ его уполномоченнаго. Главная цѣль моего посольства, сколько мнѣ кажется, заключалась

въ томъ, чтобы произвести нѣкоторымъ образомъ нравственное дѣйствіе (un certain effet moral), какъ на папское правительство, такъ и вообще на римскихъ католиковъ, друзей и враговъ. Если эта цѣль не вполнѣ достигнута, то это надобно приписать совокупности обстоятельствъ еще болѣе чрезвычайныхъ, нежели мое посольство: перемѣна царствованія, направленіе новаго царствованія, новыя сочетанія политическихъ обстоятельствъ въ Европѣ, и особенно въ Италіи, и наконецъ, возобновленіе особенной дѣятельности со стороны тѣхъ, кто преслѣдуетъ насъ своими интригами, дѣятельности, поощряемой именно современнымъ политическимъ состояніемъ Европы. Эта неблагонамѣренная и гибельная дѣятельность, можетъ-быть, и ослабѣетъ въ послѣдствіи, достигнувъ, повидимому, нѣкотораго успѣха. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, мой отъѣздъ изъ Рима былъ бы полезенъ, особенно если императорское министерство сочтетъ возможнымъ уполномочить меня передъ отъѣздомъ объясниться съ самимъ верховнымъ первосвященникомъ, само собою разумѣется, весьма умѣренно и почтительно, но по возможности подробно и откровенно. Не нужно говорить, что мое здоровье представляетъ въ этомъ случаѣ второстепенное обстоятельство, но я вижу, что и оно разстроивается и разрушается болѣе и болѣе; сирокко, электричество, которымъ постоянно наполненъ воздухъ, и *другія* обстоятельства до такой степени разстроили мои нервы и желчь, что скоро, быть можетъ, я вовсе не буду способенъ ни къ какой работѣ. Конечно, это будетъ печально для меня, а не для дѣла".

Хотя изъ приведенныхъ словъ видно, что нашъ уполномоченный не совсѣмъ терялъ надежду на соглашеніе съ Римомъ, но эта надежда была болѣе воспоминаніемъ о тѣхъ надеждахъ, съ которыми онъ отправлялся въ Римъ и началъ переговоры съ папскими уполномоченными. Въ то время, когда писано приведенное нами письмо, эта надежда отодвигалась далеко,—вообще за предѣлы порученныхъ графу Блудову переговоровъ. Что же касается до этихъ переговоровъ, то слѣдуя внушеніямъ канцлера, графъ Блудовъ употреблялъ съ своей стороны всевозможные способы, чтобы привести ихъ къ возможному соглашенію, но въ то же время сознавалъ, что они или вовсе не удадутся, или приведутъ къ послѣдствіямъ неудовлетворительнымъ и непрочнымъ.

Точно также было понято значеніе этихъ переговоровъ и въ Петербургѣ самимъ Государемъ. Когда канцлеръ представилъ ему подробный докладъ о второмъ періодѣ переговоровъ съ папскими уполномочен-

ными, оканчивавшійся заявленіемъ, что наши уполномоченные не теряютъ надежды достигнуть соглашеній, Императоръ собственноручно написалъ на докладѣ: „Поручите нашимъ уполномоченнымъ объявить, что истощивъ, къ моему большому сожалѣнію, всѣ способы соглашенія и усматривая, что за наши добрыя расположенія мы снова поставлены въ такое положеніе, что сдѣлались предметомъ не только непонятныхъ подозрѣній, но и безчестныхъ обвиненій, почерпнутыхъ изъ самыхъ низкихъ источниковъ, я считаю несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ продолжать далѣе переговоры. Поэтому я уполномочиваю прервать ихъ и объявить, что отвѣтственность за это и за всѣ послѣдствія будетъ тяготѣть на *одномъ* папскомъ правительствѣ. Прибавьте только: если послѣ этого объявленія будутъ стараться вновь завести переговоры, то наши уполномоченные должны только слушать, съ перваго же раза объявивъ, что всякое разсужденіе будетъ безполезно, если папское правительство не согласится сейчасъ же на все, на что соглашалось до разсужденій о просинодальномъ судѣ, ибо этотъ отказъ отъ своего мнѣнія я считаю оскорбленіемъ, котораго потерпѣть не могу“.

Сообщенныя Бутеневымъ извѣстія о неожиданной и неумѣстной перепискѣ, начатой съ нимъ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, произвели въ Петербургѣ не менѣе непріятное впечатлѣніе. „На мнѣ лежала очень непріятная обязанность“, писалъ графъ Нессельродъ Бутеневу, въ отвѣтъ на его сообщеніе [1]), „представить Императору ваше конфиденціальное отношеніе вмѣстѣ съ нотою кардинала Гицци. Вы предугадали, какое впечатлѣніе должно было произвести на Императора это странное сообщеніе, и я не скрою отъ васъ, что оно возбудило въ немъ сильное негодованіе. Дѣйствительно, мы предлагали себѣ вопросъ: какимъ образомъ правительство столь степенное и осмотрительное, каково правительство святаго престола, могло, повѣривъ нѣсколькимъ газетнымъ статьямъ и неопредѣленнымъ доносамъ, необдуманно рѣшиться обвинять насъ, не сообразивъ порядочно дѣла. Мы спрашивали себя: какимъ образомъ благоразуміе святаго отца могло согласиться на такой, почти враждебный поступокъ, въ то самое время, когда въ Римѣ находится особый уполномоченный, облеченный полною довѣренностію Его Величества, одно присутствіе котораго уже служитъ лучшимъ доказательствомъ добраго расположенія Императора въ отношеніи къ римско-католической церкви въ его государствахъ.

[1]) Отношеніе къ Бутеневу 11-го апрѣля 1847 г.

Мы спрашивали себя, наконецъ, какая можетъ быть настоящая цѣль подобной выходки (démonstration) въ то самое время, когда приготовительныя работы уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ ужь оканчивались, и когда счастливое соглашеніе готово было установиться между ними по большей части вопросовъ, имѣвшихъ войдти въ составъ будущаго договора. Какъ бы то ни было, Императоръ не послѣдуетъ за папскимъ правительствомъ по этому пути, такъ какъ Императору слишкомъ близки къ сердцу счастіе и духовное спокойствіе многочисленныхъ его подданныхъ римско-католическаго исповѣданія, и потому онъ желаетъ дать папскому престолу время одуматься. Ему пріятно, впрочемъ, думать, что папа, съ своей стороны, понимая въ равной степени необходимость огражденія порядка отъ всякихъ нападеній извнѣ, поспѣшитъ положить на вѣсы всю силу своего личнаго мнѣнія, чтобъ устранить и уничтожить эту случайную выходку, такъ злополучно примѣшавшуюся къ переговорамъ. Императоръ въ этомъ отношеніи прямо обращается къ его святѣйшеству. Онъ желаетъ, чтобы, сообщивъ кардиналу статсъ-секретарю содержаніе настоящаго сообщенія, вы объявили ему, что истощивъ всѣ средства къ соглашенію, Его Величество, вновь встрѣчая странныя подозрѣнія, въ отплату за его добрыя и справедливыя расположенія, считаетъ не только безполезнымъ, но даже несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ продолжать переговоры, въ которые святой престолъ не перестаетъ вносить несправедливое недовѣріе. Такимъ образомъ отвѣтственность за разрывъ падетъ *исключительно* на папскій кабинетъ, тогда какъ Императоръ сохранитъ убѣжденіе, что съ его стороны сдѣлано все, чтобъ избѣжать его.... Быть можетъ", продолжаетъ далѣе канцлеръ, „надежда, которую мы выражаемъ, ужь осуществилась въ продолженіе этого времени. Подробный и убѣдительный отвѣтъ, который вы сообщили на послѣднія притязанія Римскаго двора, вѣроятно, будетъ имѣть это дѣйствіе, и я очень радъ, что могу сообщить вамъ объ одобреніи его Государемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я ничего не могу прибавить къ этому отвѣту, кромѣ выраженія глубокаго сожалѣнія о томъ, что папское министерство, вмѣсто того, чтобъ основываться на газетныхъ статьяхъ, писанныхъ съ явною цѣлію затруднить переговоры и возбудить недовѣріе, не сочло нужнымъ узнать исторію и подлинный текстъ нашихъ уголовныхъ законовъ и съ этою цѣлію, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній, поручить своимъ уполномоченнымъ обратиться прямо во время переговоровъ къ человѣку, который могъ доставить самыя вѣрныя объясненія къ словамъ закона. Я говорю о графѣ

Блудовѣ, которому именно поручено, какъ и заявлено прямо въ письмѣ Императора къ папѣ, отвѣчать на всѣ заявленія святаго престола, особенно по вопросамъ, касающимся законодательства, разсѣять сомнѣнія и ясными доказательствами опровергнуть печальныя предубѣжденія. И теперь еще мы совѣтуемъ папскому кабинету обращаться къ познаніямъ графа Блудова въ тѣхъ случаяхъ, когда оно найдетъ нужнымъ имѣть новыя дополнительныя объясненія, чтобъ убѣдиться вполнѣ и положить конецъ своимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ.

„Въ заключеніе мнѣ остается сказать только объ отцѣ Целестинѣ Виллимѣ. Этотъ священникъ, дѣйствительно, былъ арестованъ въ то время, какъ онъ пытался тайнымъ образомъ перейдти нашу границу у Измаила, въ мартѣ мѣсяцѣ 1846 года. Это было во время возмущеній въ Галиціи, когда многіе изъ польскихъ эмиссаровъ условились соединиться въ Болгаріи, и особенно стекались въ Тульчу. Намъ было извѣстно, что въ случаѣ распространенія возмущенія въ Галиціи, Краковѣ и западной Пруссіи, польскіе революціонеры намѣревались сдѣлать нападеніе и на наши пограничныя области, именно изъ Тульчи. Въ этихъ происшествіяхъ, какъ было доказано, принимали участіе многіе изъ католическихъ священниковъ и монаховъ, особенно въ Австріи. Целестинъ Виллимъ, по своимъ прежнимъ дѣйствіямъ и странствованіямъ, не былъ чуждъ этому участію. Мы не можемъ допустить и мысли, чтобы святой престолъ могъ отрицать у насъ право употреблять мѣры строгости противъ преступниковъ и подвергать слѣдствію лицъ подозрительнаго поведенія. Такимъ образомъ и Целестинъ Виллимъ находится подъ слѣдствіемъ, по окончаніи котораго судъ произнесетъ надъ нимъ приговоръ, по степени его виновности. Это обстоятельство можетъ служить Римскому двору доказательствомъ, что этотъ священникъ вовсе не былъ разстрѣленъ, и кажется, можетъ его убѣдить, какъ мало заслуживаютъ вѣроятія тѣ низкіе источники, изъ которыхъ Римскій дворъ почерпаетъ свои свѣдѣнія“.

Кардиналъ Гицци былъ крайне смущенъ, когда нашъ посланникъ сообщилъ ему это извѣстіе и спустя нѣсколько времени послѣ того довелъ до его свѣдѣнія, что судъ надъ Виллимомъ оконченъ, и Виллимъ приговоренъ къ *высылкѣ за предѣлы Имперіи*[1]).

„Такимъ образомъ“, сообщалъ нашъ посланникъ, „онъ можетъ явиться снова въ Римъ, и стало-быть, родъ Виллимовъ не угаснетъ“.

---

[1]) Депеша $^{6}/_{18}$-го іюня.

VII.

Наши уполномоченные находились въ крайне затруднительномъ положеніи послѣ того, какъ отправили подробные отчеты правительству, какъ о самыхъ переговорахъ, такъ и о перепискѣ посланника съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, неожиданной и грозившей окончательно уничтожить все, что до сихъ поръ казалось сдѣланнымъ. Съ одной стороны, ожиданіе того, какое мнѣніе выразитъ правительство объ этой перепискѣ, а также дальнѣйшихъ наставленій по тѣмъ вопросамъ, которые во время переговоровъ были оставлены ad referendum, съ другой же стороны, дѣйствія папскаго правительства, которое, повидимому, вовсе не желало возобновлять переговоры и какъ-бы вызывало на полный разрывъ, естественно, возбуждали въ нашихъ уполномоченныхъ недоумѣнія и сомнѣнія относительно дальнѣйшаго образа ихъ дѣйствій. При такомъ положеніи дѣлъ имъ оставалось или находиться въ полномъ бездѣйствіи, и такъ-сказать, вполнѣ, предаться волѣ Рима, или же окончательно прервать переговоры. Въ первомъ случаѣ, они способствовали бы къ отстраненію переговоровъ на неопредѣленное время, и главное, образъ дѣйствія уполномоченныхъ не соотвѣтствовалъ бы достоинству имперіи; во второмъ же случаѣ поступокъ ихъ не былъ бы согласнымъ ни съ видами, ни съ ожиданіями правительства. „Вы припомните, конечно",—писалъ въ это время графъ Блудовъ канцлеру имперіи [1]),—„правило, или лучше сказать, размышленіе или замѣчаніе одного изъ древнихъ греческихъ мудрецовъ, что во времена смутъ самая трудная задача для честнаго человѣка и добраго гражданина состоитъ не въ томъ, чтобы хорошо исполнить свои обязанности, а въ томъ, чтобы понять, въ чемъ заключаются эти обязанности. И мы живемъ здѣсь во времена смутъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, и хотя, конечно, я не имѣю притязаній на значеніе великаго гражданина и ограничиваюсь скромнымъ званіемъ честнаго человѣка, тѣмъ не менѣе въ продолженіе послѣднихъ пяти или шести недѣль я испыталъ, и до нѣкоторой степени еще въ настоящее время испытываю, какъ тяжело то состояніе, о которомъ говоритъ нашъ древній философъ. Папскіе уполномоченные, и особенно кардиналъ Ламбрускини, казалось, избѣгали насъ, меня и Бутенева, уклоняясь, правда, учтивымъ, но часто необъяснимымъ образомъ отъ всякаго сношенія и даже отъ встрѣчи съ нами.

---

[1]) Частное письмо отъ $^{5}/_{17}$-го іюня 1847 года.

Хотя это напоминало мнѣ иногда поведеніе нашего стараго графа Румянцева съ лордомъ Гоуеромъ (Gower) въ то время, когда онъ приготовлялъ объявленіе войны Англіи, однако же болѣе, нежели когда-нибудь, намъ приходилось задавать себѣ вопросъ: что̀ мы должны дѣлать? Слѣдовало ли доводить долготерпѣніе, или лучше сказать, безучастіе до послѣднихъ предѣловъ, теряя безплодно не только дни, но цѣлыя недѣли, и обречь себя на странное и необычайное положеніе уполномоченныхъ, съ которыми не хотятъ вести переговоровъ, или же приходилось излишнею щекотливостію и поспѣшностію испортить дѣло, которое еще можно было довести до хорошаго конца, какъ вы указываете, графъ, въ письмѣ отъ 11-го апрѣля? Вотъ вопросъ, который я задавалъ себѣ не только время отъ времени, но такъ-сказать, въ каждое мгновеніе дня, съ утра, раскрывая глаза, и до вечера, когда съ большимъ, а иногда и безполезнымъ усиліемъ желалъ ихъ сомкнуть".

Затруднительное положеніе нашихъ уполномоченныхъ зависѣло не отъ того только, что они ожидали еще дальнѣйшихъ наставленій правительства по нѣкоторымъ вопросамъ, но и отъ того, что имъ не былъ вполнѣ извѣстенъ взглядъ императора на ихъ дальнѣйшія обязанности. Взглядъ этотъ былъ переданъ имъ въ сообщеніи отъ 11-го апрѣля, лишь по случаю особой переписки кардинала статсъ-секретаря съ нашимъ посланникомъ, и потому они не могли распространять высказанное сужденіе на всѣ вообще переговоры. Имъ не были извѣстны слова Императора, написанныя имъ на отчетѣ объ общемъ ходѣ переговоровъ, которые остановились на вопросѣ о просинодальномъ судѣ. Въ другомъ отношеніи отъ того же числа, сообщая нѣкоторыя разрѣшенія по вопросамъ, оставленнымъ ad referendum, канцлеръ писалъ графу Блудову слѣдующее: „Въ заключеніе, я долженъ сказать, что для окончательнаго составленія положеній будущаго договора съ святымъ престоломъ, вамъ уже не можетъ болѣе представиться нужды прибѣгать къ императорскому кабинету. Всѣ вопросы, мнѣ кажется, объяснены достаточно, и если нѣкоторыя подробности останутся не разрѣшенными, то онѣ весьма легко могутъ быть предметомъ особыхъ соглашеній въ послѣдствіи, даже послѣ подписанія договора, который долженъ канонически опредѣлить положеніе римско-католической церкви въ имперіи и царствѣ Польскомъ". Такимъ образомъ, изъ словъ канцлера можно было заключить, что правительство ожидало положительныхъ послѣдствій отъ переговоровъ и возлагало въ этомъ случаѣ полную довѣренность на своихъ уполномоченныхъ.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца, наши уполномоченные, отправивъ къ кардиналу Гицци отвѣтъ Бутенева на его сообщеніе отъ 12-го апрѣля, рѣшились сдѣлать попытку вновь открыть переговоры. Чтобъ избѣжать неудобства лично посѣтить кардинала Ламбрускини и не застать его дома, графъ Блудовъ поручилъ Бутеневу написать къ нему письмо въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ и извѣстить его, что русскіе уполномоченные, получивъ окончательныя наставленія отъ своего правительства, готовы и весьма будутъ рады вновь открыть переговоры съ уполномоченными Римскаго двора, если только состояніе здоровья кардинала Ламбрускини позволитъ ему возвратиться къ этимъ занятіямъ. Въ тотъ же вечеръ кардиналъ Ламбрускини собственноручнымъ и также весьма вѣжливымъ письмомъ увѣдомилъ нашего посланника, что завтра онъ оставляетъ Римъ и отправляется въ свою епархію, но что его отсутствіе продолжится не долго, и что поэтому онъ представляетъ на выборъ нашимъ уполномоченнымъ—или дождаться его возвращенія, или продолжать переговоры съ монсиньйоромъ Корболи, чтобы такимъ образомъ вознаградить время, которое могло бы быть упущено вслѣдствіе его временной отлучки. „Эта отлучка",—писалъ Бутеневъ,—„конечно, не можетъ не показаться подозрительною; вѣроятно, кардиналъ уѣзжаетъ съ тою цѣлію, чтобы выиграть время. Впрочемъ, кардиналъ Ламбрускини, во все пребываніе мое въ Римѣ, даже въ то время, когда завѣдывалъ всѣми дѣлами при покойномъ папѣ, постоянно два раза въ годъ, весной и осенью, посѣщалъ свою Сабинскую епархію. Быть можетъ, теперь онъ только нѣсколько ускорилъ свою поѣздку. Какъ бы то ни было, мы, руководствуясь желаніемъ ничего не упустить изъ виду, чтобы сохранить спокойное и миролюбивое положеніе, рѣшились послѣдовать указанію кардинала и до его возвращенія вступить въ сношенія съ его товарищемъ и помощникомъ по переговорамъ. Въ этомъ смыслѣ я объяснился сначала съ кардиналомъ Гицци, а потомъ съ самимъ монсиньйоромъ Корболи, и послѣдній разсыпался въ увѣреніяхъ, что онъ столько же польщенъ, сколько готовъ вступить въ переговоры съ нами для того, чтобы подготовить и ускорить успѣхъ общаго нашего порученія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавилъ, что въ качествѣ втораго уполномоченнаго, онъ напередъ обязанъ доложить его святѣйшеству и просить его приказаній, и затѣмъ ужъ увѣдомить насъ о послѣдствіяхъ. Онъ сообщилъ намъ также, что поѣздка кардинала Ламбрускини должна продолжиться отъ 15 до 20 дней; но что, вѣроятно однако же, кардиналъ поспѣшитъ возвратиться скорѣе, къ празднику 13-го мая, когда „бываетъ тор-

жество, въ которомъ всѣ кардиналы обыкновенно должны сопутствовать папѣ".

Снисходительность и уступчивость нашихъ уполномоченныхъ, вызываемыя, конечно, желаніемъ довести переговоры до нѣкоторыхъ положительныхъ заключеній, простирались до той степени, далѣе которой едва-ли и возможно было идти. Не только согласіе, но даже вызовъ продолжать переговоры съ молодымъ помощникомъ кардинала Ламбрускини въ то время, какъ этотъ послѣдній уклонялся отъ нихъ съ явнымъ умысломъ, при тогдашнемъ положеніи, очевидно, не могли ни на шагъ подвинуть дѣло. И дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени монсиньйоръ Корболи увѣдомилъ, но съ оговорками, что онъ можетъ вступить въ переговоры съ нашими уполномоченными. Засѣданіе и было назначено на $\frac{\text{21-е апрѣля}}{\text{3-е мая}}$. „По характеру отвѣта монсиньйора Корболи, исполненнаго осторожности и колебаній",—писалъ нашъ посланникъ къ графу Нессельроду,„—вы можете судить, что онъ не можетъ внушать надежды на достиженіе какихъ-нибудь положительныхъ заключеній при совѣщаніяхъ съ нимъ, во все время отсутствія кардинала Ламбрускини. Но это свиданіе, быть можетъ, дастъ намъ возможность судить о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ нашъ послѣдній отвѣтъ на сообщеніе кардинала статсъ-секретаря: ослабилъ ли онъ, или разрушилъ тѣ несправедливыя и неосновательныя предубѣжденія и невозможныя требованія, которыя такъ неожиданно возмутили наши переговоры, производившіеся до того времени при столь благопріятныхъ предзнаменованіяхъ"? [1]).

И дѣйствительно, совѣщаніе нашихъ уполномоченныхъ съ Корболи не имѣло никакихъ послѣдствій; при всякомъ вопросѣ онъ заявлялъ только, что не считаетъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе его сущности. Получивъ списокъ съ дополнительныхъ наставленій нашего правительства (28-го марта) по вопросамъ, оставленнымъ въ бывшихъ совѣщаніяхъ ad referendum, онъ обѣщалъ доложить объ этомъ предметѣ папѣ и потомъ сообщить о томъ же кардиналу Ламбрускини. Послѣ этого, получивъ новыя наставленія, отъ 11-го апрѣля, наши уполномоченные не считали нужнымъ возобновлять съ нимъ сношенія, но рѣшились дождаться возвращенія кардинала Ламбрускини. Послѣ этой неудачной попытки наши уполномоченные рѣшились на другую, которая, повидимому, обѣщала большій успѣхъ, какъ по сущности самого вопроса, такъ и потому, что слѣдовало вести это

---

[1]) Депеша $^{18}/_{30}$-го апрѣля 1847 года.

дѣло чрезъ кардинала статсъ-секретаря, котораго взгляды и направленіе внушали большее довѣріе. Кромѣ вопросовъ, рѣшенія которыхъ должны были войдти въ составъ предположеннаго договора съ папскимъ правительствомъ, нашимъ уполномоченнымъ было поручено представить Римскому двору списокъ кандидатовъ на вакантныя епископскія каѳедры и употребить старанія объ утвержденіи ихъ. Этому вопросу наше правительство также придавало большое значеніе; самъ Римскій дворъ, въ своихъ жалобахъ противъ Россіи, постоянно указывалъ на вакантныя епископскія каѳедры, а способъ ихъ замѣщенія былъ ужь указанъ при личномъ соглашеніи Императора съ покойнымъ папою Григоріемъ XVI. Такимъ образомъ, разрѣшеніе этого вопроса по его сущности не должно было встрѣтить препятствій; но въ это время подоспѣло на помощь нашимъ уполномоченнымъ сообщеніе нашего кабинета отъ 11-го апрѣля, и нашъ посланникъ долженъ былъ прочесть его кардиналу Гицци, а въ сообщеніи этомъ взглядъ императора на дѣйствія папскаго правительства былъ выраженъ ясно и рѣшительно. „Въ этотъ промежутокъ времени",—писалъ Бутеневъ,—„послѣ перерыва переговоровъ, мы старались по крайней мѣрѣ, съ одной стороны, дѣйствовать по возможности на направленіе папскаго кабинета, чтобъ онъ понялъ всю несправедливость своего недовѣрія и все неприличіе своихъ поступковъ въ отношеніи къ намъ, равно какъ справедливое негодованіе Императора и важныя послѣдствія того, что папскій кабинетъ упорствуетъ дѣйствовать подобнымъ образомъ; съ другой же стороны, мы старались обезпечить благопріятное разрѣшеніе другаго вопроса, отдѣльнаго и независимаго отъ общихъ переговоровъ, но тѣмъ не менѣе важнаго, а именно, о назначеніи епископовъ на вакантныя каѳедры". Конечно, безкорыстныя усилія обратить политику папскаго двора на путь наиболѣе выгодный для самой латинской церкви расточались напрасно. Прямой и рѣшительный образъ дѣйствій, котораго желалъ Императоръ, и который единственно соотвѣтствовалъ достоинству независимой и великой державы, оказалъ бы гораздо болѣе вліянія на Римскій дворъ, нежели заботы о его собственныхъ выгодахъ, естественно, возбуждавшія въ немъ недовѣріе и питавшія его самоувѣренность. На открытіе переговоровъ по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, а равно и общихъ переговоровъ, безъ сомнѣнія, имѣло рѣшительное вліяніе сообщеніе нашего правительства отъ 11-го апрѣля. „Я прочелъ кардиналу Гицци"—писалъ нашъ посланникъ—„сообщеніе отъ 11-го апрѣля, въ которомъ со всею ясностію выражены чувства удивленія и негодова-

нія Императора по случаю дѣйствій папскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно и въ духѣ примиренія указанъ верховному первосвященнику способъ возвратиться къ болѣе справедливой и просвѣщенной оцѣнкѣ какъ истинныхъ намѣреній императорскаго правительства, такъ и настоящихъ выгодъ святаго престола. Это чтеніе произвело замѣтное впечатлѣніе на кардинала статсъ-секретаря, не смотря на спокойствіе, которое онъ старался поддержать въ своемъ обхожденіи и рѣчахъ. Онъ спросилъ: можетъ ли онъ получить списокъ съ этого сообщенія, или по крайней мѣрѣ, извлеченіе изъ него. Послѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, кардиналъ выразилъ желаніе снова прочесть это важное сообщеніе для того, чтобы болѣе выразумѣть его содержаніе и отдать о немъ отчетъ папѣ. Потомъ онъ прибавилъ, что весьма сожалѣетъ о томъ, что тѣ конфиденціальныя сношенія, коихъ онъ былъ орудіемъ, истолкованы такъ неблагопріятно для него, тогда какъ ихъ цѣль заключалась лишь въ томъ, чтобы получить нѣкоторыя объясненія, которыя могли бы разсѣять сомнѣнія и тревожные слухи, возмущавшіе совѣсть его святѣйшества. Нѣсколько дней спустя кардиналъ статсъ-секретарь выразилъ такія же увѣренія отъ лица уже самаго папы, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ о тяжеломъ впечатлѣніи, которое онъ лично испыталъ отъ незаслуженнаго упрека, потому что его постоянное желаніе заключалось въ томъ, чтобы переговоры между двумя дворами увѣнчались успѣхомъ".

Въ послѣдствіи, какъ самъ папа, такъ и его министры, изъявляли тѣ же желанія [1]). При такихъ условіяхъ графъ Блудовъ открылъ переговоры съ кардиналомъ Гицци о назначеніи новыхъ епископовъ. Разумѣется, они были встрѣчены кардиналомъ съ полнымъ участіемъ. Немедленно онъ представилъ папѣ списокъ кандидатовъ, избранныхъ на епископскія каѳедры нашимъ правительствомъ, со всѣми свѣдѣніями, необходимыми для каноническаго процесса ихъ поставленія, и сообщилъ нашему уполномоченному, что папа изъявилъ полное удовольствіе и сейчасъ же поручилъ канцеляріи собрать нужныя свѣдѣнія о кандидатахъ. Конечно, это послѣднее условіе могло выражать или недовѣріе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщало о нихъ наше правительство, или то, что папское правительство считало ихъ недостаточными, и во всякомъ случаѣ оно замедляло ходъ дѣла. Поэтому кардиналъ Гицци поспѣшилъ заявить, что о нѣкоторыхъ кандидатахъ, конечно, болѣе извѣстныхъ Риму, какъ, напримѣръ, Дмоховскій, Головинскій и

[1]) Депеши Бутенева отъ 16/28-го мая и 6/18-го іюня 1847 года.

др., свѣдѣнія будутъ собраны очень скоро. Въ виду этого заявленія графъ Блудовъ предложилъ отдѣлить ихъ отъ остальныхъ и утвердить, не ожидая полученія свѣдѣній о послѣднихъ, которые могутъ быть утверждены особо, въ послѣдствіи. Кардиналъ, безъ всякихъ возраженій, выразилъ желаніе довести объ этомъ предложеніи до свѣдѣнія папы и вслѣдъ за тѣмъ, на другой же день, объявилъ его согласіе. Хотя дѣло о назначеніи епископовъ, по бюрократическимъ обычаямъ папскихъ канцелярій, должно было затянуться на долго, и его благопріятное начало нисколько не могло ручаться за такой же его исходъ и даже продолженіе; но во всякомъ случаѣ, оно свидѣтельствовало о поворотѣ отъ направленія явно враждебнаго къ болѣе миролюбивому, совершившемъся въ папскомъ правительствѣ подъ вліяніемъ сообщенія нашего канцлера отъ 11-го апрѣля. Одна ультрамонтанская партія, въ лицѣ кардинала Ламбрускини, не подчинилась этому настроенію, безъ сомнѣнія, несогласному съ ея видами и желаніями.

Возвратившись изъ своей епархіи 20-го мая, кардиналъ Ламбрускини лишь визитными карточками заявилъ нашимъ уполномоченнымъ о своемъ прибытіи въ Римъ. Дней десять они напрасно ожидали извѣщенія со стороны папскаго правительства объ открытіи вновь переговоровъ, и наконецъ, рѣшились обратиться съ вопросами къ монсиньйору Корболи и кардиналу Гицци. Но и тотъ, и другой отвѣчали уклончиво, и только послѣ многихъ настояній папскій статсъ-секретарь далъ замѣтить нашимъ уполномоченнымъ, что папа намѣренъ собрать въ непродолжительномъ времени священную коллегію кардиналовъ и предоставить ей обсудить вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ. „Наконецъ“—писалъ графъ Блудовъ нашему канцлеру—„тяжелое положеніе, сомнѣнія и неизвѣстность прекратились; даже отсрочки, которыя такъ удивляли насъ, объяснились довольно удовлетворительно необходимостію посовѣтоваться съ собраніемъ кардиналовъ, прежде нежели вновь начать переговоры. Кажется, таковъ ужь обычай въ Римѣ; такъ было поступлено и въ 1802 г., не смотря на настоянія и угрозы перваго консула, который требовалъ, чтобъ его проектъ конкордата былъ принятъ въ продолженіе пятнадцати дней, и у котораго въ Тосканѣ находилось стотысячное войско“ [1]). Конгрегація кардиналовъ собиралась нѣсколько разъ, и послѣ окончательнаго собранія 7-го іюня, подъ предсѣда-

[1]) Письмо отъ $^{5}/_{17}$-го іюня 1847 года.

тельствомъ самого папы, кардиналъ Гицци извѣстилъ нашихъ уполномоченныхъ, конфиденціальною нотой отъ 10-го іюня, о скоромъ открытіи переговоровъ. Дѣйствительно, таковъ обычай Римскаго двора, что передъ окончательнымъ заключеніемъ какой бы то ни было сдѣлки съ иностранною державою собирается эта конгрегація, но лишь тогда, когда переговоры въ сущности ужь окончены, и дѣло касается лишь опредѣленія формы самого договора. Изъ ноты кардинала статсъ-секретаря нельзя однако было не замѣтить, что папское правительство вовсе не считаетъ переговоровъ оконченными. Поэтому конгрегація, вѣроятно, рѣшала вопросъ о томъ, прервать ли окончательно переговоры, или продолжать ихъ. „Эта нота"—писали наши уполномоченные—„не только снова перечисляла вопросы, уже бывшіе предметомъ совѣщаній, въ неблагопріятномъ смыслѣ, но даже указывала на многіе такіе, которые были устранены нами въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ, а также присовокупляла къ нимъ и тѣ, которые были предметомъ непріятнаго нашего спора въ конфиденціальной перепискѣ съ кардиналомъ Гицци, независимо отъ общихъ переговоровъ. Хотя эта нота и была составлена въ выраженіяхъ учтивыхъ и умѣренныхъ, но тѣмъ не менѣе упрямство, съ которымъ папское правительство домогалось разрѣшенія вопросовъ, въ сущности не разрѣшимыхъ, заставляло задуматься". Перечисливъ всѣ вопросы, по которымъ не состоялось соглашеній при переговорахъ, а равно и вопросы о законахъ противъ прозелитизма, о присягѣ, о второмъ суффраганѣ въ Тифлисѣ для новаго Херсонскаго епископа и т. под., кардиналъ Гицци въ заключеніе своей ноты къ Бутеневу писалъ: [1]) „Все изложенное выше приводитъ къ тому заключенію, что не смотря на искреннее желаніе его святѣйшества по возможности удовлетворить желаніямъ Императора, онъ поставленъ въ такое положеніе, что не можетъ сдѣлать этого, не измѣнивъ требованіямъ совѣсти и своему положенію. Тѣмъ не менѣе его святѣйшество желаетъ отклонить этотъ выводъ: онъ объясняетъ себѣ наставленія, данныя русскимъ правительствомъ своимъ уполномоченнымъ, и отвѣты, которые они до настоящаго времени сообщали на вопросы, составлявшіе предметъ совѣщаній, недостаточнымъ знакомствомъ съ тѣми причинами, на которыхъ основаны требованія святаго престола. Поэтому онъ надѣется, что возвратясь снова къ обсужденію всѣхъ вопросовъ въ слѣдующихъ совѣщаніяхъ, вы и графъ Блудовъ най-

[1]) Нота отъ 10-го іюня новаго стиля 1847 года.

дете средства побудить великодушіе Императора исполнить тѣ обѣщанія, которыя онъ удостоилъ дать святой памяти папѣ Григорію XVI. Нечего бояться того, будто бы рѣшительныя требованія святаго престола могутъ поставить Его Величество въ затруднительное положеніе. Австрійская имперія сдѣлала также значительныя уступки тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые принадлежатъ къ господствующему въ Россіи вѣроисповѣданію. Между тѣмъ условія, въ которыхъ они находятся, совершенно иныя въ сравненіи съ католическими подданными Россіи. Они вошли въ составъ Австрійской имперіи, не обладая никакими правами, и пріобрѣли ихъ лишь съ теченіемъ времени, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ; напротивъ того католическимъ подданнымъ Русской имперіи, въ то время, когда они вошли въ ея составъ, самыми торжественными договорами было обезпечено право отправленія своего вѣроисповѣданія точно такъ же, какъ это было при правительствѣ бывшаго Польскаго королевства". Не смотря на *учтивыя* и *умѣренныя* выраженія этой ноты, на которыя съ особеннымъ удареніемъ указывалъ нашъ посланникъ, вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ папскому престолу былъ въ ней доведенъ однакоже до послѣдней крайности. Если послѣ рѣзкихъ и дерзкихъ нотъ кабинета Ламбрускини, повторившихся и въ произведеніяхъ Корболи, нота европейски образованнаго Гицци по ея внѣшнему виду и могла удовлетворить требованіямъ приличія со стороны представителя Россіи въ Римѣ, то конечно, ея содержаніе по меньшей мѣрѣ должно было заставить *задуматься*. На русское правительство въ отношеніи къ его подданнымъ латинскаго исповѣданія возлагались обязательства какой-то верховной власти бывшаго Польскаго королевства, гдѣ всѣ вѣроисповѣданія, кромѣ латинскаго, подвергались самому дикому преслѣдованію и гоненію, бывшему одною изъ коренныхъ причинъ паденія этого государства. Русскому правительству, которое приняло начало терпимости всѣхъ исповѣданій въ свое законодательство, какъ одно изъ коренныхъ, а въ приложеніи на дѣлѣ доводило его до едва возможныхъ крайностей, поставляли въ образецъ Австрію, гдѣ всякая льгота православнымъ, въ виду грозныхъ обстоятельствъ, писалась на бумагѣ съ тѣмъ, чтобы никогда не быть исполненною на дѣлѣ. Русскому правительству указывали на договоры, въ которыхъ именно была обѣщана терпимость въ той мѣрѣ, въ какой не нарушала она коренныхъ законовъ имперіи и правъ господствующей церкви. Наконецъ, напоминалось обѣщаніе Императора, которое было ограждено именно тѣми же условіями.

Такимъ образомъ на предположенныя вновь совѣщанія уполномоченные обѣихъ сторонъ смотрѣли съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Послѣдняя нота кардинала Гицци уже раскрывала программу, которой хотѣли держаться папскіе уполномоченные при дальнѣйшихъ переговорахъ. Между тѣмъ по мнѣнію нашихъ уполномоченныхъ всѣ вопросы, подлежавшіе переговорамъ, уже были исчерпаны. На основаніи новыхъ наставленій правительства имъ оставалось только окончательно выразить ихъ въ общихъ правилахъ, не испрашивая даже новыхъ наставленій.

Въ послѣднихъ инструкціяхъ нашимъ уполномоченнымъ правительство соглашалось на всѣ почти уступки, которыя были допущены ими. Вопросъ о римско-католической духовной академіи особенно обращалъ на себя его вниманіе. Допустивъ, какъ общее начало, что принятыя уже въ отношеніи къ семинаріямъ правила будутъ распространены и на академію, наше правительство тѣмъ самымъ устраняло возможность споровъ, и не смотря на неблагопріятный вообще ходъ переговоровъ, изъявляло свое удовольствіе именно по этому вопросу. Графъ Нессельродъ писалъ къ нашимъ уполномоченнымъ: „Изъ вашихъ сообщеній мы видимъ, что переговоры уже значительно подвинулись впередъ, и что по большей части вопросовъ, которымъ мы придаемъ особенную важность, уже состоялись предварительныя соглашенія, чему мы можемъ только радоваться. Государю Императору въ особенности пріятно было то, какъ отнесся святой престолъ къ духовной академіи въ Петербургѣ. Это высшее въ имперіи учрежденіе для преподаванія вѣроученія и богословскихъ наукъ по римско-католическому обряду предназначено преимущественно для образованія въ будущемъ хорошихъ католическихъ епископовъ для имперіи. Въ этомъ смыслѣ Императоръ принялъ академію подъ свое личное покровительство и очень радъ, что теперешній папа, по своимъ намѣреніямъ и видамъ, готовъ ему содѣйствовать въ достиженіи этой цѣли, утверждая существованіе и устроивая, согласно съ каноническими правилами, это учебное заведеніе и тѣмъ придавая ему бо́льшую силу и вліяніе“.

Устраняя тѣ вопросы, которые и нашими уполномоченными были устранены во время переговоровъ, не возвращаясь къ предложенію о просинодальномъ судѣ, наше правительство желало отклонить только одинъ еще вопросъ—о провинціалахъ монашескихъ орденовъ. „Хотя мы понимаемъ“, — писалъ графъ Нессельродъ нашимъ уполномоченнымъ, „что руководствуясь духомъ примиренія, вы допустили предложеніе

папскаго правительства о провинціалахъ для каждаго монашескаго ордена подъ особеннымъ вліяніемъ будущаго Могилевскаго митрополита, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не замѣтить, что это привело бы къ тѣмъ же неудобствамъ, которыя мы желаемъ устранить. Въ такомъ случаѣ одинъ и тотъ же провинціалъ, по прежнему, могъ бы находиться въ соотношеніи съ нѣсколькими епископами, а именно избѣжать этого и постановилъ комитетъ 1846 года, въ засѣданіи 13-го апрѣля. Не входя въ новое разсмотрѣніе выгодъ или неудобствъ предложенія папскаго правительства, Императоръ поручаетъ вамъ поддерживать наше первоначальное предложеніе, чтобы каждый орденъ въ каждой епархіи имѣлъ право избрать своего особаго провинціала, который былъ бы подчиненъ епархіальному епископу, и выборъ котораго былъ бы предварительно имъ одобренъ. Настоящій порядокъ дѣлъ избавилъ бы насъ, по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ неудобствъ, на которыя мы жаловались, и положилъ бы, хотя до нѣкоторой степени, предѣлъ какъ развращенію нравовъ въ монастыряхъ, такъ и революціоннымъ заговорамъ, въ которыхъ монахи не переставали принимать участіе со времени происшествій 1830 и 1831 годовъ. Если вамъ не удастся прійдти къ соглашенію въ отношеніи условій, при которыхъ только и можетъ быть допущено существованіе провинціаловъ въ Россіи, то гораздо лучше отложить разрѣшеніе этого вопроса и не постановлять ничего положительнаго въ этомъ отношеніи. Поэтому мы согласны съ тѣмъ, чтобъ этотъ вопросъ былъ вовсе исключенъ изъ предположеннаго договора съ Римомъ. Достаточно будетъ ограничиться заявленіемъ, что мы вовсе не отказываемъ монашескимъ орденамъ въ правѣ избирать своихъ особыхъ провинціаловъ, но въ то же время оставляемъ за собою право требовать, чтобъ устранены были всѣ неудобства этого учрежденія, даже если бы, повидимому, это и не было согласно съ каноническими правилами. Намъ, впрочемъ, хорошо извѣстно свойство этихъ правилъ (extrême élasticité) подчиняться разнымъ толкованіямъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы поддержать главныя начала. Мы полагаемъ, что святой престолъ самъ со временемъ пособитъ намъ, придумавъ новый способъ къ разрѣшенію этого вопроса, съ которымъ возможно будетъ согласиться“ [1]).

Такимъ образомъ нашимъ уполномоченнымъ предстояло только составить два перечня вопросовъ, — тѣхъ, по которымъ послѣдовали соглашенія, и тѣхъ, которые были совершенно устранены или отло-

[1]) Сообщеніе графа Нессельрода отъ 28-го марта 1847 года.

жены до будущихъ переговоровъ. Такъ они и поступили, приготовляясь къ новымъ переговорамъ, которые открылись 3-го іюля.

Папскіе уполномоченные принесли съ собою въ засѣданіе списокъ съ послѣдняго сообщенія кардинала Гицци, отъ 10-го іюня, и возбудили пренія по всѣмъ изложеннымъ въ немъ вопросамъ. „Эти пренія",—писали въ своемъ отчетѣ наши уполномоченные,—„постоянно раздражительныя, а часто и враждебныя, продолжались около трехъ часовъ, не приведя ни къ какимъ заключеніямъ и угрожая постоянно окончательнымъ разрывомъ". „Это засѣданіе" — писалъ въ особомъ отношеніи Бутеневъ—„было самое бурное изъ всѣхъ, какія были съ открытія переговоровъ. Упорство и рѣзкость, съ которыми папскіе уполномоченные, и особенно Корболи, разсуждали о нѣкоторыхъ вопросахъ, и между прочимъ, объ учрежденіи особаго епископа-суффрагана въ Тифлисѣ, о присягѣ, о нашихъ законахъ противъ прозелитизма, по необходимости должны были вызвать съ нашей стороны самый безусловный отпоръ. Папскимъ уполномоченнымъ пришлось выслушать отъ графа Блудова рѣшительное слово, предписанное сообщеніемъ отъ 11-го апрѣля. Онъ поставилъ вопросъ такимъ образомъ: или заключить немедленно, хотя бы и частный договоръ, по тѣмъ вопросамъ, по которымъ состоялись предварительныя соглашенія, отложивъ до будущаго времени соглашенія по другимъ вопросамъ, или же прервать всякіе переговоры на неопредѣленное время. Безъ сомнѣнія, это было бы для насъ крайне прискорбно, но отвѣтственность въ этомъ случаѣ не пала бы на императорскій дворъ, послѣ многочисленныхъ и очевидныхъ свидѣтельствъ вниманія, которое выказалъ Императоръ въ отношеніи къ римскому престолу, и послѣ его заботъ о своихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія". Въ продолженіе преній римскіе уполномоченные особенно настаивали на вопросѣ о присягѣ и „кончили тѣмъ, что предложили, по крайней мѣрѣ, измѣнить присягу на вѣрность, произносимую епископами". Императорскіе уполномоченные отвѣчали на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ допустить какое бы то ни было измѣненіе въ формѣ общей присяги на вѣрность, которая болѣе столѣтія составляетъ одинъ изъ коренныхъ законовъ имперіи, но соглашались, съ своей стороны, въ исполненіе желаній святаго престола, допустить оговорку — sub sperato о прибавленіи особаго объясненія не къ общей присягѣ на вѣрность, а къ присягѣ латинской, которую приносятъ епископы папѣ во время ихъ посвященія. Эта предполагаемая оговорка составила бы, такъ-сказать, дополненіе къ той, которая уже

существуетъ въ этой присягѣ и была прибавлена, по требованію нашего правительства, нунціемъ Аркетти. Епископъ, сказавъ о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ святому престолу, прибавляетъ: „Я приношу эту присягу безъ всякихъ сомнѣній (sans scrupules), видя, что она не обязуетъ меня ни къ чему несогласному съ произнесенною мною присягою на вѣрность моей законной государынѣ, императрицѣ Всероссійской". Послѣ этихъ словъ можно допустить, чтобъ епископъ продолжалъ: „...какъ, съ другой стороны, я также убѣжденъ, что обязанности, возлагаемыя на меня принесенною мною присягою на вѣрность моему государю, не могутъ быть несогласны съ законами религіи и католической церкви".

Довольные уступкою графа Блудова и Бутенева, папскіе уполномоченные вызвались доложить о ней папѣ, а монсиньйоръ Корболи въ этомъ же засѣданіи изложилъ предположенную прибавку по латынѣ слѣдующимъ образомъ: „Certus aeque sum nullam obligationem me suscipere per juramentum fidelitatis erga supremum dominum imperatorem quae legibus divinis et ecclesiae catholicae adversentur".

Хотя наши уполномоченные, поставивъ рѣшительно вопросъ, и вручили при закрытіи засѣданія перечень положеній по всѣмъ вопросамъ, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующихъ засѣданіяхъ приступить къ окончательному составленію двухъ предположенныхъ актовъ, но они уже теряли надежду достигнуть какихъ бы то ни было соглашеній и ожидали окончательнаго прекращенія переговоровъ [1]).

Въ частномъ письмѣ къ канцлеру графъ Блудовъ говорилъ: „У насъ было до сихъ поръ только одно засѣданіе и то весьма бурное, но и оно ни къ чему не привело, и я боюсь, не обѣщаетъ ли оно чего дурнаго. Мои опасенія, о которыхъ я уже сообщалъ и прежде, вполнѣ оправдались. Замѣчательно и прискорбно! Въ настоящее время возбуждаютъ настоятельно такіе вопросы, которые не были даже указаны въ потребованныхъ нами дополнительныхъ инструкціяхъ, и тѣмъ менѣе въ той, которую я получилъ, оставляя Петербургъ, вопросы, которые насильственно и неизбѣжно увлекаютъ насъ на жгучую почву религіозныхъ догматовъ, на почву, на которой мы можемъ только лишь спорить. А вслѣдствіе этого, мы снова прослывемъ то явными, то скрытными врагами католицизма, и съ этою именно цѣлію во всемъ, что мы ни дѣлаемъ или хотимъ сдѣлать, отыскиваютъ и желаютъ находить дурныя намѣренія и затаенныя мысли, страхи и опасности

---

[1]) Депеша Бутенева отъ $^{6}/_{18}$-го іюля и отчетъ о 21-мъ засѣданіи—$^{3}/_{15}$ іюля.

для совѣсти. Можетъ-быть, ищутъ только случая, предлога къ разрыву. Такимъ образомъ этотъ переломъ, вызвать который я могу, по вашему мнѣнію, безъ опасенія, совершится, вѣроятно, и безъ особаго вызова съ нашей стороны, и я полагаю даже, что это произойдетъ очень скоро; но какія же будутъ его послѣдствія? Я желалъ показать папскимъ уполномоченнымъ всю ихъ важность, согласно съ вашими послѣдними указаніями въ сообщеніи отъ 11-го апрѣля, ни сколько не смягчая выраженія тѣхъ чувствъ, которыя возбуждали во мнѣ ихъ ослѣпленіе и упрямство. Я говорилъ съ жаромъ, можетъ-быть, даже излишнимъ; но могъ ли я говорить иначе, видя, до какой степени не понимаютъ справедливости намѣреній Императора и какъ нелѣпо судятъ о сущности и степени его обѣщаній папѣ Григорію XVI? Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы объяснить папскимъ уполномоченнымъ, что всѣ даже незначительныя придирки, если онѣ случаются со стороны низшихъ чиновниковъ къ кому-либо изъ римскихъ католиковъ, суть злоупотребленія, которыя центральное правительство иногда и предусмотрѣть не можетъ, а иногда даже не можетъ и знать, и что онѣ зависятъ именно отъ мнѣнія о нашихъ отношеніяхъ къ святому престолу; что эти злоупотребленія прекратятся сами собою, если добрыя отношенія между двумя дворами установятся на прочныхъ основаніяхъ; что, съ другой стороны, подъ вліяніемъ доброжелательства и взаимнаго довѣрія, снисходительность нашихъ законовъ о совращеніяхъ въ приложеніи къ частнымъ, весьма рѣдкимъ, впрочемъ, случаямъ, сдѣлается еще большею. Потомъ я счелъ долгомъ напомнить уполномоченнымъ мою шутку, впрочемъ, полусеріозную, о причинахъ, которыя препятствуютъ нашему правительству, если бы даже оно имѣло намѣреніе, думать о обращеніи католиковъ въ бывшихъ нѣкогда подъ польскимъ владычествомъ губерніяхъ въ православіе. Императоръ великодушенъ по природѣ и по убѣжденіямъ, и сверхъ того, онъ знаетъ, что это дѣло *невозможное*. Мы всѣ такъ думаемъ; но еслибъ и было возможно достигнуть этой цѣли, то именно кагда будемъ поставлены въ такое положеніе, къ которому вы насъ приводите; потому что, если у насъ не будетъ римско-католическихъ епископовъ, то это поведетъ къ тому, что не будетъ, наконецъ, и священниковъ, и тогда что̀ же сдѣлается съ народонаселеніемъ, принадлежащимъ къ латинскому исповѣданію? Оно или должно будетъ перемѣнить вѣру, или впасть въ грубость безвѣрія, или по крайней мѣрѣ, въ секту Ронге и его подражателей. Эти замѣчанія и выводы, казалось, произвели нѣкоторое впечатлѣніе, по крайней

мѣрѣ, на кардинала Ламбрускини, но онъ отвѣчалъ обычнымъ выраженіемъ: „это не наша вина“. Какъ будто неблагоразуміе и упрямство не есть вина, и притомъ большая, особенно въ отношеніи къ правительствамъ. На моемъ мѣстѣ Вольтеръ не преминулъ бы повторить при этомъ случаѣ стихъ изъ „Цинны“ Корнеля:

Voilà, belle Émilie, à quel point nous en sommes!

„А это положеніе, конечно, не очень пріятно. Я не вижу и не предвижу ничего хорошаго, ничего успокоительнаго. Прибавьте къ этому—для меня по крайней мѣрѣ—болѣзнь и печальныя семейныя извѣстія, которыя я получаю, и я надѣюсь, вы не удивитесь и простите мнѣ, что иногда я сожалѣю о томъ, что не отклонилъ отъ себя лестнаго предложенія, которое вы мнѣ сдѣлали, ѣхать сюда. Смѣю также думать, что въ продолженіе переговоровъ я исполнилъ свой долгъ, если не съ ловкостію и талантомъ, то во всякомъ случаѣ съ усердіемъ и точностію. Я буду постоянно исполнять свои обязанности, имѣя, такъ сказать, передъ глазами ваши совѣты. Провидѣніе сдѣлаетъ остальное. Ему я предаю съ полною довѣренностію заботы о моей судьбѣ и о дѣлахъ, ввѣренныхъ моему попеченію. Знать, думать, что выше насъ есть Существо не только болѣе могущественное, но и болѣе мудрое, нежели всѣ мы, и Которое лучше насъ знаетъ наши выгоды и нужды, есть мысль весьма утѣшительная, особенно въ минуты нравственнаго ослабленія, происходящаго отъ неудачъ и подозрѣній“.

Императоръ, получивъ увѣдомленіе о послѣднихъ совѣщаніяхъ и видя, что наши уполномоченные вновь вошли въ разсужденія оноСительно самаго существа нѣкоторыхъ вопросовъ, и особенно о присягѣ, надписалъ собственноручно на ихъ отчетѣ о 21-й конференціи: „Я желалъ бы еще болѣе рѣшительной рѣчи со стороны моихъ уполномоченныхъ: они вновь вступаютъ въ разсужденія, тогда какъ я этого не хотѣлъ, потому что они уже высказали все и должны были выслушать со стороны Римскаго двора только *да* или *нѣтъ*“. Такой взглядъ Императора канцлеръ передалъ нашимъ уполномоченнымъ слѣдующею депешею: „Мы не питаемъ никакихъ особенныхъ надеждъ на окончательный успѣхъ переговоровъ и готовы на все. Но между тѣмъ обоюдные переговоры уже достаточно объяснили вопросы, которыми слѣдовало установить опредѣленныя правила. Съ нашей стороны уже все, кажется, высказано, и по нашему мнѣнію, предметъ исчерпанъ, и намъ не остается ничего уже прибавлять къ нашимъ заявленіямъ. Что касается до святаго престола, то онъ можетъ только

заявить намъ, принимаетъ ли онъ или отвергаетъ наши предложенія. Такимъ образомъ переговоры доведены до самаго простаго выраженія, дѣло идетъ о *да* или *нѣтъ*. Я считаю долгомъ сообщить вамъ, что таковъ взглядъ и Императора, который ожидаетъ уже заключительнаго извѣстія о вашихъ переговорахъ съ папскими уполномоченными. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ послѣдующихъ вашихъ извѣстій; они дадутъ намъ возможность окончательно обсудить, какихъ послѣдствій вамъ удалось достигнуть“ [1]).

Но это сообщеніе наши уполномоченные получили уже въ то время, когда переговоры были окончены. Давъ послѣдній, такъ-сказать, бой, выдвинувъ всѣ свои требованія и получивъ рѣшительный отпоръ, папскіе уполномоченные не возвращались уже вновь ни къ одному изъ спорныхъ вопросовъ. Было очевидно, что на первый разъ они рѣшились заключить договоръ лишь по тѣмъ вопросамъ, по которымъ послѣдовали соглашенія, или лучше сказать, уступки со стороны нашего правительства, предоставивъ себѣ въ особомъ обоюдномъ актѣ заявить вопросы для будущихъ соглашеній. Въ продолженіе послѣднихъ пяти засѣданій они постепенно разсмотрѣли переданные имъ нашими уполномоченными перечни заключеній и безъ всякихъ споровъ изъявили согласіе на 31 статью, которыя должны были войдти въ составъ предположенной конвенціи или конкордата. По этимъ статьямъ, составленнымъ по обоюдному соглашенію въ предшествовавшихъ переговорахъ, не могло быть и споровъ. Возбудить споры могли только вопросы, которые было предположено заявить въ особомъ протоколѣ, какъ предметъ будущихъ переговоровъ. Это были вопросы двоякаго рода: одни были лишь временно устранены нашими уполномоченными, а другіе слѣдовало устранить окончательно, какъ не разрѣшимые, по которымъ русское правительство не можетъ сдѣлать уступокъ. Съ нашей стороны о послѣднихъ вопросахъ слѣдовало вовсе не упоминать, даже въ протоколѣ, подписанномъ нашими уполномоченными. Но цѣль Рима была совершенно противоположная, и она была достигнута имъ. Монсиньйоръ Корболи вызвался самъ приготовить къ одному изъ заключительныхъ засѣданій проектъ этого протокола, который и былъ принятъ съ незначительными измѣненіями. Оба акта были подписаны уполномоченными обѣихъ сторонъ 3-го августа 1847 года. Въ заключеніе въ послѣднемъ засѣданіи, въ которомъ не присутствовалъ кардиналъ Ламбрускини, уѣхавшій въ Чивитта-Веккію, наши уполномочен-

[1]) Депеша 19-го іюля 1847 года.

ные возбудили вопросъ о значеніи заключенныхъ актовъ. Протоколъ съ тѣми статьями, по которымъ послѣдовало соглашеніе, они предложили считать окончательно заключеннымъ договоромъ, который слѣдуетъ лишь утвердить Императору и папѣ. Монсиньйоръ Корболи объявилъ, что доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія папы, но прибавилъ, что не сомнѣвается въ его согласіи, котораго, однако же, не послѣдовало немедленно [1]).

Послѣ подписанія актовъ, графъ Блудовъ имѣлъ прощальное свиданіе съ папою $\frac{\text{30-го іюля}}{\text{11-го августа}}$. Оно слѣдующимъ образомъ описано въ его донесеніи Императору: „Его святѣйшество принялъ меня съ Бутеневымъ очень ласково, съ видомъ благосклонности, даже удовольствія, и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій вручилъ мнѣ запечатанное, собственноручное на имя Вашего Императорскаго Величества письмо, въ коемъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, онъ благодаритъ за присылку чрезвычайнаго уполномоченнаго для переговоровъ съ его министерствомъ; однако же, прибавилъ къ сему, что желаетъ еще разъ обратить вниманіе Вашего Величества еще на три главныя, не рѣшенныя нами, по его мнѣнію, статьи: 1) о положеніи и духовныхъ нуждахъ тѣхъ греко-уніатовъ, которые, можетъ-быть, хотя и не въ большомъ числѣ, остались привязанными къ своимъ обрядамъ и вѣрѣ; 2) о распространеніи свободы въ перепискѣ римско-католическихъ подданныхъ Вашего Величества съ римскимъ престоломъ, и наконецъ, 3) объ имѣніяхъ римско-католическаго духовенства, взятыхъ въ управленіе казны. Въ отношеніи къ сему послѣднему пункту, онъ впрочемъ замѣтилъ самъ, что, конечно, было бы неудобно и несправедливо крестьянъ, поселенныхъ въ сихъ имѣніяхъ, лишить тѣхъ преимуществъ, коими они пользуются въ казенномъ управленіи, и что сія причина имѣетъ важность въ его глазахъ. Касательно греко-уніатовъ я могъ лишь повторить сказанное нами, и неоднократно, полномочнымъ его святѣйшества и бывшему статсъ-секретарю кардиналу Гицци, что никто изъ нихъ не былъ никогда приневоливаемъ къ возвращенію въ православіе, чему служатъ доказательствомъ, между прочимъ, находящіеся доселѣ въ державѣ Вашего Величества, именно въ двухъ губерніяхъ царства Польскаго, 200 или 230 тысячъ уніатовъ, которые имѣютъ не только свои церкви и своихъ священниковъ, но и епархіальнаго епископа съ суффраганомъ. О порядкѣ переписки съ престоломъ рим-

---

[1]) Отчеты о засѣданіяхъ 22-мъ — $^{7}/_{19}$-го іюня, 23-мъ — $^{10}/_{22}$-го іюня, 24-мъ — $^{13}/_{25}$-го, 25-мъ — $\frac{\text{19-го іюня}}{\text{1-го іюля}}$ и 26-мъ $^{2}/_{14}$-го іюля 1847 года.

скимъ, напомнивъ, что̀ существуетъ издавна, я счелъ нужнымъ присовокупить, что всякая въ томъ перемѣна была бы неудобна въ настоящее время, когда умы въ западномъ краѣ имперіи и въ царствѣ Польскомъ не совсѣмъ еще успокоены послѣ бывшихъ смятеній, и разказалъ объ одномъ римско-католическомъ священникѣ, который, проповѣдуя такъ-называемый коммунизмъ, утверждалъ, что уполномоченъ на это папскою буллою. Подлогъ былъ, конечно, грубый, но онъ могъ бы вовлечь въ обманъ многихъ легкомысленныхъ людей, если бы было извѣстно, что всякій имѣетъ право непосредственно сноситься съ престоломъ римскимъ и съ его сановниками. Мы замѣтили съ удовольствіемъ, что и разсуждая о пунктахъ, бывшихъ столько разъ поводомъ къ жаркимъ преніямъ между нами и полномочными его святѣйшества, самъ папа не показалъ, ни на словахъ, ни въ выраженіи лица, ничего похожаго на досаду или упорную настоятельность. Разговоръ скоро обратился къ другимъ предметамъ и продолжался около получаса".

Не смотря на ласковый пріемъ, папа счелъ однако же необходимымъ показать нашимъ уполномоченнымъ, что не считаетъ переговоровъ достигшими ихъ главной цѣли, то-есть, полнаго соглашенія. Онъ указалъ, хотя и съ оговоркою, даже на такой вопросъ, котораго не рѣшались поднимать его уполномоченные, а именно, на имущества римско-католическаго духовенства. Онъ считалъ переговоры, такъ-сказать, прерванными по желанію нашего правительства, но не оконченными. Объ этомъ взглядѣ свидѣтельствовало и то, что папа не рѣшался дать окончательное утвержденіе уже заключенному договору. По окончаніи переговоровъ графъ Блудовъ въ частномъ письмѣ къ канцлеру говорилъ: „Теперь я могу васъ увѣдомить, что переговоры окончены—«tellement quellement», не преминулъ бы замѣтить съ усмѣшкою знаменитый графъ Граммонъ или Антоній Гамильтонъ, его своякъ и секретарь, то-есть, хорошо или дурно, но окончены. Впрочемъ, мы, кажется, можемъ думать, что исходъ нашей драмы, въ которой было болѣе пяти актовъ, не столько дуренъ, сколько хорошъ; что онъ — наилучшій, и можетъ-быть, единственно возможный при настоящихъ обстоятельствахъ. Конечно, не можетъ не казаться страннымъ, что папскіе уполномоченные, или лучше сказать, самъ папа упорствуетъ придать акту 3-го августа значеніе договора, котораго сила дѣйствія должна начаться со дня его окончательнаго утвержденія обоими дворами. Я часто спрашивалъ себя и желалъ угадать, на чемъ основано это упрямство. Не есть ли это послѣдствіе, какъ говорятъ, и

что̀ представляется вѣроятнымъ, того постояннаго обычая; котораго неизмѣнно придерживается Римъ — вновь посовѣтоваться съ конгрегаціей чрезвычайныхъ церковныхъ дѣлъ (congrégation des affaires ecclésiastiques extraordinaires), которую было бы чрезвычайно трудно, если не вовсе не возможно собрать въ это время, и которая, безъ всякаго сомнѣнія, протянула бы дѣло на цѣлыя недѣли и мѣсяцы? Не боятся ли они газеты графа Монталамбера и другихъ, которыя слывутъ католическими, фанатическими, а въ сущности польскія и революціонныя? Или они хотятъ сохранить средства для будущихъ переговоровъ по вопросамъ, по которымъ не сдѣлано имъ уступокъ, хотя я нѣсколько разъ говорилъ имъ и повторялъ, что это очень дурно̀й способъ дѣйствія, и что чѣмъ болѣе довѣрія святой отецъ покажетъ въ отношеніи къ Императору, тѣмъ болѣе и его министерство можетъ надѣяться преодолѣть съ удобствомъ трудности и достигнуть, быть можетъ, даже неожиданныхъ для нихъ соглашеній въ будущемъ? Наконецъ, говоря вполнѣ открыто, причина этого упрямства не заключается ли главнымъ образомъ, и даже исключительно, въ недостаткѣ опытности, въ совершенномъ отсутствіи практическаго такта въ дѣлахъ какъ у папы, такъ и у его совѣтниковъ? Если это справедливо, то такъ-называемая здѣсь въ шутку „la fuga di cardinal Lambruschini“ оказала въ этомъ случаѣ свое дѣйствіе и заставила принять рѣшеніе, о которомъ монсиньйоръ Корболи и увѣдомилъ письменно Бутенева. Но не смотря на это, мы рѣшительно потребовали отъ Корболи объясненія о томъ, должны ли статьи, которыя включили въ договоръ, заключенный съ нѣкоторыми торжественными формами, съ приложеніемъ печати и пр., считаться не только окончательно принятыми нами, но и утвержденными папой? Онъ отвѣчалъ намъ: „Безъ всякаго сомнѣнія—такъ, но что касается до приведенія въ исполненіе, то въ этомъ папа хотя не отказываетъ безусловно, но лишь не обязывается утвердить его теперь же“. „Очень хорошо“, отвѣчалъ я ему; „и мы, съ своей стороны, если Императоръ благоволитъ утвердить договоръ 3-го августа, начнемъ исполнять его только тогда, когда святой престолъ, съ своей стороны, начнетъ его исполненіе“. Изъ этихъ обоюдныхъ объясненій, по моему мнѣнію, выходитъ, что соглашеніе, которое мы заключили, не лишено нѣкоторой важности и пользы. Это первый примѣръ формальнаго и письменнаго соглашенія между нашимъ дворомъ и святымъ престоломъ: оно уже возбудило говоръ, раздавшійся по всей Европѣ, и разрѣшило удовлетворительно многіе вопросы, къ которымъ не прійдется болѣе возвращаться. Во всякомъ случаѣ,

каково бы ни было соглашеніе, мы полагали и полагаемъ, что оно во сто разъ лучше, чѣмъ рѣшительный разрывъ переговоровъ, который заставилъ бы нашихъ тайныхъ и явныхъ враговъ радоваться, и вѣроятно, вызвалъ бы новую аллокуцію, въ родѣ аллокуціи 1842 года, или по крайней мѣрѣ, породилъ бы раздражительныя объясненія и безконечныя столкновенія. Таковъ былъ представлявшійся намъ выборъ; могли ли мы колебаться? Надобно еще замѣтить, что нравственное впечатлѣніе, которое мы старались произвести какъ въ Римѣ, такъ и повсюду, до нѣкоторой степени произведено заключеннымъ нами договоромъ, и слѣдовательно, главная цѣль моего посольства отчасти достигнута. Намъ много разъ представлялись случаи исправлять укоренившіяся здѣсь понятія о нашей политикѣ и о нашихъ видахъ, выражать и подтверждать чистоту и справедливость намѣреній Императора, а равно его рыцарскую откровенность. И мнѣ кажется, если не ошибаюсь, что не смотря на непріятныя случайности и разныя треволненія, которыя намъ пришлось испытать во время переговоровъ, — страхъ и предубѣжденія, которые умѣли внушить папѣ и вообще Римскому обществу, начинаютъ разсѣеваться, и довѣріе, на которое мы имѣемъ право, мало по малу начинаетъ появляться. Говорятъ даже, меня немного полюбили, хотя сперва боялись и ненавидѣли. Но это послѣднее обстоятельство, о которомъ я позволяю себѣ упомянуть лишь мимоходомъ, конечно, не имѣетъ значенія, особенно теперь, потому что я оставляю Римъ" [1]).

Отказъ утвердить исполнительную силу договора, конечно, не могъ служить доказательствомъ возникавшаго довѣрія и едва-ли можетъ быть объясненъ необходимостію вновь созывать священную конгрегацію. Она уже разсматривала всѣ вопросы, составлявшіе предметъ переговоровъ, и безъ сомнѣнія, имѣя въ виду ея заключенія, папскіе уполномоченные подписали составленный актъ. Эта конгрегація и не была собираема, когда папское правительство одумалось и извѣстило о готовности папы утвердить исполнительную силу договора. Послѣ отъѣзда графа Блудова 24-го августа, монсиньйоръ Корболи писалъ нашему посланнику: „Святой отецъ, мой августѣйшій государь, обративъ свое высокое вниманіе на то положеніе, въ которомъ остались переговоры послѣ отъѣзда изъ Рима графа Блудова, поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что если утвержденіе статей договора не встрѣтитъ затрудненія въ Петербургѣ, то его святѣйшество готовъ, съ своей

---

[1]) Письмо отъ $\frac{\text{31-го іюля}}{\text{12-го августа}}$ 1847 года.

стороны, предписать ихъ исполненіе дикастеріямъ, зависящимъ отъ святаго престола. Святой отецъ надѣется, что такой знакъ его довѣрія будетъ принятъ благосклонно и облегчитъ возможность соглашеній и по другимъ вопросамъ".

Папское правительство не желало придавать окончательнаго утвержденія заключенному договору, не хотѣло называть его конкордатомъ, по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, оно считало его не окончательною сдѣлкою, но только началомъ, за которымъ должны послѣдовать соглашенія по другимъ вопросамъ, и этимъ думало вынудить наше правительство приступить къ новымъ переговорамъ и новымъ уступкамъ. Съ другой стороны, папское правительство дѣйствительно опасалось объявить о своемъ соглашеніи съ Россіей, хотя бы по нѣкоторымъ вопросамъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, вообще враждебно къ намъ настроеннымъ въ то время. Понявъ однако же, что не утвержденный папою договоръ, во всякомъ случаѣ весьма выгодный для Римскаго двора, уже по этой самой причинѣ можетъ быть не утвержденъ и Императоромъ, оно поспѣшило отклонить эту опасность, но въ то же время, въ виду общественнаго мнѣнія, старалось поддерживать убѣжденіе, что вовсе еще не послѣдовало окончательныхъ соглашеній между Римскимъ дворомъ и нашимъ правительствомъ. Когда европейскія газеты начали высказывать свое мнѣніе объ окончаніи переговоровъ между этими дворами и о заключеніи конкордата, папа счелъ должнымъ въ аллокуціи, сказанной въ секретной консисторіи $^{5}/_{17}$-го декабря 1847 года, выразиться слѣдующимъ образомъ: „Переговоры, которые нѣкоторое время производились между святымъ престоломъ и одною великою державою, въ областяхъ которой выгоды католической церкви требовали поддержки и устройства, въ настоящее время еще не совершенно окончены, какъ это невѣрно было заявлено въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ, но продолжаются по нѣкоторымъ вопросамъ" [1]). Въ такомъ видѣ кардиналъ статсъ-секретарь поспѣшилъ сообщить нашему посланнику прежде обнародованія слова папы въ тотъ же день, какъ была произнесена имъ аллокуція. Но слухи носились, что папа произнесъ ихъ иначе: „Есть еще другая великая страна",—будто бы сказалъ онъ,— „подъ властію другаго великаго государя, гдѣ положеніе католичекой церкви, подвергаемой постояннымъ и жестокимъ бѣдствіямъ (diuturnis gravioribusque calamitatibus afflictae), составляло предметъ постоянныхъ заботъ, какъ нашего предшественника, такъ и нашихъ".

---

[1]) Депеша Бутенева отъ $^{5}/_{17}$-го декабря 1847 года.

Въ какомъ бы видѣ эти слова ни были произнесены папою, во всякомъ случаѣ по самой сущности своей они, конечно, были внушены нерасположеніемъ къ Россіи и не могли не произвести непріятнаго впечатлѣнія на наше правительство. По полученіи извѣстія объ этой аллокуціи графъ Нессельродъ писалъ къ Бутеневу, что до утвержденія перваго протокола, то-есть, самого конкордата, папѣ ничего не слѣдовало бы говорить. „Произнесенныя имъ слова“,—прибавилъ канцлеръ, — „глубоко возмутили Государя, который и поручилъ мнѣ довести до свѣдѣнія Римскаго двора о его чувствахъ удивленія и неудовольствія. Дѣйствительно, мы не могли дать себѣ отчета, какими побужденіями руководствовался въ этомъ случаѣ папскій кабинетъ. Въ то самое время, когда святой престолъ подписалъ соглашеніе съ нами, убѣжденный, конечно, напередъ въ томъ, что послѣдуетъ утвержденіе и со стороны Императора, папа не поколебался отступить отъ примирительнаго направленія, которымъ руководствовался до этого времени, и выразиться такъ, что его слова непремѣнно произведутъ прискорбное впечатлѣніе. Какимъ образомъ мы можемъ себѣ объяснить этотъ новый возвратъ къ недовѣрію, тогда какъ мы ласкали себя надеждою, что недовѣріе будетъ навсегда изгнано изъ нашихъ отношеній къ Римскому двору? Или можетъ-быть, папа хотѣлъ отвѣчать жаднымъ до новостей газетнымъ вѣстовщикамъ, которые только ищутъ случая искажать происшествія и представлять ихъ въ выгодномъ для себя свѣтѣ? Мы желали бы предполагать, что Римское правительство на столько уважаетъ само себя, что не позволитъ себѣ низойдти на одно поприще съ журналистами и не подчинится ихъ вліянію“.

Дѣйствительно, журнальные толки о томъ, что Римскій дворъ пришелъ къ соглашенію съ русскимъ правительствомъ, которое, подъ вліяніемъ польскихъ клеветъ, либеральные органы печати постоянно выставляли гонителемъ латинскаго исповѣданія, не мало смущали папское правительство, а ультрамонтанская партія пользовалась этимъ случаемъ, чтобы поколебать папу и утвердить свое вліяніе на него. Переговоры съ Россіей въ рукахъ этой партіи служили однимъ изъ способовъ вообще отклонить папу отъ того пути преобразованій, которому онъ желалъ слѣдовать со времени вступленія своего на престолъ, и обратить его къ той политикѣ, послѣднимъ представителемъ которой былъ его предшественникъ, при всемогуществѣ кардинала Ламбрускини. Когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что Императоръ наградилъ своихъ уполномоченныхъ за заключеніе *конкордата* съ Ри-

момъ, кардиналъ Феретти счелъ нужнымъ заявить нашему посланнику протестъ противъ этого названія, придаваемаго еще не оконченнымъ соглашеніямъ съ нашимъ правительствомъ, а Бутеневъ призналъ умѣстнымъ доказывать ему, что это названіе не было употреблено ни въ одномъ заявленіи русскаго правительства[1]).

„Какимъ бы вліяніемъ ни были внушены слова папы въ аллокуціи 5-го декабря",—продолжалъ графъ Нессельродъ въ отношеніи къ нашему посланнику,—„мы не можемъ оставаться равнодушными къ заявленію такого рода, и потому немедленно поручаемъ вамъ объяснить святому престолу, что Императоръ считаетъ себя въ правѣ требовать, чтобъ истина была возстановлена или посредствомъ новой аллокуціи, или обнародованіемъ другаго офиціальнаго заявленія, которое могло бы разсѣять и изгладить то достойное сожалѣнія впечатлѣніе, которое слова папы необходимо должны были произвести на всю Европу". Между тѣмъ наше правительство сочло нужнымъ помѣстить въ *Journal de S.-Pétersbourg* краткое извѣщеніе, что аллокуція была произнесена папой еще въ то время, когда въ Римѣ не было получено утвержденіе Императоромъ перваго протокола, подписаннаго какъ нашими, такъ и папскими уполномоченными 3-го августа 1847 года[2]).

Слѣдуя предписаніямъ правительства, нашъ посланникъ часто обращался съ требованіями къ папскимъ министрамъ, но получалъ уклончивые отвѣты. Они отговаривались многочисленными дѣлами и заботами, обременяющими какъ ихъ, такъ и самого папу при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, и особенно въ Италіи, и внутреннимъ положеніемъ Рима.

Но эти же именно политическія дѣла и вынудили папу исполнить волю русскаго Императора. 3-го іюля 1848 года онъ произнесъ новую аллокуцію, въ которой заявилъ, что нарочно для того назначенными уполномоченными обѣихъ сторонъ заключенъ „договоръ, которымъ поставлена въ лучшее положеніе католическая церковь въ этихъ странахъ, и облегчены заботы святаго престола о спасеніи душъ любезной ему паствы".

„Поэтому",—продолжалъ папа,—„сегодня я могу заявить вамъ объ успѣхахъ, которыми, съ помощію Божіей, увѣнчались наши заботы и старанія въ этомъ великомъ для католической церкви дѣлѣ. Всего болѣе утѣшительно для насъ то, что многія епархіи, остававшіяся вакантными, получили теперь достойныхъ пастырей. Въ скоромъ времени,

[1]) Депеши отъ 3-го, 6-го и 12-го января 1848 года.

[2]) Отношеніе графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 28-го февраля 1848 года.

какъ въ Россійской имперіи, такъ и въ царствѣ Польскомъ, мы можемъ снабдить пастырями и другія вдовствующія епархіи. Постановлено также, что въ г. Херсонѣ будетъ учреждена новая епископская каѳедра, съ капитуломъ и семинаріей, на основаніи правилъ Тридентскаго собора, и съ суффраганомъ въ г. Саратовѣ; шесть другихъ латинскихъ епархій, существующихъ уже въ этой имперіи, будутъ вновь разграничены, какъ это имѣетъ быть обозначено въ обычномъ апостольскомъ посланіи, которое мы поручили обнародовать по этому случаю. Что касается до епархій въ царствѣ Польскомъ, то въ ихъ разграниченіи не послѣдуетъ никакой перемѣны, и онѣ остаются въ тѣхъ же предѣлахъ, которые опредѣлены въ апостольскомъ посланіи нашего предшественника, блаженной памяти Пія VII, отъ 30-го іюня 1818 года. Мы особенно заботились, чтобы обезпечить епископамъ полное и независимое управленіе церковными дѣлами въ ихъ епархіяхъ, дабы, исполняя свои пастырскія обязанности, они имѣли власть покровительствовать вѣрѣ, возбуждать ревность къ церковной дисциплинѣ, поучать вѣрныхъ вѣрѣ и благочестію, дѣйствовать на нравы и исполнять въ отношеніи къ юношеству, особенно предназначаемому къ духовному званію, мудрыя и исполненныя предусмотрительности предписанія Тридентскаго собора, склоняя питомцевъ къ добродѣтелямъ, поучая ихъ всему доброму, воспитывая въ здравомъ ученіи и давая духовной академіи мудрое направленіе и внимательно наблюдая надъ нею. Такъ какъ въ этой имперіи находятся католики разныхъ обрядовъ, то вслѣдствіе сего тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ епископовъ своего обряда, какъ извѣстно, должны находиться подъ юрисдикціей латинскихъ епископовъ и отъ нихъ или поставленныхъ ими священниковъ получать совершеніе таинствъ и другія духовныя пособія. Число Армянъ-католиковъ, не имѣющихъ своихъ епископовъ, весьма значительно какъ въ Каменецкой епархіи, такъ и въ новой Херсонской, а потому мы особенно старались оказать имъ пособіе въ ихъ духовныхъ нуждахъ. Съ этою цѣлію постановлено, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ у нихъ своего епископа, въ отношеніи къ нимъ не только будетъ соблюдаемо правило IV Латеранскаго собора, гл. IX, но епископы Каменецкій и Херсонскій должны принимать въ свои семинаріи и обучать посредствомъ армянскаго священника опредѣленное число клириковъ изъ Армянъ. Мы не считаемъ нужнымъ указывать вамъ на подробности, вы можете усмотрѣть ихъ изъ статей самой конвенціи, которую мы считаемъ нужнымъ обнародовать вмѣстѣ съ этою аллокуціей. Мы объявили, что утверждаемъ эти статьи прежде, нежели могущественный

Государь Императоръ Всероссійскій и царь Польскій изъявилъ свое согласіе принять ихъ, потому что, убѣдясь въ добрыхъ и благосклонныхъ намѣреніяхъ этого свѣтлѣйшаго Государя, мы не могли сомнѣваться, что онъ утвердитъ ихъ, что̀ и послѣдовало къ великой нашей радости.

„Вотъ, достопочтенные братія, съ чего мы начали и чего достигли въ отношеніи къ устройству дѣлъ католической церкви въ Россійской имперіи. Но остается еще много другихъ вопросовъ, и притомъ великой важности, по которымъ еще не достигнуто соглашенія; а потому они и не были введены уполномоченными въ договоръ; между тѣмъ они составляютъ предметъ нашихъ ревностныхъ заботъ и возбуждаютъ въ насъ грусть, потому что въ высшей степени касаются свободы церкви, ея правъ и основаній, равно какъ и спасенія вѣрныхъ въ этихъ странахъ. Мы говоримъ о томъ, чтобы католикамъ была обезпечена полная и дѣйствительная свобода непосредственныхъ сношеній по дѣламъ вѣры съ апостольскимъ престоломъ, какъ средоточіемъ католическаго единства и истины, отцемъ и владыкою всѣхъ вѣрныхъ. Въ отношеніи къ этому вопросу, всякій пойметъ наше прискорбіе, припомнивъ, сколько разъ въ продолженіе многаго времени святой престолъ выражалъ свои требованія, чтобы достигнуть этого свободнаго сообщенія католиковъ не только въ отношеніи къ Россіи, но и другихъ странъ, гдѣ эти сношенія встрѣчаютъ по нѣкоторымъ дѣламъ препятствія, къ великому вреду душъ. Мы говоримъ о необходимости возвратить духовенству его имущества, о томъ, чтобы свѣтскія лица, избранныя правительствомъ, были удалены изъ консисторій епископовъ, о законѣ, въ силу котораго смѣшанные браки получаютъ признаніе въ этой имперіи только тогда, когда получатъ благословеніе отъ не-католическаго, греко-русскаго священника, о свободѣ, которая должна быть предоставлена католикамъ подвергать изслѣдованію и суду дѣла, проистекающія изъ смѣшанныхъ браковъ, въ католическомъ судѣ (трибуналѣ), и наконецъ, о разныхъ дѣйствующихъ въ этой странѣ законахъ, которые установляютъ возрастъ для вступленія въ монашество, совершенно разрушаютъ монастырскія училища, уничтожаютъ орденскихъ провинціаловъ и запрещаютъ обращенія въ католическую вѣру.

„Насъ удручаетъ еще безмѣрная забота о возлюбленныхъ дѣтяхъ знаменитаго народа русскаго (natio ruthena), которыя, о горе, несчастною и навсегда прискорбною измѣною нѣсколькихъ епископовъ жалкимъ образомъ разсѣяны въ этихъ обширныхъ странахъ, находятся въ по-

ложеніи плачевномъ и подверженномъ величайшимъ опасностямъ въ отношеніи къ ихъ спасенію, потому что они не имѣютъ епископовъ, кои управляли бы ими, руководя ихъ къ спасительнымъ пажитямъ и по пути правосудія, укрѣпляя ихъ духовною помощью и предостерегая отъ лукавыхъ сѣтей, разставляемыхъ для нихъ льстивыми врагами. Это горе такъ глубоко проникло въ нашу душу, что по милости Божіей, мы не пренебрегаемъ ничѣмъ, что̀ внушаютъ усердіе и забота, чтобы привести въ порядокъ эти важныя дѣла святой церкви. Мы не теряемъ надежды. Благородный графъ Блудовъ, оставляя этотъ городъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ, обѣщалъ намъ, въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, передать Его Величеству Императору и Царю наши желанія и наши требованія, поддержать по крайней мѣрѣ бо̀льшую часть ихъ и словесно изложить то, что̀ по отдаленности графъ затруднялся объяснить на письмѣ.

„Мы только-что узнали, и наше сердце исполнилось радости, что свѣтлѣйшій государь изъявилъ согласіе на то, чтобы новый епископъ Херсонскій получилъ втораго суффрагана, и чтобы сверхъ того, дѣла брачныя и другія церковныя какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ Польскомъ судились въ первой степени епархіальными епископами, во второй, по обычаю, въ судѣ митрополита, а если митрополитъ судилъ дѣла въ первой степени, то у ближайшаго епископа по особому уполномочію апостольскаго престола, которое будетъ сообщаться по его усмотрѣнію на опредѣленный срокъ; въ послѣдней же степени всѣ эти дѣла будутъ разсматриваться въ Римѣ, въ судѣ самого апостольскаго престола. Не менѣе возбудили нашу радость новѣйшія извѣстія, полученныя отъ этого двора, что свѣтлѣйшій государь занимается со вниманіемъ и другими возбужденными нами вопросами, которые — можемъ надѣяться — будутъ разрѣшены удовлетворительно. Мы питаемъ въ настоящее время глубокое довѣріе, видя, что этотъ свѣтлѣйшій и могущественнѣйшій государь, по своему правосудію, справедливости, мудрости и великодушію, склоняется къ нашимъ столь справедливымъ желаніямъ и требованіямъ; въ скоромъ времени мы надѣемся сообщить вамъ, что все, касающееся католической церкви въ этихъ странахъ, окончено, какъ мы ревностно того желаемъ.

„Плачевное положеніе Русскихъ наиболѣе смущаетъ и огорчаетъ насъ; поэтому мы, по апостольской нашей обязанности, снова предъявили требованія и не перестанемъ никогда употреблять всѣ возможныя старанія, чтобы достигнуть для этихъ Русскихъ такого положенія, которое

обезпечивало бы ихъ духовныя потребности. Латинскіе священники,—мы имѣемъ къ нимъ полное довѣріе, которое и поддерживаетъ насъ, — употребятъ всѣ старанія и воспользуются всѣми способами, чтобы доставлять духовныя пособія этимъ возлюбленнымъ чадамъ; но изъ глубины души мы усердно молимъ Вседержителя и съ любовію объявляемъ самимъ Русскимъ, чтобъ они оставались вѣрно и непоколебимо въ единствѣ съ католическою церковью, или если они по несчастію отъ нея отпали, то чтобы возвратились въ лоно любящей матери, прибѣгли къ намъ, и мы, съ помощію Божіей, готовы сдѣлать все, чтобы обезпечить имъ вѣчное спасеніе“ [1]).

Препровождая къ графу Нессельроду печатный экземпляръ этой аллокуціи, вмѣстѣ съ которою былъ обнародованъ въ Римѣ и самый конкордатъ, заключенный съ Россіей, Бутеневъ писалъ, что не знаетъ, какъ взглянетъ на нее нашъ кабинетъ, но онъ, съ своей стороны, убѣжденъ, что „она внушена папѣ искреннимъ желаніемъ не только изгладить передъ Императоромъ непріятное впечатлѣніе, произведенное достойною сожалѣнія аллокуціей 5-го декабря, но и возстановить истину въ отношеніи къ нашимъ переговорамъ прошлаго года, воздать должное почтеніе великодушнымъ и справедливымъ намѣреніямъ Императора и торжественно заявить, что утвердилось искреннее согласіе между святымъ престоломъ и Россіей, и что папа питаетъ полное довѣріе къ попеченіямъ Императора въ отношеніи къ римско-католической церкви въ Россіи. Этотъ поступокъ, имѣющій цѣлію загладить предшествовавшій, котораго я требовалъ много разъ, слѣдуя полученному мною предписанію, былъ долго замедляемъ частою смѣною министровъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ кардиналъ Антонелли, я получилъ положительное увѣреніе, что папа ожидаетъ только ближайшаго собранія консисторіи, чтобы торжественно исправить то недоразумѣніе, которое произошло отъ прежняго поспѣшнаго заявленія, произведшаго столь непріятное впечатлѣніе на Государя Императора“.

Эта *достопамятная,* по словамъ Бутенева, аллокуція „составляетъ такой актъ, котораго объемъ и значеніе переходятъ за обычныя границы и въ нѣкоторой степени нарушаютъ правила благоразумія и осмотрительности, которымъ постоянно слѣдуетъ Римскій дворъ. Такимъ образомъ, папа подтвердилъ и провозгласилъ во всеуслышаніе всему міру установившееся соглашеніе и чувства взаимнаго ува-

---

[1]) Esposizione documentale и пр., № XLIX.

женія и довѣренности, которыми съ настоящаго времени будутъ исполнены отношенія святаго престола къ императорскому двору. Столь торжественное и гласное возстановленіе истины о нашихъ отношеніяхъ къ Риму, безъ сомнѣнія, послужитъ рѣшительнымъ опроверженіемъ тѣхъ ложныхъ и коварныхъ объясненій и нелѣпыхъ, недобросовѣстныхъ и злонамѣренныхъ толкованій, которыя въ этомъ отношеніи распускаютъ противники Россіи. Поэтому аллокуція 3-го іюля произвела большое впечатлѣніе на здѣшнее общество и была принята весьма благопріятно людьми благонамѣренными, а въ то же время столь сильно раздражила другихъ, что сдѣлалась на время предметомъ исключительнаго вниманія, не смотря на многіе важные мѣстные вопросы. Вѣроятно, она и повсюду произведетъ такое же впечатлѣніе".

Конечно, нашего посланника особенно поразилъ быстрый и притомъ внезапный переходъ Римскаго двора отъ отказа утвердить соглашеніе и признать за нимъ значеніе договора къ торжественному его признанію, отъ заявленія, что переговоры не окончены, къ обнародованію достигнутыхъ ими постановленій въ видѣ конкордата. „Можно сказать",—писалъ онъ къ графу Нессельроду,—„что папское правительство изъ одной крайности перешло въ другую, съ излишествомъ желая загладить прежнія неловкости и упущенія и придавъ договору, въ аллокуціи 3-го іюля, не только характеръ, но почти и форму конкордата, тогда какъ прежде святой престолъ такъ неумѣстно возставалъ противъ этого названія, которое встрѣтилось въ императорскомъ рескриптѣ графу Блудову, но не находилось въ подлинникѣ этого документа, а было употреблено только въ неправильномъ его переводѣ, напечатанномъ въ иностранныхъ газетахъ. Не безъ удивленія узналъ я объ этой важной и необыкновенной аллокуціи, о которой нѣсколько дней тому назадъ лишь въ общихъ выраженіяхъ говорилъ мнѣ кардиналъ Антонелли" [1]).

Вѣроятно, кардиналъ Антонелли вовсе и не думалъ внезапно поразить нашего посланника, но не сообщилъ ему подробностей аллокуціи по обычаю Римскаго двора не разглашать напередъ тѣхъ дѣйствій, которыя считаются выраженіемъ личной воли папы (motu proprio), и тѣмъ не давать повода предполагать въ этихъ случаяхъ постороннее вліяніе. Впрочемъ, Римскій дворъ придавалъ совершенно иное значеніе аллокуціи 3-го іюля. Конечно, дипломату, употребив-

[1]) Депеши отъ $^{2}/_{14}$ іюля и $^{9}/_{21}$-го іюля 1848 года.

шему столько усилій и трудовъ, перенесшему столько волненій и непріятностей, утѣшительно было видѣть, что цѣль его достигнута, и притомъ удовлетворяетъ желанію его правительства заключить какой бы то ни было, по обоюдному согласію, договоръ съ Римомъ, хотя бы по нѣкоторымъ только вопросамъ. Но въ этой аллокуціи, рядомъ съ утвержденіемъ статей перваго протокола, даже почти въ видѣ конкордата, папа упомянулъ о другихъ вопросахъ, не только не разрѣшенныхъ, но даже и совершенно отклоненныхъ, и выразилъ увѣренность, что бо̀льшая часть изъ нихъ будетъ разрѣшена удовлетворительно для Римскаго двора. Сверхъ того, онъ разрѣшилъ самъ окончательно одинъ изъ такихъ вопросовъ, наиболѣе важный для Россіи въ политическомъ отношеніи, а именно, вопросъ о нѣсколькихъ, оставшихся послѣ общаго присоединенія къ православію, уніатахъ. Правило, допущенное конкордатомъ, о временномъ подчиненіи Армянъ-католиковъ латинской іерархіи, было рѣшительно отклонено нашими уполномоченными въ отношеніи къ оставшимся въ имперіи уніатамъ. Не предписывая епархіальнымъ епископамъ принять ихъ въ свое завѣдываніе, папа прямо, въ качествѣ верховнаго епископа, принялъ ихъ подъ свою непосредственную юрисдикцію, выразивъ увѣренность, что латинскіе священники не преминутъ совершать таинства и требы для уніатовъ. Торжественно выраженная увѣренность папы составляетъ уже предписаніе для подчиненныхъ ему лицъ. Онъ не только увѣщеваетъ оставшихся уніатовъ пребывать въ единствѣ съ латинскою церковію, но и призываетъ къ совращенію снова въ латинство тѣхъ, которые уже обратились въ православіе. Такимъ образомъ, съ одной стороны, утверждая договоръ, заключенный по обоюдному согласію обѣихъ державъ и заявляя объ этомъ соглашеніи, папа, съ другой стороны, возбуждалъ латинское духовенство имперіи къ борьбѣ съ правительствомъ и предписывалъ ему дѣйствовать прямо противъ дѣйствовавшихъ въ Россіи законовъ объ уніатахъ и о совращеніяхъ изъ господствующей церкви.

Эта вторая часть аллокуціи 3-го іюля, безъ сомнѣнія, весьма много измѣняла значеніе первой. Конечно, и нашъ посланникъ не могъ не обратить вниманія на это обстоятельство. Онъ счелъ долгомъ указать на него не только кардиналу статсъ-секретарю, но и самому папѣ. Испросивъ аудіенцію и благодаря папу за доброе расположеніе, выраженное въ аллокуціи, и за утвержденіе конкордата, Бутеневъ упомянулъ однакожъ объ этой второй ея половинѣ. „Верховный первосвященникъ“,—писалъ нашъ посланникъ къ графу Нессельроду—очень

хорошо, какъ мнѣ казалось, понялъ мои намеки на слова аллокуціи, относящіяся къ греко-уніатамъ, въ которыхъ несвоевременно перечислялись вопросы, вошедшіе въ составъ втораго протокола, по коимъ рѣшеніе было отложено до будущаго времени. Его святѣйшество съ особенною благосклонностію принялъ замѣчанія, которыя я позволилъ себѣ представить ему, и отвѣчалъ съ откровенностію и благорасположеніемъ. Его отвѣтъ, въ главныхъ чертахъ, былъ таковъ: Его святѣйшество считалъ долгомъ совѣсти объявить не только священной коллегіи, но въ нѣкоторой степени и всему католическому міру, какъ заключенія послѣднихъ переговоровъ, такъ и вообще состояніе отношеній святаго престола къ Россіи. Въ виду этой цѣли, онъ не могъ умолчать ни объ одномъ вопросѣ, разрѣшенномъ или еще не разрѣшенномъ. Въ качествѣ главы католической церкви онъ считалъ своею обязанностію заявить о всѣхъ своихъ заботахъ въ пользу своей паствы. Вотъ причина тѣхъ заявленій, о которыхъ идетъ рѣчь, и которыя были сдѣланы впрочемъ въ общихъ выраженіяхъ, весьма умѣренныхъ и учтивыхъ, съ цѣлію согласовать его существенныя обязанности, какъ верховнаго первосвященника, съ уваженіемъ и должною довѣренностію къ благосклоннымъ и правосуднымъ намѣреніямъ Императора, заявленнымъ въ отношеніи къ святому престолу. Исчисленіе вопросовъ, еще не разрѣшенныхъ, естественно должно было найдти мѣсто въ аллокуціи уже потому, что благодаря благосклонному и личному (spontanée) рѣшенію Императора, два изъ этихъ вопросовъ уже разрѣшены. Его святѣйшество не могъ не заявить объ этомъ новомъ знакѣ взаимнаго согласія и не выразить въ заключеніи аллокуціи, что это служитъ добрымъ предзнаменованіемъ къ разрѣшенію отчасти и другихъ вопросовъ, оставшихся не разрѣшенными. Онъ не скрывалъ однакожь отъ себя, что въ числѣ вопросовъ есть такіе, которые весьма трудны и щекотливы, но при желаніи сблизиться, и по нимъ возможно достигнуть соглашенія удовлетворительнаго для обѣихъ сторонъ. Его святѣйшество выразилъ, съ своей стороны, готовность содѣйствовать достиженію этой цѣли, и на сколько возможно, согласить это желаніе съ его правами и обязанностями, какъ главы церкви. Такая рѣчь со стороны папы казалась мнѣ достойною вниманія, и потому я счелъ долгомъ сообщить ея сущность во всей точности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ краткомъ изложеніи, какое возможно было извлечь изъ разговора довольно продолжительнаго и переходившаго отъ одного предмета къ другому. По многимъ признакамъ я полагаю, что то политическое положеніе, въ

которомъ находится папское правительство въ настоящее время, и тайная надежда найдти рано или поздно поддержку въ могущественномъ положеніи нашего Императора, составляющемъ единственное и вѣрное ручательство лучшей будущности для европейскихъ государствъ, потрясенныхъ революціями, служили существеннымъ поводомъ къ откровеннымъ объясненіямъ папы и къ его благосклонному расположенію въ отношеніи къ намъ. Но это расположеніе папы согласуется и съ образомъ мыслей людей, въ настоящее время наиболѣе приближенныхъ къ нему. Это я могъ замѣтить потому, что совершенно въ томъ же духѣ говорилъ со мною, въ продолженіе многихъ свиданій, кардиналъ Антонелли [1])".

Указанные папою вопросы о второмъ суффраганѣ для новаго Херсонскаго епископа и объ инстанціяхъ духовнаго суда по дѣламъ брачнымъ, дѣйствительно, были разрѣшены въ это время согласно съ требованіями Рима, заявленными во второмъ протоколѣ.

Получивъ отъ нашихъ уполномоченныхъ увѣдомленіе объ окончаніи переговоровъ и о подписаніи протоколовъ, графъ Нессельродъ писалъ Бутеневу: „Сколь велико было наше нетерпѣніе въ виду того, что окончаніе переговоровъ откладывалось со дня на день, столь же живо и дѣйствительно было наше удовольствіе, когда мы убѣдились, что впредь у насъ будетъ основаніе (base), на которомъ наши отношенія къ Римскому двору могутъ твердо быть установлены и отъ котораго они могутъ развиваться далѣе, согласно съ обоюдными выгодами. Императоръ отложилъ однакожъ утвержденіе договора до возвращенія въ Петербургъ графа Блудова. Впрочемъ, и папа, прежде чѣмъ утвердить этотъ договоръ, сохранилъ за собою право, какъ вы сообщаете, предложить его предварительно на разсмотрѣніе такъ-называемой кардинальской конгрегаціи чрезвычайныхъ церковныхъ дѣлъ. Поэтому и слѣдуетъ напередъ знать заключеніе этой конгрегаціи, прежде чѣмъ приступить къ утвержденію договора [2])". Нашъ посланникъ сообщилъ объ этомъ кардиналу статсъ-секретарю въ то время, когда со стороны папы уже заявлена была рѣшимость утвердить первый протоколъ, не собирая конгрегаціи кардиналовъ. Такимъ образомъ въ отношеніи къ Римскому двору весь вопросъ состоялъ лишь въ томъ, одобритъ ли Императоръ дѣйствія своихъ уполномоченныхъ и утвердитъ ли предположенный договоръ, особенно въ

[1]) Депеша отъ 9/21 іюля 1848 года.
[2]) Отношеніе къ Бутеневу отъ 30-го августа 1848 года.

виду того обстоятельства, что папа, съ своей стороны, первоначально отклонилъ его утвержденіе. Поэтому извѣстіе, сообщенное нашимъ посланникомъ, было принято съ особеннымъ удовольствіемъ какъ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, такъ и самимъ папою [1]).

Не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ канцлеръ писалъ къ нашему посланнику: „Его Величество Императоръ, ознакомившись съ важными заключеніями, къ которымъ пришли бывшіе въ Римѣ переговоры между его и святаго престола уполномоченными, и съ договоромъ, по которому послѣдовало соглашеніе, остановился окончательно утвердить эти статьи, пока онѣ не будутъ утверждены верховнымъ первосвященникомъ, и пока не будутъ сообщены дополнительныя объясненія со стороны его перваго уполномоченнаго, графа Блудова, по возвращеніи его въ Петербургъ. Спустя немного времени, Его Величество узналъ, изъ офиціальнаго сообщенія монсиньйора Корболи, отъ 24-го августа, отъ имени святаго отца, что его святѣйшество рѣшился не только утвердить статьи, по которымъ послѣдовало соглашеніе между уполномоченными, но и изъявилъ намѣреніе немедленно придать имъ исполнительную силу, какъ только послѣдуетъ утвержденіе этихъ статей Императоромъ. Принимая это добровольное предложеніе его святѣйшества съ чувствомъ искренняго удовольствія, Императоръ ожидалъ только возвращенія графа Блудова, чтобъ окончательно выразить свое мнѣніе. Только-что возвратившись, графъ Блудовъ представилъ Его Величеству необходимыя объясненія по различнымъ статьямъ, по которымъ послѣдовало взаимное соглашеніе между уполномоченными и которыя вошли въ подписанный и размѣненный между ними протоколъ. Послѣ того Императоръ поспѣшилъ сообщить формальное утвержденіе этому важному акту, предназначенному служить основаніемъ для нашихъ сношеній съ Римскимъ дворомъ по дѣламъ римско-католической церкви во владѣніяхъ Его Величества“.

Поручая нашему посланнику объявить Римскому двору объ окончательномъ утвержденіи конкордата, графъ Нессельродъ въ то же время вмѣнилъ ему въ обязанность сообщить Римскому двору слѣдующее соображеніе: „Вы напомните папскому правительству о тѣхъ основательныхъ замѣчаніяхъ, которыя въ продолженіе переговоровъ были представлены нашими уполномоченными относительно трудности и почти невозможности найдти иногда профессоровъ католическаго исповѣ-

[1]) Депеша Бутенева отъ $\frac{\text{20-го октября}}{\text{1-го ноября}}$ 1848 года.

данія, достаточно способныхъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ. Это затрудненіе представляется особенно въ отношеніи къ каѳедрѣ русскаго языка. Если исповѣданіе принять за безусловный критерій для устраненія профессоровъ отъ преподаванія, то этимъ самымъ ученики академіи были бы лишены возможности пользоваться уроками профессоровъ, знающихъ русскую словесность и единственно способныхъ познакомить ихъ, какъ теоретически, такъ и практически, съ русскимъ языкомъ. Мы отдаемъ полную справедливость заботамъ папскаго правительства о томъ, чтобы науки богословскія и философскія, относящіяся до нравственности и догматики, точно также какъ и исторія церкви, преподавались духовными лицами латинскаго исповѣданія. Но въ отношеніи къ другимъ предметамъ преподаванія, поручаемымъ свѣтскимъ лицамъ, неужели познанія и дарованія профессора не важнѣе того, къ какому исповѣданію онъ принадлежитъ?

„Кажется, и римскіе уполномоченные, какъ сообщилъ намъ графъ Блудовъ, до нѣкоторой степени оцѣнили важность этихъ замѣчаній; но тѣмъ не менѣе они не считали себя въ правѣ формально допустить въ составъ профессоровъ лицъ не латинскаго исповѣданія, чтобы не отступить отъ началъ, сообразно которымъ постоянно дѣйствуетъ Римскій престолъ. Но во всякомъ случаѣ, сохраняя силу начала, слѣдуетъ однакожь оказывать нѣкоторую терпимость, необходимую при его приложеніи. При нашемъ искреннемъ желаніи устранить всякій поводъ къ пререканіямъ въ этомъ случаѣ, мы считаемъ нужнымъ положительно и съ полною откровенностію объясниться съ папскимъ кабинетомъ. Поэтому вы немедленно должны сообщить кардиналу статсъ-секретарю, такъ же, какъ это было объяснено императорскими уполномоченными во время переговоровъ, что мы признаемъ начало, выраженное въ XXV статьѣ договора, по возможности постараемся согласовать съ нимъ наши дѣйствія и только въ случаяхъ рѣшительной невозможности будемъ, можетъ-быть, иногда отступать отъ него“.

Не смотря на всю умѣренность этого замѣчанія, папскій дворъ отвѣчалъ на него слѣдующимъ образомъ: „Что касается до замѣчанія о выборѣ профессоровъ для семинарій, то не возвращаясь къ соображеніямъ, выраженнымъ много разъ уполномоченными святаго престола во время переговоровъ, необходимо замѣтить, что съ одной стороны, церковь никогда не согласится, чтобы какой бы то ни былъ предметъ духовнаго образованія могъ быть преподаваемъ лицомъ другаго исповѣданія, потому что даже въ преподаваніи языковъ легко можно проводить мы-

сли, несогласныя съ исповѣданіемъ учениковъ; съ другой же стороны, епархіи такъ обширны, что епископы легко могутъ найдти преподавателей, если и не изъ духовныхъ лицъ, то во всякомъ случаѣ римско-католическаго исповѣданія. Но если предположить, что по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ это оказалось бы затруднительнымъ, то гораздо лучше пріостановить вовсе преподаваніе какого-либо второстепеннаго предмета или поручить профессору, уже имѣющему другую каѳедру, нежели допустить исключеніе изъ такого справедливаго и необходимаго правила". То-есть, въ Россіи, для русскихъ *подданныхъ* пріостановить преподаваніе *русскаго* языка, какъ предмета будто бы второстепеннаго!

Отношеніе къ нашему посланнику, въ которомъ канцлеръ сообщилъ объ утвержденіи конкордата и замѣчаніе на XXV статью его, оканчивалось слѣдующими словами: „Мнѣ остается просить васъ сообщить папскому правительству, при переговорахъ вашихъ съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ Феретти, что пользуясь возвращеніемъ графа Блудова, мы займемся дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ вопросовъ, составлявшихъ уже предметъ переговоровъ въ Римѣ, но по которымъ еще не состоялось окончательныхъ соглашеній. Святой отецъ можетъ быть увѣренъ, что и въ этомъ случаѣ, чрезвычайно затруднительномъ и щекотливомъ, мы будемъ руководствоваться желаніемъ подготовить удовлетворительныя разрѣшенія. Слѣдуя этому желанію, мы спокойно и безпристрастно подготовимъ матеріалы для будущаго соглашенія, которое удовлетворяло бы желаніямъ его святѣйшества и справедливымъ и благимъ заботамъ Императора о духовныхъ нуждахъ его подданныхъ латинскаго исповѣданія, не нарушая основныхъ законовъ имперіи и правъ господствующей церкви" [1]).

Эти слова не были простыми обѣщаніями, успокоительными для Римскаго двора, но исполненіе которыхъ отлагалось бы на неопредѣленное время. Напротивъ того, наше правительство, дѣйствительно, приступило къ немедленному разсмотрѣнію вопросовъ, по которымъ не состоялось соглашенія между уполномоченными. Уже въ началѣ 1849 года канцлеръ сообщилъ слѣдующую депешу нашему посланнику, поручивъ передать съ нея списокъ папскому правительству: „Не смотря на важныя заботы, которыми обременяютъ Его Императорское Величество современныя политическія и общественныя волне-

---

[1]) Отношеніе канцлера отъ 15-го ноября; нота Бутенева кардиналу Феретти отъ $^{9}/_{21}$ декабря 1847 года; его отвѣтъ отъ $^{12}/_{24}$ января 1848 года; Esposizione documentale №№ VIII, IX и X.

нія, все болѣе и болѣе потрясающія Европу, онъ никогда не переставалъ помышлять о духовныхъ нуждахъ своихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія въ Россіи и Польшѣ. Сообщенія наши Римскому двору въ послѣднее время должны были показать ему искреннее желаніе Императора ускорить, сколько это отъ него зависѣло, окончательное соглашеніе съ святымъ престоломъ, какъ въ отношеніи къ приведенію въ исполненіе уже заключеннаго договора, такъ и въ отношеніи къ тѣмъ вопросамъ, по которымъ уполномоченные обѣихъ сторонъ во время переговоровъ въ Римѣ не могли прійдти непосредственно къ соглашенію. Въ числѣ вопросовъ, оставшихся не рѣшенными, однимъ изъ наиболѣе важныхъ считается вопросъ о подсудности брачныхъ и церковныхъ дѣлъ. Поэтому мы предлагаемъ папскому правительству разрѣшить этотъ вопросъ прежде другихъ. Мы начнемъ съ заявленія, что готовы принять предложеніе о первыхъ двухъ инстанціяхъ, какъ оно было выражено и принято уполномоченными обѣихъ сторонъ. Остается только согласиться въ отношеніи къ третьей инстанціи. Мы полагаемъ, что наиболѣе простой и удобный способъ разрѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно для обѣихъ сторонъ и избѣжать тѣхъ многочисленныхъ затрудненій, которыя онъ возбудилъ, заключается въ томъ, чтобы мы отказались отъ учрежденія третьей инстанціи у насъ и согласились бы допустить прямую апелляцію къ Римскому престолу по всѣмъ сужденнымъ во второй инстанціи дѣламъ, которыя и будутъ восходить туда установленнымъ путемъ, чрезъ наше посольство въ Римѣ. Какъ, по каноническимъ правиламъ, всегда допускается апелляція въ Римъ послѣ суда въ третьей степени, то само собою разумѣется, что она будетъ допущена и послѣ суда второй степени. Конечно, такой ходъ этихъ дѣлъ представитъ болѣе затрудненій для тяжущихся сторонъ; но это соображеніе не можетъ останавливать насъ, потому что въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ согласно съ видами и желаніями папы, съ цѣлію затруднить, а не благопріятствовать соблазнительнымъ дѣламъ о разводахъ. Поэтому мы напередъ надѣемся на согласіе папы, и я поручаю вамъ представить это предложеніе папскому кабинету и увѣдомить о его отвѣтѣ.

„Другой вопросъ, на который Государь Императоръ счелъ возможнымъ согласиться послѣ многихъ соображеній, касается назначенія втораго суффрагана къ Херсонскому епископу. Такимъ образомъ, желаніе папскаго правительства исполнено. Мы, однако же, предполагаемъ только одно ограниченіе, именно, чтобъ этотъ суффраганъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія въ Тифлисѣ, но чтобъ епархіаль-

ный Новороссійскій епископъ могъ перемѣщать его по своему усмотрѣнію для пользъ своей паствы. Впрочемъ, морское сообщеніе Херсона съ прибрежьемъ Кавказа и съ Тифлисомъ такъ удобно, что суффраганъ, о назначеніи котораго идетъ рѣчь, можетъ ежегодно совершать путешествія, безъ особенныхъ для себя затрудненій, и тѣмъ приносить большую пользу католическимъ жителямъ этихъ странъ. Сверхъ того, если Херсонскому епископу прійдется иногда отлучиться, то присутствіе суффрагана въ Херсонѣ будетъ уже необходимо.

„Мы ограничиваемся въ настоящее время только двумя этими вопросами. Государь Императоръ надѣется, что святой отецъ приметъ это, какъ новый знакъ искренняго желанія поддержать взаимное согласіе русскаго и папскаго дворовъ. Когда всѣ епископскія каѳедры будутъ заняты, тогда сами епископы могутъ возбудить бóльшую часть вопросовъ, оставшихся не рѣшенными, и до которыхъ мы не хотимъ касаться безъ ихъ содѣйствія“.

Когда нашъ посланникъ предъявилъ это сообщеніе кардиналу Солья, замѣнившему Феретти въ должности статсъ-секретаря, и кардиналу Антонелли, заступившему мѣсто монсиньйора Корболи по дѣламъ церковнымъ, то неожиданныя уступки со стороны нашего правительства возбудили въ нихъ удивленіе и удовольствіе. Уступка въ отношеніи къ подсудности брачныхъ и другихъ церковныхъ дѣлъ особенно казалась значительною сколько по своей сущности, такъ какъ допускалось прямое отношеніе къ Риму частныхъ лицъ и мѣстныхъ духовныхъ судовъ, столько и потому, что этотъ вопросъ, подавшій нашимъ уполномоченнымъ, во время переговоровъ, поводъ предложить учрежденіе особаго проснинодальнаго суда, возбудилъ такіе споры и столкновенія, которые угрожали совершеннымъ разрывомъ между двумя правительствами. Безъ сомнѣнія, и самъ папа не менѣе своихъ кардиналовъ былъ обрадованъ заявленіемъ нашего правительства. „Его святѣйшество“ — отвѣчалъ кардиналъ статсъ-секретарь нашему посланнику — „былъ особенно доволенъ и тронутъ, выслушавъ это заявленіе, и не могъ не видѣть въ немъ новаго доказательства рѣшимости Императора сдѣлать, съ своей стороны, все возможное, чтобъ исполнить горячія желанія святаго престола и удовлетворить его постоянно повторяемымъ требованіямъ по разнымъ вопросамъ, которые въ продолженіе переговоровъ остались не рѣшенными и вошли во второй протоколъ. Что касается до утвержденія папою тѣхъ двухъ предположеній, о которыхъ идетъ рѣчь, то его святѣйшество поручилъ кардиналу статсъ-секретарю объявить вамъ полное его

одобреніе и утвержденіе всего, что̀ предположено о производствѣ дѣлъ брачныхъ и другихъ церковныхъ, которыя по разсмотрѣніи во второй инстанціи, въ судѣ митрополичьемъ, должны переходить въ послѣдней инстанціи на судъ апостольскаго престола. Его святѣйшество уполномочитъ на опредѣленный срокъ, не болѣе пяти лѣтъ, двухъ ближайшихъ къ митрополичьей каѳедрѣ епископовъ, которые ex delegata potestate судили бы во второй инстанціи тѣ изъ этихъ дѣлъ, которыя были судимы въ первой инстанціи архіепископскимъ судомъ. Въ депешѣ графа Нессельрода указанъ путь, которому эти дѣла будутъ слѣдовать, переходя въ Римъ, то-есть, чрезъ императорское посольство, учрежденное въ Римѣ. По этому случаю считаю долгомъ замѣтить, что объ этомъ способѣ заявлено уже въ первомъ пунктѣ втораго протокола, и его святѣйшество, какъ въ отношеніи къ этому вопросу, такъ и къ другимъ, ожидаетъ отъ справедливости Императора согласія на предложенія, сдѣланныя папскими уполномоченными. Съ равнымъ удовольствіемъ святой отецъ принялъ увѣдомленіе и о разрѣшеніи другаго вопроса — объ учрежденіи втораго суффрагана для обширной Херсонской епархіи. Поручая извѣстить васъ объ утвержденіи этого предложенія, его святѣйшество поручилъ упомянуть объ этомъ въ изготовляемой буллѣ о разграниченіи епархій“ [1]).

Приведенная переписка нашего правительства съ Римскимъ дворомъ, кажется, достаточно показываетъ, что папа имѣлъ полное право упомянуть въ аллокуціи 3-го іюля о вопросахъ, оставшихся не рѣшенными во время переговоровъ. Постоянныя заявленія, что русское правительство приступило къ ихъ разсмотрѣнію, и непосредственное рѣшеніе двухъ изъ нихъ совершенно согласно съ требованіями Рима служили Пію IX достаточнымъ поводомъ заявить и о другихъ вопросахъ, какъ то и выразилъ самъ папа при свиданіи съ нашимъ посланникомъ. Если Бутеневъ счелъ нужнымъ замѣтить противъ этого, то лишь потому, что было несвоевременно заявлять о вопросахъ, еще не разрѣшенныхъ окончательно. Но въ глазахъ Рима они не представляли ничего особеннаго и новаго; въ нихъ выразились тѣ же притязанія, которыя папское правительство повторяетъ въ продолженіе вѣковъ въ отношеніи къ государствамъ Европы.

Совершенно иное значеніе представляло упоминаніе папою во второй его аллокуціи вопроса объ уніатахъ: это было уже рѣшеніемъ, безъ

---

[1]) Отношеніе графа Нессельрода отъ $^{7}/_{19}$ апрѣля; нота Бутенева кардиналу Сольи отъ $^{16}/_{28}$ іюня; его отвѣтъ отъ 2-го іюля 1849 года; Esposizione documentale, №№ XI, XII и XIII.

предварительнаго согласія нашего правительства, одного изъ вопросовъ, которому оно придавало особенное значеніе. Мы увидимъ далѣе, что это именно было рѣшеніе, а не простыя слова соболѣзнованія объ участи немногихъ оставшихся уніатовъ, и что въ такомъ именно смыслѣ понимало это рѣшеніе само римское правительство. Но указаніе нашего посланника на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, затерялось въ общемъ его возраженіи противъ заявленія папы о всѣхъ еще не рѣшенныхъ вопросахъ.

Не смотря на всѣ эти обстоятельства, аллокуція 3-го іюля могла казаться дѣйствительно важнымъ явленіемъ въ глазахъ нашего правительства въ томъ смыслѣ, что послѣ продолжительныхъ враждебныхъ отношеній къ Россіи, папа торжественно передъ всѣмъ католическимъ міромъ, выражаясь словами римской куріи, заявилъ о соглашеніи съ Россіей и о водворившемся довѣріи между двумя правительствами. Причину этого явленія разгадать было не трудно, и на нее вѣрно указалъ нашъ посланникъ. Политическое состояніе Европы было одною изъ причинъ снисходительности нашего правительства въ отношеніи къ притязаніямъ Рима; это же состояніе Европы, и особенное положеніе Рима въ то время, заставили и папскій дворъ заискивать расположенія Русскаго Императора. Аллокуція 3-го іюля произнесена была, такъ - сказать, наканунѣ бѣгства папы въ Гаэту.

VIII.

Хотя главная цѣль русскаго чрезвычайнаго посольства въ Римъ заключалась въ томъ, чтобы достигнуть соглашенія съ папскимъ правительствомъ по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ, однако же, посольство вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло и другое порученіе, а именно — на основаніи словеснаго соглашенія между императоромъ и папою Григоріемъ XVI, представить кандидатовъ на вакантныя епископскія каѳедры Имперіи и царства Польскаго для каноническаго утвержденія ихъ папскимъ престоломъ.

Вопросъ о назначеніи епископовъ представлялся обоимъ правительствамъ весьма важнымъ, хотя совершенно съ различныхъ точекъ зрѣнія. Послѣ польскаго возстанія 1831 года, въ которомъ латинское духовенство принимало такое дѣятельное участіе, наше правительство поставило себѣ цѣлію привлечь это духовенство на свою сторону и чрезъ него дѣйствовать на другія сословія. Обезпечивая его матеріальное существованіе и стремясь поднять уровень его образованія, правительство думало изъ политической партіи, и притомъ мятежной, превра-

тить его членовъ въ истинныхъ служителей алтаря. Задача неисполнимая, какъ и доказали послѣдовавшія событія; но тѣмъ не менѣе русское правительство добросовѣстно стремилось къ ея разрѣшенію.

При такихъ условіяхъ естественно вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ лицами благонадежными, съ одной стороны, казался дѣломъ первостепенной важности, а съ другой по необходимости требовалъ содѣйствія Рима и заставлялъ наше правительство искать его. Чтобы дать новое направленіе латинскому духовенству въ Имперіи и царствѣ Польскомъ, болѣе сообразное съ значеніемъ служителей церкви, правительство, конечно, нуждалось въ содѣйствіи Рима; въ вопросѣ же о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ оно находилось въ непосредственной отъ него зависимости. Латинскій епископъ получалъ права, соединенныя съ его саномъ, только со времени каноническаго его утвержденія папою. Такимъ образомъ, если бы Римскій престолъ сталъ отказывать въ каноническомъ утвержденіи избраннымъ правительствомъ кандидатамъ на епископскія каѳедры, то безъ сомнѣнія, всѣ намѣренія правительства, клонившіяся къ преобразованію духовенства, были бы разрушены, и цѣль, къ которой оно стремилось, никогда не была бы достигнута. Поэтому, не смотря на аллокуцію папы 22-го іюля 1842 года, русское правительство не прервало сношеній съ Римомъ, а напротивъ того, чрезъ нѣсколько времени, въ 1844 году, назначило новаго посланника въ Римъ, г. Бутенева, съ цѣлію достигнуть примиренія и соглашенія съ папскимъ престоломъ. Вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ былъ порученъ особенному его вниманію, а порядокъ избранія и утвержденія епископовъ опредѣленъ въ послѣдствіи личными переговорами императора съ папою при свиданіи въ Римѣ, въ 1845 году.

Не меньшую важность придавалъ этому вопросу и Римскій дворъ. „Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію“, писалъ нашъ посланникъ въ первое время послѣ пріѣзда въ Римъ, „что какъ бы ни оказался папа уступчивъ по вопросамъ, которымъ мы придаемъ особенную важность, мы непремѣнно встрѣтимъ систематическое упорство съ его стороны, лишь только будетъ предложено ему положиться вполнѣ на добросовѣстность свѣтскихъ властей въ отношеніи къ выбору епископовъ и ограничиться только ихъ посвященіемъ и каноническимъ утвержденіемъ. Если такъ будетъ поставленъ вопросъ, то папа непремѣнно увидитъ въ этомъ покушеніе, направленное противъ самой сущности его церковной власти. Онъ никогда не согласится на такое предложеніе, потому что по его воззрѣніямъ это значило бы

отказаться отъ права, которое онъ считаетъ унаслѣдованнымъ непосредственно отъ св. апостола Петра и необходимымъ для поддержанія единства церкви. Когда Пій VII находился въ плѣну у Наполеона, онъ принужденъ былъ признать многое, какъ совершившіеся уже факты, но никогда не соглашался отказаться отъ правъ своихъ въ отношеніи къ епископамъ, которыя папы считаютъ за переданныя имъ отъ апостоловъ" [1]). Нашъ посланникъ совершенно правильно смотрѣлъ на вопросъ *съ точки зрѣнія Римскаго престола;* но эта точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ апостольскимъ преданіемъ и съ канонами вселенской церкви. Епископъ посвящается двумя или тремя другими епископами и утверждается, для отправленія своихъ обязанностей въ епархіи, высшею церковно-административною властію государства или области (архіепископомъ, митрополитомъ, патріархомъ, экзархомъ, примасомъ и проч.). Таково правило вселенской церкви, которое соблюдалось и церковію западною въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ ея существованія. Но въ настоящее время папы проповѣдуютъ совершенно другое воззрѣніе, положительно противоположное канонамъ церкви. Епископская власть во всей ея полнотѣ, говорятъ они, сосредоточивается только въ лицѣ *вселенскаго* епископа, то-есть, папы. Всѣ другіе епископы получаютъ власть исключительно отъ папы непосредственно или чрезъ его уполномоченныхъ, легатовъ. Поэтому папа избираетъ, посвящаетъ и утверждаетъ епископовъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія церкви, въ латинскомъ исповѣданіи есть только одинъ епископъ—папа; а всѣ остальные суть его уполномоченные чиновники и слуги. Этотъ взглядъ развился въ эпоху папскаго всемогущества, въ средніе вѣка, именно въ XIII столѣтіи, и во всей полнотѣ выраженъ Иннокентіемъ III (1198—1216 гг.) [2]). Чтобъ окончательно утвердить этотъ взглядъ, въ это же время была введена въ употребленіе *присяга*, которую при посвященіи произносилъ каждый епископъ на *вѣрность* папѣ. Такимъ образомъ, будучи равны между собою по ученію церкви, епископы въ латинскомъ исповѣданіи превратились въ служителей и вѣрноподданныхъ папы. Конечно, не безъ долгой борьбы удалось папамъ доставить побѣду такому взгляду; боролись и мѣстныя церкви за свои права, и особенно свѣтскіе государи постоянно защищали свое право участія въ выборѣ и назначеніи епископовъ. До настоящаго времени сохранились остатки древ-

---

[1]) Депеша Бутенева изъ Рима отъ $\frac{\text{31-го января}}{\text{12-го февраля}}$ 1845 года.

[2]) Decr. inter corporalia, c. 2 de translatione episcopi.

нихъ правъ высшихъ представителей іерархіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквей; такъ, патріархи уніатовъ восточныхъ церквей сохраняютъ право утверждать епископовъ; на западѣ такое же право осталось за архіепископомъ Зальцбургскимъ. Свѣтскія же правительства никогда не отказывались отъ своего права участія въ избраніи епископовъ. Папы уступали необходимости, но ревностно защищали притязаніе посвящать и утверждать въ санѣ каждаго латинскаго епископа.

Это притязаніе служило сильнымъ орудіемъ для папъ въ ихъ борьбѣ со свѣтскими государями. Пока отношенія между Римомъ и другимъ государствомъ были дружелюбны, папы безъ особыхъ придирокъ утверждали представляемыхъ свѣтскою властію кандидатовъ на епископскія каѳедры. Но лишь только, вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ, эти отношенія измѣнялись, папы переставали утверждать кандидатовъ, и такимъ образомъ, лишая паствы ихъ законныхъ пастырей, вносили смуту въ умы подданныхъ государя, и возбуждая ихъ противъ правительствъ, принуждали послѣднія дѣлать уступки разнымъ своимъ требованіямъ и притязаніямъ [1]).

Точно то же испытала и Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Римскому двору. До 1839 года папы почти безпрекословно утверждали представляемыхъ нашимъ правительствомъ кандидатовъ. Но уже послѣ усмиренія польскаго мятежа довѣріе Рима къ русскому правительству было поколеблено безчисленными жалобами и ложными извѣстіями о его дѣйствіяхъ въ отношеніи къ латинской церкви, которыя усердно доставлялись папѣ польскими мятежниками и преимущественно эмигрантами. Для успѣха своихъ замысловъ эти люди считали необходимымъ участіе въ нихъ духовенства, и посланіе Григорія XVI къ польскому духовенству, отъ 15-го августа 1832 года, порицавшее его участіе въ мятежѣ и повелѣвавшее повиноваться законной власти Русскаго императора, было сильнымъ для нихъ ударомъ. Они поставили себѣ цѣлію отклонить подобный ударъ на будущее время и привлечь Римскій дворъ на свою сторону, убѣдивъ его, что русское правительство стремится къ постепенному уничтоженію латинской церкви въ предѣлахъ Имперіи и царства Польскаго, и что къ этой цѣли направлены всѣ предпринимаемыя имъ мѣры. Григорій XVI едва-ли давалъ полную вѣру такимъ сообщеніямъ, но конечно, принималъ ихъ

---

[1]) Ср. *Le comte d'Haussonville:* L'Église romaine et le premier Empire; vol. II, chap. XXVIII; vol. III, chap. XLI.

къ свѣдѣнію, а ультрамонтанская партія, во главѣ которой стоялъ кардиналъ статсъ-секретарь Ламбрускини, пользовалась ими, чтобы смущать совѣсть папы. Вслѣдъ за тѣмъ возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью положило конецъ колебаніямъ политики Римскаго двора въ отношеніи къ Россіи.

Дѣйствительно, это великое событіе, неожиданное для Рима, по свойственной ему самоувѣренности, разразилось надъ нимъ какъ роковой ударъ судьбы и заставило его если не понять, то почувствовать, что всѣмъ обращеніямъ въ латинство, совершеннымъ насиліемъ или обманомъ, предстоитъ въ будущемъ та же участь. Съ этого времени Римскій дворъ сталъ въ явно враждебныя отношенія къ Россіи и всѣ свои жалобы на наше правительство и притязанія выразилъ потомъ въ аллокуціи папы 22-го іюля 1842 года. Но онъ очень хорошо понималъ, что это средство, способное на время взволновать общественное мнѣніе Европы, не могло заставить Россію измѣнить свою политику. Поэтому Римскій дворъ прибѣгъ къ средству болѣе дѣйствительному: началъ замедлять дѣла объ утвержденіи кандидатовъ на епископскія каѳедры и вовсе отказывать въ утвержденіи большей части изъ нихъ.

Въ это время на разсмотрѣніи Римской куріи находились дѣла объ утвержденіи епископа Павловскаго Могилевскимъ архіепископомъ, Раввы — епископомъ Минскимъ, Гентиллы — суффраганомъ Самогитскимъ, Гольдмана — Сандомірскимъ, Лубенскаго — суффраганомъ въ Калишѣ, Котовскаго — первоначально Подлясскимъ епископомъ, а потомъ суффраганомъ въ Ловичѣ, и Тарашкевича епископомъ Холмскимъ. Тщетно нашъ посланникъ Потемкинъ хлопоталъ объ утвержденіи епископовъ, Римскій дворъ постоянно откладывалъ эти дѣла, не объясняя причинъ, и въ то же время защищалъ Подлясскаго епископа Гутковскаго, смѣны котораго требовало наше правительство, какъ человѣка, явно ему враждебнаго. Наконецъ, нашему посольству удалось узнать, что папа не утверждаетъ Павловскаго Могилевскимъ архіепископомъ, потому что онъ благословилъ бракъ великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, не взявъ съ нихъ обязательства воспитывать дѣтей въ латинскомъ исповѣданіи. Дѣйствительно, въ то же самое время Римскій дворъ отправилъ Павловскому папское бреве, упрекавшее его за благословеніе этого брака и требовавшее съ его стороны покаянія. Такой поступокъ папскаго правительства, прямо касавшійся императорскаго дома и поднимавшій одинъ изъ неразрѣшимыхъ вопросовъ — о смѣшанныхъ бракахъ, о которомъ и не бывало до сихъ поръ переговоровъ, не могъ не показаться

нашему правительству дерзкимъ вызовомъ. Пользуясь правомъ—exequatur, наше правительство не утвердило папскаго бреве и не передало его Павловскому; посланнику же нашему поручило отвѣчать Римскому двору слѣдующимъ образомъ:

„Въ продолженіе семидесяти лѣтъ римско-католическое духовенство въ Россіи благословляетъ смѣшанные браки, не прибѣгая за разрѣшеніями къ Римскому двору, который никогда не помыслилъ возражать противъ обычая, освященнаго временемъ. Поэтому насъ не могло не удивить сдѣланное по этому поводу обращеніе папы къ архіепископу Павловскому. По нашему мнѣнію, право латинскаго духовенства въ Россіи благословлять смѣшанные браки основывается на § 10 трактата, заключеннаго Россіей въ 1768 году съ Польскою республикою. Не возможно предположить, чтобы Римскій дворъ не зналъ объ этомъ договорѣ, заключенномъ между двумя государствами, изъ которыхъ одно (Польша) находилось въ то время подъ сильнымъ его вліяніемъ. Послѣ того постоянное молчаніе Римскаго престола по этому вопросу не могло не убѣдить насъ въ его безмолвномъ согласіи, на основаніи извѣстнаго юридическаго правила: qui tacet, consentire videtur. Если Римскій дворъ приводитъ въ свое оправданіе правила Тридентскаго собора, то мы отвѣтимъ ему на это, что постановленія Тридентскаго собора не были у насъ приняты и никогда не имѣли силы закона не только въ Россіи, но и въ прежней Польской республикѣ, точно такъ же, какъ и нѣкоторыя новѣйшія заявленія Римскаго двора въ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ, а именно бреве и наставленія епископамъ Баваріи 1832 и 1834 годовъ. Эти заявленія не только не могутъ служить руководствомъ для нашего латинскаго духовенства, которое и не имѣетъ о нихъ свѣдѣній, но едва-ли приняты и латинскимъ по исповѣданію баварскимъ правительствомъ. Римъ знаетъ, что императоръ можетъ оказывать покровительство латинскому духовенству въ своихъ государствахъ единственно при томъ условіи, чтобъ это духовенство съ своей стороны уважало законы государства, которое оказываетъ ему покровительство. Такое условіе не представляетъ ничего новаго; оно соблюдается и въ другихъ странахъ; напримѣръ, во Франціи, которой государи, въ знакъ повиновенія предписаніямъ Ватикана, именуются старшими сынами церкви, соблюдается однакоже правило, что никакое папское бреве, никакая булла не могутъ быть обнародованы безъ предварительнаго разсмотрѣнія со стороны свѣтской власти, которая обязана удостовѣриться, что въ нихъ не заключается ничего противнаго за-

конамъ государства и правамъ галликанской церкви. Между тѣмъ очевидно, что съ законами нашего государства совершенно несогласно, чтобы дѣти, происшедшія отъ брака, въ которомъ одинъ изъ супруговъ принадлежитъ къ латинскому исповѣданію, были воспитываемы въ этомъ исповѣданіи, и чтобы супругъ латинянинъ по исповѣданію старался всѣми способами совратить въ это исповѣданіе другаго. Какое правительство можетъ потерпѣть подобное насиліе?

„Кажется, мы доказали полное несогласіе притязаній Римскаго двора съ русскими законами. Итакъ, мы спрашиваемъ этотъ дворъ: справедливо ли, разумно ли и даже возможно ли требовать, чтобы сàмъ императоръ разрушилъ коренные законы Имперіи и замѣнилъ ихъ постановленіями Римской церкви? Каково бы ни было мнѣніе кардинала Ламбрускини о силѣ постановленій Римскаго престола по отношенію къ государствамъ латинскимъ по исповѣданію, мы сомнѣваемся, чтобы по совѣсти онъ могъ придавать имъ такое же значеніе по отношенію къ Россіи. Чтò же остается дѣлать, и какимъ образомъ согласовать непримиримыя, повидимому, между собою начала? По нашему мнѣнію, ничего нѣтъ проще, и мы только удивляемся, какъ Римскій дворъ, столь изобрѣтательный на полумѣры (si fertile en termes moyens), не руководствовался въ этомъ случаѣ началами мудрой и умѣренной политики. Средняя мѣра, о которой мы говоримъ, заключается впрочемъ въ томъ, что надобно бы дѣйствовать такъ, какъ прежде дѣйствовали, то-есть, терпѣть то, чего измѣнить не возможно, и не возбуждать безполезно вопросовъ, которые по самой ихъ сущности разрѣшены быть не могутъ. Не надобно забывать, что права папы и императора одинаковы. Потому, чтò сказали бы въ Римѣ, если бы императоръ относился къ своимъ подданнымъ латинскаго исповѣданія такъ же, какъ въ Римѣ относятся къ тѣмъ, которые принадлежатъ къ этому исповѣданію, или если бы онъ потребовалъ для своихъ единовѣрцевъ тѣхъ же правъ въ Папской области, какими пользуются римскіе католики въ Россіи, правъ строить храмы въ средоточіи столицы, публично отправлять богослуженіе, воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ и т. под.? Мы сильно сомнѣваемся, чтобъ его святѣйшество былъ расположенъ сдѣлать намъ подобныя уступки, такъ какъ онъ заявилъ, будто бы и не знаетъ о существованіи протестантской капеллы въ домѣ одного изъ иностранныхъ посольствъ (прусскаго) въ Римѣ, и еще недавно настаивалъ на томъ, чтобы похоронная служба о упокоеніи души одного знаменитаго путешественника, попечителя наслѣдника русскаго престола, генерала Мердера, совершалась тайно,

какъ во времена гоненій христіанской церкви, и это только потому, что усопшій не принадлежалъ къ римско-католическому исповѣданію. Кого же можно обвинять въ нетерпимости, за которую упрекаютъ русское правительство? Мы отдаемъ этотъ вопросъ на рѣшеніе самого Римскаго двора. Мы не любимъ входить во взаимныя обвиненія, еще менѣе любимъ начинать религіозные споры, въ которыхъ такъ трудно достигнуть соглашенія; но мы не можемъ молчать въ виду невозможныхъ притязаній и обвиненій, которыхъ мы не заслужили. Необходимо, чтобы Римскій дворъ убѣдился въ той истинѣ, что нашъ августѣйшій монархъ не потерпитъ беззаконнаго вторженія чужеземной власти въ свои государства, власти, которая возстаетъ противъ коренныхъ законовъ Имперіи, и что если бы было позволено ей дѣйствовать такимъ образомъ, то это было бы оскорбленіемъ господствующей церкви и явнымъ нарушеніемъ ея канонозъ. Прибѣгнуть къ такимъ неприятнымъ соображеніемъ вынудила насъ та причина, на которую указалъ папа, отказывая въ каноническомъ утвержденіи архіепископу Павловскому. Мы не можемъ не высказать еще одного замѣчанія и не припомнить, что исторія церкви представляетъ многіе примѣры уступокъ, которыя гораздо труднѣе согласить со строгимъ исполненіемъ догматовъ римской церкви. Чтобы не выходить изъ предѣловъ занимающаго насъ вопроса, мы укажемъ на ту легкость, съ которою постоянно относилось латинское духовенство къ *разводамъ* въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Бракъ составляетъ церковное таинство, нерасторжимое по своему существу; какимъ же образомъ Римскій дворъ терпѣлъ подобный соблазнъ, противъ котораго вынуждена была, наконецъ, принять мѣры свѣтская власть? Мы еще не теряемъ надежды, что Римскій дворъ откажется отъ того направленія, которое онъ принялъ, вслѣдствіе несправедливыхъ предубѣжденій, и что онъ выступитъ на путь, способный привести къ соглашенію. Но если, вопреки нашимъ ожиданіямъ, его святѣйшество будетъ упорствовать въ отказѣ утвердить архіепископомъ Павловскаго, то намъ останется только признать необходимыя послѣдствія такого недоброжелательнаго поступка Римскаго двора и обойдтись безъ этой *формальности*, которая въ глазахъ императора нисколько не будетъ препятствовать епископу Павловскому пользоваться титуломъ архіепископа Могилевскаго“ [1]).

Такимъ образомъ наше правительство въ 1839 году намѣревалось

[1]) Нота отъ 13-го января 1839 года.

поступить точно такъ же какъ прежде поступила императрица Екатерина II, когда папа отказывался утвердить архіепископа Сестренцевича-Богуша въ санѣ митрополита, и относительно утвержденія папой епископовъ въ санѣ архіепископа или митрополита выразило правильный взглядъ, что это лишь простая формальность, удовлетворяющая только притязаніямъ папъ и не имѣющая никакого значенія для мѣстной церкви, и тѣмъ болѣе для свѣтскаго правительства. Но правительство наше въ послѣднемъ случаѣ поступило снисходительнѣе, не желая, въ виду предположенныхъ имъ цѣлей въ отношеніи къ латинскому духовенству, окончательнаго разрыва съ Римомъ.

Приведенная нами нота канцлера, конечно, не могла не произвести впечатлѣнія на кардинала Ламбрускини, но не побѣдила однакожь ультрамонтанскаго упорства. Болѣе умѣренные изъ римскихъ прелатовъ говорили нашему посланнику, что единственный способъ побѣдить упорство этой партіи [1]) можетъ заключаться лишь въ непосредственномъ дѣйствіи на самого папу, и поэтому совѣтовали, чтобъ императоръ лично написалъ письмо папѣ. Наше правительство согласилось и на эту мѣру.

Статскій совѣтникъ Фурманъ, нарочно посланный съ этимъ письмомъ, передалъ его папѣ на аудіенціи $^{16}/_{28}$-го сентября 1840 года. Безъ сомнѣнія, подобная уступка польстила Риму, и нашъ посланный былъ принятъ такъ ласково, что вовсе не замѣтилъ въ папскомъ правительствѣ той раздражительности, какую ожидалъ встрѣтить, и подумалъ даже, что оно будетъ гораздо сговорчивѣе прежняго въ переговорахъ съ представителемъ Россіи [2]). Прочитавъ письмо императора, Григорій XVI сказалъ: „Итакъ, императоръ желаетъ каноническаго утвержденія Могилевскаго архіепископа и добровольной отставки епископа Подлясскаго. Но у насъ есть установленныя правила, которыхъ мы не можемъ нарушать. Но желая угодить императору, я готовъ дойдти до крайнихъ предѣловъ моихъ обязанностей, далѣе чего я уже идти не могу. Поэтому, если вы услышите отъ меня: „это невозможно“, то я скорѣе погибну, чѣмъ измѣню свое рѣшеніе. Оттого я долго размышляю, прежде чѣмъ рѣшаюсь на что-нибудь, такъ какъ разъ принятое рѣшеніе уже не можетъ быть отмѣнено. Итакъ, дайте мнѣ время для размышленія. Но что касается до епископа Павловскаго, то скажите мнѣ: для чего ваше правительство не передало ему моего бреве?“

---

[1]) Депеша Потемкина отъ $^{9}/_{21}$-го апрѣля 1839 года.

[2]) Депеша Фурмана отъ $\frac{27\text{-го октября}}{8\text{-го ноября}}$ 1840 года.

Когда нашъ уполномоченный объяснилъ, что это бреве могло бы имѣть весьма дурное вліяніе вообще на латинское духовенство въ Имперіи и совершенно напрасно смутить совѣсть епископа, который не сдѣлалъ никакого нарушенія правилъ, а напротивъ того дѣйствовалъ согласно обычаю, издавна принятому въ Имперіи и существующему и въ настоящее время, то папа отвѣчалъ: „Вотъ въ этомъ-то вы и ошиблись: я удовлетворился бы *всякимъ* отвѣтомъ отъ него. Я не требовалъ ни отреченія отъ совершившагося уже дѣйствія, ни даже оправданія епископа въ образѣ его дѣйствій, хотя онъ и поступилъ несогласно съ своими обязанностями; но я не могъ умолчать о происшествіи, которое совершилось такъ торжественно и получило такую гласность, что не знать о немъ я не могу, и притомъ совершилось въ то время, когда вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ былъ въ полномъ ходу. Что̀ сказала бы Пруссія? Не могла ли она опереться на это, какъ на примѣръ? Могъ ли я сдѣлать менѣе того, что̀ сдѣлалъ, и поступить съ большею осторожностію? Вамъ извѣстно впрочемъ, что я былъ весьма расположенъ утвердить Павловскаго, и не будь этого обстоятельства, о которомъ я говорю, онъ давно былъ бы утвержденъ“.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что смѣшанный бракъ въ императорскомъ семействѣ, какъ явленіе совершенно исключительное, не могъ служить примѣромъ и имѣть вліяніе на общій вопросъ объ этихъ бракахъ. Но Римскій дворъ воспользовался этимъ происшествіемъ для того, чтобъ или замедлить, или отклонить утвержденіе Павловскаго, какъ онъ замедлялъ движеніе всѣхъ каноническихъ процессовъ о представленныхъ русскимъ правительствомъ кандидатахъ на епископскія каѳедры, или же онъ желалъ поднять общій вопросъ объ этихъ бракахъ въ отношеніи къ Россіи. Поэтому нашъ уполномоченный, не упоминая о частномъ случаѣ, отвѣчалъ, что вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, по его мнѣнію, принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ, и что гораздо лучше вовсе не касаться его, тѣмъ болѣе, что онъ уже затихъ въ настоящее время. Поэтому папа безъ особеннаго неудобства можетъ утвердить архіепископа Павловскаго, тѣмъ болѣе, что послѣдній не имѣетъ свѣдѣнія о папскомъ бреве, и слѣдовательно, самый вопросъ можно считать какъ-бы не существующимъ.

„Но здѣсь знаютъ о причинѣ, по которой Павловскій не утверждается архіепископомъ“, отвѣчалъ папа; „поэтому мнѣ нуженъ какой-нибудь предлогъ, чтобы рѣшиться утвердить его. Дайте мнѣ объ этомъ подумать“. И затѣмъ онъ продолжалъ: „Императоръ желаетъ также,

чтобъ я убѣдилъ Гутковскаго отказаться отъ епископскихъ обязанностей. Низложеніе епископа есть дѣло весьма важное; я не могу произнести *разводъ* епископа съ его паствой иначе, какъ на основаніи каноническихъ причинъ и по формальному суду. Но я признаюсь вамъ, что виновность его мнѣ кажется недостаточно доказанною и обвиненія противъ него слишкомъ неопредѣленными. Конечно, онъ виноватъ въ несоблюденіи приличныхъ формъ, это я признаю; но какъ священникъ, онъ исполнялъ свою обязанность, и въ этомъ отношеніи онъ не можетъ быть порицаемъ".

„Въ такомъ случаѣ", отвѣчалъ нашъ уполномоченный, „ваше святѣйшество порицаете образъ дѣйствій всего остальнаго польскаго духовенства, потому что всѣ другіе епископы поспѣшили исполнить требованія правительства, и только одинъ Гутковскій находится въ постоянной систематической оппозиціи съ администраціей. Такое поведеніе не можетъ быть терпимо, и дурной примѣръ Подлясскаго епископа увлекъ бы, наконецъ, за собою и остальное духовенство и произвелъ бы смуты въ странѣ".

„Вы говорите", сказалъ папа, „о его сочувствіи къ революціонерамъ; но онъ возражаетъ противъ этого и утверждаетъ, что готовъ пролить кровь за своего государя".

„Столь многаго отъ него не требуется", возразилъ Фурманъ; „желаютъ только, чтобъ онъ своимъ примѣромъ не возбуждалъ вражды между духовенствомъ и правительствомъ".

„Пріидемте же наконецъ, къ заключенію",—сказалъ папа, прерывая вдругъ разговоръ,—„императоръ обращается ко мнѣ съ двумя весьма щекотливыми требованіями. Но во всякаго рода переговорахъ нужна извѣстная взаимность. Уступка съ одной стороны и никакихъ выгодъ съ другой, это несправедливо. У меня есть также много требованій въ отношеніи къ императору".

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой аудіенціи, нашъ посланникъ, всѣми способами стараясь ускорить ходъ дѣла о Гутковскомъ и объ утвержденіи Павловскаго архіепископомъ и другихъ кандидатовъ на епископскихъ каѳедрахъ, въ разговорѣ съ монсиньоромъ Каппачини, спросилъ его наконецъ: какого же надобно ожидать рѣшенія со стороны Римскаго двора? „Рѣшеніе Римскаго двора", отвѣчалъ монсиньоръ, „будетъ зависѣть отъ рѣшеній императора по всѣмъ другимъ вопросамъ, касающимся вообще положенія римско-католической церкви въ его владѣніяхъ" [1]). Справедливость этого мнѣнія вполнѣ подтвердили

[1]) Депеша Потемкина отъ $\frac{\text{25-го мая}}{\text{6-го іюня}}$ 1840 года.

приведенныя выше слова папы г. Фурману, простодушно объяснившія лукавую политику Римской куріи. Никакихъ существенныхъ препятствій, которыя могли бы смущать совѣсть папы, какъ выражалась Римская курія, не существовало ни въ отношеніи къ утвержденію архіепископа и епископовъ, ни въ отношеніи удаленія Гутковскаго отъ управленія Подляcскою епархіей. Римъ пользовался этими вопросами какъ орудіемъ для того, чтобы вынудить у русскаго правительства уступки по другимъ своимъ притязаніямъ.

Когда папа далъ нашему уполномоченному замѣтить, что онъ былъ бы не прочь исполнить желанія Русскаго императора, но въ томъ лишь случаѣ, если и ему будутъ сдѣланы уступки со стороны нашего правительства, г. Фурманъ отвѣчалъ, что онъ предвидѣлъ это замѣчаніе папы, и что императорскій кабинетъ уполномочилъ его дать удовлетворительные отвѣты на нѣкоторыя изъ требованій Римскаго двора.

Удовлетворенный этимъ отвѣтомъ, папа, не упоминая даже о Павловскомъ, заключилъ аудіенцію словами: „Дайте мнѣ время придумать способъ (mezzo-termine), чтобы заставить епископа Подлясскаго добровольно отказаться отъ епископскаго сана, потому что низложить его я, по совѣсти, не могу. Между тѣмъ продолжайте переговоры съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ. Этотъ старикъ немного брюзгливъ, но хорошая голова“.

Но съ этимъ *старикомъ* не такъ было легко вести переговоры, какъ съ самимъ Григоріемъ XVI. Уступки, на которыя соглашалось наше правительство, казались ему недостаточными, и онъ, не желая упустить изъ своихъ рукъ важное орудіе, затягивалъ дѣло объ епископахъ и предлагалъ съ своей стороны такія требованія, на которыя наше правительство не могло согласиться.

Между тѣмъ какъ Римъ затягивалъ дѣло о Гутковскомъ, наше правительство было вынуждено удалить его изъ епархіи и поручило капитулу выбрать администратора. Въ отвѣтъ на это капитулъ представилъ просьбу къ Римскому двору, испрашивая его разрѣшенія, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Онъ находилъ, что предложеніе правительства не можетъ быть исполнено, потому что епископъ Гутковскій подалъ прошеніе о своемъ увольненіи свѣтскому правительству, и что право посвящать за него священниковъ уже было предоставлено особымъ папскимъ бреве суффрагану его Левицкому. Это отношеніе было составлено въ такихъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ въ отношеніи къ нашему правительству, что, конечно, не

могло быть отправлено въ Римъ; но правительство рѣшилось представить кандидата на Подлясскую каѳедру, и дѣйствительно, представило въ послѣдствіи аббата Котовскаго. Между тѣмъ капитулъ тайными путями переслалъ копію съ своего прошенія въ Римъ. 7-го августа 1840 года, въ то время, когда нашъ посланникъ уѣхалъ изъ Рима во Флоренцію, кардиналъ Ламбрускини прислалъ въ наше посольство запечатанное письмо папы къ Подлясскому капитулу. Управлявшій дѣлами посольства графъ Штакельбергъ немедленно отправился къ кардиналу и выразилъ ему удивленіе, что вопреки принятымъ обычаямъ прислано запечатанное письмо, которое онъ не можетъ сообщить своему правительству, не зная его содержанія.

„Вы ошибаетесь“, съ горячностію отвѣчалъ кардиналъ; — „папа постоянно посылаетъ такъ свои отвѣты. Впрочемъ, вы можете поступать, какъ вамъ угодно“.

„Предоставилъ ли, по крайней мѣрѣ, папа право капитулу выбрать администратора?“

„Конечно, нѣтъ“, еще съ большею заносчивостью отвѣчалъ кардиналъ.

„Въ такомъ случаѣ папа, вѣроятно, назначаетъ викарія?“

„Въ этомъ письмѣ“, возразилъ кардиналъ, „папа дѣлаетъ распоряженія о временномъ управленіи епархіей, потому что каѳедра не вакантна, и епископъ возвратится туда“.

Графъ Штакельбергъ отвѣчалъ на это, что онъ можетъ увѣрить кардинала, что императоръ не измѣнитъ своего рѣшенія, и что русское правительство показало себя достаточно терпѣливымъ и великодушнымъ, употребляя, въ продолженіе пяти лѣтъ, всѣ возможные способы примиренія, чтобъ убѣдить епископа возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей.

„Въ этомъ письмѣ ничего нѣтъ противъ вашего правительства“, замѣтилъ, волнуясь все болѣе и болѣе, кардиналъ.

„Но по крайней мѣрѣ, назначаетъ ли святой отецъ старшаго изъ членовъ капитула для управленія епархіей?“ спросилъ Штакельбергъ.

Этотъ вопросъ, отвѣтъ на который долженъ былъ объяснить содержаніе письма, раздражилъ кардинала еще болѣе.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ; „святой отецъ поручилъ управленіе лицу, на которое указалъ ему епископъ, и онъ будетъ управлять до возвращенія этого епископа“.

И вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ кардиналъ началъ упрекать наше правительство за его будто бы гоненія на латинскую церковь. Шта-

кельбергъ выслушалъ его заносчивую рѣчь и заключилъ свиданіе съ кардиналомъ, объявивъ ему, что не отправитъ присланнаго письма, а о случившемся сообщитъ своему правительству [1]).

Какъ къ вопросу объ утвержденіи Павловскаго Могилевскимъ архіепископомъ Римскій дворъ придирался только для того, чтобы возбудить общій вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, такъ и по вопросу объ епископѣ Гутковскомъ ему хотѣлось на самомъ дѣлѣ завоевать себѣ право непосредственнаго сношенія съ латинскимъ духовенствомъ въ Имперіи и Царствѣ. Но не видя успѣховъ своихъ домогательствъ, ультрамонтанская партія, въ лицѣ Ламбрускини управлявшая политикою Римскаго двора, рѣшилась обнародовать аллокуцію 1842 года противъ Россіи. Эта аллокуція была составлена тайно и обнародована во время отсутствія нашего посланника. Потемкинъ отправился на встрѣчу великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ во Флоренцію. Готовясь обнародовать аллокуцію, кардиналъ статсъ-секретарь, наканунѣ его отъѣзда, сообщилъ ему также, что представленные русскимъ правительствомъ кандидаты на епископскія каѳедры — Гольдманъ, Лубенскій и Котовскій, не могутъ быть утверждены папою. Причины отказа были объяснены въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, именно, что папа получилъ о нихъ самыя грустныя извѣстія; относительно Лубенскаго было прибавлено, что онъ, состоя при Краковскомъ капитулѣ, никогда тамъ не живетъ и занимается банкирскими оборотами, а о Гольдманѣ, что сверхъ другихъ прискорбныхъ свѣдѣній, папа извѣстился, что онъ не затрудняется благословлять браки между лицами разныхъ исповѣданій, безъ соблюденія условій, требуемыхъ латинскою церковью.

Получивъ это извѣстіе, канцлеръ нашъ отнесся съ слѣдующею депешею къ управлявшему нашимъ посольствомъ въ Римѣ г. Кривцову, уполномочивъ его сообщить ее и кардиналу статсъ-секретарю: „Въ числѣ упрековъ нашему правительству Римскій дворъ постоянно указываетъ на незамѣщеніе епископскихъ каѳедръ и между тѣмъ отказываетъ въ утвержденіи вдругъ тремъ представленнымъ нами кандидатамъ. Мы не хотимъ входить въ пререканія, доказывать неприличіе и несправедливость подобнаго образа дѣйствій и выставлять, до какой степени оскорбителенъ отказъ, основанный на пошлыхъ, случайно приведенныхъ обвиненіяхъ; но святой престолъ позволитъ намъ выразить соображенія, относящіяся къ самой сущности дѣла, о которомъ

[1]) Депеша графа Штакельберга отъ $^{8}/_{21}$-го августа 1840 года; отношеніе графа Нессельроде отъ 1-го мая 1843 года.

идетъ рѣчь. Свѣдѣнія, на основаніи которыхъ онъ рѣшился безпощадно, безъ изслѣдованія и противно всѣмъ началамъ справедливости, безчестить трехъ прелатовъ, достойныхъ какъ по ихъ личнымъ свойствамъ, такъ и по довѣренности къ нимъ государя, могли быть почерпнуты только изъ двухъ источниковъ: они или доставлены прямо изъ Польши тайными путями, въ чемъ, конечно, не можетъ признаться папское правительство, или собраны отъ польскихъ эмигрантовъ, находящихся за границей. Что касается до перваго источника, то намъ непріятно думать, что Римскій дворъ можетъ прибѣгать къ такимъ средствамъ. Впрочемъ, это вопросъ до такой степени щекотливый, что не можетъ быть и предметомъ совѣщаній, и конечно, папскій кабинетъ, чтобы сохранить свое достоинство, по необходимости долженъ будетъ отвѣчать намъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Итакъ, стало-быть, только отъ польскихъ выходцевъ, открытыхъ враговъ русскаго правительства и монархическихъ началъ, его святѣйшество получаетъ свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ Польшѣ; на ихъ ложныхъ извѣстіяхъ и клеветахъ основывается Римская курія въ своемъ судѣ о людяхъ, заслужившихъ довѣріе и уваженіе императорскаго правительства. Если Римскій дворъ, къ несчастію, имѣетъ слабость слишкомъ благосклонно поддаваться коварнымъ внушеніямъ агентовъ революціонной пропаганды, которые злоупотребляютъ его довѣрчивостію, то мы полагаемъ, что онъ пойметъ, по крайней мѣрѣ, что обвиненія, проистекающія изъ такого нечистаго источника, не могутъ имѣть никакого значенія въ глазахъ императорскаго правительства, и что мы съ презрѣніемъ отвергаемъ ихъ. Поэтому, не позволяя себѣ унизиться до того, чтобъ опровергать неопредѣленныя и пошлыя обвиненія, относительно которыхъ Римскій дворъ даже не извѣстилъ насъ, кѣмъ именно они доведены до его свѣдѣнія, мы хотимъ сообщить ему нѣкоторыя достовѣрныя извѣстія, которыя доставятъ ему возможность исправить свой взглядъ на дѣло и докажутъ ложность и недобросовѣстность извѣстій, полученныхъ имъ относительно трехъ вышеупомянутыхъ прелатовъ".

Относительно Лубенскаго нашему правительству было весьма легко разрушить предубѣжденія папы; ибо послѣдній, легкомысленно довѣряя всякому слуху, смѣшалъ того Лубенскаго, котораго представляли кандидатомъ на епископскую каѳедру, съ его братьями, дѣйствительно рѣдко находившимися въ Краковѣ и занимавшимися банкирскими оборотами. Но препятствіемъ къ утвержденію Гольдмана Римскій дворъ снова выставлялъ неразрѣшимый вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ.

„Неумѣстно при этомъ случаѣ“, — писалъ канцлеръ къ нашему посланнику въ вышеприведенной нотѣ,—„входить въ разсмотрѣніе щекотливаго вопроса о смѣшанныхъ бракахъ, составлявшаго въ разныя времена предметъ пререканій Римскаго двора со многими иностранными правительствами; но мы не можемъ не выразить желанія, чтобъ этотъ вопросъ однажды и навсегда былъ устраненъ. Весьма желательно, чтобы теперешній папа, по примѣру своихъ предшественниковъ, ограничился представленіемъ, со стороны латинскихъ священниковъ, брачущимся словеснаго *желанія,* чтобы дѣти отъ такихъ браковъ воспитывались въ латинскомъ исповѣданіи. Римскій дворъ долженъ знать, что латинское духовенство, въ отношеніи къ вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, не можетъ дѣйствовать противъ законовъ того государства, къ которому оно принадлежитъ по подданству; онъ долженъ также знать, что мы, съ своей стороны, не можемъ сдѣлать уступки по этому вопросу безъ ущерба постановленіямъ господствующей церкви, которыя никакъ не могутъ быть согласованы съ притязаніями папы. Всякій споръ по этому вопросу будетъ совершенно безполезенъ, и не приведя ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ, будетъ волновать только миръ церкви и спокойствіе совѣсти“.

Наше правительство въ это время было поставлено вообще въ затруднительное положеніе при выборѣ кандидатовъ на римско-католическія епископскія каѳедры. Почти все латинское духовенство въ Имперіи и Царствѣ принимало участіе въ польскомъ мятежѣ. Естественно, что правительство не могло избирать кандидатовъ изъ лицъ, явно ему враждебныхъ; между тѣмъ новое, такъ-сказать, поколѣніе прелатовъ, которое оно надѣялось приготовить въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ для латинскаго духовенства, и особенно въ С.-Петербургской академіи, было еще немногочисленно. Съ другой стороны, дѣйствія папскаго двора, явно покровительствовавшаго враждебнымъ правительству епископамъ, какимъ, напримѣръ, былъ Гутковскій, и отказывавшаго въ утвержденіи въ епископскомъ званіи именно тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя или раскаялись въ послѣдствіи въ своемъ сочувствіи мятежу, или вовсе не принимали въ немъ участія, естественно наводили наше правительство на мысль, что папскій дворъ находится подъ вліяніемъ польскихъ мятежниковъ, и особенно эмигрантовъ. Къ числу прелатовъ, не утвержденныхъ Римомъ, принадлежалъ и прелатъ Гольдманъ, который, какъ Нѣмецъ по происхожденію, не только самъ не принималъ участія въ мятежѣ, но своимъ вліяніемъ сохранилъ вѣрными русскому правительству всѣ нѣмецкія колоніи въ царс

скомъ. Далѣе, высказанную выше мысль о тѣхъ вліяніяхъ, которымъ подчинялся Римскій дворъ, еще болѣе подтверждалъ отказъ папы утвердить епископомъ аббата Котовскаго. Въ лицѣ Котовскаго русское правительство представляло на папское утвержденіе кандидата, извѣстнаго безукоризненнымъ поведеніемъ, человѣка образованнаго, обладавшаго даромъ проповѣдничества и за свою дѣятельность по учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ царства Польскаго неоднократно заслуживавшаго письменные одобрительные отзывы со стороны самого Римскаго престола. Римскій дворъ, объявляя нашему посланнику объ отказѣ папы утвердить Котовскаго въ епископскомъ санѣ, не объяснилъ причинъ этого отказа. Но какія же дѣйствительно причины могли побудить папу къ такому поступку? Останавливаясь передъ этимъ вопросомъ, наше правительство сочло нужнымъ собрать новыя свѣдѣнія о Котовскомъ, которыя и сообщило нашему посланнику въ Римѣ. „Справедливо", писалъ нашъ канцлеръ, „что онъ увлекался заблужденіями возстанія 1830 года.; говорятъ даже, что своими проповѣдями онъ поддерживалъ это настроеніе. Это обстоятельство мы не скрывали однакожь отъ Рима; но въ это злополучное время весьма немногія изъ духовныхъ лицъ не поддались общему стремленію. Зато въ настоящее время онъ имѣлъ мужество публично разорвать связи съ революціонерами. При обстоятельствахъ важныхъ, когда Государь Императоръ по политическимъ соображеніямъ желалъ воздвигнуть памятникъ въ воспоминаніе польскихъ офицеровъ, которые пали жертвою своей преданности престолу, необходимо было, чтобы церковь не только освятила этотъ надгробный памятникъ, но чтобы въ рѣчи, произнесенной лицемъ, достойнымъ уваженія, было объяснено его значеніе. Аббатъ Котовскій, возвратясь къ чувствамъ, болѣе достойнымъ того церковнаго сана, которымъ онъ былъ облеченъ, вызвался произнести проповѣдь. Князь Варшавскій увѣдомилъ насъ, что въ числѣ его слушателей находилось весьма много лицъ, занимавшихъ важныя должности во время революціи, и множество народа, увлеченнаго ими къ участію въ ней. И не смотря на то, Котовскій имѣлъ мужество порицать преступленія возмутителей и представлять, какъ примѣръ для подражанія будущимъ поколѣніямъ, тѣхъ воиновъ, которые смертію запечатлѣли вѣрность знамени своего государя. Именемъ Всевышняго онъ порицалъ заблужденіе, обуявшее страну, и доказывалъ, что за всѣ благодѣянія, оказанныя ей Русскими монархами, она осмѣлилась поднять святотатственную руку на права, дарованныя Государю отъ Бога. Онъ говорилъ, что самъ Христосъ предпи-

салъ повиноваться земнымъ царямъ, и напоминалъ, что папа въ своей буллѣ осудилъ революцію, и что Поляки должны раскаяніемъ начать обращеніе къ своимъ обязанностямъ. Эта проповѣдь произвела сильное впечатлѣніе, потому что проповѣдникъ говорилъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, а этого-то именно и не могутъ простить ему революціонеры всѣхъ оттѣнковъ. Князь Варшавскій сильно настаиваетъ на томъ, чтобы Котовскій былъ утвержденъ, какъ человѣкъ истинно преданный правительству, притомъ въ такой епархіи, въ которой былъ епископомъ Гутковскій. Онъ увѣренъ, что Римскій дворъ не можетъ ни въ чемъ укорить аббата: ему не случалось даже благословлять смѣшанные браки. Сверхъ того нельзя упускать изъ виду, что по какому бы поводу Римскій дворъ ни отказалъ утвердить епископомъ Котовскаго, всѣ, и духовные, и свѣтскіе, припишутъ это именно той проповѣди, которую Котовскій произнесъ на Саксонской площади. Такое мнѣніе, разъ пущенное въ ходъ, а это непремѣнно случится, расторгнетъ всѣ связи между духовенствомъ и правительствомъ, возбудитъ ненависть, лишитъ правительство всякой возможности сохранить вліяніе на духовенство, и такъ-сказать, узаконитъ его политическую оппозицію правительству".

Получивъ наставленія правительства, нашъ уполномоченный приступилъ къ переговорамъ съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ и выразилъ мысль, что дѣйствія папскаго двора вынуждаютъ наше правительство предположить, что Римъ ведетъ съ нами переговоры съ предвзятымъ намѣреніемъ не соглашаться ни на какія предложенія и отказывать по всѣмъ требованіямъ. Понявъ, къ чему клонится эта рѣчь, кардиналъ Ламбрускини поспѣшилъ прервать ее заявленіемъ, что вовсе не таковы намѣренія папы, что онъ ничего не желаетъ болѣе, какъ устранить всѣ возникшія затрудненія, и лично всегда готовъ оказать содѣйствіе къ миролюбивому разрѣшенію всякаго вопроса. „Что же касается до отказа папы дать каноническое утвержденіе представленнымъ отъ русскаго правительства кандидатамъ на епископскія каѳедры", говорилъ кардиналъ „то это зависѣло отъ тѣхъ сомнѣній совѣсти (scrupules de conscience), которыя помѣшали святому отцу устроить это дѣло согласно съ видами вашего двора, не убѣдившись положительно и несомнѣнно, что предложенныя лица дѣйствительно достойны получить высокій санъ епископа и способны исполнять сопряженныя съ нимъ обязанности. Если русское правительство можетъ сообщить намъ такія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ, которыя могли бы успокоить совѣсть папы, то оно не можетъ и сомнѣваться въ благопріят-

него рѣшеніи этихъ вопросовъ“. Воспользовавшись этимъ заявленіемъ кардинала Ламбрускини, нашъ уполномоченный прочелъ ему приведенную нами ноту графа Нессельрода объ епископахъ. „Кардиналъ Ламбрускини“, — доносилъ потомъ нашему правительству Кривцовъ (который все еще продолжалъ управлять дѣлами русскаго посольства въ Римѣ за отсутствіемъ посланника г. Потемкина),—„выслушавъ это чтеніе, отвѣчалъ на тѣ слова ноты, въ которыхъ выражался взглядъ на вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, что это дѣйствительно вопросъ чрезвычайно щекотливый, и что папа Пій VIII въ разрѣшеніи его дошелъ до крайняго предѣла, который доступенъ Римскому первосвященнику. На все, что ни дѣлается въ тихомолку въ разныхъ государствахъ, папское правительство закрываетъ глаза, не будучи непосредственно вызвано къ участію въ дѣлѣ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно не можетъ отказаться отъ своихъ началъ, отъ своихъ правилъ“.

„Если вы уже говорите о правилахъ“, возразилъ Кривцовъ, „то я долженъ замѣтить вамъ, что силу тѣхъ же самыхъ правилъ соблюдаемъ и мы. Законъ гражданскій въ этомъ случаѣ только оберегаетъ и защищаетъ законъ церковный, и греческая церковь, такъ же какъ римская, не можетъ дѣлать уступокъ въ этомъ случаѣ, потому что соблюдаемыя ими правила проистекаютъ изъ одного и того же источника, изъ религіозныхъ вѣрованій, а потому нѣтъ никакой возможности установить какое-нибудь опредѣленное правило въ ущербъ тому или другому исповѣданію, но слѣдуетъ согласиться на какое-нибудь практическое средство, которое давало бы обѣимъ церквамъ возможность жить мирно другъ возлѣ друга“.

Въ отвѣтъ на это кардиналъ указалъ на то, какъ легко удалось ему разрѣшить этотъ вопросъ съ австрійскимъ правительствомъ.

„Но это потому“, замѣтилъ Кривцовъ, „что это правительство римско-католическаго исповѣданія, и вмѣсто того, чтобы вести переговоры, обѣ стороны въ этомъ случаѣ стремились къ одной цѣли — изыскать способъ разрѣшить возникшій вопросъ“.

„Но я надѣюсь“, продолжалъ кардиналъ, „что рѣшеніе удовлетворило обѣ стороны“.

„Потому развѣ“, замѣтилъ Кривцовъ, „что одна сторона находится въ ущербѣ относительно другой“.

„Вы упрекаете насъ, и не безъ основанія, что получаемыя нами свѣдѣнія часто невѣрны и преувеличены. Конечно, русское правительство имѣетъ причины говорить, что оно имѣетъ болѣе средствъ знать истину; но и его святѣйшество строго разбираетъ и оцѣниваетъ

получаемыя имъ свѣдѣнія. Но это неудобство, мнѣ кажется, очень легко можетъ быть устранено, если вашъ кабинетъ согласится принять папскаго посланника“.

Вѣрный той политикѣ, которой въ это время держался Римскій дворъ въ отношеніи къ Россіи, кардиналъ статсъ-секретарь къ вопросу объ епископахъ не преминулъ присоединить общій вопросъ о постоянномъ папскомъ легатѣ при нашемъ дворѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не сознаться, хотя отчасти, въ несостоятельности тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ папскій дворъ получаетъ свои свѣдѣнія. Въ Римѣ невозможно было утаивать всѣмъ извѣстный фактъ, что какъ лично къ папѣ, такъ и въ его канцеляріи стекалось множество извѣстій, препровождаемыхъ различными способами изъ Польши и отъ польской эмиграціи. Папскій дворъ, постоянно предъявлявшій притязаніе на право сноситься непосредственно съ римскими католиками, и особенно съ духовенствомъ, русскими подданными, охотно принималъ всѣ эти извѣстія, и будучи враждебно настроенъ противъ нашего правительства, охотно вѣрилъ имъ. Въ доказательство тому мы приведемъ разказъ одного изъ польскихъ агентовъ, графа Замойскаго, обнародованный однимъ ревностнымъ защитникомъ папской политики и относящійся къ событіямъ 1837 года:

„На другой день послѣ моего пріѣзда“, пишетъ Замойскій, „меня принялъ кардиналъ Ламбрускини и сказалъ мнѣ, что святой отецъ приметъ меня на слѣдующій день. Меня снабдили свѣдѣніями и нѣкоторыми документами о явномъ преслѣдованіи католичества въ Польшѣ. Мнѣ даже было передано однимъ изъ моихъ соотечественниковъ, пріѣхавшимъ изъ Польши, для доставленія папѣ, письмо одного изъ замѣчательныхъ нашихъ епископовъ, Гутковскаго, который вскорѣ былъ прогнанъ изъ своей епархіи Подлясской. Григорій XVI прочелъ это письмо съ сильнымъ волненіемъ и сейчасъ же разказалъ мнѣ его содержаніе. Епископъ жаловался святому отцу, что русскія власти безпрерывно обращаются къ нему съ словесными и даже письменными требованіями, препятствующими ему исполнять пастырскія его обязанности, угрожая притомъ, что его сопротивленіе свѣтскимъ властямъ заслужитъ и порицаніе святаго отца. Папа не скрылъ своей горести. „Что же я могу сдѣлать“, сказалъ онъ, „противъ правительства, которое угрожаетъ отомстить на моихъ польскихъ духовныхъ дѣтяхъ, если я не посовѣтую имъ покорность? Кто не знаетъ, что покорность установленной власти есть одно изъ предписаній церкви? Я, кажется, въ правѣ напомнить Полякамъ объ этой покорности, чтобы по крайней

мѣрѣ отсрочить насильственныя дѣйствія врага, но конечно, я не имѣю намѣренія ни порицать, ни упрекать тѣхъ изъ моихъ дѣтей или моихъ дорогихъ епископовъ, которые исполняютъ свой долгъ, противодѣйствуя мѣрамъ, клонящимся къ ущербу для правъ и выгодъ религіи. Но какъ я могу это объяснить имъ, когда всякія непосредственныя сношенія воспрещены?..“

„Я предложилъ папѣ, если онъ только довѣряетъ мнѣ, надежнымъ способомъ доставить по крайней мѣрѣ отвѣтъ его на это письмо епископу Подлясскому. Святой отецъ обѣщалъ мнѣ этотъ отвѣтъ. Его чрезвычайно заняло мое описаніе того состоянія, въ какомъ находятся католики въ Польшѣ; онъ поручилъ мнѣ передать эти свѣдѣнія, съ присовокупленіемъ доказательствъ, кардиналу статсъ-секретарю и велѣлъ мнѣ явиться къ нему самому чрезъ нѣсколько дней.

„Чрезъ нѣсколько дней я получилъ изъ рукъ папы уже приготовленное письмо къ епископу Подлясскому, которое онъ по своей благосклонности прочелъ мнѣ при этомъ случаѣ. Цѣль этого письма заключалась въ томъ, чтобъ утѣшить и подкрѣпить епископа увѣреніемъ, что святой отецъ полагается на его вѣрность и преданность въ защитѣ интересовъ церкви.

„Послѣ этого я осмѣлился сказать ему, что точно такую же горесть, какую выразилъ ему епископъ, почувствовала вся Польша по случаю его апостольскаго посланія къ польскимъ епископамъ въ іюнѣ 1832 года. Я узналъ въ Римѣ, что даже нѣкоторые изъ важныхъ членовъ священной коллегіи позволили себѣ упрекать папу за его посланіе къ польскимъ епископамъ. Одинъ изъ нихъ, патріархъ Іерусалимскій, престарѣлый прелатъ, открыто порицалъ въ консисторіи это посланіе и сказалъ папѣ: „Распространились слухи, что на милліоны католиковъ, особенно уніатскаго обряда, дѣйствуютъ угрозами и обольщеніями. Надобно опасаться, чтобъ они, оскорбленные въ самыхъ дорогихъ своихъ привязанностяхъ, не ослабли въ борьбѣ. Потеря этихъ душъ и многочисленныхъ поколѣній, которыя, быть можетъ, за ними послѣдуютъ, ляжетъ на вашу отвѣтственность, святой отецъ, потому что вы имѣли несчастіе подписать это апостольское посланіе“. Все это дало мнѣ смѣлость выразить папѣ все, что я чувствовалъ, но въ то же время моя сыновняя преданность его священной особѣ побудила меня заявить ему съ полною довѣренностію, что всѣ Поляки, такъ же какъ и я, были глубоко огорчены, когда, защищая свои права и исполняя свой долгъ, заслужили его порицаніе. Григорій XVI былъ видимо смущенъ; на его глазахъ показались слезы;

онъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ, съ нѣжностію взялъ меня за плечи, и смотря на меня взглядомъ, выражавшимъ упрекъ, живо произнесъ: „Но я никогда васъ не порицалъ. Я васъ не понялъ тогда, это правда, но вы сами, во время вашей борьбы, не позаботились сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія. Да, я былъ обманутъ въ отношеніи къ вамъ; мои ближайшіе совѣтники, къ которымъ я не могъ не питать довѣрія, были сами обмануты и меня ввели въ заблужденіе. Я оплакивалъ ваши несчастія, но наконецъ вы были побѣждены, для васъ казалось все конченнымъ, оставалось лишь спасать вѣру отъ раздраженнаго побѣдителя. Меня поколебали угрозы, я страшился преслѣдованій, которыя могли бы постигнуть васъ и еще болѣе отяготили бы ваше положеніе. Я уступилъ настоятельному требованію (à une véritable sommation); мнѣ объявили, что сейчасъ же всѣ польскіе епископы будутъ сосланы въ Сибирь, если я не обращусь къ нимъ съ внушеніемъ о повиновеніи. Я спрашивалъ самого себя: что̀ станется съ вашею несчастною націей, безъ пастырей и столь удаленною отъ меня, что ея голосъ давно уже не доходилъ до меня? По совѣсти, я полагалъ, что могу и долженъ, въ виду такой опасности, согласиться произнести, въ видѣ уступки, нѣсколько словъ къ вашимъ епископамъ и напомнить имъ то, что̀ заповѣдали апостолы христіанамъ, и что̀ церковь считаетъ правиломъ, то-есть, что христіанинъ не по страху только, но по совѣсти, обязанъ повиноваться установленнымъ властямъ; но я однако же не упустилъ прибавить, что *эти власти ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права предписывать ничего противнаго законамъ божественнымъ и церковнымъ*".

„Въ это время папа отперъ свой письменный столъ и вынулъ изъ ящика печатный экземпляръ апостольскаго посланія, на которомъ были подчеркнуты его рукою тѣ слова, которыя онъ сказалъ. Потомъ онъ продолжалъ: „Что же еще нужно было для вашей совѣсти? Права церкви и вѣры не были ли достаточно попраны въ то время, когда пришло къ вамъ мое посланіе? Но если, съ одной стороны, я могу сожалѣть о томъ, что иногда забывалъ о васъ, потому что вы сами не доставляли мнѣ необходимыхъ свѣдѣній, то съ другой стороны я имѣю право, быть можетъ, и васъ упрекнуть, что вы не съ должнымъ вниманіемъ читали мое посланіе и не замѣтили даже той медленности, съ которою я рѣшился писать, уступая настояніямъ". „Я чувствовалъ себя счастливымъ, слушая эти отеческія увѣренія; я былъ тронутъ грустью и вниманіемъ, съ которыми говорилъ папа, и спросилъ его: уполномочиваетъ ли онъ меня повторить

то, чтò я слышалъ, моимъ соотечественникамъ, и прибавилъ, что такія объясненія были бы для нихъ великимъ утѣшеніемъ и придали бы имъ силу, необходимую, можетъ-быть, при предстоящихъ еще имъ испытаніяхъ. Григорій XVI уполномочилъ меня, прибавивъ: „Но въ этомъ отношеніи вы будете поступать осторожно".

„Шесть мѣсяцевъ спустя, письмо, которое мнѣ далъ папа, принесло свои плоды. Епископъ Подлясскій имѣлъ смѣлость спросить папу: какъ долженъ онъ понимать его приказаніе подчиняться правительству, управлявшему Польшею, приказаніе, на которое это правительство постоянно ссылалось, предполагая, что его противодѣйствіе разрушительнымъ противъ церкви мѣрамъ въ его епархіи составляетъ явное неповиновеніе прямо и письменно выраженному предписанію папы. Тайное поощреніе и благословеніе святаго отца придали епископу новыя силы. Выведенный изъ терпѣнія, онъ рѣшился даже обнародовать самое письмо папы. Князь Паскевичь, намѣстникъ, пересталъ съ тѣхъ поръ обращаться къ епископу съ требованіями, осыпалъ упреками Римъ за тайную переписку папы съ польскими епископами, и немного спустя, уговорилъ императора Николая выслать Подлясскаго епископа, дозволивъ ему окончить свою жизнь въ австрійской Польшѣ".

Приведя этотъ разказъ Замойскаго, аббатъ Лескёръ говоритъ: „Справедливость этого разказа молча, но знаменательно подтвердилъ потомъ самъ Римъ. Энциклика Григорія XVI не включена въ буллярій этого папы. Безъ сомнѣнія, Римскій дворъ этимъ поступкомъ не отказывался отъ правилъ, проповѣдуемыхъ церковью о повиновеніи установленнымъ властямъ въ той мѣрѣ, въ какой это повиновеніе не нарушаетъ правъ совѣсти. Но въ то же время этимъ исключеніемъ онъ явно показалъ, что признаетъ ничтожнымъ актъ, вырванный насиліемъ на основаніи ложныхъ свѣдѣній, которыя совершенно въ превратномъ видѣ представили передъ глазами первосвященника польское возстаніе" [1]).

Нѣтъ нужды доискиваться, дѣйствительно ли въ подобныхъ выраженіяхъ Григорій XVI бесѣдовалъ съ Замойскимъ, или послѣдній, можетъ-быть, нѣсколько разукрасилъ рѣчь папы. Дѣло не въ выраженіяхъ, а въ фактахъ, на которые совершенно вѣрно указалъ папа. Онъ, дѣйствительно, долго упорствовалъ написать посланіе къ польскимъ епископамъ и рѣшился на то, лишь уступая настояніямъ нашего правительства, и уже тогда, когда польское возстаніе было со-

[1]) *L. Lescoeur*, L'église catholique en Pologne sous le gouvernement russe. Paris, 1860; стр. 35 — 60.

вершенно подавлено. Варшава была взята 8-го сентября 1831 года, а папская энциклика помѣчена лишь 9-мъ іюня 1832 года.

Находясь подъ такимъ вліяніемъ, Римскій дворъ, конечно, не могъ сознаться въ этомъ; желая доказать, что получаемыми имъ извѣстіями онъ пользуется съ разборомъ и въ то же время безпристрастно оцѣниваетъ и свѣдѣнія, сообщаемыя ему нашимъ правительствомъ, кардиналъ статсъ-секретарь, черезъ мѣсяцъ послѣ описанныхъ нами переговоровъ съ Кривцовымъ, сообщилъ нашему посольству, что папа рѣшился утвердить епископами Гольдмана и Лубенскаго, но снова отказалъ въ утвержденіи Котовскому, о которомъ наиболѣе хлопотало наше правительство, и котораго ненавидѣли польскіе мятежники, как человѣка вообще преданнаго правительству, и особенно за проповѣдь на Саксонской площади.

На другой же день Кривцовъ отправился къ кардиналу Ламбрускини. „Я спросилъ его",—доносилъ онъ нашему правительству,—„не вкралось ли какой ошибки въ то сообщеніе, которое я получилъ? Изслѣдовавъ всѣ обстоятельства дѣла въ отношеніи къ Котовскому, я нашелъ такіе документы въ его пользу, что онъ представляется гораздо болѣе достойнымъ получить высокій санъ епископа, нежели два другіе его товарища. Я показалъ кардиналу папскія бреве къ аббату Котовскому, изъ которыхъ одно было подписано имъ самимъ, и также аттестатъ, данный ему покойнымъ архіепископомъ Хроманскимъ; притомъ я замѣтилъ, что невѣроятно, чтобы человѣкъ, который велъ себя примѣрно въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, вдругъ сталъ поступать предосудительно, и наконецъ, я объяснилъ причины, по которымъ наше правительство особенно желаетъ утвержденія Котовскаго въ епископскомъ санѣ.

„Кардиналъ, казалось, былъ очень смущенъ, и не зная, что̀ отвѣчать, просилъ меня изложить въ особой запискѣ все, что̀ я говорилъ: „Я ничего тутъ не понимаю и ничего не могу сказать противъ тѣхъ документовъ, которые вы мнѣ показали. Я знаю только, что новыя свѣдѣнія, полученныя святымъ отцемъ, не позволяютъ ему дѣйствовать въ пользу Котовскаго. Мнѣ показалось, что кардиналъ былъ даже оскорбленъ тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ".

Это, конечно, могло такъ показаться нашему дипломатическому агенту, но едва-ли не было такъ же ошибочно, какъ и увѣренность Кривцова, что кардиналъ Ламбрускини одушевленъ самыми миролюбивыми желаніями въ отношеніи къ намъ. Онъ совѣтовалъ даже оставить дѣло Котовскаго, чтобы не поколебать этихъ миролюбивыхъ

желаній, и даже принять папскаго нунція. Быть можетъ, — хотя и то крайне сомнительно, — кардиналъ статсъ-секретарь просто забылъ о существованіи тѣхъ документовъ, которыя представилъ ему Кривцовъ, и съ разу не нашелся объяснить ихъ значеніе. Но чтобы всемогущій министръ папы Григорія XVI, полновластно заправлявшій всѣми дѣлами, не зналъ настоящихъ причинъ, побудившихъ Римскій дворъ не утвердить аббата Котовскаго въ санѣ епископа, это уже совершенно невѣроятно. Однако весьма понятно, что кардиналъ Ламбрускини считалъ неудобнымъ объяснить эти темныя причины, а тѣмъ болѣе второстепенному дипломатическому агенту. Гораздо легче было сослаться на свое невѣдѣніе и на совѣсть папы, особенно въ виду такого собесѣдника, который охотно этому повѣрилъ. Между тѣмъ, когда Кривцовъ, по порученію кардинала, изложилъ въ особой запискѣ всѣ выраженныя имъ при личныхъ переговорахъ соображенія, самъ Ламбрускини отвѣчалъ ему немедленно, кратко и съ нѣкоторою ироніей, а именно: Архіепископъ Варшавскій далъ хорошій аттестатъ Котовскому для полученія ученой степени доктора, по поводу этого аттестата и состоялось папское бреве. Но документы, достаточные для того, чтобы получить степень доктора, еще недостаточны для того, чтобы получить санъ епископа. Поэтому папа долженъ былъ собрать новыя свѣдѣнія, изъ которыхъ оказалось, что Котовскій имѣетъ лишь одно достоинство—даръ краснорѣчія. Но на одномъ этомъ основаніи нельзя сдѣлать его епископомъ.

Затѣмъ, при свиданіи съ нашимъ дипломатомъ, кардиналъ увѣрилъ его, что папа долго колебался между желаніемъ сдѣлать угодное императору и долгомъ совѣсти. „Я надѣюсь“, прибавилъ онъ, „что вашъ дворъ не припишетъ этотъ поступокъ недоброжелательству папы. Ему весьма прискорбно, что въ этомъ случаѣ онъ не можетъ исполнить желаній императора, и онъ надѣется, что его величество по своему правосудію и справедливости пойметъ трудное положеніе главы церкви и не будетъ насиловать совѣсть папы“.

На замѣчаніе Кривцова, что лица, доставившія свѣдѣнія папѣ о Котовскомъ, сами могли быть введены въ заблужденіе, онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отвѣчалъ: „Я самъ именно это замѣчаніе сдѣлалъ святому отцу, и вотъ какой получилъ отъ него отвѣтъ: „Императоръ самъ удивился бы, если бы узналъ то лице, которое сообщило мнѣ свѣдѣнія, и никакъ не отказалъ бы ему въ довѣріи“. Повѣрьте, что святой отецъ рѣшился на такой поступокъ по глубокому убѣжденію, тщательно сообразивъ всѣ возможныя отъ него по-

слѣдствія. Лишь только представилась малѣйшая возможность сдѣлать угодное императору, вы видѣли, что онъ поспѣшилъ сдѣлать", Кардиналъ намекалъ на утвержденіе папою Гольдмана и Дубенскаго, и около того же времени была принята Римомъ отставка Гутковскаго.

Въ послѣдствіи Кривцовъ увѣдомлялъ даже, что ему будто бы удалось узнать настоящую причину, побудившую папу отказать въ утвержденіи епископомъ аббата Котовскаго: это была „слабохарактерность этого прелата, вслѣдствіе которой онъ сталъ бы слѣпо исполнять всѣ предписанія правительства, которыя могли быть въ явномъ противорѣчіи съ предписаніями латинской церкви и съ ея коренными законами. Подъ вліяніемъ этой мысли,—продолжаетъ нашъ дипломатъ, — святой отецъ боится облечь обширными правами лице, пользующееся извѣстностію по своимъ способностямъ, но въ которомъ онъ не увѣренъ, и которое могло бы въ послѣдствіи поставить Римскій дворъ въ затруднительное положеніе. Это свѣдѣніе, полученное мною изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣріе, я считаю основательнымъ, потому что оно объясняетъ какъ нерасположеніе Рима къ посвященію Котовскаго, такъ равно и невозможность объявить причину отказа". Не можетъ подлежать и сомнѣнію, что именно такова была причина, по которой Римъ не хотѣлъ утвердить этого прелата; но несомнѣнно и то, что мнѣніе о его безхарактерности составилось подъ вліяніемъ польскихъ революціонеровъ, которые особенно не могли простить Котовскому проповѣдь его на Саксонской площади.

Въ продолженіе того же времени, когда шли переписка и переговоры о Котовскомъ, наше посольство извѣстилось, что Римскій дворъ пріостановилъ каноническій процессъ о епископѣ въ Минскую епархію. Рава былъ представленъ нашимъ правительствомъ на утвержденіе въ епископскомъ санѣ по предварительномъ соглашеніи съ Римомъ. Его каноническій процессъ былъ начатъ давно, всѣ требуемыя Римомъ свѣдѣнія были доставлены. Когда нашъ посланникъ спросилъ о причинѣ остановки процесса, кардиналъ статсъ-секретарь отвѣчалъ обычнымъ выраженіемъ: „До папы дошли прискорбныя извѣстія о Равѣ". Въ то же время изъ пропаганды было прислано запечатанное письмо на имя Равы. Въ этомъ письмѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, осыпали прелата упреками за его будто бы дружелюбныя отношенія къ православному епископу. Конечно, и подобныя извѣстія могли, въ глазахъ Римскаго двора, бросить тѣнь на латинскаго прелата, обязаннаго быть нетерпимымъ до фанатизма, чтобы заслужить особенную благосклонность Римской куріи; но едва-ли это не было простою при-

диркою. Римъ не хотѣлъ утвердить епископомъ Раву по той же причинѣ, по которой отвергалъ Гентиллу, то-есть, потому что императорскіе указы о ихъ назначеніи на управленіе епархіями состоялись прежде каноническаго ихъ утвержденія папою.

Получивъ извѣстія о такихъ дѣйствіяхъ папскаго двора въ отношеніи къ вопросу объ епископахъ, наше правительство оказалось въ крайне затруднительномъ положеніи. Ему предстояло выбрать одно изъ двухъ рѣшеній. Первымъ изъ нихъ было бы вовсе не представлять кандидатовъ на епископскія каѳедры и такимъ образомъ придать вѣроятность той клеветѣ, которую распускали Поляки, что русское правительство умышленно не замѣщаетъ епископскихъ каѳедръ, чтобъ удобнѣе достигнуть своей цѣли, то-есть, совершеннаго уничтоженія латинской церкви въ предѣлахъ Имперіи. На клевету Поляковъ русское правительство, безъ сомнѣнія, не обратило бы и вниманія; но то же самое обвиненіе повторялъ и Римскій дворъ, смущая совѣсть и волнуя русскихъ подданныхъ латинскаго исповѣданія. Другимъ исходомъ для русскаго правительства было безусловно принимать на епископскія каѳедры въ предѣлахъ Имперіи и царства Польскаго всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ папскому престолу заблагоразсудится назначить, то-есть, пожертвовать въ угоду Рима своею самостоятельностію и поставить себя въ зависимыя отношенія къ папскому двору.

Таково дѣйствительно и было тайное стремленіе папской политики. Не только въ отношеніи къ Россіи, но и повсюду, во всѣхъ государствахъ, даже латинскихъ по исповѣданію, она стремилась къ тому, чтобъ если не совершенно исключить, то какъ можно болѣе ограничить участіе свѣтской власти въ дѣлѣ избранія и назначенія епископовъ. Конечно, ни одно правительство не подчинилось въ этомъ случаѣ притязаніямъ Рима; а наше правительство менѣе всѣхъ могло подчиниться, зная, какого рода внушеніями руководствуется Римъ при утвержденіи епископовъ въ Имперіи и Царствѣ. „Мы внимательно разсматривали это дѣло", писалъ графъ Нессельродъ къ нашему посланнику въ Римѣ; „мы спрашивали себя, какія могли быть причины такой внезапной перемѣны въ мнѣніяхъ папы, и какія обвиненія вдругъ возникли въ отношеніи къ епископу Равѣ? Конечно, кардиналъ Ламбрускини, желая отклонить упреки, которые мы по справедливости могли предъявить въ этомъ случаѣ Римскому двору, объявлялъ, что непосредственно до папы дошли такіе неблагопріятные слухи, изъ достовѣрнаго источника, о епископѣ Равѣ, что онъ по совѣсти долженъ былъ пріостановить дѣло о его утвержденіи, пока

не получить новыхъ объясненій. Но въ чемъ же состоятъ эти неблагопріятныя извѣстія? Его святѣйшество, вмѣсто того, чтобы высказать ихъ откровенно, оставилъ ихъ подъ сомнѣніемъ и тѣмъ поставилъ себя въ такое положеніе къ намъ, котораго неприличіе едва-ли не понимаетъ и онъ самъ. Неужели мы можемъ оставаться равнодушными въ виду тайныхъ доносовъ, неосновательность которыхъ долженъ бы понять самъ Римскій дворъ, потому что, по его же сознанію, всѣ прежде полученныя имъ свѣдѣнія были въ пользу епископа Равы. Случайное обстоятельство, которому мы не можемъ придавать никакого значенія уже потому, что кардиналъ Ламбрускини не рѣшился заявить его, подало папѣ поводъ остановить ходъ каноническаго процесса, тогда какъ всѣ формальности уже были исполнены. Такой поступокъ кажется намъ столь же противнымъ дѣйствительнымъ выгодамъ самой римской церкви, сколько и несообразнымъ съ тѣмъ довѣріемъ при взаимныхъ отношеніяхъ двухъ дворовъ, котораго такъ искренно желало достигнуть русское правительство".

Дѣйствительно, русское правительство стремилось къ этой цѣли; но она была недостижима вообще въ отношеніяхъ къ Риму, и особенно въ вопросѣ объ епископахъ, какъ по особому взгляду Рима на значеніе епископской власти, такъ и по тѣмъ вліяніямъ, подъ которыми онъ находился въ это время. Не смотря на всѣ усилія нашего посольства, ни Рава, ни Котовскій и Гентилла не были утверждены въ епископскомъ званіи.

„Насъ удивляетъ", писалъ графъ Нессельродъ къ нашему посланнику, „образъ дѣйствій Римскаго двора: онъ отвергаетъ представляемыхъ нами кандидатовъ на епископскія каѳедры, не объясняя причинъ своего отказа. Папа долженъ быть убѣжденъ, что Государь Императоръ единственно желаетъ духовныхъ благъ всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія ихъ исповѣданія, и его святѣйшество не долженъ забывать, что къ латинской церкви въ Имперіи и Царствѣ принадлежатъ милліоны исповѣдниковъ, пользующихся отеческимъ попеченіемъ Государя Императора. Входя въ разногласія и борьбу съ нами по вопросу, въ которомъ папское правительство должно было бы идти рука объ руку съ нами, оно впадаетъ въ двойную, по нашему мнѣнію, ошибку, тѣмъ еще, что отказывается сообщить намъ причины, по которымъ оно устраняетъ нашихъ кандидатовъ, тогда какъ знать ихъ и обсудить ихъ значеніе для насъ столь же необходимо, какъ и для него" [1].

[1]) Отношеніе графа Нессельрода отъ 8-го ноября 1843 года.

Безъ сомнѣнія, папское правительство очень хорошо понимало, до какой степени важно для свѣтской власти каждаго государства имѣть полныя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя назначаются для занятія высшихъ степеней іерархіи латинской церкви въ его предѣлахъ, въ виду того огромнаго вліянія, которое они могутъ имѣть на его подданныхъ этого исповѣданія; но это-то обстоятельство и было несогласно съ намѣреніями Римскаго двора, клонившимися къ тому, чтобы какъ можно болѣе удалить свѣтскія правительства отъ всякаго участія въ вопросѣ о назначеніи епископовъ. Поэтому соображенія, выраженныя нашимъ правительствомъ, не производили никакого дѣйствія на Римскій дворъ. При назначеніи посланникомъ въ Римъ Бутенева, канцлеръ поручалъ ему обратить особенное вниманіе на вопросъ объ епископахъ. „Это жизненный вопросъ", писалъ онъ, „для существованія латинскаго духовенства въ Имперіи и въ царствѣ Польскомъ. Одинаково выгодно какъ для папы, такъ и для насъ разрѣшить его на основаніи постоянныхъ и твердыхъ началъ. Но возможно ли найдти средство, чтобы разрѣшить задачу, которая обязанности Государя Императора ставитъ въ противоположность съ преданіями святаго престола? Въ прежнее время Римскій дворъ никогда не оспаривалъ дѣйствительности назначенія епископовъ Русскими государями и всегда съ готовностію утверждалъ ихъ (давалъ имъ каноническую инвеституру). Правда, въ 1817 году въ первый разъ случайно возникло пререканіе по этому поводу; но оно не касалось права свѣтской власти назначать епископовъ на вакантныя каѳедры, и мы должны замѣтить, что только въ недавнее время, а именно послѣ аллокуціи 22-го іюля 1842 года, папа началъ затруднять обычный ходъ этихъ дѣлъ, или замедляя безконечно утвержденіе епископовъ, или вовсе отказывая имъ въ каноническомъ постановленіи. Поэтому Государь Императоръ поручаетъ вамъ ясно изложить папскому кабинету тѣ начала, которыми онъ руководствовался и будетъ впредь неизмѣнно руководствоваться въ выборѣ новыхъ епископовъ... Постарайтесь убѣдить кардинала Ламбрускини, и чрезъ него папу, что если Государь Императоръ избираетъ епископовъ для каноническаго посвященія, то онъ убѣжденъ по совѣсти, что представляемыя имъ лица *наиболѣе* достойны исполнять соединенныя съ этимъ саномъ обязанности. Поэтому какъ же можно требовать, чтобъ онъ представлялъ другихъ кандидатовъ, когда по совѣсти онъ убѣжденъ, что они будутъ *менѣе* достойны занимать епископскія каѳедры. Если бы ему сообщали о причинахъ отказа въ утвержденіи, то онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть ихъ, повѣрить и объяснить

обстоятельства дѣла; въ противномъ случаѣ папскій дворъ ставитъ его въ такое положеніе, что онъ долженъ дѣйствовать противъ совѣсти. Это положеніе должно быть ясно выражено Римскому двору и составить предметъ настоятельныхъ переговоровъ, потому что оно можетъ часто повторяться. Объясните кардиналу Ламбрускини, что мы не требуемъ отчета отъ папы въ убѣжденіяхъ его совѣсти и еще менѣе понуждаемъ его къ тому, но что для достиженія соглашеній необходимо объясниться, иначе каждый будетъ удерживать то положеніе, въ которомъ находится. Доставленіе объясненій необходимо для успокоенія совѣсти Государя Императора, чтобы наконецъ онъ зналъ, почему отвергаются его выборы, и чего онъ долженъ избѣгать въ этихъ случаяхъ для того, чтобы не идти на перекоръ видамъ папы. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ установить добросовѣстные переговоры. Государь Императоръ оскорбленъ тѣмъ, что его добросовѣстность подвергаютъ сомнѣнію и въ то же время не объясняютъ ему его ошибокъ, если только онѣ существуютъ дѣйствительно. Начавъ переговоры по этому вопросу и продолжая ихъ до крайнихъ послѣдствій, кажется, нѣтъ возможности не прійдти къ соглашенію".

Римскій дворъ скрывалъ причины, по которымъ отказывалъ въ утвержденіи кандидатамъ на епископскія каѳедры, представляемымъ нашимъ правительствомъ, и не могъ не скрывать ихъ, потому что онѣ основывались на тѣхъ свѣдѣніяхъ, или лучше, доносахъ, которые папское правительство получало изъ источниковъ *нечистыхъ*, по выраженію русскаго Императора. Подобный образъ дѣйствій, очевидно, невозможный ни для какого свѣтскаго правительства, былъ совершенно согласенъ съ общимъ характеромъ папскаго правительства, свѣтскаго и духовнаго въ одно и то же время. Римская курія во все свое историческое существованіе постоянно играла этими двумя свойствами папской власти. Лишь только дипломатія европейскихъ дворовъ по какому-либо вопросу выводила ее, такъ-сказать, на свѣжую воду и вынуждала высказать послѣднее слово, она ускользала изъ рукъ и прибѣгала подъ защиту духовнаго значенія папы, вмѣсто всѣхъ объясненій и доказательствъ ссылаясь на его *совѣсть*, какъ первосвященника, *духовника* всей вселенной, который будто бы не можетъ объявить никакого сообщеннаго ему доноса, не нарушивъ *тайны исповѣди*.

Такому-то понятію о папской *совѣсти* наша дипломатія, умышленно или неумышленно, противопоставила *совѣсть* представителя свѣтской власти русскаго народа, самостоятельнаго и независимаго, принадлежащаго къ вселенской церкви, которая считаетъ римскую

не только расколомъ, но и ересью. Это замѣчаніе точно также не могло оказать дѣйствія на папское правительство; оно хотѣло не равенства во взаимныхъ отношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, а господства надъ нимъ. Поэтому, когда нашъ посланникъ передалъ содержаніе полученныхъ имъ нотъ, кардиналъ Ламбрускини вовсе уклонился отъ отвѣта на послѣднее соображеніе и замѣтилъ только, что „продолжительныя вакансіи епископскихъ каѳедръ еще не могутъ служить побудительнымъ поводомъ къ тому, чтобъ его святѣйшество назначалъ на эти каѳедры лицъ, которыхъ онъ считаетъ недостойными и не могущими надлежащимъ образомъ исполнить возлагаемыя на нихъ обязанности, если только съ его стороны сдѣлано все возможное для блага церкви, ввѣренной ему Богомъ, и если внѣшнія обстоятельства препятствуютъ ему сдѣлать болѣе“.

Такое отношеніе Рима къ вопросу объ епископахъ ставило Россію въ безвыходное положеніе при желаніи съ ея стороны не только поддержать сношенія, но и достигнуть взаимной довѣренности и благорасположенія.

Такое отношеніе возможно было бы только при полномъ разрывѣ, котораго, конечно, не желалъ Римъ, а также не желало и наше правительство. „Если отказы со стороны папскаго правительства утверждать епископовъ“,—писалъ графъ Нессельродъ къ нашему посланнику,—„будутъ продолжаться и умножаться, то Государь Императоръ долженъ будетъ избрать одно изъ двухъ: или оставить вакантными епископскія каѳедры, или дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій, назначая, чтобъ угодить папскому двору, кандидатовъ менѣе достойныхъ и менѣе способныхъ, нежели тѣ, которыхъ онъ назначалъ прежде. Возможность соглашенія съ каждымъ разомъ будетъ становиться все труднѣе, если папа всякій разъ будетъ намъ отказывать въ сообщеніи тѣхъ причинъ, на которыхъ основаны его рѣшенія. Такимъ образомъ, ко вреду церкви и латинскихъ подданныхъ Государя Императора, возникаетъ опасная и постоянная борьба свѣтской власти съ духовною, борьба между совѣстью Государя Императора и совѣстью папы, которая удалитъ возможность соглашеній между двумя правительствами“ [1]).

Дѣйствительно, со времени присоединенія уніатовъ къ православной церкви до посольства въ Римъ графа Блудова не послѣдовало ни по одному вопросу соглашенія съ Римомъ, а епископскія каѳедры, какъ въ Имперіи, такъ и въ царствѣ Польскомъ, почти всѣ оставались

[1]) Депеша и письмо графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 9-го марта 1844 года.

вакантными. Изъ всѣхъ представленныхъ русскимъ правительствомъ кандидатовъ только одинъ Тарашкевичъ былъ утвержденъ безъ проволочекъ и препятствій, да и то лишь суффраганомъ въ Холмскую, то-есть, *уніатскую* епархію, разумѣется, по причинамъ весьма понятнымъ [1]).

Личными переговорами императора Николая Павловича съ папою Григоріемъ XVI въ 1845 году въ Римѣ, былъ опредѣленъ порядокъ избранія и утвержденія епископовъ для Имперіи и царства Польскаго: русское правительство представляетъ одобренныхъ имъ кандидатовъ на епископскія каѳедры, на каноническое утвержденіе папы, и только послѣ этого утвержденія императорскій указъ назначаетъ ихъ для отправленія ихъ обязанностей въ епархіи; изданіе указа никакъ не должно предшествовать папскому утвержденію, какъ то постоянно дѣлалось со временъ императрицы Екатерины II. Эта важная уступка со стороны русской свѣтской власти въ пользу духовнаго значенія папы для одной части нашего правительства представлялась вполнѣ справедливою и законною, устранявшею лишь неумѣстное вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла, которое служило существеннымъ препятствіемъ къ водворенію дружелюбныхъ отношеній къ папскому престолу. Если бы избраніе, посвященіе и утвержденіе епископовъ въ римско-католической церкви совершалось дѣйствительно на основаніи древнихъ каноновъ вселенской церкви, основанныхъ на апостольскихъ правилахъ, подтвержденныхъ всѣми соборами, то дѣйствительно, взглядъ этотъ былъ бы совершенно правиленъ. Но папы ниспровергли всѣ эти каноны и произвольно присвоили себѣ не только право утверждать, но даже посвящать епископовъ и постоянно заявляли притязаніе на самое ихъ избраніе. Этотъ произвольный порядокъ не имѣлъ никакого преимущества передъ тѣмъ, которому слѣдовали въ Россіи. Поэтому, въ данномъ случаѣ, не могло быть и рѣчи ни о справедливости, ни о законности. Но и вновь установленный порядокъ не устранялъ однако же возможности пререканій между нашимъ и папскимъ правительствами. Папы по прежнему могли отказывать въ каноническомъ утвержденіи кандидатамъ, представляемымъ нашимъ правительствомъ. То зло, устраненія котораго желало русское правительство, для того чтобъ епископскія каѳедры не оставались вакантными и чтобы недоброжелатели Россіи не приписывали этого враждебному расположенію русскаго правительства въ отношеніи къ римской церкви, нисколько не устранялось;

[1]) Депеша Кривцова 1/13-го августа 1842 года.

но дѣйствительно, въ нѣкоторой степени ограждалось внѣшнее приличіе. Конечно, русскому правительству было удобнѣе перенесть отказъ папы въ утвержденіи представленнаго имъ кандидата, пока еще не послѣдовалъ императорскій указъ о его назначеніи для управленія епархіей.

Вслѣдствіе этого соглашенія императора съ папой о порядкѣ назначенія епископовъ, русское правительство, ожидавшее встрѣтить довѣренность со стороны Римскаго двора, препроводило къ графу Блудову списокъ кандидатовъ на всѣ епископскія каѳедры, вакантныя въ Имперіи, полагая такимъ образомъ исполнить желанія папскаго правительства, которое постоянно жаловалось на то, что многія римско-католическія епископскія каѳедры въ Россіи остаются не замѣщенными. Оно желало въ то же время замѣстить и всѣ каѳедры въ царствѣ Польскомъ, но составленіе списка кандидатовъ было нѣсколько замедленно мѣстнымъ управленіемъ Царства.

Графъ Блудовъ, съ своей стороны, постоянно напоминалъ объ этомъ канцлеру. Получивъ списокъ кандидатовъ для епархій Имперіи, онъ писалъ графу Нессельроду: „Я считаю долгомъ обратить вниманіе вашего сіятельства на то обстоятельство, о которомъ уже писалъ къ вамъ, а именно: для царства Польскаго также необходимо назначить нѣсколько епископовъ — и что̀, можетъ-быть, еще важнѣе — архіепископовъ. Фельдмаршалъ (князь Паскевичъ), какъ вы, графъ, конечно, припомните, былъ противъ этого назначенія. Онъ находилъ, что архіепископъ Варшавскій съ того времени, какъ Римъ облечетъ его своимъ хотя и не полнымъ пурпуромъ, будетъ считать себя слишкомъ важною особою (trop grand senior), чтобы оставаться покорнымъ подданнымъ и подчиненнымъ сановникомъ. Однако же, въ послѣднее время моего свиданія съ нимъ въ Черновицахъ[1]), онъ, кажется, перемѣнилъ мнѣніе и съ удовольствіемъ согласился на высказанное мною предположеніе. Я предлагалъ возвести въ санъ представителя латинской церкви въ царствѣ Польскомъ Калишскаго епископа Томашевскаго, назначивъ ему коадъюторомъ аббата Буткевича, ректора Варшавской академіи. Съ своей стороны, по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, я считаю долгомъ особенно ходатайствовать за этихъ двухъ прелатовъ. Буткевичъ — человѣкъ вполнѣ достойный, образованный, благороднаго и твердаго характера, преданный правительству именно потому, что онъ благора-

[1]) Князь Паскевичъ жилъ временно въ этомъ мѣстечкѣ царства Польскаго, и здѣсь посѣтилъ его графъ Блудовъ проѣздомъ въ Римъ.

зуменъ и желаетъ порядка своему отечеству. Епископъ Томашевскій — достойный и добрый старикъ, точно также искренно и безъ всякихъ затаенныхъ мыслей преданный императору, преданный столько же по убѣжденію, сколько изъ признательности за милости, которыя Его Величество оказывалъ ему, а равно и за благодѣянія, оказываемыя имъ церкви. Онъ предлагалъ мнѣ даже, чтобъ я взялъ его съ собою въ Римъ, желая помочь мнѣ разсѣять тѣ предубѣжденія, которыя тамъ могутъ имѣть противъ насъ, и притомъ неоднократно говорилъ (онъ даже писалъ это намъ два или три года тому назадъ), что никогда, ни при какомъ правительствѣ, римско-католическая церковь въ той части Польши, которая составляетъ Царство, не пользовалась такимъ благоденствіемъ и не была предметомъ столькихъ заботъ и дѣйствительнаго покровительства, какъ въ настоящее царствованіе. Кажется, надо бы радоваться, если архіепископомъ въ Польшѣ будетъ человѣкъ, исполненный такихъ чувствъ, особенно если позаботятся назначить ему хорошаго помощника, добраго совѣтника, который помогалъ бы ему въ его духовномъ управленіи и въ его отношеніяхъ къ мѣстнымъ и другимъ властямъ. Этимъ мы выиграемъ и въ томъ еще отношеніи, что насъ уже нельзя будетъ укорять въ желаніи умышленно продолжать то положеніе, которое здѣсь называютъ *вдовствомъ* церквей, и особенно митрополичьей. Если ваше сіятельство одобрите мои мысли, и если съ ними согласится фельдмаршалъ, то не воспользуетесь ли вы, графъ, его пріѣздомъ, — вѣроятно, въ непродолжительномъ времени, — въ Петербургъ, чтобы дать этому предположенію надлежащій ходъ и представить его на усмотрѣніе Государя Императора« [1]).

Предложеніе графа Блудова и было осуществлено въ послѣдствіи. Наше правительство желало и спѣшило, по возможности, представить кандидатовъ на *всѣ* вакантныя каѳедры Имперіи и Царства; но разумѣется, выборъ многихъ лицъ, для замѣщенія столь важныхъ мѣстъ, изъ среды римско-католическаго и польскаго духовенства, вообще враждебно расположеннаго къ Россіи, былъ не легокъ. Поэтому наше правительство и раздѣлило это дѣло, такъ-сказать, на два пріема и напередъ представило списокъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры въ Имперіи.

Когда графъ Блудовъ передалъ его, со всѣми свѣдѣніями о представляемыхъ лицахъ, кардиналу статсъ-секретарю, онъ принялъ этотъ списокъ съ особенною благосклонностію, какъ знакъ искренняго желанія

---

[1]) Частное письмо графа Блудова къ канцлеру изъ Рима отъ $^{16}/_{28}$-го февраля 1847 года.

русскаго правительства вступить въ миролюбивыя отношенія къ папскому престолу. Чрезъ нѣсколько дней, послѣ доклада папѣ, кардиналъ Гицци, уже отъ его лица, выразилъ точно такое же удовольствіе и благодарность нашему уполномоченному, но вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупилъ: „О нѣкоторыхъ изъ представленныхъ кандидатовъ папа имѣетъ уже достаточныя свѣдѣнія, и дополнить ихъ можно въ короткое время; что же касается до другихъ, мало извѣстныхъ его святѣйшеству, то конечно, потребуется довольно времени, чтобы собрать о нихъ надлежащія свѣдѣнія“.

Придавая даже самый благопріятный смыслъ этимъ словамъ, нашъ уполномоченный не могъ не заключить изъ нихъ, что утвержденіе представленныхъ нашимъ правительствомъ кандидатовъ Римскій дворъ отлагаетъ на неопредѣленное время. Въ виду переговоровъ, еще далеко не приведенныхъ къ тому результату, который былъ желателенъ Римскому двору, папа не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ вопросъ объ епископахъ, и конечно, желалъ затянуть дѣло утвержденія нашихъ кандидатовъ. Наоборотъ, графъ Блудовъ, желая подвинуть это дѣло впередъ, предложилъ первоначально утвердить тѣхъ изъ кандидатовъ, о которыхъ папа имѣетъ уже достаточныя свѣдѣнія, а остальныхъ утвердить въ послѣдствіи, когда Римскій дворъ соберетъ о нихъ нужныя ему справки.

Кардиналъ Гицци отвѣчалъ, что это предложеніе не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій и безъ сомнѣнія, будетъ исполнено; но всѣ переговоры Рима съ нашимъ правительствомъ производились помимо его, и онъ не имѣлъ на нихъ никакого вліянія. Поэтому его мнѣніе въ этомъ случаѣ вовсе не могло служить выраженіемъ видовъ Римской куріи [1]).

Въ продолженіе четырехъ еще мѣсяцевъ пребыванія графа Блудова въ Римѣ не состоялось утвержденія папою ни одного изъ представленныхъ нами кандидатовъ, и по его отъѣздѣ, это дѣло осталось на попеченіи нашего посланника Бутенева, который въ скоромъ времени получилъ отъ нашего правительства и списокъ кандидатовъ для епархій царства Польскаго.

Но долго оставались тщетными всѣ усилія нашего посланника. Папскіе статсъ-секретари, быстро смѣнявшіе одинъ другаго, одинаково отвѣчали на усиленныя его настоянія: дѣла объ утвержденіи кандидатовъ затягиваются потому, что папа не получилъ еще необходимыхъ

---

[1]) Депеши Бутенева отъ $^{16}/_{28}$-го мая и $^{6}/_{18}$-го іюня 1847 года.

для него свѣдѣній о нихъ, и одинаково изъявляли искреннюю готовность содѣйствовать ихъ окончанію. Но если даже и дѣйствительно искренни были намѣренія кардиналовъ Феретти и Солья, то они такъ же мало могли оказать содѣйствія, какъ и ихъ предшественникъ, кардиналъ Гицци. Дѣло въ томъ, что производство этихъ дѣлъ вовсе не зависѣло отъ нихъ и было поручено папою Корболи, а въ его отсутствіе по болѣзни изъ Рима, Антонелли, которые непосредственно докладывали о нихъ папѣ. Нашъ посланникъ былъ очень доволенъ любезностью въ сношеніяхъ съ нимъ Антонелли и весьма недоволенъ рѣзкостью и упрямствомъ Корболи. Но какъ любезность одного, такъ и рѣзкость другаго имѣли одни и тѣ же послѣдствія: въ продолженіе цѣлаго года не былъ утвержденъ ни одинъ изъ представленныхъ кандидатовъ.

Только въ то время, когда вся Европа была взволнована происшествіями 1848 года, когда положеніе Италіи и особенно Рима грозило важными опасностями папскому престолу, папа рѣшился, наконецъ, удовлетворить усиленнымъ настояніямъ нашего правительства. Въ тайной консисторіи 3-го іюня были утверждены четыре изъ представленныхъ Русскимъ дворомъ кандидатовъ: Боровскій, Жилинскій, Головинскій и Дмоховскій. Увѣдомляя объ этомъ нашего посланника, кардиналъ статсъ-секретарь Солья, въ отношеніи отъ 28-го іюня, выставлялъ это дѣйствіе папскаго правительства за знакъ особеннаго вниманія къ нашему двору. Преимущественно онъ указывалъ на Головинскаго, утвержденнаго епископомъ-суффраганомъ и коадъюторомъ архіепископа Дмоховскаго — cum futura successione, то-есть, съ правомъ по его смерти занять его мѣсто. „Его святѣйшество“, писалъ кардиналъ, „рѣшился на такое дѣйствіе въ знакъ совершенно особеннаго и несогласнаго съ принятыми Римскою куріей обычаями вниманія къ желанію, изъявленному Императоромъ“. Къ этому онъ прибавлялъ далѣе: „Въ тѣхъ же видахъ его святѣйшество, въ знакъ своего расположенія къ Головинскому и своего довѣрія къ его ревности и отличнымъ качествамъ, удостоилъ его званіемъ особаго депутата для приведенія въ исполненіе папской буллы о новомъ разграниченіи римско-католическихъ епархій въ Россіи и объ учрежденіи новой Херсонской епархіи“.

Нашъ посланникъ, сообщая правительству эту ноту кардинала Солья, говоритъ, что дѣйствительно, „не безъ усилій и трудности Римскій дворъ утвердилъ Головинскаго коадъюторомъ архіепископа — cum futura successione. Папа окончательно согласился на это не иначе

какъ въ видѣ исключенія, почти не имѣющаго примѣра въ преданіяхъ и несогласнаго съ обычаями его святѣйшества, и потому только, чтобъ исполнить прямо выраженное желаніе императора. Первоначальное его намѣреніе заключалось въ томъ, чтобъ епископу-суффрагану, какъ своему делегату, дать право подъ надзоромъ архіепископа привести въ исполненіе буллу о новомъ разграниченіи епархій и потомъ въ награду за исполненіе назначить его коадъюторомъ cum futura successione, какъ прелата, имѣвшаго счастіе заслужить особенное довѣріе государя".

Въ это время, когда прелатъ Головинскій дѣйствительно еще пользовался полнымъ довѣріемъ русскаго правительства, Римъ, вслѣдствіе тайныхъ съ нимъ сношеній, ужь очень хорошо понималъ его значеніе и желалъ сосредоточить именно въ его рукахъ главное управленіе латинскою церковью въ Имперіи, утверждая его коадъюторомъ престарѣлаго архіепископа. Римъ собственно и желалъ утвердить его одного, но чтобы прикрыть свое желаніе, утвердилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Дмоховскаго въ санѣ архіепископа и двухъ другихъ лицъ въ санѣ епископа и старался даже увѣрить наше правительство, что сдѣлалъ это какъ исключеніе изъ принятаго имъ порядка, единственно въ угоду императору Николаю Павловичу [1]).

Утвержденіе только четырехъ епископовъ, конечно, не удовлетворило требованіямъ нашего правительства. Нашъ посланникъ, настоятельно требуя утвержденія другихъ и постоянно выслушивая увѣренія въ содѣйствіи со стороны кардинала статсъ-секретаря Сольи, представилъ, наконецъ, канцлеру слѣдующій полный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ: „Въ числѣ упрековъ, которые покойный папа Григорій XVI и его министры предъявляли противъ Россіи, одинъ изъ самыхъ существенныхъ состоялъ въ томъ, что русское правительство будто бы умышленно оставляетъ на продолжительное время вакантными многія епископскія каѳедры съ тою цѣлію, чтобы постепенно уничтожить римское католичество. Когда этотъ упрекъ, столь же пустой, какъ и всѣ другіе, былъ блистательно уничтоженъ въ самомъ его основаніи собственною рѣшимостію Государя Императора вдругъ представить кандидатовъ на всѣ вакантныя каѳедры, то казалось бы, что это будетъ принято съ удовольствіемъ и благодарностію со стороны преемника Григорія XVI. Дѣйствительно, графу Блудову были сдѣланы самыя положительныя увѣренія въ этомъ смыслѣ, когда онъ въ первый разъ

[1]) Депеши Бутенева отъ 2/14-го іюня и 16/28-го іюля 1848 года.

началъ переговоры по этому вопросу и представилъ первый списокъ кандидатовъ. Поэтому, нельзя не удивляться обнаруженному затѣмъ, со стороны Римскаго двора, равнодушію по этому вопросу и даже желанію изыскивать всевозможныя средства для того, чтобъ отдалить утвержденіе всѣхъ остальныхъ кандидатовъ. Казалось бы, напротивъ того, мы имѣли полное право ожидать, что папское правительство съ радостію приметъ это новое свидѣтельство очевиднаго благорасположенія со стороны Государя Императора и будетъ ревностно содѣйствовать намъ въ назначеніи епископовъ на всѣ вакантныя каѳедры Имперіи и царства Польскаго. Если ожиданіе папіе не исполнилось, то кажется, я не ошибаюсь, полагая, что причина того заключается вовсе не въ сомнѣніяхъ, испытываемыхъ совѣстью папы, или въ недостаткѣ свѣдѣній о каноническихъ и духовныхъ качествахъ кандидатовъ, какъ выставляетъ Римская курія, а въ соперничествѣ и вліяніяхъ лицъ, окружавшихъ папу. Эти вліянія весьма ясно выразились особенно съ того времени, какъ монсиньоръ Корболи вновь вступилъ въ должность, и какъ удалился Антонелли, занимавшійся этими дѣлами временно, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Честное и миролюбивое направленіе этого кардинала весьма много содѣйствовало успѣху нашихъ послѣднихъ переговоровъ и обнародованію знаменитой аллокуціи 3-го іюля. Но монсиньоръ Корболи далеко не держится того же направленія. По личной ли зависти къ кардиналу Антонелли, его сопернику по довѣренности папы, или по лукавому упрямству, проистекающему изъ его ультрамонтанскихъ воззрѣній и изъ нѣкоторой доли хвастовства своими способностями и ученостію, впрочемъ, не подлежащею сомнѣнію, этотъ молодой прелатъ—съ перваго же раза, какъ я долженъ былъ войдти въ переговоры съ нимъ, какъ съ докладчикомъ по церковнымъ дѣламъ, испытавъ ничтожество въ этомъ отношеніи кардинала статсъ-секретаря Солья, — оказалъ столь же мало охоты пріидти къ соглашенію и столь много недоброжелательства, сколько, наоборотъ, оказывалъ готовности и благорасположенія кардиналъ Антонелли. Когда же, вслѣдствіе усиленныхъ и постоянныхъ настояній съ моей стороны ускорить отвѣтомъ о кандидатахъ на епископскія каѳедры, Корболи объявилъ мнѣ, наконецъ, согласіе папы утвердить немногихъ изъ нихъ, отлагая на неопредѣленное время рѣшеніе о другихъ, и въ томъ числѣ объ епископѣ Томашевскомъ, представленномъ въ архіепископы въ Варшаву, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ понять, что Буткевичъ почти навѣрное не будетъ утвержденъ. На это я весьма откровенно выразилъ ему мое удивленіе и сожалѣніе, что папское

правительство можетъ остановиться на такомъ рѣшеніи, столь мало согласномъ съ добрыми намѣреніями нашего правительства. При этомъ случаѣ я вновь перечислилъ всѣ доказательства, подкрѣпляющія справедливыя требованія, указалъ особенно на его снисходительность въ отношеніи къ папскому правительству, состоявшую въ томъ, что оно, вмѣсто епископовъ Равы и Гентиллы, рѣшилось представить новыхъ кандидатовъ на Минскую и Самогитскую каѳедры, равно на лживые и не достойные довѣрія источники, изъ которыхъ Римскій дворъ почерпаетъ свои свѣдѣнія и основываетъ на нихъ свои заключенія о латинскихъ прелатахъ Имперіи и царства Польскаго, вмѣсто того, чтобы довѣрять справедливымъ сообщеніямъ императорскаго правительства. Всѣ мои усилія и разсужденія хотя и были выслушаны монсиньоромъ Корболи съ вѣжливостію, но ни къ чему не повели, и онъ постоянно прикрывался волею папы. Онъ дошелъ даже до того, что намекалъ, будто бы папа не можетъ произнести своего рѣшенія въ отношеніи къ Томашевскому, не получивъ до сихъ поръ надлежащихъ разъясненій по нѣкоторымъ дошедшимъ до него о немъ свѣдѣніямъ, и потому полагалъ бы болѣе удобнымъ оставить его въ Калишѣ, а въ архіепископы Варшавскіе возвести тамошняго администратора Фіалковскаго. Разумѣется, я съ должною рѣшительностью отклонилъ подобное заявленіе. Я даже объявилъ, что приписываю его изобрѣтеніе исключительно самому Корболи, и онъ постарался немедленно отъ него отказаться и просилъ считать какъ-бы не существовавшимъ, когда я положительно объявилъ, что если бы подобное притязаніе, нарушающее право иниціативы Государя Императора въ выборѣ епископовъ и въ распредѣленіи ихъ по каѳедрамъ, совершенно противное соглашеніямъ, только-что заключеннымъ между двумя правительствами, было мнѣ заявлено нотою папскаго кабинета, то я не принялъ бы такой ноты и не рѣшился бы передать ее моему правительству. Такое заявленіе, которое я, въ болѣе приличныхъ выраженіяхъ, повторилъ потомъ кардиналу Солья, произвело впечатлѣніе, отстранивъ окончательно такое оскорбительное притязаніе, но все-таки мнѣ не удалось убѣдить, чтобы были утверждены и другіе кандидаты, и въ полученной мною нѣсколько дней послѣ того офиціальной нотѣ упоминались только тѣ четыре, имена которыхъ уже сообщилъ мнѣ Корболи. Вмѣстѣ съ этою нотой я получилъ другую—объ епископѣ-суффраганѣ Лентовскомъ. Обѣ эти ноты были составлены въ духѣ недоброжелательства, противъ котораго безуспѣшно я возставалъ, и потому я рѣшился откровенно объясниться съ кардиналомъ Солья, который лично исполненъ бла-

горасположенія, хотя и не имѣетъ никакого вліянія на эти дѣла. Я предложилъ ему взять назадъ обѣ эти ноты, потому что онѣ могутъ произвести очень дурное впечатлѣніе въ Петербургѣ, и замѣнить ихъ другими, составленными въ духѣ добрыхъ отношеній между двумя кабинетами, которыя, вѣроятно, ему, такъ же какъ и мнѣ, желательно укрѣпить, а не разрушить. Кардиналъ Сольи охотно согласился на мое предложеніе, и вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, монсиньоромъ Бедини, человѣкомъ способнымъ и хорошаго направленія, обѣщалъ переписать эти ноты, и даже если будетъ нужно, довести объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія папы. Эти настоятельныя съ моей стороны требованія достигли только въ нѣкоторой степени цѣли, и если мнѣ удалось заставить измѣнить какъ по содержанію, такъ и въ выраженіяхъ ноту о Лентовскомъ, то вторая нота — объ утверждаемыхъ епископахъ возвратилась ко мнѣ въ прежнемъ видѣ. При такомъ положеніи дѣлъ я счелъ себя обязаннымъ требовать личнаго свиданія съ папой, если не съ тѣмъ, чтобы вынудить его къ измѣненію уже постановленнаго имъ рѣшенія, то по крайней мѣрѣ для того, чтобъ убѣдиться, не происходитъ ли это затрудненіе въ частномъ вопросѣ вообще отъ измѣненія благорасположенія папы. Это свиданіе было мнѣ немедленно назначено $\frac{\text{30-го августа}}{\text{11-го сентября}}$, и я былъ очень доволенъ, что испросилъ его. Его святѣйшество принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ и долго бесѣдовалъ со мною съ полною довѣренностью и откровенностію. Этотъ пріемъ ободрилъ меня, и я не поколебался представить ему съ почтительною откровенностію тѣ же самыя соображенія, которыя представлялъ его министрамъ, къ чему побуждали меня какъ лежащая на мнѣ отвѣтственность, такъ и мое искреннее желаніе устранить всякое облачко, которое могло бы бросить тѣнь на отношенія, такъ счастливо установившіяся между императорскимъ кабинетомъ и его святѣйшествомъ ко взаимной ихъ выгодѣ и удовольствію. Подробно изложивъ всѣ соображенія по вопросу о выборѣ епископовъ, я замѣтилъ, что искренность и горячность моей рѣчи не только не смутили папу и не произвели на него непріятнаго впечатлѣнія, но наоборотъ, кажется, весьма понравились ему. Онъ сказалъ, что очень благодаренъ мнѣ за откровенныя соображенія, которыя я сообщилъ его министрамъ, и которыя отчасти онъ принялъ въ соображеніе, и что онъ очень сожалѣетъ, что въ настоящее время не можетъ исполнить и другихъ моихъ предложеній, а именно утвердить всѣхъ представленныхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры въ Имперіи и царствѣ Польскомъ. Долгъ совѣсти, гово-

рилъ онъ, побуждаетъ его быть очень осторожнымъ и допускать къ исправленію важныхъ епископскихъ обязанностей только людей, удовлетворяющихъ всѣмъ каноническимъ требованіямъ, лишь по собраніи и провѣркѣ всевозможныхъ о нихъ свѣдѣній. Онъ не скрываетъ отъ себя тѣхъ неудобствъ для духовнаго управленія, которыя проистекаютъ отъ долгаго оставленія епископскихъ каѳедръ вакантными, и старается по возможности сократить это время; но будучи обремененъ многочисленными дѣлами внутренней и внѣшней политики, которыхъ важное значеніе я и самъ знаю, онъ не можетъ всего дѣлать самъ и въ отношеніи къ подробностямъ долженъ полагаться на своихъ докладчиковъ. Въ заключеніе этого оправданія, выраженнаго съ полнымъ добродушіемъ, его святѣйшество поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать, что его чувства уваженія и довѣрія къ Государю Императору не только не поколебались, но напротивъ того, усилились въ виду какъ расположенія Государя къ его святѣйшеству, такъ и заботъ о благѣ его подданныхъ латинскаго исповѣданія и благосостоянія римско-католической церкви въ его обширной монархіи. Папа прибавилъ, что онъ очень былъ радъ выразить публично эти чувства въ аллокуціи 3-го іюля и снова повторить ихъ въ буллѣ о новомъ распредѣленіи епархій, которыя онъ только-что утвердилъ для передачи мнѣ и для отправленія по назначенію. Когда папа прощался со мною съ тою же привѣтливостію, то выслушавъ столь удовлетворительныя съ его стороны заявленія, я, благодаря его, позволилъ себѣ выразить желаніе, чтобъ его министры своею ревностію и дѣятельностію помогали намѣреніямъ и желаніямъ его святѣйшества. Папа вовсе не былъ удивленъ или смущенъ этимъ заявленіемъ, но принялъ его очень милостиво и даже съ улыбкою, чтобы показать мнѣ, что онъ понялъ значеніе моихъ словъ, и прибавилъ, что онъ всегда заботится о томъ, чтобъ его уполномоченные были проникнуты собственными его чувствами.

„Стороной я узналъ“, заключаетъ свой отчетъ нашъ посланникъ, „что послѣ этой аудіенціи, монсиньоръ Корболи, котораго имя я не только не упоминалъ, но и не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на него, получилъ нѣчто въ родѣ выговора отъ папы, съ порученіемъ приложить особенное вниманіе къ дѣламъ, порученнымъ его вѣдѣнію и касающимся отношеній съ Россіей. Я вѣрю справедливости дошедшаго до меня слуха, особенно потому, что съ нѣкотораго времени монсиньоръ Корболи сдѣлался особенно внимателенъ ко мнѣ. Хотя я и стараюсь поддержать добрыя съ нимъ сношенія, но тѣмъ не менѣе

я не могъ бы имѣть довѣрія къ этому прелату, если бы мнѣ пришлось вести съ нимъ переговоры по какому-либо важному дѣлу“ [1]).

Неудивительно, конечно, выраженіе чувствъ папы къ лицу императора Николая. И прежде, въ полный разгаръ враждебныхъ отношеній къ Россія, не только папа Григорій XVI, но даже и его курія тщательно выгораживали лице императора отъ тѣхъ упрековъ, которыми осыпали русское правительство. Пій IX иначе и не могъ говорить о немъ и по личнымъ отношеніямъ къ нему, и по требованіямъ приличія въ отзывахъ государей другъ о другѣ. Но подобныя заявленія чувствъ ни сколько не ручаются за удовлетворительность отношеній между двумя дворами и не доказываютъ ихъ. Притомъ, нельзя было не обратить вниманія, что такъ бесѣдовалъ съ нашимъ посланникомъ Пій IX въ сентябрѣ 1848 года, когда волненіе охватывало всю западную Европу, и когда надъ Римскимъ престоломъ уже висѣла такая гроза, что черезъ мѣсяцъ (23-го октября) папа долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Но если и неудивительны подобныя рѣчи папы, то никакъ нельзя не удивляться увѣренности нашего посланника, что между папскимъ престоломъ и Россіей воцарились самыя дружескія отношенія, которыя онъ всѣми силами старается поддержать, удаляя, по его выраженію, всякое облачко, которое могло бы бросить на нихъ тѣнь. Нельзя не остановиться передъ этою увѣренностію, которую раздѣляли нѣкоторыя лица и въ Петербургѣ, и не спросить, на чемъ же она основывалась?

Она основывалась на томъ, что чрезвычайное наше посольство окончило свое порученіе, и что конкордатъ былъ не только заключенъ, но и утвержденъ обоими правительствами и обнародованъ папою при особой аллокуціи. Но къ конкордату, заключавшему въ себѣ постановленія по вопросамъ, въ отношеніи къ которымъ послѣдовало соглашеніе обоихъ правительствъ, былъ приложенъ особый протоколъ, также подписанный уполномоченными обѣихъ сторонъ. Въ немъ были перечислены требованія Рима по вопросамъ, которые русское правительство считало неразрѣшимыми, и по которымъ не могло сдѣлать никакихъ уступокъ; а между тѣмъ папское правительство считало ихъ наиболѣе важными и отъ ихъ разрѣшенія, удовлетворительнаго въ видахъ Рима, ставило въ зависимость значеніе самого конкордата. Это и было прямо заявлено въ обнародованной аллокуціи Пія IX, который вслѣдъ за тѣмъ началъ, не дожидаясь согласія

[1]) Депеша графа Блудова къ канцлеру отъ $^{5}/_{17}$-го сентября 1848 года.

русскаго правительства, приводить въ исполненіе выраженныя въ протоколѣ притязанія, подчиняя уніатовъ власти латинскихъ епископовъ и сносясь съ духовенствомъ и вообще съ римскими католиками, помимо нашего посольства. Ходъ дѣлъ объ утвержденіи епископовъ показывалъ полное недовѣріе папскаго двора къ русскому правительству; онъ постоянно замедлялъ утвержденіе и даже вовсе отказывалъ утверждать именно тѣхъ лицъ, о которыхъ наиболѣе ходатайствовало наше правительство, какъ о лицахъ хотя въ нѣкоторой степени ему преданныхъ. Дѣло объ епископѣ Лентовскомъ, о которомъ упоминаетъ нашъ посланникъ въ приведенномъ выше отчетѣ, не свидѣтельствуетъ также о благорасположеніи къ намъ Римскаго двора.

Округъ, изъ котораго была образована Кѣлецкая епархія, дотолѣ находился по духовному управленію въ вѣдомствѣ Краковской епископіи. Когда Краковъ былъ присоединенъ къ Австріи, то по Теплицкому договору было установлено отдѣлить управленіе этого округа и составить изъ него отдѣльную епархію. Вѣнскій дворъ взялъ на себя устроить это дѣло съ папскимъ престоломъ, но или по холоднымъ къ нему отношеніямъ со времени восшествія на престолъ Пія IX, или желая угодить Риму, которому такимъ образомъ доставлялъ возможность, чрезъ своего нунція въ Вѣнѣ, вмѣшиваться въ управленіе латинскою церковью въ царствѣ Польскомъ, не приступалъ къ рѣшенію этого дѣла. Между тѣмъ, въ 1841 году умеръ генеральный администраторъ Краковской епархіи, епископъ-суффраганъ Зелинскій. Краковскій капитулъ избралъ на его мѣсто аббата Лентовскаго и довелъ о томъ до свѣдѣнія нашего правительства. Въ ожиданіи разрѣшенія вопроса объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи отъ Краковской, наше правительство не сочло нужнымъ входить въ пререканія и утвердило указомъ 10/22 марта 1842 года этотъ выборъ.

Вслѣдъ за тѣмъ папскій нунцій въ Вѣнѣ кардиналъ Альтіери вмѣшался въ это дѣло и потребовалъ къ себѣ Лентовскаго. Хотя онъ и утвердилъ его въ послѣдствіи, но тѣмъ не менѣе папа въ аллокуціи, въ числѣ другихъ жалобъ на Россію, заявилъ о назначеніи въ Краковскую епархію суффрагана безъ его согласія.

При такомъ положеніи дѣла русское правительство предписало своимъ уполномоченнымъ въ Римѣ начать дѣло объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи отъ Краковской. Первыя заявленія объ этомъ были приняты благосклонно, и въ 1848 году кардиналъ статсъ-секретарь Сольи даже прямо сообщилъ нашему посланнику, что папа непремѣнно изъявитъ на то свое согласіе, потому что „вообще весьма полезно умно-

жать центры духовной администраціи". Дѣйствительно, такова была постоянная политика Римской куріи, которая, въ виду будущихъ совращеній, учреждала епархіи и приходы даже тамъ, гдѣ и вовсе не было римскихъ католиковъ, или гдѣ они были въ самомъ незначительномъ числѣ. Но въ отношеніи Кѣлецкой епархіи для Римской куріи представлялась не эта цѣль, а наоборотъ совершенно иная, именно — дать своему нунцію въ Вѣнѣ возможность какъ-бы законно сноситься съ духовенствомъ не только царства Польскаго, но даже Русской имперіи, помимо русскаго правительства, и сообщать этому духовенству папскія предписанія [1]).

Римскій дворъ и попробовалъ немедленно прибѣгнуть къ этому способу. Такъ какъ Римъ затягивалъ утвержденіе Дмоховскаго Могилевскимъ архіепископомъ, то послѣдній обратился съ просьбою къ папѣ о сообщеніи ему нѣкоторыхъ полномочій, необходимыхъ для исправленія этой должности. Папа немедленно исполнилъ его просьбу; но вмѣсто того, чтобы, по установленному порядку, препроводить свое бреве въ наше посольство въ Римѣ, папа отправилъ его къ Вѣнскому нунцію, который и переслалъ его въ австрійское посольство въ С.-Петербургѣ для доставленія епископу. Узнавъ объ этомъ, наше правительство поручило г. Бутеневу потребовать отъ папскаго двора объясненій о причинахъ такого явнаго нарушенія установленнаго порядка сношеній главы латинской церкви съ римско-католическимъ духовенствомъ Имперіи. „Въ виду только-что оконченныхъ переговоровъ съ Римомъ", нашъ посланникъ нашелъ болѣе удобнымъ лично и конфиденціально объясниться съ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, не возбуждая письменныхъ сношеній, и стало быть, не желая придавать этому вопросу особенную важность. При свиданіи съ Бутеневымъ кардиналъ Феретти объявилъ ему, что это случилось при кардиналѣ Гицци, и что онъ, Феретти, ничего о томъ не знаетъ; но обѣщалъ однако доложить папѣ и немедленно сообщить Бутеневу его отвѣтъ. Черезъ два дня, онъ дѣйствительно сообщилъ нашему посланнику, что это случилось безъ всякаго особенно предумышленнаго намѣренія. Папа поступилъ такъ для того только, чтобъ ускорить доставленіе своего бреве епископу Дмоховскому. Но къ этому кардиналъ статсъ-секретарь прибавилъ: „Въ заключеніе этихъ объясненій святой отецъ однако же, съ свойственною ему откровенностію,

[1]) Депеша графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 9-го марта 1844 года и 28-го марта 1847 года; также депеша Бутенева отъ 5/17 сентября 1848 года.

замѣтилъ: хотя этотъ поступокъ и былъ дѣйствительно случайнымъ и вовсе не преднамѣреннымъ, и хотя я съ одинаковымъ удобствомъ могъ бы переслать мой отвѣтъ Дмоховскому черезъ русское посольство, если бы мнѣ пришло это въ голову, но могутъ однако же представиться случаи, касающіеся душевныхъ сомнѣній (des cas de recours de for intérieur), отвѣты на которые я не могъ бы, по совѣсти, ввѣрять офиціальному вмѣшательству русскаго посольства". На эти-то случаи, касающіеся внутреннихъ дѣлъ совѣсти, прибавилъ кардиналъ статсъ-секретарь, много разъ указывалъ его святѣйшество и требовалъ отъ императорскаго правительства большей свободы въ его сношеніяхъ какъ съ духовенствомъ, такъ и съ римско-католическими подданными императора. На этомъ постоянно настаивали его уполномоченные въ послѣднихъ переговорахъ, и сверхъ того, его святѣйшество особенно и лично поручалъ графу Блудову представить этотъ вопросъ вниманію императора и надѣется, что это представленіе не останется безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ папа не признавалъ удовлетворительнымъ установленный порядокъ его сношеній съ духовенствомъ и съ римско-католиками Имперіи и Царства, желалъ измѣнить его, или по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, считалъ его невозможнымъ, а стало быть, не отказывался прибѣгать къ окольнымъ путямъ.

Но русское правительство сочло нужнымъ отклонить этотъ общій вопросъ, выразивъ однакоже полное удовольствіе въ отношеніи къ объясненію, которое далъ папа частному случаю о доставленіи его бреве епископу Дмоховскому чрезъ Вѣнскаго нунція и австрійское посольство. „Благородная откровенность", — писалъ графъ Нессельродъ нашему посланнику въ Римѣ, — „съ которою папа объяснилъ, что вмѣшательство австрійскаго посольства при доставленіи бреве епископу было дѣломъ совершенно случайнымъ, должна была вполнѣ удовлетворить императорскій кабинетъ. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ для насъ было важно только то, что вдругъ установлялся новый способъ сношеній папскаго двора съ римско-католическимъ духовенствомъ, котораго мы никакимъ образомъ допустить не могли. Но лишь только папа объяснилъ это обстоятельство, какъ неумышленную случайность, то мы считаемъ, что достигли своей цѣли" [1]).

Между тѣмъ, епископъ Лентовскій уѣхалъ въ Краковъ и письменно увѣдомилъ намѣстника царства Польскаго, что онъ слагаетъ съ себя

---

[1]) Депеши канцлера отъ 19-го іюля и 6-го сентября 1847 года; депеша Бутенева отъ $^{9}/_{21}$-го августа 1847 года.

обязанности по управленію Кѣлецкою епархіей. Намѣстникъ поручилъ управлять епархіей аббату Маерчаку. Но Лентовскій съ такою же просьбой обратился и къ Вѣнскому нунцію, который не согласился признать данное ему намѣстникомъ увольненіе и представилъ это дѣло на усмотрѣніе папы. Въ то же время и наше правительство поручило посланнику усилить старанія объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи и о назначеніи въ нее особаго епископа, а до того времени, какъ оно состоится, предложило слѣдующій порядокъ для назначенія временнаго администратора. По каноническимъ правиламъ избрать администратора долженъ былъ капитулъ. Но Кѣлецкая епархія, принадлежа къ Краковской, своего капитула не имѣла; поэтому Краковскій капитулъ, находящійся въ Австрійской имперіи, долженъ былъ бы выбирать администратора для одной изъ польскихъ областей русскаго государства, и притомъ, собственно говоря, въ часть своей же епархіи, имѣвшей епископа въ лицѣ Лентовскаго. Очевидно, что ни русское правительство не могло прибѣгнуть къ этому способу, ни самъ Краковскій капитулъ не могъ приступить къ такому избранію. Между тѣмъ правилами Тридентскаго собора постановлено, что если капитулъ поставленъ по какимъ-либо обстоятельствамъ въ невозможность избрать администратора епархіи, то право такого избранія предоставляется митрополиту, а за его отсутствіемъ, ближайшему и старшему епископу той же области. Примѣняясь къ этому правилу, русское правительство ходатайствовало предъ папой о порученіи избрать администратора въ Кѣлецкую епархію епископу Сандомірскому Гольдману. Эти предложенія, какъ о порядкѣ назначенія администратора, такъ и объ отдѣленіи Кѣлецкой епархіи, были весьма благосклонно приняты кардиналомъ Антонелли, управлявшимъ дѣлами во время отсутствія монсиньора Корболи; но по возвращеніи послѣдняго, нашъ посланникъ получилъ ту дерзкую ноту, о которой онъ упоминаетъ въ приведенномъ нами отчетѣ его канцлеру. Хотя, по его настоянію, эта нота и была взята назадъ и переписана въ выраженіяхъ болѣе приличныхъ, тѣмъ не менѣе она заключала въ себѣ рѣшительный отказъ на предложенія русскаго правительства, и дѣло о Кѣлецкой епархіи осталось въ неопредѣленномъ положеніи и до сего дня [1]).

Въ такомъ состояніи находились наши сношенія съ Римомъ до конца октября (23-го) 1848 года, когда папа бѣжалъ въ Гаету. Вслѣдъ за папою, вмѣстѣ съ другими посольствами иностранныхъ государствъ, и наше посольство оставило Римъ и переѣхало въ Неаполь.

---

[1]) Депеша графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 10-го іюля 1848 года.

Съ переѣздомъ въ Гаэту папскій дворъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ сдѣлаться уступчивѣе въ отношеніи къ нашимъ требованіямъ. Напоминая, что Римскій престолъ былъ главнѣйшимъ образомъ обязанъ своимъ возстановленіемъ въ 1815 году императору Александру I, Пій IX просилъ и императора Николая содѣйствовать возстановленію его свѣтской власти [1]). Нуждаясь въ помощи, хотя и нравственной, Римскій дворъ долженъ былъ и съ своей стороны показать нѣкоторое расположеніе исполнить требованія Русскаго императора. Къ этому обстоятельству присоединялось и другое, которому, по крайней мѣрѣ, нашъ посланникъ придавалъ важное значеніе. Кардиналъ Антонелли занялъ первое мѣсто въ Римскомъ кабинетѣ, сталъ статсъ-секретаремъ папы. Знакомый съ церковными дѣлами и завѣдывавшій иногда ими, въ отсутствіе Корболи, онъ, конечно, могъ оказать большее на нихъ вліяніе, нежели его предшественники, проходившіе большею частію службу по дипломатическому поприщу и мало знакомые съ каноническимъ правомъ, и такимъ образомъ устранить исключительное значеніе въ этихъ дѣлахъ монсиньора Корболи. Г. Бутеневъ былъ столь же увѣренъ въ примирительномъ направленіи кардинала Антонелли и въ его благорасположеніи къ русскому правительству, сколько считалъ монсиньора Корболи, какъ крайняго ультрамантана, враждебно расположеннымъ къ Россіи. Притомъ, нашему посланнику приходилось предлагать свои настоянія объ утвержденіи епископовъ при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, а именно, доставляя каждый разъ Римскому двору весьма пріятныя для него извѣстія. Прежде всего Бутеневъ передалъ—уже въ Гаэтѣ—только-что полученные имъ императорскіе подарки для лицъ папскаго правительства, участвовавшихъ въ заключеніи конкордата, и „не смотря на неудобства этой временной резиденціи“,—увѣдомлялъ Бутеневъ графа Нессельроде,—„я воспользовался случаемъ возобновить вопросъ объ епископахъ и передать новыя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Моя попытка въ этомъ отношеніи была принята такъ хорошо, что подаетъ мнѣ надежду на успѣхъ“ [2]). Затѣмъ Бутеневъ долженъ былъ передать кабинетное письмо императора Николая въ отвѣтъ на письмо папы изъ Гаэты, въ которомъ одобрялось намѣреніе папы требовать возстановленія его свѣтской власти при содѣйствіи всѣхъ европейскихъ державъ [3]). Нако-

[1]) Письмо Пія IX къ императору Николаю изъ Гаэты отъ 4/16-го декабря 1848 года.

[2]) Депеша Бутенева изъ Неаполя отъ 2/14-го декабря 1848 года.

[3]) Депеша канцлера къ Бутеневу отъ 3-го января 1849 года.

нецъ, Бутеневу пришлось заявить папскому правительству наиболѣе важное для него рѣшеніе императорскаго кабинета. Въ виду совершавшихся въ западной Европѣ событій, въ сущности впрочемъ не угрожавшихъ никакими опасностями Россіи, наше правительство, по понятіямъ того времени, сочло необходимымъ для общаго блага войдти въ окончательныя соглашенія съ папскимъ престоломъ. Графъ Нессельродъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1849 года писалъ нашему посланнику: „Вы извѣстили насъ, что папа изъявилъ удовольствіе, узнавъ отъ васъ объ утвержденіи конкордата Государемъ Императоромъ, но выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобъ и по другимъ вопросамъ, изложеннымъ въ особомъ, присоединенномъ къ этому конкордату, протоколѣ, послѣдовали также соглашенія. Мы уполномочиваемъ васъ объявить папскому правительству, что мы, съ искреннимъ желаніемъ достигнуть соглашеній, готовы открыть о нихъ переговоры, когда будетъ угодно папѣ". Когда нашъ посланникъ пріѣхалъ въ Гаету и передалъ это заявленіе кардиналу Антонелли, то, по его словамъ, онъ былъ чрезвычайно имъ обрадованъ. Точно также былъ обрадованъ и папа. Но при всемъ ихъ желаніи немедленно начать переговоры, къ счастію для насъ, это оказалось невозможнымъ, потому что всѣ бумаги, относившіяся до переговоровъ по этимъ вопросамъ, остались въ Римѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, настоянія нашего посланника объ утвержденіи епископовъ должны были увѣнчаться успѣхомъ. Дѣйствительно, почти всѣ представленные нашимъ правительствомъ кандидаты были утверждены. Не былъ утвержденъ только аббатъ Буткевичъ, и каноническій процессъ объ епископѣ Канѣ для новой, седьмой, епархіи въ Русской имперіи представилъ нѣкоторыя затрудненія.

Объ утвержденіи аббата Буткевича суффраганомъ при Варшавскомъ архіепископѣ настоятельно ходатайствовалъ намѣстникъ царства Польскаго. Князь Паскевичъ уважалъ аббата за его поведеніе, образованность, образъ мыслей, не имѣвшій ничего общаго ни съ крайнимъ ультрамонтанскимъ направленіемъ, ни съ революціоннымъ. Онъ считалъ его искренно преданнымъ правительству, что подтверждалось уже тѣми ожесточенными нападками и клеветами, которыми осыпали его всѣ враждебные русскому правительству Поляки и особенно эмигранты.

Бутеневъ, получивъ предписаніе нашего правительства настоятельно требовать утвержденія Буткевича, немедленно, въ началѣ іюля 1849 года, отправился изъ Неаполя въ Гаету и объявилъ кардиналу

Антонелли, что проситъ свиданія съ папой исключительно по этому дѣлу. Папа, по обыкновенію, принялъ его благосклонно, но желалъ отклонить всякій разговоръ объ утвержденіи Буткевича, ссылаясь на то, что всѣ бумаги, относящіяся до каноническаго о немъ процесса, остались въ Римѣ, и что потому это дѣло должно быть пріостановлено. Бутеневъ, не возражая прямо папѣ, выразилъ однако рѣшительно, что всѣ неблагопріятныя свѣдѣнія о Буткевичѣ, полученныя Римскою куріей, суть клеветы на достойнаго прелата, взводимыя на него польскими мятежниками и эмигрантами за его умѣренный образъ мыслей и за преданность правительству. Онъ сопоставилъ эти свѣдѣнія съ тѣми, которыя получалъ и которымъ вѣрилъ Римъ, со свѣдѣніями о мнимой аббатиссѣ Мечиславской, о миссіонерѣ Виллимѣ и проч., и сдѣлалъ намекъ, что, къ его сожалѣнію, онъ могъ часто замѣчать, что именно такимъ свѣдѣніямъ придаетъ вѣру докладчикъ папы по этимъ дѣламъ (то-есть, монсиньоръ Корболи). „Папа",—писалъ Бутеневъ канцлеру,—„нисколько не изъявивъ неудовольствія на этотъ намекъ и ни мало не смутясь, съ улыбкою прервалъ меня и замѣтилъ: „Я очень помню объ этомъ по вашимъ конфиденціальнымъ разговорамъ со мною въ Римѣ". Затѣмъ онъ выразилъ искреннее сожалѣніе о печальномъ составѣ польскаго духовенства и говорилъ, что громко порицаетъ тѣхъ изъ его членовъ, которые, забывъ свои обязанности въ отношеніи къ церкви и къ своему государю, вмѣшиваются не только въ разныя политическія интриги, но даже и въ преступные замыслы и попытки, и что онъ всегда готовъ самымъ торжественнымъ образомъ преслѣдовать такихъ лицъ своимъ порицаніемъ. Продолжая рѣчь, папа говорилъ, что питаетъ глубокое довѣріе къ доказаннымъ заботамъ императора Николая о благѣ духовенства и римско-католическихъ подданныхъ, точно также, какъ и къ гражданскимъ доблестямъ и нравственнымъ качествамъ тѣхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры, которыя удостоились чести быть избранными Государемъ; но какъ глава церкви, обремененный личною отвѣтственностію передъ совѣстью и передъ Богомъ, онъ обязанъ изслѣдовать способность и религіозный образъ мыслей пастырей, избираемыхъ для цѣлыхъ епархій, и потому не долженъ избѣгать никакихъ изысканій, чтобы совершенно успокоить свою совѣсть въ этомъ отношеніи. Онъ вполнѣ убѣжденъ, что не смотря на самый тщательный разборъ получаемыхъ святымъ престоломъ свѣдѣній, всегда могутъ встрѣтиться извѣстія ложныя и даже неблагонамѣренныя; но именно забота о томъ, чтобъ отдѣлить истину отъ лжи и даже клеветы, затягиваетъ иногда на долгое время

окончаніе этихъ дѣлъ. Поэтому-то Римскій престолъ и выражалъ постоянно желаніе имѣть при Русскомъ дворѣ своего уполномоченнаго, „который подъ глазами, такъ-сказать, самого правительства могъ бы для насъ (то-есть, для Рима) служить источникомъ вѣрныхъ свѣдѣній“. Не входя въ разсужденіе о нунціѣ, нашъ посланникъ выразилъ увѣренность, что свѣдѣнія о Буткевичѣ, доставляемыя нашимъ правительствомъ, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе тѣхъ, которыя были сообщены папскому престолу врагами аббата.

Чтобы сколько-нибудь оправдать свое нежеланіе утвердить Буткевича, папа поручилъ кардиналу Антонелли сообщить нашему посланнику побуждающія его къ тому причины. Онѣ состояли въ томъ, что Буткевичъ будто бы по случаю похоронъ генерала Катовскаго произнесъ предосудительную въ религіозномъ отношеніи проповѣдь, и управляя Варшавскою духовною академіей, изгналъ изъ нея всѣхъ профессоровъ, преданныхъ папскому престолу. Въ отвѣтъ на эти обвиненія наше правительство отправило Бутеневу какъ подлинную проповѣдь Буткевича, не находя въ ней ничего предосудительнаго для латинской церкви и полагая, что папѣ была сообщена подложная, такъ и подробныя свѣдѣнія объ уволенныхъ изъ Варшавской академіи профессорахъ съ 15-го октября 1842 года, когда Буткевичъ былъ опредѣленъ туда ректоромъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что одинъ изъ профессоровъ оставилъ академію, получивъ высшее назначеніе, а трое остальныхъ—по собственному желанію, вслѣдствіе своей старости. Когда нашъ посланникъ передалъ эти бумаги кардиналу Антонелли, то онъ, познакомившись съ ними, отвѣчалъ, что онѣ рѣшительно отстраняютъ тѣ обвиненія, которыя были возведены на Буткевича, и что поэтому онъ, съ своей стороны, полагаетъ, что теперь папа его утвердитъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ кардиналъ прибавилъ, что это дѣло все-таки должно замедлиться, потому что, вѣроятно, потребуются новыя изысканія въ Римскихъ архивахъ.

Дѣйствительно, прошелъ слишкомъ мѣсяцъ, прежде чѣмъ получены были изъ Рима требуемыя свѣдѣнія. Узнавъ о томъ, нашъ посланникъ отправился въ Гаету и снова принялся за хлопоты. Вся курія противодѣйствовала ему, какъ увѣдомлялъ онъ въ послѣдствіи канцлера; только кардиналъ Антонелли держалъ его сторону, и наконецъ чтобы побѣдить упорство папскихъ совѣтниковъ, посовѣтовалъ ему просить личнаго свиданія съ папой. „Эта аудіенція“, писалъ Бутеневъ, „состоялась въ послѣднихъ числахъ ноября и продолжалась болѣе часа. Пріемъ былъ любезнѣе, нежели когда-либо. Послѣ разговора о нѣсколь-

вихъ общихъ предметахъ, папа самъ началъ говорить о Бутневичѣ. Я не могъ сомнѣваться, что онъ былъ уже приготовленъ къ этому совѣщанію, потому что замѣтилъ на его письменномъ столѣ, подлѣ котораго его святѣйшество предложилъ мнѣ сѣсть, портфель, наполненный бумагами, которыя онъ просматривалъ по мѣрѣ того, какъ бесѣдовалъ со мною. Папа сказалъ мнѣ, что съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ читалъ сообщенныя мною бумаги, заключающія въ себѣ новыя свѣдѣнія о Бутневичѣ, которыя представлялъ ему кардиналъ Антонелли, вмѣстѣ со всѣми моими объясненіями, словесно ему выраженными. Сообщеніе императорскимъ дворомъ этихъ свѣдѣній и объясненій, равно какъ и важныхъ соображеній, которыми руководилось русское правительство, настаивая на утвержденіи Бутневича, и которыя я высказалъ при личныхъ свиданіяхъ съ папою въ Гаетѣ, онъ считаетъ новымъ доказательствомъ благосклонныхъ и честныхъ намѣреній Государя Императора. При такихъ условіяхъ, онъ желалъ дать понять, до какой степени ему прискорбно находиться въ такомъ положеніи, что самое горячее его желаніе исполнить постоянныя настоянія останавливается требованіями его совѣсти и великою отвѣтственностію, которая тяготѣетъ надъ нимъ, какъ надъ главою католичества, въ сей и будущей жизни, всякій разъ, когда дѣло идетъ объ утвержденіи епископа. Если чувства и образъ мыслей представляемаго кандидата съ точки зрѣнія римско-католическаго исповѣданія возбуждаютъ сомнѣнія, то какъ же можетъ онъ, какъ папа, вдругъ постановить рѣшеніе, за которое отвѣтственность исключительно и непосредственно падаетъ на него? „Если сказать правду", продолжалъ папа, „то открыто заявленныя противъ Бутневича обвиненія за произнесенную имъ рѣчь и за увольненіе нѣкоторыхъ профессоровъ Варшавской академіи, по недостаточности свѣдѣній единственно бывшія *у меня тогда* подъ рукою, въ настоящее время совершенно устраняются тѣми объясненіями и документами, которые вы сообщили. Но нѣкоторыя воспоминанія и нравственныя предубѣжденія, въ отношеніи къ его религіознымъ чувствамъ и мнѣніямъ, которыя у меня и *тогда* были, и о которыхъ я могъ упомянуть только мимоходомъ, съ тѣхъ поръ увеличились и подтвердились документами, давно уже хранившимися въ Римскихъ архивахъ".

„Перелистывая потомъ бумаги, которыя лежали на столѣ, папа громко прочитывалъ нѣкоторыя мѣста, даже относившіяся до проповѣди и смѣщенія нѣкоторыхъ профессоровъ академіи, прибавляя, что эти обвиненія не могутъ уже имѣть никакого значенія, точно такъ же,

какъ и еще нѣкоторыя, въ коихъ порицалось поведенія аббата Буткевича, введенное имъ измѣненіе въ присягѣ профессоровъ изъ духовныхъ въ Варшавской академіи, и нѣкоторыя другія. Его святѣйшество не останавливался на этихъ обвиненіяхъ, какъ неопредѣленныхъ и недостаточно доказанныхъ, такъ что на нихъ нельзя основать заключеніе. Наконецъ, онъ остановился на одной бумагѣ, которая, кажется, и служила главнымъ основаніемъ для сомнѣній его совѣсти. Взявъ эту бумагу въ руки и пробѣгая ее глазами, папа съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ объявить мнѣ источникъ, изъ котораго истекаютъ эти свѣдѣнія, и кто подписалъ эту бумагу, потому что эти извѣстія сообщены римскимъ католикомъ ему, какъ главѣ церкви, какъ-бы подъ тайной исповѣди; но что онъ можетъ дать мнѣ торжественное увѣреніе, что они идутъ не отъ польской эмиграціи, а отъ человѣка, достойнаго довѣрія во всѣхъ отношеніяхъ — и по своему характеру, и по своему положенію. Потомъ его святѣйшество прочелъ мнѣ нѣсколько мѣстъ на италіанскомъ языкѣ, въ которыхъ шла рѣчь именно о чувствахъ и взглядахъ аббата Буткевича, которые прямо считались несогласными съ канонами и догматами римской церкви. Аббатъ будто бы даже не скрывалъ своихъ мнѣній и заявлялъ необходимость измѣнить нѣкоторыя ученія церкви; однимъ словомъ, его репутація-де въ этомъ отношеніи такъ двусмысленна, что многіе римскіе католики, истинно преданные своей церкви и близко его знающіе, увѣрены, что если когда-нибудь аббатъ Буткевичъ сдѣлается епископомъ, то можно опасаться, что онъ заставитъ Римскую церковь испытать такое же несчастіе, какое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заставилъ ее оплакивать епископъ Сѣмашко. Въ концѣ этой бумаги было приписано нѣсколько строкъ по латыни, которыя, по плохому знанію этого языка, я не могу изложить подробно, но кажется, я понялъ слѣдующій общій ихъ смыслъ: что опасность для римской церкви отъ возведенія Буткевича въ санъ епископа усиливается еще болѣе тѣмъ, что онъ будетъ стараться достигнуть постоянной цѣли своихъ стремленій — сдѣлаться Варшавскимъ архіепископомъ, и въ этомъ случаѣ онъ будетъ пользоваться всякими средствами.

„Прочитавъ эту бумагу, папа, послѣ непродолжительнаго молчанія, сказалъ: „Я очень хорошо понимаю, что вы посмотрите на эти извѣстія съ совершенно иной точки зрѣнія, нежели я смотрю на нихъ; я сообщилъ ихъ вамъ въ доказательство моего особаго къ вамъ довѣрія и не съ тѣмъ, чтобы возбуждать вопросъ о совершившемся уже

дѣлахъ (то-есть, о присоединеніи уніатовъ), а единственно съ тою цѣлію, чтобъ убѣдить васъ, какъ глубоко должны волновать мою совѣсть такія подозрѣнія о чувствахъ и образѣ мыслей кандидата, предложеннаго занять епископскую каѳедру, и какъ могутъ они побуждать меня къ отклонію этого выбора. Мнѣ было непріятно хотя бы косвеннымъ путемъ затронуть такой щекотливый вопросъ, въ настоящее время уже совершенно оконченный; но я желалъ, чтобъ были поняты дѣйствительныя причины, которыя заставляютъ меня отклонить выборъ аббата Буткевича". Затѣмъ, поручая мнѣ довести объ этихъ причинахъ до свѣдѣнія императорскаго правительства, папа продолжалъ: „Въ настоящее время, когда съ одной стороны, собственное мое положеніе и положеніе святаго престола, а съ другой — положеніе императора Николая, какъ единственнаго защитника, понуждаютъ меня къ тому, я скорѣе всего долженъ былъ бы обойдти всѣ препятствія и исполнить съ искреннею готовностію всѣ желанія Государя, который одинъ показалъ себя постояннымъ и славнымъ защитникомъ общественнаго порядка въ Европѣ, опорою законной власти и религіи, повсюду преслѣдуемыхъ бичемъ революціи. Ни въ какое другое время я не желалъ бы съ большею горячностію исполнить желанія Императора, какъ именно теперь въ видахъ моихъ собственныхъ выгодъ, когда надежда на возстановленіе и поддержаніе законнаго порядка въ Папской области, какъ и повсюду, опирается исключительно на его могущественное и благодѣтельное вліяніе, доказанное уже на дѣлѣ. Только долгъ совѣсти, превышающій всѣ временныя требованія, могъ поставить меня въ прискорбную необходимость поступить несогласно съ желаніемъ Императора. Вотъ чувства и начала, которыми, вмѣстѣ съ безусловнымъ довѣріемъ къ волѣ Провидѣнія, я руководствовался въ этомъ случаѣ. Я прошу васъ объяснить ихъ Императору; пусть Его Величество судитъ о нихъ по свойственнымъ ему справедливости и великодушію".

Эта аудіенція произвела сильное впечатлѣніе на нашего посланника. „Если мнѣ позволено будетъ выразить мое мнѣніе",—писалъ онъ къ графу Нессельроду,—„мнѣніе, основанное на достаточномъ знакомствѣ съ правилами, которыми постоянно руководствуется Римское правительство, и съ неизмѣннымъ образомъ его дѣйствій, то я полагаю, что такой довѣренности, доведенной до такихъ крайнихъ предѣловъ, не оказывали папы никому, даже въ своихъ отношеніяхъ къ государямъ латинскаго исповѣданія. Такая довѣренность, какую обнаружилъ въ отношеніи къ намъ Пій IX, добровольно заявивъ содержаніе самыхъ сокровенныхъ сообщеній, которыя святой престолъ

всегда хранить въ непроницаемой тайнѣ, превосходитъ всякія ожиданія". Г. Бутеневъ полагалъ, что выраженныя папою причины отказа утвердить аббата Бутковича въ епископскомъ санѣ суть именно тѣ самыя, которыя вынудили Пія IX къ такому поступку въ отношеніи къ русскому правительству. Конечно, нѣтъ никакого повода не довѣрять, „особенно откровеннымъ", какъ выражался нашъ посланникъ, заявленіямъ папы. Папа могъ съ недоумѣніемъ остановиться предъ угрожавшею возможностію такого явленія, что вѣрная ему церковь польская отторгнется отъ его престола по желанію одного изъ епископовъ, или можетъ-быть, даже будущаго архіепископа Варшавскаго. Но это показывало бы однако же, какъ мало вѣрилъ папа во внутреннюю силу самого латинскаго исповѣданія, если опасался, что цѣлый народъ можетъ быть отторгнутъ отъ своей церкви интригой одного человѣка, хотя бы онъ и былъ облеченъ важнымъ церковнымъ саномъ. Указаніе на Іосифа Сѣмашко, очевидно, не шло къ дѣлу и было выставлено только для того, чтобы придать ему важность. Римъ очень хорошо зналъ исторію и значеніе уніи и понималъ, что даже уніатовъ возвратить въ лоно православія не могъ бы одинъ епископъ, еслибъ онъ не былъ двигателемъ и исполнителемъ общаго желанія, если бы его не поддерживали бо́льшая часть высшей іерархіи, все почти безъ исключенія бѣлое уніатское духовенство и весь народъ, то-есть, вся уніатская паства.

Если же Пій IX опасался подобнаго явленія въ Польшѣ и считалъ его возможнымъ, предполагая, что въ этомъ случаѣ русское правительство предоставитъ въ помощь латинскому епископу всѣ свои нравственныя и внѣшнія силы, то это, лестное впрочемъ, понятіе о всемогуществѣ нашего правительства доказывало бы однако же, что папа питаетъ глубокое къ нему недовѣріе. Послѣ того какое же значеніе имѣли бы какъ увѣренія нашего посланника, что между обоими дворами водворилось взаимное довѣріе, такъ и слова самого папы, сказанныя въ послѣдней аудіенціи? Пій IX совершенно вѣрно замѣтилъ, что нашъ посланникъ, какъ представитель русскаго правительства, долженъ былъ совершенно *съ иной точки зрѣнія* посмотрѣть на тѣ извѣстія, которыя такъ смутили совѣсть Пія IX, что заставили его отказать въ епископскомъ санѣ достойному прелату. Но это ожиданіе папы было напрасно. Нѣкоторые изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ новаго времени часто отличались особеннымъ свойствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они получали назначеніе при какомъ-нибудь европейскомъ государѣ, они становились не столько представителями Россіи въ этомъ

государствѣ, сколько подчинялись интересамъ того государя, при которомъ были аккредитованы. Они чувствовали его чувствами, смотрѣли на вещи глазами его кабинета и дѣлались ходатаями по его дѣламъ передъ своимъ правительствомъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. „Главный поводъ къ отказу въ утвержденіи Вуткевича въ епископскомъ санѣ“, — писалъ нашъ посланникъ, — „указанный въ этой аудіенціи папою, и который я нахожу вѣроятнымъ, таковъ по своей сущности, что я не позволилъ себѣ сдѣлать изъ него предметъ спора въ непосредственномъ разговорѣ съ самимъ верховнымъ первосвященникомъ. Впрочемъ, онъ самъ показалъ особенную заботливость и осторожность, чтобъ отклонить всякую мысль о спорѣ по главному вопросу (то-есть, объ обращеніи уніатовъ), причисливъ его къ числу уже совершившихся событій. Соображенія, въ которыхъ папа выразилъ свой политическій взглядъ на значеніе нашего Августѣйшаго Государя, были такъ опредѣленны и основательны, что нельзя было не замѣтить въ нихъ искренности и довѣрія“.

Быть можетъ дѣйствительно, въ этой аудіенціи, и вообще въ разговорѣ съ самимъ папою, можно было и не выражать взгляда на полученныя имъ извѣстія о Вуткевичѣ съ точки зрѣнія русскаго правительства; но едва-ли не слѣдовало заявить это папскому кабинету. Наше правительство постоянно указывало Римскому, что о всѣхъ его дѣйствіяхъ въ отношеніи къ латинской церкви оно почерпаетъ свѣдѣнія изъ источниковъ подозрительныхъ и не стоющихъ довѣрія. Пій IX, ожидая этого замѣчанія, старался увѣрить нашего посланника, что заявленныя имъ свѣдѣнія о Вуткевичѣ получены не отъ польскихъ эмигрантовъ, а отъ лица, заслуживающаго довѣрія. Нашъ посланникъ также указалъ, каковы были свѣдѣнія, которыми руководствовался Римъ по дѣламъ о Мечиславской, о миссіонерѣ Виллимѣ и т. п. При такихъ обстоятельствахъ, кажется, естественно было возбудить вопросъ: вѣрны ли тѣ свѣдѣнія, которымъ папа придавалъ такое важное значеніе? Нѣтъ причины подозрѣвать увѣреніе папы, что эти свѣдѣнія были получены имъ не отъ польскихъ эмигрантовъ. По самому своему свойству эти свѣдѣнія могли быть доставлены лицомъ, которое, по понятіямъ Рима, было достойно довѣрія, но тѣмъ не менѣе сообщало извѣстія преувеличенныя и ложныя. Они могли быть доставлены робкимъ фанатикомъ-ультрамонтаномъ, проникнутымъ крайними іезуитскими воззрѣніями, которыхъ, очень можетъ-быть, и не раздѣлялъ аббатъ Вуткевичъ вмѣстѣ со многими достойными латинскими прелатами римско-католической Европы, но которымъ, дѣйствительно, покровительствовали папы.

Съ этой точки зрѣнія наше верховное правительство и посмотрѣло на эти свѣдѣнія. По предложенію фельдмаршала князя Паскевича, императоръ Николай разрѣшилъ самому аббату Буткевичу отправиться въ Римъ, чтобы личнымъ свиданіемъ съ папой и Римскими прелатами разсѣять тѣ странныя подозрѣнія, которыя были внушены ложными доносами его недоброжелателей. Очевидно, что наше правительство не придавало имъ значенія и въ то же время было увѣрено въ добросовѣстности римскаго правительства, если рѣшилось на поступокъ, который, въ случаѣ неуспѣха, могъ имѣть весьма вредныя послѣдствія. Если бы и послѣ этой попытки папа не утвердилъ епископомъ Буткевича, то всѣ его враги, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и врагами нашего правительства, торжествовали бы побѣду надъ нимъ. Вліяніе правительства на дѣла латинской церкви было бы значительно поколеблено, и опасеніе, что папскій дворъ питаетъ довѣріе къ русскому правительству, исчезло бы совершенно.

Въ февралѣ 1850 года наше правительство увѣдомило нашего посланника о пріѣздѣ Буткевича; но вѣсть о томъ, посредствомъ тайныхъ сношеній, была уже сообщена папскому двору, и кардиналъ Антонелли, узнавъ о томъ отъ папы, допытывался о пріѣздѣ Буткевича у нашего уполномоченнаго Скарятина, управлявшаго посольствомъ во время отсутствія Бутенева, который ѣздилъ на нѣкоторое время во Флоренцію. Скарятинъ отвѣчалъ, что ничего о томъ не знаетъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ аббатъ Буткевичъ пріѣхалъ въ Римъ. Когда нашъ посланникъ объявилъ о томъ кардиналу Антонелли, послѣдній нѣсколько смутился и выразилъ опасеніе, чтобы пріѣздъ аббата не послужилъ поводомъ къ собиранію новыхъ свѣдѣній и не затруднилъ еще болѣе дѣла объ утвержденіи его въ епископскомъ санѣ. „Но когда", писалъ нашъ посланникъ, „я объяснилъ ему причину и цѣль его пріѣзда, то казалось, онъ успокоился. При этомъ я счелъ нужнымъ выразить ему вполнѣ мой взглядъ на дѣло и сказалъ ему: Если Государь Императоръ благоволилъ дать Буткевичу позволеніе пріѣхать для того, чтобы лично разсѣять всѣ взведенныя на него предъ святымъ престоломъ клеветы, я позволяю себѣ думать, что папа, успокоившись на его счетъ, безъ всякихъ настояній, самъ утвердитъ наконецъ въ епископскомъ санѣ кандидата, относительно котораго наше правительство поручило посольству употребить всѣ старанія".

Кардиналъ отвѣчалъ, что ему чрезвычайно хотѣлось бы устранить всѣ препятствія и исполнить желаніе Русскаго императора, но что онъ не можетъ прямо обѣщать этого. По его мнѣнію, пока Буткевичъ

находится въ Римѣ, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ настояній передъ папою, но предоставить дѣло его естественному ходу, чтобы сомнѣнія папы мало по малу разсѣялись сами собою.

Бутеневъ выразилъ согласіе на такой способъ дѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что императору Николаю было бы непріятно, если бы пребываніе Буткевича въ Римѣ продолжалось слишкомъ долго.

Обѣщаясь употребить все свое вліяніе, чтобы дѣло Буткевича окончилось согласно желаніямъ русскаго правительства, кардиналъ, въ заключеніе разговора съ Бутеневымъ, высказалъ тайную мысль папскаго двора: „Но если бы даже“, замѣтилъ онъ, „сомнѣнія папы и разсѣялись въ этомъ случаѣ, то все-таки онъ будетъ постоянно находиться въ сомнѣніи относительно каждаго вновь представляемаго кандидата, по неимѣнію точныхъ о немъ свѣдѣній. Такія свѣдѣнія могла бы сообщать папѣ лишь постоянная его нунціатура въ Петербургѣ, когда Русское правительство изъявитъ согласіе на ея учрежденіе“.

Продержавъ Буткевича около года въ Римѣ, подвергнувъ его всевозможнымъ испытаніямъ въ личныхъ свиданіяхъ и съ самимъ папой и съ нарочно назначенными для того римскими прелатами, Пій IX все-таки не утвердилъ его епископомъ. Онъ объявилъ ему, что находитъ его безукоризненнымъ священникомъ, хорошимъ римскимъ католикомъ, но не утверждаетъ потому, что это произвело бы дурное впечатлѣніе на многихъ ревностныхъ латинянъ царства Польскаго [1]).

Съ тою же непреклонностію, съ какою Пій IX отстранилъ утвержденіе аббата Буткевича, не смотря на усиленныя настоянія русскаго правительства и даже на ходатайство нѣкоторыхъ изъ членовъ Римской куріи, онъ настоялъ на утвержденіи аббата Кана, вопреки противодѣйствію конгрегаціи церковныхъ дѣлъ и священной коллегіи кардиналовъ.

Учрежденіе въ Русской имперіи новой седьмой латинской епархіи, безъ сомнѣнія, составляло для папскаго престола желанное дѣло. Но епархія до тѣхъ поръ не могла быть открыта, пока не будетъ назначенъ епископъ. Поэтому Римскій дворъ съ радостію принялъ предложеннаго нашимъ правительствомъ кандидата на эту каѳедру. Но при производствѣ каноническаго процесса объ утвержденіи аббата Кана Херсонскимъ епископомъ, въ числѣ документовъ, необходимыхъ по каноническимъ правиламъ въ этомъ случаѣ, у него не оказалось

[1]) Депеши граѳа Нессельрода отъ 7-го ѳевраля 1848 года, 31-го мая и 29-го августа 1849 года, депеша Бутенева отъ 12/24-го іюля, 30-го ноября / 12-го декабря, 18/30-го октября 1849 года, и отъ 18/30-го августа и 2/14-го сентября 1850 года.

самаго важнаго, именно метрическаго свидѣтельства о крещеніи; онъ былъ пропущенъ въ метрикахъ. Хотя это свидѣтельство и было замѣнено другимъ документомъ, удостовѣрявшимъ, что онъ дѣйствительно былъ крещенъ, но въ канонахъ латинской церкви не находилось правила о томъ, что метрическое свидѣтельство можетъ быть замѣняемо какимъ-либо другимъ документомъ. Поэтому конгрегація церковныхъ дѣлъ, послѣ долгихъ совѣщаній съ извѣстными канонистами, пришла къ тому заключенію, что аббата Кана слѣдуетъ считать некрещенымъ. Какъ некрещеный, самъ онъ не можетъ поставлять священниковъ и давать имъ право крестить; слѣдовательно, не можетъ и быть утвержденъ епископомъ.

Кардиналъ Антонелли съ большимъ смущеніемъ объявилъ нашему посланнику объ этомъ обстоятельствѣ, присовокупивъ къ тому однако же, что папа приказалъ собрать коллегію кардиналовъ и поручилъ ей найдти способъ для устраненія этого препятствія. Коллегія пришла къ такому же заключенію, какъ и конгрегація. Пій IX предписалъ ей собраться вновь, обсудить предложенный вопросъ вторично и отыскать въ Римскихъ архивахъ, не бывало ли и прежде подобныхъ примѣровъ. Въ архивахъ не было отыскано подобныхъ примѣровъ; коллегія собиралась много разъ и приходила все къ одному и тому же заключенію. Единственный способъ выйдти изъ этого затрудненія, по ея мнѣнію, могъ заключаться въ полновластіи папы, въ отношеніи какъ догмы, такъ и церковной дисциплины. Святой отецъ могъ повелѣть аббату Кану вновь подвергнуть себя крещенію, поручивъ притомъ какому-либо изъ епископовъ совершить надъ нимъ крещеніе, но конечно, подъ величайшею тайною. Перекрестившій вновь аббата Кана епископъ составилъ бы метрическое свидѣтельство, по доставленіи котораго папскому правительству можно было бы уже безпрепятственно утвердить аббата въ санѣ епископа. Пій IX одобрилъ предложеніе коллегіи кардиналовъ. Суффрагану Головинскому тайно было поручено перекрестить аббата Кана. Головинскій исполнилъ порученіе папы; Канъ согласился подвергнуться новому крещенію; и лишь только Римскій дворъ получилъ метрическое свидѣтельство о крещеніи аббата Кана, онъ былъ немедленно утвержденъ епископомъ [1]).

---

[1]) Депеша Бутенева изъ Неаполя отъ 30-го ноября / 12-го декабря 1849 года; депеша графа Нессельрода къ Бутеневу отъ 8-го марта 1850 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

DATE DUE			

